З. Шейнис

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ ЛИТВИНОВ:

РЕВОЛЮЦИОНЕР, ДИПЛОМАТ, ЧЕЛОВЕК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена жизни и деятельности М. М. Литвинова, члена партии с 1898 года, агента «Искры», соратника В. И. Ленина, видного советского дипломата и государственного деятеля. Она является итогом многолетних исследований автора, его работы в советских и зарубежных архивах. В книге приводятся ранее не публиковавшиеся документы, записи бесед автора с советскими дипломатами и партийными деятелями: А. И. Микояном, В. М. Молотовым, И. М. Майским, С. И. Араловым, секретарем В. И. Ленина Л. А. Фотиевой и другими.

- Зиновий Шейнис
  - Предисловие
  - Необходимое вступление
  - Часть первая
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Часть вторая
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

Зиновий Шейнис
Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек

Предисловие
Дипломат ленинской школы

Максим Максимович Литвинов, деятельности которого посвящена эта книга, принадлежал к плеяде дипломатов ленинской школы, сыгравшей большую роль в истории Советского Союза. В эту плеяду входили такие выдающиеся государственные деятели и дипломаты, как Г. В. Чичерин, Л. Б. Красин, В. В. Боровский, Л. М. Карахан, А. М. Коллонтай и другие.

Но два имени следует выделить особо: Георгий Васильевич Чичерин и Максим Максимович Литвинов. Это объясняется, в частности, тем, что оба дипломата стояли у руля советской внешней политики в очень сложные и ответственные периоды строительства Советского государства. Г. В. Чичерин был народным комиссаром иностранных дел в первый период существования Советской страны, в годы ее самоутверждения. М. М. Литвинов был поставлен партией на пост народного комиссара иностранных дел в годы выхода Советской страны на мировую арену, когда без СССР уже не мог решаться ни один серьезный вопрос мировой политики. Оба они с первых месяцев существования Советского государства создавали советскую дипломатическую службу. М. М. Литвинов много лет являлся первым заместителем народного комиссара иностранных дел, а с 1928 года в связи с тяжелой болезнью Г. В. Чичерина фактически возглавлял комиссариат.

Впервые я встретился и близко соприкоснулся с Чичериным и Литвиновым в середине 20-х годов, когда я был поставлен нашей партией на пост народного комиссара внутренней и внешней торговли. Я уже тогда входил в состав Политбюро ЦК ВКП(б), и мне приходилось участвовать в заседаниях, на которых обсуждались вопросы внешней политики. Чичерин и Литвинов часто докладывали на Политбюро, выносили на обсуждение важнейшие вопросы советской дипломатии. Иногда они выступали с разными точками зрения, разными предложениями. Но всегда чувствовалось, что их предложения – не экспромт, они продиктованы не поспешностью, а глубоко и всесторонне продуманы. Чичерин и Литвинов пользовались в Политбюро большим уважением благодаря их принципиальности, большой эрудиции, фундаментальным подходам к проблемам. Споры Чичерина и Литвинова на заседаниях Политбюро, их тонкий подход к вопросу, глубокие знания, умение всесторонне проанализировать проблему заставляли думать, а мне помогали

разобраться в сложнейших вопросах мировой политики. Да это и понятно, ведь этих деятелей нашей партии В. И. Ленин подготовил к дипломатической службе еще в дооктябрьский период. Стоит хотя бы вспомнить тот факт, что Ленин задолго до Октябрьской революции выдвинул Литвинова на пост представителя ЦК РСДРП в Международном социалистическом бюро, где тому приходилось сталкиваться с такими людьми, как Карл Каутский. Эмиль Вандервельде, Камил Гюисманс, и другими лидерами II Интернационала. Там, в горниле борьбы, и вырабатывались те качества большевиков, которые очень пригодились, когда они стали у руля дипломатии социалистического государства и пришлось вести бои на международной арене.

В данной книге отражены два этапа деятельности М. М. Литвинова: дооктябрьский – он охватывает период борьбы с царизмом и дипломатический – в годы Советской власти. Ценность книги заключается, в частности, в том, что она впервые показывает Литвинова как партийного деятеля, его роль в дооктябрьский период, когда он под руководством Ленина вел огромную работу в подполье и в эмиграции. Об этом никогда не писалось и не говорилось. Через биографию Литвинова, его деяния, переписку с В. И. Лениным, Н. К. Крупской, Л. Б. Красиным мы узнаем новые факты истории нашей партии, которые нельзя найти в учебниках и других изданиях. Автор, обозревая жизнь Литвинова, освещает многие стороны деятельности партии. И в этом тоже значение его работы.

Партийная деятельность М. М. Литвинова была широкой и разносторонней. Максим Максимович Литвинов входил в то ядро большевистской партии, которое составили знаменитые агенты «Искры», убежденные марксисты, имевшие за своими плечами опыт нелегальной работы, крепкие духом профессионалы-революционеры. М. М. Литвинов из той плеяды ленинцев, которая вынесла на своих плечах основную тяжесть борьбы. Опираясь на эти закаленные кадры, Ленин уверенно вел партию по революционному пути.

Читатель найдет в книге разносторонний материал о революционной деятельности Литвинова с 1898 до 1917 года. При этом книга опирается на многочисленные архивные документы и материалы.

В первой части книги привлекают внимание страницы, посвященные переписке Литвинова с искровцами и представителями «Искры» в России и за рубежом, переписка с Н. К. Крупской, Л. Б. Красиным и другими деятелями ленинской партии. Но особенно хочется отметить страницы, на которых

приведена обширная переписка М. М. Литвинова с Владимиром Ильичем Лениным в период с 1905 по 1916 год. Большой политический интерес представляют письма Максима Максимовича Владимиру Ильичу, которые читатель найдет в главе «Лондонские годы». Литвинов был тогда представителем большевиков в Международном социалистическом бюро. Письма эти проливают дополнительный свет на борьбу Ленина, борьбу нашей партии против соглашателей из II Интернационала, против социал-шовинистов всех мастей. Но эти письма по-новому освещают и сам облик Литвинова, его последовательный большевизм, показывают, каким доверием он пользовался в партии и у В. И. Ленина. В самые трудные годы борьбы нашей партии против шатаний и разброда Литвинов входил в Бюро комитетов большинства – практического центра ЦК в России. Владимир Ильич писал в одном из своих писем Литвинову: «Дорогой друг! Спешу ответить на Ваше письмо, которое мне очень и очень понравилось. Вы тысячу раз правы, что надо действовать решительно, революционно и ковать железо, пока горячо… Наконец, Вы тысячу раз правы также, что надо действовать открыто…»

Читатель найдет в книге много страниц, показывающих жизнь М. М. Литвинова в подполье и эмиграции – в Берлине, Париже, Лондоне, роль М. М. Литвинова в создании в 1905 году первой большевистской легальной газеты «Новая жизнь», в подготовке съездов и конференций партии. И здесь автор опирается на новые для читателя документы и материалы.

* * *

Естественно, что большая часть книги посвящена дипломатической деятельности М. М. Литвинова. Это вполне оправдано. Треть столетия Максим Максимович трудился на ниве дипломатической, отдал борьбе за становление и укрепление советской дипломатии, выход Советского государства на международную арену, за укрепление его авторитета во всем мире. Именно эта деятельность народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова получила самое широкое признание в нашей стране и далеко за ее рубежами.

Важно также и то, что эта деятельность М. М. Литвинова показана не изолированно от деятельности других советских дипломатов, а в тесном общении с ними. И что особенно важно, автор широко показывает организующую и направляющую роль В. И. Ленина, руководившего советской дипломатией в первые годы

Советской власти, роль ЦК нашей партии в области внешней политики Советского государства. Здесь особое внимание привлекают впервые публикуемые письма М. М. Литвинова в Политбюро, В. И. Ленину в связи с Генуэзской конференцией, письма и записки Литвинова Владимиру Ильичу за 1919–1922 годы и отношение Ленина к этим письмам.

Известно, что дипломатическая деятельность М. М. Литвинова началась сразу же после Октябрьской революции, когда он был назначен первым послом РСФСР в Лондоне.

Автор определяет несколько этапов дипломатической деятельности М. М. Литвинова. Первый период длился с 1917 по 1922 год. В это время Литвинов выполняет ряд важнейших поручений В. И. Ленина и ЦК за рубежами нашей страны: поездка в Стокгольм, откуда Литвинов по поручению Владимира Ильича обратился к Европе и Америке с мирными предложениями. Затем следует поездка в Копенгаген, где Литвинов в качестве уполномоченного СНК проводит обмен военнопленными с Англией и другими странами и выполняет ряд сложных заданий. Деятельность Литвинова на посту полпреда и торгпреда РСФСР в Таллине и вторая поездка в Стокгольм в качестве главы экономической делегации завершают этот период.

Второй период охватывает деятельность М. М. Литвинова на Генуэзской конференции, где он был заместителем председателя советской правительственной делегации, и на международной конференции в Гааге, где он возглавлял советскую правительственную делегацию.

Третий период длился с конца 1922 года до 1930 года. В эти годы в качестве первого заместителя Г. В. Чичерина Максим Максимович, в частности, ведет большую плодотворную работу на международных конференциях по разоружению, неизменно возглавляя правительственные делегации СССР.

С момента официального назначения М. М. Литвинова на пост народного комиссара иностранных дел в июле 1930 года и до конца его дипломатической деятельности автор прослеживает последующие основные этапы деятельности М. М. Литвинова. Хочу отметить, главные.

В 1933 году М. М. Литвинов, осуществляя– указания нашего правительства, успешно провел переговоры с президентом США Ф. Рузвельтом, завершившиеся установлением дипломатических отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Это был серьезный успех нашей дипломатии. Мне довелось присутствовать на IV сессии ЦИК СССР, когда Литвинов после возвращения из США докладывал об итогах своей поездки в Америку. Максим Максимович совершенно правильно тогда

отметил, что признание нас Америкой – это было «падение последней позиции, последнего форта в том наступлении на нас капиталистического мира, который принял после Октября форму непризнания и бойкота».

В 1934 году М. М. Литвинов с большим тактом провел всю необходимую работу по вхождению Советского Союза в Лигу наций. Он провел в этой международной организации огромную работу, которая способствовала росту нашего авторитета во всем мире. На европейской арене в Лиге наций М. М. Литвинов доказал превосходство советской дипломатии. В сущности, он опрокинул корифеев буржуазной дипломатии. Лига наций открывала новые просторы перед нашей внешней политикой'. Мы добились равных прав с крупнейшими буржуазными странами, которые незадолго до того вообще не хотели признавать нас.

В этот период без Советского Союза уже нельзя было решать вопросы мировой политики. Европа и мир увидели на международных конференциях дипломата, который совершенно по-новому подошел к решению проблем, дипломата, вооруженного марксистскими идеями, реалистически мыслящего, принципиально непохожего на тех дипломатов, которые действовали на мировой арене ранее. Успех Литвинова был успехом советской дипломатии, успехом нашей партии, нашего государства.

М. М. Литвинов был участником составления многих договоров, соглашений и конвенций, которые укрепили положение Советского Союза на международной арене. В главах, посвященных Лиге наций и деятельности советского дипломата в 30-е годы, подробно рассказывается, в каких условиях эти договоры заключались, сколько таланта и умения надо было проявить, чтобы добиться практического результата. Взять хотя бы договор об определении агрессии, подписанный в 1933 году. На том этапе это была наша серьезная победа. В 1936 году М. М. Литвинов в Монтрё подписал конвенцию, разрушив и разоблачив антисоветские планы Англии и ее партнеров. Многие договоры и соглашения, подписанные М. М. Литвиновым, действуют и сегодня, выгодны и нам, и нашим партнерам.

Большую главу автор посвятил роли М. М. Литвинова в первые годы Великой Отечественной войны. Это вполне оправдано. Литвинов находился тогда на ответственном дипломатическом посту в США. Это было трудное для нашей страны время, когда наш народ напрягал все свои силы в борьбе с гитлеровской Германией и ее сателлитами.

В сентябре 1941 года, еще до прибытия Максима Максимовича в США, мне довелось участвовать в переговорах с

американцами и англичанами по поводу военных поставок. С американской стороны в переговорах принимал участие Аверелл Гарриман, с английской – лорд Бивербрук. Переговоры были трудные, сложные. Американцы тогда далеко не шли, не брали на себя никаких обязательств и, не отказывая в поставках, ограничивались обещаниями.

После прибытия М. М. Литвинова в США дела пошли лучше. Вскоре мы получили миллиард долларов кредита. Это произошло сразу же после нападения японцев на США и вступления Америки в войну. Через полгода удалось добиться распространения на Советский Союз помощи по ленд-лизу – поставок вооружения и товаров. Вопреки сделанному на основании первых, очень трудных месяцев войны прогнозу ряда американских генералов, не веривших в нашу способность выстоять, дела наши на фронтах улучшались. Наша героическая армия, заливая кровью поля отступления, боролась за каждую пядь советской земли. Весь мир, в том числе и США, вскоре убедились в том, что Советский Союз представляет собой великую и могучую силу. Разгром немцев под Москвой зимой 1941 года был первой крупной нашей победой над гитлеровскими захватчиками. Эта победа еще больше подняла авторитет Советского Союза и его армии. Советский Союз получил поставки для нужд войны. И хотя в общей сложности они составили всего четыре процента того, что Красной Армии поставляла отечественная промышленность, эти поставки сыграли существенную роль, особенно в трудное для нашей страны время. Очень важны были поставки американских грузовиков, что позволило ускорить начавшееся затем наступление наших войск.

Успеху переговоров с Америкой способствовала личность Литвинова. Он умел воздействовать на государственных деятелей Америки, на президента Рузвельта, извлечь из своих хороших отношений с государственными деятелями Соединенных Штатов большую пользу для Советского Союза. В этой связи следует отметить, что именно М. М. Литвинов был тем советским дипломатом, который действовал на двух важнейших этапах советско-американских отношений: в 1933 году он немало способствовал установлению с Соединенными Штатами дипломатических отношений, а в 1941–1943 годах много сил отдал для укрепления сотрудничества между СССР и США, ставших союзниками в войне против гитлеровской Германии.

Думаю, что книга о Максиме Максимовиче Литвинове, показывающая его жизненный путь, раскрывающая его интересную, многогранную деятельность, самобытный характер, сложившийся в суровые годы подполья и эмиграции, поможет

советским людям еще лучше познать, как трудна и сложна была борьба нашей партии, как нелегко доставались наши победы и какими были люди, их ковавшие.

А. И. МИКОЯН Москва, 1968 год

Необходимое вступление

Поколение, родившееся в последние годы старого мира, хорошо знало Максима Максимовича Литвинова. Его редко называли по фамилии. Достаточно было сказать «Максим Максимович» – и сразу становилось ясно, о ком идет речь. Как достаточно было сказать «Надежда Константиновна», «Михаил Иванович». «Сергей Миронович». Строители первых пятилеток – шахтеры Донбасса, ленинградские металлисты, колхозники, военные, писатели и ученые, развернув утром газету и найдя там выступление народного комиссара иностранных дел на сессии Верховного Совета СССР, в Лиге наций, на конференции по разоружению, на любом другом форуме, с неизменным интересом читали эти речи – остроумные, блестящие по форме, разящие врагов мира, противников Советского государства. И люди с доброй улыбкой говорили друг другу: «Максим Максимович опять отбрил наших недругов».

Член партии с 1898 года, М. М. Литвинов принадлежал к старой ленинской гвардии. Его деятельность в течение двух дооктябрьских десятилетий была чрезвычайно активной и напряженной. Во имя победы пролетарской революции он не щадил себя, но никогда не придавал этому значения. Об этом знали лишь Ленин и небольшая группа старых большевиков. Литвинов входил в то ядро ленинской гвардии, которое составили знаменитые агенты «Искры», убежденные марксисты, имевшие за своими плечами опыт нелегальной работы, крепкие духом профессионалы-революционеры.

Сразу же после Октября по предложению Ленина Литвинов был выдвинут на руководящую дипломатическую работу, которой он отдал тридцать лет.

Жизни этого человека посвящена моя книга.

О Литвинове явпервые услышал в раннем детстве. Моя мать жила в Белостоке – городе, где родился Литвинов, дружила с его сестрой и бывала у них дома. Ей запомнился образ молодого человека, «ушедшего в революцию».

Потом я заочно познакомился с Литвиновым, читая его блестящие полемические выступления в Лиге наций и на международных конференциях. В 1937 году я впервые увидел и услышал его. Максим Максимович только что возвратился из Женевы, где выступил в Лиге наций. Его пригласили сделать доклад для аппарата ЦК ВКП(б). Пригласили на этот доклад и некоторых московских журналистов-международников, в том числе и меня, тогда еще студента Коммунистического института

журналистики, только что начавшего работать в печати.

Потом я видел Литвинова в 1940 году. Тогда я заведовал международным отделом газеты «Труд». Этому предшествовало мое знакомство с крупными советскими дипломатами, близкими сотрудниками Литвинова. Произошло знакомство при следующих обстоятельствах: в начале 1940 года редакция «Труда» привлекла к работе некоторых бывших полпредов. Так я близко познакомился с Александром Антоновичем Трояновским и Борисом Ефимовичем Штейном, а затем и с другими дипломатами. Это знакомство принесло большую пользу газете и мне, в частности.

Первое время о Литвинове мы не говорили, хотя меня весьма интересовала судьба человека, находившегося в «опале». Когда мы ближе познакомились, «тема Литвинова» стала проскальзывать в наших беседах. Как-то летним вечером после трудного редакционного дня мы с Б. Е. Штейном решили немного пройтись. «Труд» тогда помещался на Кузнецком мосту, и мы отправились вниз к Трубной площади. Борис Ефимович сказал мне: «Проводите меня немного, мне надо на Первую Мещанскую к Рижскому вокзалу».

По дороге Штейн сказал, что идет к Максиму Максимовичу Литвинову. Примерно через час приблизились к дому, в котором тогда жил Литвинов. Мы его увидели издали. Литвинов был не один, за ним следовала охрана…

Вскоре началась война, как и миллионы моих соотечественников, я ушел на фронт, после войны был оставлен в Германии. Работа в газете «Теглихе рундшау», органе советской прессы в Германии, открыла мне дорогу в архивы, в том числе и в архив гитлеровского министерства иностранных дел, фонды богатейшей библиотеки Берлинского университета и т. д. Я нашел там материалы о Литвинове. Предвоенные беседы с бывшими сотрудниками Наркоминдела обогатились новыми материалами, расширили познания о деятельности Литвинова, выкристаллизовали в моем сознании его образ – дипломата и человека.

Но много еще понадобилось сделать, чтобы я мог осуществить давно задуманный план – написать книгу о Литвинове. Не всегда обстановка благоприятствовала замыслу. Но я исподволь накапливал материал. Надо было спешить. Многие из тех, кто работал с Литвиновым, уходили из жизни. Я решил форсировать работу, разыскал дипломатов и партийных деятелей, хорошо знавших Литвинова. О двоих я сказал, теперь назову некоторых других. Я имел ряд бесед с Евгением Александровичем Гнединым, заведующим отделом печати НКИД,

с Иваном Михайловичем Майским, послом СССР в Англии и заместителем народного комиссара иностранных дел, Семеном Максимовичем Мирным, советником НКИД в разных странах и в центральном дипломатическом аппарате, Семеном Ивановичем Араловым, послом СССР в Турции и в других странах, Анастасией Владимировной Петровой, помощником Литвинова в течение многих лет, Бенедиктом Игнатьевичем Козловским, генконсулом СССР в Китае, Юрием Мечиславовичем Козловским, личным референтом Литвинова, Владимиром Николаевичем Барковым, заведующим протокольным отделом НКИД, Николаем Николаевичем Любимовым, участником Генуэзской конференции, экспертом Наркоминдела, Анатолием Филипповичем Миллером, доктором исторических наук, экспертом НКИД, участником многих международных конференций, Владимиром Николаевичем Павловым, правительственным переводчиком, членом коллегии НКИД (МИД). В общей сложности я записал беседы с 96 партийными деятелями и дипломатами.

Не всегда легко было добиться согласия на беседу и далеко не всегда – получить необходимый материал. Мешали тени прошлого. Иногда я приходил к людям, которые встречали меня с недоверием и подозрительностью: «Вы хотите написать о Максиме Максимовиче? Похвально и даже очень полезно, но выйдет ли? Да я и не помню ничего».

Но постепенно налаживалась беседа, и перед моим мысленным взором разворачивалась панорама жизни Литвинова – революционера, дипломата, человека.

Много мне дали беседы с Л. А. Фотиевой – секретарем В. И. Ленина. Лидия Александровна помнила Литвинова с той поры, когда он вернулся из эмиграции, часто бывал на заседаниях Совнаркома. Татьяна Федоровна Людвинская, член КПСС с 1903 года, встречалась с Литвиновым в Швейцарии в годы эмиграции и позже в Москве. Она охотно поделилась со мной своими воспоминаниями и наблюдениями.

Одновременно я изучал зарубежные источники. Многие буржуазные исследователи основательно исказили образ Литвинова, немало издано и грубых фальшивок о советском дипломате, в том числе якобы написанные им так называемые «Заметки для дневника». Как признал бывший сотрудник американской разведки Пол Блэкстон на страницах американского журнала «Уикли ревью», фальшивка эта была сфабрикована провокатором Григорием Беседовским, работавшим в конце 20-х годов в советском полпредстве в Париже. Беседовский переметнулся в белогвардейский лагерь.

Опровергнуть эти материалы не представляло труда.

Фальшивку Беседовского разоблачила сама зарубежная печать, вынужденная отмежеваться от топорно сработанной книжонки перебежчика. Что же касается других вымыслов и домыслов, то о них сказано в ходе моего повествования о жизни и деятельности Литвинова.

Когда работа над книгой подходила к концу, я обратился к А. И. Микояну с просьбой поделиться воспоминаниями о Литвинове. Согласие было дано. Беседы с ним были для меня чрезвычайно важны и полезны. Прочитав всю рукопись, Микоян дал согласие написать предисловие.

Затем я имел беседу с В. М. Молотовым, попросил его высказать мнение о Литвинове как дипломате. Молотов назвал Литвинова одним из крупнейших советских дипломатов. Но это было сказано через двадцать лет после кончины Литвинова.

Мой архив пополнялся, но я продолжал разыскивать свидетелей истории. Ведь не только известные деятели, но и те, кого часто называют «рядовыми», хранят в своей памяти бесценные факты и штрихи нашей эпохи. Таким хранителем истории оказался Николай Яковлевич Клименков, шифровальщик советской делегации на Генуэзской конференции, свидетель важнейших событий.

Готовясь к работе над книгой о жизни и деятельности Литвинова, я пять лет проработал в архивах. Поначалу мне сказали, что в архивах ничего, или почти ничего, нет. Но выяснилось, что материалов там очень много. Во-первых, надо получить к ним доступ, а во-вторых, хорошенько порыться. Я разыскал уникальные документы в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центральном государственном архиве Октябрьской революции, Архиве внешней политики МИД СССР, работал и в других архивах.

В 1964 году я обратился к семье Литвинова с просьбой поделиться воспоминаниями и ознакомить меня с имеющимися у них материалами семейного архива. Поначалу к моей просьбе отнеслись без энтузиазма, ответили, что ничего особенного нет. Но после публикации первых глав будущей книги в журналах я получил теплую, благодарственную телеграмму от вдовы Литвинова и членов его семьи. Контакт был установлен, и началась одна из интереснейших страниц исследовательской работы.

Постепенно, неделя за неделей, из шкафов, ящиков и других укромных местечек извлекались старые газеты, сугубо личные документы, которым не придавалось значения, но для меня они были бесценными. Часто вечерами я подолгу сидел с Айви

Вальтеровной Литвиновой, Татьяной Максимовной и Михаилом Максимовичем, перед глазами всплывали страницы жизни дипломата. Обычно беседы заканчивались моим стереотипным вопросом: «Больше ничего не нашли, все углы обшарили?»

Ответ был неизменный: «Все, больше ничего нет… Да, вот еще одна фотография. Может быть, она представляет интерес…»

Иногда во время чаепитий – они происходили обычно на кухне – меня магнетически притягивала дверца антресоли. Чердаки старых особняков, подвалы купеческих подворий, заброшенные строения всегда таят в себе что-то таинственное. Вот так манила меня и дверца антресоли.

Как-то вечером, когда наша беседа уже подходила к концу, я спросил у Айви Вальтеровны, указав на антресоль:

– А там ничего нет?

Литвинова рассмеялась:

– Конечно, ничего.

– Разрешите я посмотрю сам.

– Смотрите, вы прямо Шерлок Холмс.

Я взобрался на табурет, приоткрыл дверцы, подтянулся на руках и оказался внутри. Там было темно. Я прополз дальше и наткнулся на корзину. Сквозь полумрак я увидел, что она заполнена каким-то старьем. Старье я выбросил и вместе с корзиной спрыгнул на пол. На дне корзины я обнаружил исторические документы в «Личной папке» Литвинова: паспорт секретаря большевистской колонии в Лондоне Максима Литвинова, визитную карточку народного посла Советской России в Англии, единственный уцелевший экземпляр книги, написанной Литвиновым в Лондоне, «Большевистская революция, ее смысл и значение», гранку предисловия, написанного по поручению В. И. Ленина к тексту первой Советской Конституции, которую Литвинов издал в Лондоне в 1918 году, вырезки из английских газет за 1917–1918 годы, среди них сообщение «Таймс» об узнике Брикстонской тюрьмы Максиме Литвинове…

Мои встречи с семьей Максима Максимовича продолжались несколько лет. Мне были переданы документы, среди них письма Максима Максимовича семье, написанные в годы Великой Отечественной войны, когда он находился на посту посла СССР в Соединенных Штатах Америки.

В 1966 году работа над книгой «Максим Максимович Литвинов» была закончена. Редакции центральных журналов проявили большой интерес к книге, начали публиковать главы.

В 1968 году увидели свет еще некоторые главы и фрагменты книги. Потом наступил перерыв, длившийся восемнадцать лет. Лишь в 1986 году дело сдвинулось с мертвой точки. Одна за

другой появились главы в журнале Академии наук «Новая и новейшая история», фрагменты в других органах печати.

После этих публикаций я начал получать письма от старых большевиков, знавших Литвинова. Моей работой интересовались бывшие дипломаты и партийные деятели, звонили люди разных возрастов и профессий.

Как-то вечером мне позвонила женщина, не назвав себя, сказала, что все эти годы следила за публикациями глав книги о Литвинове, давно разыскивает меня и теперь просит прийти к ней.

Я пришел. То, что затем произошло, ввергло меня в изумление. Эта женщина – Вера Александровна Дудовская – сообщила, что ее мать, Рахиль Абрамовна Дудовская-Розенцвейг, в годы первой российской революции была связной большевика Максима Литвинова.

– У меня сохранились письма Максима Максимовича к моей матери, – сказала Вера Александровна.

– Сколько писем? – спросил я.

– Много. Кажется, пятьдесят.

– Где письма?

– Вот они. Берите и используйте в своей книге.

Писем оказалось не 50, а 78. И вот теперь, через восемь десятилетий, они проливают дополнительный свет на события тех лет, дают новые штрихи к портрету 30-летнего Макса Литвинова.

Время сделало свое дело: расшифровка потускневших чернил и полустертых карандашных строк потребовала тщательной работы. О всей переписке я надеюсь рассказать позже. Здесь лишь уточню, что письма позволяют понять «географию» деятельности Литвинова в ту пору.

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС и XXVII съезд партии дали жизнь многим произведениям литературы и искусства, пролежавшим годы в ящиках столов и на полках архивных хранилищ. Страна стала пристально всматриваться в свою историю. Историю революции. Многие имена были извлечены из забвения. Спасительные и благодатные перемены не обошли и рукопись, посвященную жизни и деятельности Максима Максимовича Литвинова. Так эта книга, пройдя долгий путь, увидела свет.

Решением Советского правительства 22 декабря 1987 года на доме № 2/6 по Хоромному тупику, где в небольшой квартире жил народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов, была установлена мемориальная доска.

Максим Максимович Литвинов был деятелем ленинского типа, патриотом Советского государства, глашатаем его внешней

политики и защитником его интересов на всех перекрестках борьбы, которую ему пришлось вести. Он был пламенным антифашистом и интернационалистом. Таким я и попытался его показать, опираясь на документы и факты. Рамки данной книги не дали возможности сказать о нем еще шире и полнее, но верю, что жизнь и время допишут его образ.

З. ШЕЙНИС

Часть первая
ПАПАША

Глава первая
Агент «Искры»

21 августа[1] 1902 года департамент полиции разослал секретный циркуляр «господам губернаторам, градоначальникам, обер-полицмейстерам, начальникам жандармских губернских и железнодорожных полицейских управлений» и на все пограничные пункты Российской империи. Циркуляр предписывал поймать «опаснейших преступников и препроводить их под усиленным конвоем в Сибирь».

Российские жандармы ловили искровцев, бежавших из киевской тюрьмы, так называемого Лукьяновского замка. Совершенный побег был настолько дерзким, что самые опытные по части упрятывания и заковывания в кандалы жандармы, все эти «короли» охранки, попросту онемели от гнева и неожиданности.

Еще бы, двадцать четыре года ни одному политическому не удавалось бежать из киевской тюрьмы. Последний побег произошел в 1878 году, и совершили его Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович и И. В. Бухановский – члены кружков южных бунтарей, пытавшиеся поднять крестьян в Чигиринском уезде.

Список искровцев со всеми приметами был разослан всем охранным отделениям империи. Пятым в списке для немедленного ареста и препровождения в Сибирь значился Макс Баллах, «запасный рядовой из вольноопределяющихся 2 разряда, мещанин г. Белостока, Гродненской губернии, родился 4 июля 1876 года в г. Белостоке, вероисповедания иудейского, воспитывался в г. Белостоке в еврейских хедерах».

Сообщалось, что Макс Баллах привлекался «в качестве обвиняемого при Киевском губернском жандармском управлении к дознанию по делу об обнаруженной в г. Киеве типографии и складах преступных изданий тайного сообщества, именующего себя „Российской социал-демократической рабочей партией“. Полиция разослала приметы Валлаха: „…рыжий шатен, роста 2 аршина 6 вершков, телосложения здорового, волосы на бороде и баках бреет, глаза голубовато-серые, близорукий, носит очки, лицо круглое, цвет кожи смуглый, лоб широкий, нос прямой, голос тенор“.

С того теплого августовского дня 1902 года имя Макса Валлаха на протяжении пятнадцати лет не переставало фигурировать в секретнейших полицейских документах. Розысками его занимались министр внутренних дел Российской

империи, директор департамента полиции, начальник особого отдела департамента полиции, тайные полицейские чины, заведующий заграничной агентурой российской полиции Гартинг и полицейские резиденты в Париже, Вене, Праге, Софии и других столицах Европы. В циркулярах и шифрованных телеграммах он значился в разные годы агентом «Искры», агентом ЦК Российской социал-демократической рабочей партии, «главным водворителем оружия в пределы Российской империи для организации вооруженного восстания», «главой большевистской эмиграции в Лондоне». Полиции были известны его партийные клички – Папаша, Феликс и клички наблюдения – Рыжий, Бритый.

Царские жандармы не знали всех партийных кличек Макса Валлаха. Их было значительно больше. В тесной когорте большевиков, сплотившихся вокруг Ленина, в письмах, которые писались ему с директивами ЦК РСДРП, он назывался по-разному: Папаша, Граф, Ниц, Лувинье, Кузнецов, Латышев, Феликс, Теофилия, Максимович, Гаррисон, Казимир.

В историю Советского государства он вошел под самым прочным своим псевдонимом, ставшим его второй фамилией, – Литвинов.

В революционном движении Литвинов, как и многие его сверстники, начал участвовать в те годы, когда XIX столетие шло к своему закату. Уходил век, видевший восстание декабристов, убийство Пушкина и Лермонтова, бесчисленные волнения крестьян, измордованных крепостниками, первые стачки пролетариев, беспримерный героизм русских солдат под Бородином, Севастополем и Шипкой, век, начавшийся правлением садиста, задушенного в царской опочивальне, и закончившийся Ходынкой – этой кровавой прелюдией к бесславному царствованию последнего из дома Романовых.

Россия была в преддверии великих событий. Народники себя исчерпали. Революционный марксизм овладевал умами рабочих. Характеризуя обстановку в России, Владимир Ильич с гордостью писал в первом номере «Искры»: «…широко разлившаяся борьба русских рабочих за 5–6 последних лет показала, какая масса революционных сил таится в рабочем классе, как самые отчаянные правительственные преследования не уменьшают, а увеличивают число рабочих, рвущихся к социализму, к политическому сознанию и к политической борьбе».

Эта борьба докатилась и до провинциального Белостока. В домах местной разноязыкой интеллигенции читали надрывные стихи Надсона, передавали друг другу маленькие рисованные портретики Софьи Перовской и Андрея Желябова, тайком

ставили любительские спектакли, в которых раздавались робкие монологи против тиранов. Рабочие белостокских текстильных фабрик конфликтовали с хозяевами, требуя прекращения удушающих штрафов и повышения нищенских заработков, выгоняли надсмотрщиков и устраивали «темную» подосланным полицейским провокаторам.

Многочисленное еврейское население, работавшее на фабриках, сделало Белосток опорой мелкобуржуазного Бунда на западе России. И все же революционные социал-демократы в конце прошлого столетия становятся постепенно властителями дум разноплеменного белостокского общества.

Эти идеи проникли и в дом мелкого банковского служащего Валлаха, у которого четыре сына и три дочери.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС среди прочих документов о революционной деятельности Литвинова есть обрывок серой бумаги, на котором не литвиновской рукой написана его биография. Судя по приписке, сделанной сбоку, эта биография была написана для Г. Лелевича[2] – литературного критика и поэта, впоследствии редактора журнала «На посту». Литвинов сделал на этом листке некоторые уточнения и поправки. О первых шагах молодого революционера в биографии сказано: «Образование получил в сред. учеб. заведении. За бытность на военной службе (вольноопределяющимся) изучает соц. экономические вопросы, знакомится с учением Маркса и становится в ряды РСДРП в качестве пропагандиста».

Литвинов недолго работал в социал-демократических кружках Белостока. Он переезжает в местечко Клинцы Черниговской губернии, узнав, что тамошняя фабрика ищет бухгалтера Литвинов и понятия не имеет об этой премудрости А что, если попробовать? В Клинцах раздобывает кое-какие книги по бухгалтерии и решает предложить свои услуги. Его приняли. Так началась деятельность бухгалтера-кассира.

Но в Клинцах есть и более привлекательное для молодого социал-демократа поле деятельности. Он становится пропагандистом. В этом маленьком городке, основанном раскольниками в XVIII веке, несколько крупных для того времени фабрик – суконные, кожевенные, пеньковые. Работы там для пропагандиста поистине непочатый край. Год живет Литвинов в Клинцах. Он организует тайные сходки, чтение запрещенных книг, ведет пропаганду элементарных политических знаний.

В 1899 году Литвинов переезжает в Киев, где его кооптируют в Киевский комитет РСДРП.

Киевский период его жизни был очень непродолжительным –

три года, из них полтора – в тюрьме. По донесениям департамента полиции, канцелярии генерал-губернатора и полицейских агентов можно проследить за каждым его шагом. «Вольноопределяющийся из мещан» – это звание дает ему право жить в городе. Дни бегут быстро. Он все время на заводах, выступает на сходках, принимает деятельнейшее участие в создании тайной типографии, пишет и распространяет листовки против самодержавия. В делах департамента полиции среди сотен справок о «мещанине Валлахе» есть и следующая: «По имеющимся сведениям… Баллах присутствовал 18 марта 1901 г. на сходке в квартире обв. Маршака, где „Сергей Николаевич“ прочитал присланное партией „Южных рабочих“ для отпечатания воззвание, которое было решено затем отпечатать для Киева в числе 2000 экземпляров».

На социал-демократов донес какой-то киевский черносотенец, верноподданнически приславший листовку киевскому полицмейстеру и сопроводивший ее длиннейшим письмом, в котором сообщал о «близкой опасности для жизни Его Императорского Величества государя императора, президента Академии наук Его Императорского высочества вел. князя Константина Константиновича и Его Высокопревосходительства обер-прокурора Святейшего Синода господина Победоносцева».

В деле департамента полиции сохранилась листовка Киевского комитета Российской социал-демократической рабочей партии. В ней говорил другой Киев, город украинских рабочих и прогрессивной интеллигенции: «Товарищи, идите в наши ряды рабочих, борющихся за свои права, читайте наши листовки, газеты и книжки, давайте читать другим. Нужно, чтобы как можно больше рабочих сознали свои интересы и боролись за свои права. Всех рабочих в тюрьмы не засадят и не вышлют.

Помните еще, товарищи, что близок день 1 мая – праздник всех рабочих. В этот день рабочие всего мира – немцы, французы, поляки, русские и евреи показывают, что они братья друг другу… Да здравствует рабочее дело!»

Листовки были подобраны и на Байковом кладбище в Киеве, пересланы начальнику жандармского управления. Начались аресты. Один из арестованных не выдержал пыток и сообщил полиции кое-какие данные о руководящих социал-демократах. В конце апреля 1901 года Литвинов был арестован вместе с остальными членами Киевского комитета Российской социал-демократической рабочей партии и оказался за решеткой Лукьяновской тюрьмы.

Литвинову шел двадцать пятый год. За его спиной уже четыре года подпольной революционной работы, бессонные ночи, побеги

от полицейских облав, организация явок и конспиративных квартир, печатание листовок, призывающих к свержению самодержавия, создание организаций социал-демократов на заводах Клинцов и Киева.

Отца уже нет в живых. Он и не пытался увести Макса с революционной стези. Знал, что это совершенно бесполезно. Впрочем, сын почти не жил дома. Еще будучи гимназистом, он часто отлучался, читал тайком какие-то запрещенные книги, встречался с приезжими революционерами. Полицейские заходили к Валлахам: «Где сын?» Мать испуганно пожимала плечами: «Не знаю. Вам известно о нем что-нибудь плохое?» Полицейскому подносили стаканчик, давали рубль, который тот ловко прятал за обшлаг рукава и уходил, чтобы через несколько дней снова наведаться. Вскоре мать и сестры приедут в Лукьяновскую тюрьму, чтобы увидеть Макса через решетку. Это будет последнее свидание сына с матерью.

Письма Литвинова, перлюстрированные охранкой, сообщают кое-какие сведения о том периоде его жизни. Наполовину они писались шифром-цифирью.

В тюрьме Литвинову становится известно о существовании «Искры», о том, что ее выпускает Ленин. Друзья с воли передают программу «Искры». Литвинов принимает решение, определившее его дальнейшую судьбу, становится искровцем.

Он вспоминал о тех днях: «В тюрьме мы получали разными способами газеты и даже заграничную нелегальную литературу. Трудно передать то радостное возбуждение которое охватило нас, когда мы получили первые номера „Искры“. Сформулированные там с максимальной ясностью, определенностью и последовательностью задачи, пути и средства революционной борьбы пролетариата, беспощадная война с экономизмом – все это отвечало нашим настроениям, мыслям и стремлениям, открывало перед нами новые горизонты и в то же время вызывало жажду работы, жажду борьбы, усиливало стремление вырваться из жандармского плена и приобщиться к новому движению под руководством „Искры“.

В Лукьяновке Литвинов начинает изучать иностранные языки, роется в самоучителях, присланных с воли. Он не собирается задерживаться в Лукьяновке. Об этом говорят его письма, которые через верных людей он посылал Доре Бергман. Кто она? Точно на этот вопрос ответить нельзя. Литвинов с ней никогда лично не встречался. Бергман эмигрировала из России и жила в Швейцарии. В Цюрих, на фогельзангштрассе, 9, летят к ней письма из киевской тюрьмы. Он пишет Доре: «В настоящее время у нас в тюрьме семьдесят четыре человека. Публика самая

разношерстная, начиная с искровцев и кончая одним бывшим уголовным, обвиняемым теперь в агитации среди крестьян. Последний субъект – личность весьма подозрительная». Через несколько лет Дора будет выполнять секретные поручения агента «Искры» Литвинова – Папаши.

Литвинов жадно ловит вести с воли. Что происходит в партии? После I съезда прошло уже три года, но все еще нельзя сказать, что партия организационно оформилась. Организации РСДРП во многих городах действуют как бог на душу положит. Многие из них и не стремятся перейти к активной политической борьбе, а считают, что надо ограничиться экономическими требованиями. Ведь I съезд проходил без Ленина, он был тогда в Сибири. Только теперь, в начале века, партия разворачивает политическую борьбу. «Искра» хорошо освещает перспективу, но многое еще неясно. Противники начали борьбу против новой газеты. Следует во всем разобраться, осмыслить, понять. Но для этого необходима свобода. Надо бежать из тюрьмы во что бы то ни стало.

В те июльские дни Литвинов уже готовился к побегу. В письме Доре Бергман, почти полностью зашифрованном, есть приложение без подписи. Охранка была твердо убеждена, что это письмо принадлежит Литвинову, и внизу чьей-то рукой написано: «М, Валлах». Можно утверждать, что дешифровщики из особого отдела охранки не ошиблись. Литвинов писал в Цюрих: «Дней 10 т. наз. я послал тебе шифрованное же письмо. Получила ли? Нашим шифром будет слово „Австралия“. Пиши так, чтобы голубые не могли догадаться, от кого и к кому письмо относится, если оно им попадется. Попробуй еще раз написать через жандармов, авось получится. Прости, что заставляю тебя тратить много времени на разбор шифра, на первый взгляд совершенно лишнего, – иначе писать не могу. Чувствую себя недурно, мечтаю о свободе, но скоро моя мечта должна осуществиться или потерпит полное крушение».

Нет сомнения в том, что письмо это было расшифровано уже после побега искровцев из Лукьяновки. О том, что побег готовился, полицейские чины в Петербурге и Киеве узнали много позже. Департамент полиции сообщал «господину начальнику Киевского губернского жандармского управления»: «По полученным из агентурного источника указаниям, проживающие за границей революционеры по поводу побега из Киевской тюрьмы говорят, что Лига социал-демократов („Искра“ и „Заря“) решила освободить всех важных искровцев, содержащихся в русских тюрьмах… Было решено освободить 11 лиц, свобода которых более всего важна, по мнению Лиги, и приготовить для

них паспорта».

План побега искровцев разрабатывали члены Бюро Русской организации «Искры», редакция газеты и, конечно, сами заключенные. Еще до побега Литвинов был избран «атаманом»: он решителен и обладает еще одним важным качеством – большой физической силой.

По донесению киевского генерал-губернатора министру внутренних дел, которое было отправлено в Петербург 21 августа 1902 года, можно проследить, как готовился побег. Губернатор писал: «Некоторые из содержавшихся в Киевской тюрьме политических арестантов около двух месяцев назад (т. е. в июне) обратились в присутствии начальника тюрьмы Малицкого к и. д. киевского губернского тюремного инспектора с просьбой разрешить им прогулки не на отведенном для этой цели тюремном дворе, а на больничном, ссылаясь на то обстоятельство, что через означенный тюремный двор ассенизационным обозом провозятся нечистоты, или же продлить им время прогулок до вечерних сумерек.

И. д. тюремного инспектора категорически отказал им в удовлетворении этого ходатайства и признал лишь необходимым сделать распоряжение, чтобы во время прогулок политических арестантов нечистоты ни в коем случае через их прогулочный двор не провозились.

Тем не менее, как оказалось в настоящее время, начальником тюрьмы Малицким политическим арестантам было разрешено гулять на отведенных для этой цели дворах, ради избежания столкновения с названными арестантами, до 9 ч. вечера. Так же точно между арестантами политических коридоров во время прогулок начальником тюрьмы допускалось свободное общение».

Как видно из донесения губернатора, искровцы воспользовались прогулками и окончательно договорились между собой о времени побега. Все необходимое для этой цели поступило от друзей, находившихся на свободе. В корзине цветов по случаю «именин» одного из заключенных была передана «кошка» – железный якорь, который беглецы должны были забросить на стену. Простыни решили использовать в качестве веревок, даже водку достали, чтобы подпоить надзирателей.

В полицейской версии, представленной министру внутренних делкиевским губернатором, побег был описан довольно точно: «На правом политическом прогулочном дворе 18 августа в 8 часов 15 минут вечера, когда уже наступили сумерки, находилось до 20 политических арестантов из разных коридоров. Из них несколько человек подошли к не подозревавшему с их стороны никакого умысла часовому Трофиму Оверченко, и, прежде чем он успел

принять меры к обороне, бросились на него, и, повалив на землю, накинули ему на шею веревочную петлю и закрыли голову одеялом, а рот заткнули платками, исцарапав при этом до крови губы и щеку, другие же их товарищи забросили на ограду железную кошку с привязанной к ней веревочной лестницей, после чего 11 человек арестантов… взобрались по этой лестнице на ограду и, соскочив с нее на арестантские огороды, скрылись. Затем державшие Оверченко товарищи их освободили его и отправились по камерам. Оверченко же дал выстрел, на который немедленно явился и. об. помощника начальника тюрьмы Сулима, а затем и другие лица».

Выстрел перепуганного насмерть Оверченко не помог. Помощник начальника тюрьмы доложил начальству о побеге. В киевском жандармском управлении приняли самые энергичные меры к поимке беглецов и, как полагается, немедленно телеграфировали в Петербург. Тюремщики и примчавшиеся на подмогу полицейские обшарили всю округу, но искровцев и след простыл. В Киеве и Петербурге было решено, что искровцы попытаются перейти границу. Из Киева в Вержблово пограничному жандармскому офицеру была отправлена шифрованная срочная телеграмма: «Восемнадцатого августа из Киевского тюремного замка бежали одиннадцать политических арестантов… Благоволите усилить наблюдение за проездом из России за границу лиц, внушающих подозрение, и в случае сомнения самоличности арестуйте и телеграфируйте».

Телеграммы были отправлены на все пограничные пункты западной границы и в 295 городов Российской империи.

Жандармы явно поспешили. Литвинов и его друзья в тот день даже не собирались переходить границу. Это произошло лишь через две недели. Где был Литвинов эти дни, что он делал?

В марте 1951 года Литвинов рассказал об этом на торжественном собрании, посвященном 50-летию «Искры». По плану, разработанному киевской организацией «Искры», ночевки в городе исключались, ибо опасались неизбежной облавы. Беглецы должны были сами разработать дальнейшие маршруты. Предполагалось, что Литвинов и еще три товарища в ту же ночь выберутся из города на лодке по Днепру. Лодка была заготовлена и ждала их в условленном месте. Но неожиданно все изменилось. «Спустившись по веревке, – рассказывал Литвинов, – я бросился бежать, но в нескольких шагах попадаю в овраг и натыкаюсь на человеческое тело. Кругом тьма тьмущая… Человек тяжело дышит и едва смог назвать свое имя. Оказалось, что это один из наших беглецов, Блюменфельд, который вследствие сердечной слабости и сильнейшего нервного напряжения не в состоянии

двигаться. Что же тут делать? Не оставлять же товарища в таком беспомощном положении. Я пробовал было нести его на себе, но ноша оказалась непосильной. К тому же я сам до боли расцарапал руку при спуске по веревке. Оставалось лечь и выжидать, но тут раздался выстрел… Мы слышим шаги людей и топот лошадей проносящейся мимо погони. Проходит томительных два часа, мы слышим, как погоня возвращается. Из долетающих до нас ругательств и восклицаний узнаем, что изловить никого не удалось.

Тем временем Блюменфельд приходит в себя, и мы решаем тронуться в путь. Но куда направиться? На лодку опоздали – условный час прошел. С предосторожностями ползем по пустырю на четвереньках, пока не выбираемся на первую городскую улицу. Внешний вид у нас весьма не респектабельный: ибо ночь была дождливая, и мы, ползая, испачкали одежду. Прикидываемся пьяными: шатаемся, изображаем пьяное пение. Извозчик предлагает нам свои услуги. Мы садимся на дрожки и заявляем: «Вези в кабак, куда хочешь». Он привозит нас к какому-то подозрительному постоялому двору. Мы валимся на первую скамейку и делаем вид, что засыпаем «мертвым сном».

Выбравшись из кабака, Литвинов и Блюменфельд идут в баню, моются, чистятся, потом идут в другую. Так они весь день и ходят из бани в баню. Около двух недель прячутся в городе на квартире, рискуя ежеминутно быть выданными хозяйкой. Однажды ночью Литвинов и его спутник покидают Киев, полями и лесами пробираются на Житомирское шоссе и от ближайшей станции едут до Вильно. Там явка. Из Вильно они уезжают вместе с контрабандистом, который взялся перевести их через границу. Литвинов вспоминал: «На какой-то маленькой станции мы сходим с поезда и продолжаем путь на лошадях до пограничной деревушки, где проводим сутки, прячась в стогах сена от объездов пограничной стражи. С самой Вильны нам внушает подозрение один из спутников, молодой человек, который не сводил с нас глаз. Шевелится все время беспокойная мысль, не провокатор ли это, собирающийся „накрыть“ нас на самой границе, у заветной цели. Наконец ночью нас выводят из стогов сена, контрабандист предлагает пройти некоторое расстояние пешком, потом бегом, наконец слышим его радостное сообщение, что мы перешагнули границу, уже находимся на территории Пруссии и можем, если желаем, подкрепиться в находящемся неподалеку кабачке „хлебным вином“. На радостях пьют все, а мой спутник, принципиальный трезвенник, залпом выпивает стакан водки и сразу хмелеет».

Вскоре после побега начальник гродненского губернского

жандармского управления доносил в департамент полиции, что полицейским агентам удалось получить три письма Литвинова, посланные из-за границы матери в Белосток.

Письма эти очень лаконичны, но позволяют понять, что чувствовал и переживал в те дни молодой искровец, вырвавшийся из тюрьмы.

«10 сентября, Станупенель.

Из Лодзи Вам сообщили, вероятно, каким образом я распростился с Лукьяновским замком и с Россией (не навсегда). Известны Вам, значит, и некоторые подробности. Измучился я физически и нравственно за эти дни, как никогда. Но близок отдых. Десять дней чувствовал над головой дамоклов меч военного суда за побег, а теперь вне опасности. Поймите, что вследствие усталости писать много не могу. Напишу из Берлина или Швейцарии.

Любящий Вас Макс.

Пока пишите Берн, до востребования, Абрам Лурие, Швейцария. Привет всем».

«Берлин, 11 сентября.

Дорогие!

Только что прибыл в Берлин, так что отдохнуть еще не успел. Пока чувствую себя счастливым. Довольны ли Вы? Прощайте, напишу через дня 2–3 о своих планах. Целую.

Ваш Макс».

Письмо датировано полицией. Указаны следующие даты: 14.IX – 18.IX.

«Дорогие! Извещаю Вас о своем здоровье и благополучии. В Берлине за три дня еще больше устал. Сейчас уезжаю. Пока не приеду в Швейцарию и не отдохну немного, писать подробно не обещаю.

Ваш Макс».

Последнее письмо Литвинов писал на вокзале. Через час он сядет в поезд, чтобы уехать в Швейцарию. В вагоне третьего класса шумно и тесно. Поезд пробегает мимо помещичьих владений земли Бранденбург. За окном вагона мелькают черепичные крыши аккуратных домов, имения баронов, замки средневековых рыцарей. Поезд уходит все дальше на юго-запад.

Представитель «Искры» в Берлине советовал Литвинову и Блюменфельду ехать прямо в Швейцарию, нигде не останавливаться. Он знает, что петербургская охранка тесно связана с берлинским полицей-президиумом, и боится ареста

беглецов. Но радость свободы пьянит Литвинова, энергия бьет через край, его обуревает жажда все видеть, побольше узнать. Еще в поезде он из газет узнает, что в Мюнхене проходит съезд Социал-демократической партии Германии. Там, конечно, Август Бебель. Надо остановиться в Мюнхене. Когда поезд приходит в баварскую столицу, Литвинов вместе с Блюменфельдом отправляется прямо на съезд. Там узнают о прибытии российских революционеров и устраивают им овацию.

Радостный, взволнованный, полный жажды борьбы, приезжает Литвинов в Цюрих. Через несколько дней там появляются и остальные искровцы. Позади тюрьма, побег, переход границы, полное приключений путешествие. Радости нет предела. Друзья собираются в ресторане у Рейнского водопада, празднуют благополучное завершение побега и посылают полную искрящегося юмора и сарказма телеграмму начальнику киевского жандармского управления генералу Новицкому, который клялся, что уничтожит всех искровцев.

В начале нынешнего века рабочее движение в России получило могучее руководство к действию, которое позволило ему прочно стать на ноги. Это была книга Ленина «Что делать?». Сила и значение ее заключались в том, что она вдребезги разгромила «экономистов» и подготовила идеологическую основу для создания большевистской партии.

Глубокая разработка революционной теории сочеталась у Ленина с практическими организационными решениями. Осенью 1901 года в Женеве была создана «Заграничная лига русской революционной социал-демократии». В нее входят организация «Социал-демократ» и Заграничный отдел «Искры» и «Зари». Лига по замыслу Владимира Ильича должна стать заграничным центром «Искры», взять в свои руки распространение «Искры» и «Зари», готовить деятелей для русского рабочего революционного движения.

Бедно жила русская эмигрантская колония в Цюрихе. Россияне ютились в дешевеньких квартирках, кое-как перебиваясь случайными заработками, иногда голодали. Некоторые, не выдержав суровой эмигрантской жизни, навсегда отошли от политической борьбы. Искровцы составляли наиболее стойкую часть российской эмигрантской колонии. В эту колонию и вошел Литвинов. Ему поручают заведование цюрихской явкой и экспедицией «Искры». Будучи членом администрации «Заграничной лиги», он должен обеспечить прием революционеров, бежавших из царской России, поддерживать

связь с конспиративными квартирами, представителями «Искры» за рубежами России.

Деятельность Литвинова как агента «Искры» только начинается. В. И. Лениным был разработан проект транспортной организации «Искры». По плану Владимира Ильича эта транспортная организация должна была ведать не только переброской в Россию «Искры» и искровской литературы, но и деятельностью партийных работников. Вскоре за границей (есть все основания полагать, что это было в Женеве) собралось совещание агентов «Искры». По единодушному решению совещания секретарем Заграничных Транспортных групп был избран Максим Максимович Литвинов. Об этом решении сообщили Владимиру Ильичу.

Осенью 1902 года «Искра» печаталась в Лондоне, откуда отправлялась в Цюрих. Затем ее надо было переправить в Россию. Большое количество газет отправлялось легальным путем. Их посылали в Петербург, Москву и другие города по почте лицам, адреса которых присылались организациями и агентами «Искры», в том числе и высокопоставленным персонам. Отправляли «Искру» и с пассажирами, которые уезжали в Россию по вполне легальным паспортам. Литературу вклеивали в каблуки ботинок, но чаще прибегали к помощи специально скроенных жилетов, под подкладку которых можно было зашивать значительное количество экземпляров. «Искра» и искровская литература для социал-демократических организаций отправлялись главным образом через сухопутные границы, где агенты «Искры» пользовались услугами контрабандистов. Литвинов вспоминал об этой своей деятельности: «Литература отправлялась из Швейцарии сперва в какой-нибудь центральный город Германии или Австрии, например в Берлин, Лейпциг или Вену, оттуда она переотправлялась в пограничные города – Тильзит, Мемель, Гусятин и др. на имя какого-нибудь немецкого социал-демократа, который передавал ее в чемоданах контрабандисту. Задача последнего состояла лишь в перетаскивании чемоданов через границу путем подкупа пограничной стражи и в доставке их в ближайший хутор или местечко, куда за ними являлись товарищи, заведовавшие транспортом с русской стороны.

Тут-то и начинались настоящие трудности, связанные с большим риском. Большинство провалов имело место именно на этой стадии транспорта. На каждом шагу, на каждом перекрестке дорог в пограничной полосе можно было натолкнуться на пограничную стражу, которая подозрительно относилась ко всякому виду поклажи. Она дежурила на всех железнодорожных станциях обширной пограничной полосы».

Документы и письма рассказывают о безвестных героях тех дней – искровцах, действовавших в пограничной полосе. И за каждым письмом – судьбы людей, аромат эпохи, простые будничные дела, каждое из которых – подвиг. Искровец Марков писал Литвинову 28 сентября 1903 гола из городка Швиндт: «Стою привалом на границе уже третьи сутки и переменил уже 3–4 квартиры, а все перейти не удается. Каждый меня подержит денек, подоит немного, а потом разными правдами и неправдами переправит к другому. Вот тут, думаю, конец, этот меня переведет. Оказывается, что и новый хозяин должен передать меня кому-то а тот еще дальше и т. д. Таким образом, от немца я перешел к литвину, от него к другому литвину, у которого я торчал почти сутки. Наконец они заявили мне, что не могут переправить меня, так как я слишком хорошо одет и меня моментально на той стороне арестуют, и притом никто не соглашается меня везти лошадьми дальше Вылковышек; но мне в Вылковышках остановиться невозможно, так как там спрашивают паспорта и ревизуют вещи. Я ушел от литвина и направился к какому-то еврею, и здесь, кажется, мои мытарства кончатся. Но ввиду того что я все-таки не могу вполне ручаться за благополучный переход, то я заранее хотел бы написать Вам кое о чем…»

После II съезда партии в российских организациях РСДРП все сильнее разгоралась борьба между большевиками и меньшевиками. Тем важнее было, чтобы каждый номер «Искры» шел в Россию. Литвинов по поручению ЦК принимает меры, чтобы «Искру» и литературу отправлять через Австрию. Но и там агенты сталкиваются с неимоверными трудностями.

Денег у искровцев не было. Российские рабочие присылали трудовые медяки на свою газету. Иногда помогали немецкие социал-демократы. Изредка в партийную кассу поступали средства от других зарубежных друзей, стремившихся помочь русскому революционному движению.

Что же тут удивительного, что искровцы, просившие о присылке денег, часто получали из ЦК РСДРП лаконичные ответы: денег нет.

Литвинов сам вел бухгалтерские книги «Искры», записывал туда каждый израсходованный рубль, франк, гульден или марку, мучительно размышлял, откуда бы наскрести еще немного деньжат.

Надо видеть эти пожелтевшие листки бухгалтерской книги «Искры». На одной странице приход. Получено: $200 + 20 + 10 + 60 + 10$ и так далее. И приход все нищенский, грошовый. А расходы подчас большие, часто не по карману

искровцам. Литвинов скрупулезно заносит в бухгалтерскую книгу, сколько и кому выдал: за сапоги искровцам заплатил 60, проезды – 360, Вениамину – 5, переправа Семену – 5, наборщику Андрею – 6, Илье, бежавшему из Сувалок, – 16, Абраму – 10, проезжим товарищам – 22, карты географические – 5, упаковка – 61 и так далее и тому подобное, а всего расход – 1780 рублей. И тут же отчет Петра за ноябрь, сколько потратил на транспортировку литературы, – до гроша, до сантима, до пфеннига. И такой же отчет Мирона, тоже за ноябрь. И подробнейшие отчеты, сколько какой литературы отправлено в Одессу, Екатеринослав, Елизаветград, Полтаву, Николаев, Кременчуг, Москву, Киев, на Кубань. Учитывается все до гроша. 12 октября 1903 года Литвинов пишет одному из получателей и распространителей «Искры»: «Кстати, сообщите, пожалуйста, на каких условиях получаете Вы нашу литературу (15 экз. „Искры“) и сколько следует с Вас».

Да, именно так, а не иначе: сколько с вас следует за 15 экземпляров, ибо денег брать неоткуда. И что же тут удивительного, что он выговаривает агенту, который без ведома цюрихского центра устроил пути для переброски литературы:

«Дорогой товарищ! Только что получил Вашу телеграмму и ответил, что денег посылать вам не можем. Вы это, собственно, должны были знать из моих прежних писем. Не знаю, по чьему распоряжению Демьян устраивал там пути и приехал сюда за деньгами. И, главное, что меня удивляет, это то, что люди уверены, что за границей всегда можно достать сколько угодно денег, на этом основании они заставляют людей ждать на границе и наивно думают, что стоит только телеграфировать, и деньги явятся…

Для уплаты Ваших долгов мы Вам послали через Дору 150 фр. Она могла бы дать Вам и больше, так как она имела еще 400 фр. для выкупа литературы, которая пропала теперь, и для передачи Демьяну. Где Дора? Вот уж путаница вышла с ее путями. Сообщите, пожалуйста, сколько Вы еще должны и сколько нужно для приведения в порядок литературы в Лемберге.[3]

Галицийскому напишите, что для РУП[4] «Искра» высылается в Лемберг Галкевичу (Микола).

Ну, всего хорошего.

Ваш Литвинов».

Ленинская «Искра» посылалась не только в Россию. Во многих странах Европы были представители «Искры». Литвинов поддерживал с ними связь, пересылал газеты и литературу, организовывал представительства «Искры». Судя по всему, особое

внимание уделялось странам Балканского полуострова. Литвинов укрепляет связь с известным болгарским литератором и революционером Георги Бакаловым, содержавшим партийный книжный магазин в Варне, создает через него целую сеть искровских представителей не только в Болгарии, но и в других Балканских странах. В Варне был один из главных опорных пунктов, туда поступали газеты и литература, отправлявшиеся в другие города, в частности в Одессу.

5 июня 1903 года Литвинов писал из Женевы в Варну Георги Бакалову:

«Уважаемый товарищ!

…Брошюры «Чего хотят с.д.», «Задачи русской соц. дем.», «Рассказы из истории Французской революции», «Песни революции» сегодня высылаю Вам.

Теперь вот какая просьба к Вам. В конце 1902 года Ст. Георгиев предложил нам передать ему генеральное представительство по продаже «Искры», «Зари» и др. наших изданий на Балканском полуострове. Он получил наше согласие…

Мы были бы Вам очень благодарны, если б Вы указали нам какой-нибудь аккуратный книжный магазин, который взял бы на себя представительство по продаже наших изданий в Болгарии, Сербии, Румынии и Черногории.

В ожидании ответа. С товарищеским приветом.

Заведующий экспедицией Литвинов».

Письма Литвинова Георги Бакалову и другим болгарским революционерам позволяют проследить пути «Искры» по Балканскому полуострову.

Еще в 1901 году искровцами был разработан план транспортировки «Искры» по маршруту Марсель – Александрия – Одесса. Литвинову после тщательной и длительной подготовки операции удалось договориться с двумя французскими пароходными компаниями: «Пакэ э К°» и «Мессажери Меритим».

В те годы близ Марселя, в Монпелье, жил высланный из России русский революционер Петр Гермогенович Смидович. Он долго находился во Франции, до этого работал в Бельгии на заводах, великолепно знал французских профсоюзных вожаков. Смидович был главным связным между Литвиновым и французскими моряками.

Была создана целая сеть агентов, которым передавали «Искру» и литературу для отправки ее в Батум и другие порты Черного моря. Книги и газеты загружали в герметически закрывающиеся резиновые мешки и, привязав к корме, погружали

в воду.

В промежуточных портах транспортная организация «Искры» имела множество друзей, которые помогали ей переправлять ценный груз. Его перевозили не только на французских, но и на русских пароходах, курсировавших на линии Марсель – Одесса. Особенно часто груз перевозили пароходы «Александр Дюма», «Анатолия», «Мемфис», «Сиракузы», «Мингрелия». Осенью 1903 года Литвинов еще шире стал использовать пароходы для отправки большевистской литературы в Россию.

Не всегда пересылка литературы проходила благополучно. В Петербургской охранке узнали об операции искровцев и попытались парализовать их действия. В конце августа 1903 года Литвинов получил тревожное письмо из Марселя. Тамошний искровец Кокобадзе писал: «Страшную весть принесет вам это письмо. Транспорт для Батума в 300 кило был захвачен вчера вечером на пароходе контролерами-шпионами К°… 3 человека высажены, остались без места. Не знаю, удастся ли им – нет спасти литературу. Постараюсь, конечно, приостановить посылку литературы в Марсель…»

Репрессии французской полиции, действовавшей по просьбе царской охранки, не остановили операции Марсель – Одесса. Из Франции в Россию, пересекая Средиземное море, через Дарданеллы и Босфор, через Черное море по-прежнему отправляли большевистскую литературу. Ленинские статьи, пройдя через все кордоны, прибывали в Россию. Меньшевики старались захватить контроль над «Искрой» не только политический, но и административный. В то время заведующим типографией «Искры» в Женеве был Блюменфельд, бежавший вместе с Литвиновым из Лукьяновки. После II съезда партии Блюменфельд примкнул к меньшевикам. Типография и экспедиция «Искры» могли полностью оказаться в руках у противников Ленина. В большевистских кругах ЦК приняли решение назначить Литвинова заведующим типографией и экспедицией «Искры» в Женеве.

Произошло это в конце сентября 1903 года и сопровождалось довольно крупным инцидентом между Литвиновым и Блюменфельдом. Литвинов рассказал о нем на юбилее «Искры», заметив, что инцидент этот явился блестящей иллюстрацией к методам «идейной борьбы», которую вели меньшевики против Ленина и большевиков.

История конфликта подробно изложена в заявлении В. Д. Бонч-Бруевича и Павла Андреевича в Центральный Комитет РСДРП 30 сентября 1903 года. Вот что они писали: «28 сентября вечером в типографии партии – (Рю Кулувреньер, Женева) –

произошел следующий инцидент: придя в помещение партийной типографии по своим делам, мы встретились там с товарищем Литвиновым, и трое ушли в редакционную комнату. В 6 часов 40 минут товарищ Блюменфельд после горячего, крайне несдержанного разговора с тов. Литвиновым неожиданно для нас запер всех нас троих в редакционной комнате и, забрав ключи с собой, ушел из здания типографии. Через *55* минут мы вышли из-под замка, отвинтив замок одной двери при помощи отвертки, переброшенной нам в окно кем-то из товарищей-наборщиков. На следующий день, 29 сентября, мы оба получили от тов. Блюменфельда тождественные письма, в которых он извинялся перед нами за свой поступок, но из которых ясно видно, что он намеренно запер тов. Литвинова, а нас двоих, как он пишет, случайно, забыв, что мы находимся в редакционной комнате. Считая поведение товарища Блюменфельда, особенно по отношению к тов. Литвинову, настолько некорректным, настолько выходящим из рамок допустимых трений и пререканий между товарищами одной и той же политической партии, мы, вполне удовлетворенные извинениями тов. Блюменфельда в личной обиде, считаем, однако, своей нравственной обязанностью не оставлять этого дела без рассмотрения. Находя, что подобный поступок, направленный против лица, состоящего на административной должности партии, дискредитирует самый принцип, положенный в основу управления РСДРП, считая поведение тов. Блюменфельда не чем иным, как полным попранием партийной дисциплины, мы, присутствовавшие при всем этом инциденте, просим Центральный Комитет партии разобрать это дело и высказать свое мнение по поводу его».

Специально созданная партийная комиссия осудила поведение Блюменфельда.

После инцидента в женевской типографии пути Литвинова и Блюменфельда разошлись навсегда. Через несколько месяцев Литвинов по поручению большевистского ЦК уезжает в Россию для ведения нелегальной работы.

Максим Максимович заканчивает свои искровские дела в Женеве, передает дела товарищам по партии, обзаводится новым паспортом. Путь ему предстоит сложный и опасный. Сначала он поедет в Берлин, оттуда в Вену. Из Австрии путь в Россию ведет через жандармские заставы.

В канун отъезда Литвинов долго бродит вдоль берега Женевского озера, по набережной Луары уходит все дальше в горы. Кто знает, долго ли он будет дышать воздухом свободы. В Швейцарии уже весна, альпийские луга покрылись разноцветным ковром…

Заграничные резиденты царской охранки следят за Литвиновым. Через агентуру им стало известно, что Литвинов уезжает из Швейцарии, но не знают, когда он намерен перейти границу. 8 марта 1904 года директор департамента полиции отправляет шифрованную телеграмму на все пограничные станции Западной России: «6 марта разыскиваемый Макс Баллах выехал из Берлина в Вену, откуда нелегально отправится в Россию. Усугубите наблюдение». Пограничным жандармским офицерам, особенно в Сосновицах, Морджиево, Радзивиллове, Волочиске и на других пограничных пунктах, приказано усилить жандармские наряды.

Поспешность полицейских преждевременна. Литвинов задерживается по делам партии в Берлине. Теперь за ним следят начальник заграничной агентуры охранки Гартинг и его шпики. 19 марта Гартинг доносит в Петербург директору департамента полиции: «Баллах – Литвинов выехал сегодня в Вену, откуда в Россию нелегально». Но полицейские так и не знают, где он перейдет границу. Во все пограничные города и на станции идут новые шифровки: во что бы то ни стало задержать, арестовать и под усиленным конвоем отправить в Петербург.

Поздно. Литвинов уже в России. В конце апреля 1904 года Надежда Константиновна Крупская шлет Литвинову из Женевы конспиративное письмо в Минск, сообщает о включении Минска, Гомеля и Новозыбкова в состав Полесского комитета РСДРП и передает задание партии: «Дорогой друг! Знаете ли Вы, что Минск входит в состав Полесского комитета, утвержденного ЦК. В состав Полесского к-та входят, между прочим, Гомель и Новозыбков. Оба города просят людей и литературы, работают исключительно среди русских рабочих. Гомель вошел даже в соглашение с Бундом, что отказывается от работы среди еврейского пролетариата, оговорив, впрочем, „в силу местных условий“. Такое соглашение более чем нелепо. Если нет сил, разумнее отказаться вовсе от работы в данном районе, чем вступать в такое недопустимое с принципиальной точки зрения соглашение. Ведь это значит узаконить деление на еврейских и русских рабочих, становиться на бундовскую точку зрения. Раз Вы торчите в Минске, съездите немедля в Гомель и Новозыбков, вот явка туда, а затем двигайте поскорее на юг, там работы масса и страшно нужны люди.

Новозыбков, искать дом Гаврилы Иван. Шведова, рядом с ним дом с 2-мя окнами на ул. тоже Шведова, спросите Якова Борисовича Нехамкина.

Пароль: Мне нужен Володя.

Ответ: Он ждет».

Начался новый этап деятельности агента «Искры» Литвинова. Он становится одним из большевиков-подпольщиков в царской России.

Глава вторая
В российском подполье

XX век начался разгромом русской армии на полях Маньчжурии и гибелью флота, который считали непобедимым. Вся гнилость, бездарность, все ничтожество правящей верхушки, аморальность царствующего дома, коррумпированность правительственных сфер теперь выявились с пугающей ясностью! Уже ничего нельзя было скрыть, припудрить, запрятать – все было оголено: царский строй выставил напоказ всему миру смердящие язвы.

Россия бурлила, жаждала перемен. Россия была чревата революцией.

После И съезда РСДРП революционное движение пошло на подъем. Идейно экономизм был разгромлен, но не все российские социал-демократические организации стали боевым авангардом партии. Литвинов и был одним из агентов ЦК, посланных в Россию пропагандировать идеи большевиков.

ЦК дал указание Литвинову осесть в западных областях. Он работал в тамошних партийных организациях, хорошо знал местные условия.

Надежда Константиновна далеко не случайно просила Литвинова выехать в Новозыбков. Большевики имели в этом городе хороший опорный пункт. Еще в начале века редакция «Искры» установила связь с Ф. Г. Губаревым, который имел в Новозыбкове книжную лавку. Переписку с Губаревым из Цюриха вел Литвинов. Губарев стал активным искровцем, к нему поступала «Искра» из-за границы, и он много сделал для распространения газеты в Новозыбкове и других городах. Вот с ним-то и установил связь Литвинов, разыскал Нехамкина и других большевиков.

Архивные документы позволяют проследить маршруты агента ЦК. Литвинов не сидит на месте. Весной 1904 года он уже на юге России, а затем уезжает в Прибалтику. В Риге его избрали членом комитета РСДРП.

К концу 1904 года в России был создан организационный центр большевиков – Бюро комитетов большинства. Состав БКБ был намечен на совещании 22-х. Комитету было поручено сгруппировать вокруг себя большевистские силы в России и начать подготовку к III съезду партии.

Всю осень 1904 года Литвинов колесит по России, то и дело меняя паспорта. Если охранка нападет на его след и арестует, не

миновать ему минимум 20 лет каторги.

А охранка рыскает за ним по всей России. Осенью 1904 года департамент полиции телеграфировал начальнику виленского охранного отделения, что, «по полученным из агентурного источника сведениям, разыскиваемый Макс Баллах, известный под псевдонимом Литвинова, ныне нелегально проживает в Вильно».

В эти последние месяцы 1904 года возрастает интенсивность переписки Литвинова с Владимиром Ильичем. Литвинов уже избран в состав Северо-Западного комитета РСДРП. Его можно видеть в Риге, Петербурге, Минске, Петрозаводске, Бобруйске, Двинске… Штаб Литвинова в Риге. Туда приходят письма Ленина. 3 декабря 1904 года Владимир Ильич пишет из Парижа Литвинову: «Дорогой друг! Я получил известия о приезде Мартына Николаевича (сам не видал его) и заключил из них, что дела у нас совсем неладны. Получается опять какой-то разброд между русскими и заграничными большевиками. А я по опыту 3-х лет знаю, что такой разброд чреват дьявольским вредом для дела…»

В большом и подробном письме Ленин потребовал от Литвинова (такие же письма были посланы А. А. Богданову и Р. С. Землячке) создания большевистского печатного органа в России, устранения разброда внутри большинства и решения других организационных вопросов.

Вскоре Литвинов снова получает письмо от Ленина. Владимир Ильич торопит, требует быстрых и решительных действий. И Литвинов вместе с другими членами БКБ делает, казалось, невозможное. В северных организациях РСДРП хозяйничают меньшевики. Члены БКБ добиваются перевеса большевистского влияния. В середине декабря с верными людьми Ленину в Женеву пересылают протоколы Северной областной конференции, прошедшей в декабре 1904 года в Колпине, под Петербургом, на которой завершилось в основном оформление Бюро комитетов большинства. И 26 декабря Владимир Ильич шлет Землячке ликующее письмо: «Ура! Вы работали великолепно, и Вас (вместе с папашей… и другими) можно поздравить с громадным успехом. Такая конференция – труднейшее дело при русских условиях, удалась она, видимо, отлично. Значение ее громадно». И Ленин тут же дает конкретные указания: «2) Объехать еще раз комитеты юга (и *Волги)* и усиленно преподать важность *всякой* поддержки «Вперед».

Транспорт будет, пока есть папаша. Пусть он примет энергичнейшие меры к передаче своего наследства на случай провала…»

И снова письмо от Владимира Ильича. Это ответ на письмо Литвинова, в котором он сообщал Ленину о своей работе в разных районах России и договоренности об объединении комитетов большинства на местах. Владимир Ильич пишет Литвинову: «Дорогой друг! Спешу ответить на Ваше письмо, которое мне очень и очень понравилось. Вы тысячу раз правы, что надо действовать решительно, революционно и ковать железо, пока горячо. Согласен также, что надо объединять именно комитеты большинства… Наконец, Вы тысячу раз правы также, что надо действовать открыто». Ленин сообщает Литвинову, что в БКБ рекомендовано семь человек, в том числе четыре деятеля партии, находившиеся за границей: В. И. Ленин, В. В. Боровский, А. В. Луначарский и М. С. Ольминский. Литвинова он называет вторым в этом списке и уведомляет, что об этом уже написали в Одессу и Петербург.

А Литвинов снова в пути. Он объезжает Поволжье, как о том просил Ленин, появляется в Москве и снова едет в Прибалтику, в Петербург. И всюду добивается поддержки линии большевиков на созыв III съезда партии.

Известие о кровавом побоище у Зимнего дворца в Петербурге 9 января 1905 года застало Литвинова в пути. Он сразу же возвратился в Ригу. Город бурлил. 13 января в Риге произошла грандиозная демонстрация, на улицы вышли десятки тысяч людей. Как и в Петербурге, жандармы ответили свинцом. У Железнодорожного моста было убито семьдесят человек. В Прибалтике вспыхнула всеобщая забастовка.

Кровавые события в Петербурге и Риге заставили Латышскую социал-демократическую рабочую партию выйти за рамки национальной организации, сблизиться с РСДРП. При активном участии Литвинова в Риге началась подготовка к III съезду партии.

Деятельность Бюро комитетов большинства давала все более ощутимые результаты. В конце января со всех концов России поступали сведения о поддержке созыва III съезда. В те дни Литвинов отправил Ленину письмо, в котором были изложены предложения Рижского комитета РСДРП относительно присланных проектов съездовских документов. «Пишу Вам по поручению бюро. Декларация выработана. Принципиально не отличается от проекта. Был спор о едином центре: не придано этому вопросу большого значения. Моя точка зрения ясна из посылаемой статьи. Гораздо больше изменений в проекте устава съезда. В пункт I включены, как учрежденные съездом организации, Совет, Центральный комитет, Центральный орган и Лига, во втором пункте перечислены с решающим голосом 8

новых комитетов. Пункты III и IV без изменений, пункт V выброшен, пункты VI и VII без изменений…

Так как изменения значительны, то решено запросить Вас. Если Вы на них согласны, телеграфируйте: благополучно, здоровы. Декларация Вам послана. Телеграмму лучше отправить из Германии».

Вскоре был получен ответ Ленина. А затем Рижская организация РСДРП избрала на съезд своего делегата – Максима Максимовича Литвинова, и в конце марта он выехал за границу.

Лондонский съезд проходил в условиях подъема революции в России. После расстрела мирного шествия в Петербурге по всей стране продолжались забастовки. Съезд должен был разработать тактическую линию в революции. Ближайшей задачей выдвигается свержение царизма, победа буржуазно-демократической революции при гегемонии пролетариата в союзе со всем крестьянством. На съезд был вынесен вопрос о вооруженном восстании. Были заслушаны два доклада: Луначарского и Богданова. Прения были бурные и долгие. Не все делегаты понимали остроту и важность момента, но резолюцию приняли ленинскую: «III съезд РСДРП признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент.

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям… в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата…» Докладчиком по вопросу о временном революционном правительстве выступал Ленин. Он разъяснил задачу борьбы за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства и создание будущего правительства как органа такой диктатуры.

Программа действий определена. Впереди бои. Делегаты возвращаются в Россию.

Перед отъездом, 27 апреля, участники съезда во главе с Лениным идут на Хайгетское кладбище, к могиле Карла Маркса. Молча, тесно прижавшись друг к другу, с непокрытыми головами стоят они у великой могилы.

Решение вопроса о вооруженном восстании выдвинуло громадную проблему: где взять оружие? В России это сделать очень трудно, почти невозможно. Оставался один реальный путь – закупить за границей.

Еще до III съезда большевики заказали в Лондоне партию оружия. ЦК поручил Литвинову принять его и отправить в

Россию. Он занимался этим всю весну 1905 года, используя для переброски старые пути, по которым отправлял «Искру», и к началу лета выехал в Берлин.

Реплика Ленина в адрес Литвинова в письме к Землячке: «Транспорт будет, пока есть папаша» – была далеко не случайна. Он два года руководил транспортировкой «Искры» и искровской литературы в Россию. В ЦК заслуги Литвинова были признаны, в том числе и Владимиром Ильичем, который придавал этой проблеме большое значение.

После съезда транспортное дело приобрело особое значение. Одним из главных узлов, через который в Россию отправлялась вся литература, а часто и оружие, был Берлин, где большевики и меньшевики имели общую транспортную группу. Фактически же контроль над ней после II съезда захватили меньшевики. Доступ большевистской литературы в Россию был затруднен. Ленин предложил Литвинову безотлагательно выехать в Берлин и там взять в свои руки транспортное дело партии.

Письма, шифрованные записки и другие документы партийного архива позволяют проследить, как Литвинов выполнил поручение Ленина. И снова с поразительной ясностью вырисовывается характер Литвинова: решительный, твердый, настойчивый.

В Берлине транспортным делом ведает меньшевик В. Л. Копп. Через пятнадцать лет заместитель народного комиссара иностранных дел Максим Максимович Литвинов и член коллегии Наркоминдела Виктор Леонтьевич Копп вместе будут решать важнейшие вопросы внешней политики.

А пока… Литвинов приезжает в Берлин и начинает действовать. Данной ему ЦК властью он вместо меньшевика, ведавшего центральным складом литературы, назначил Пятницу – известного большевика О. А. Пятницкого, в будущем одного из виднейших деятелей партии и Коминтерна.

1 июня 1905 года Литвинов пишет Коппу записку: «Уважаемый товарищ… Литературу, предназначенную для посылки в Россию через Ваше посредство, Вы будете получать от тов. Пятницы, которому мною поручено заведование Берлинским складом нашей партии.

Уполномоченный ЦК *Феликс».*

Копп, получив столь категорическое предписание, ответил Литвинову письмом, в котором заявил, что назначение Пятницкого не признает.

Литвинов снова написал Коппу, коротко и ясно: «Уважаемый товарищ!

Только что передали мне Ваше экспресс-бриф(Express-brief), немало меня удивившее. По поводу его *содержания* нам, очевидно, необходимо лично поговорить. Буду у Вас завтра утром часов в одиннадцать.

С тов. приветом. *Феликс».*

А чтобы не было и тени сомнения в том, что отныне склад принадлежит большевикам, Литвинов делает приписку: «Я написал Вам сегодня уже о назначении Пятницы заведующим складом».

О том, что происходило в последующие три дня, можно *себе* представить из письма Коппа Литвинову. Автор придавал столь принципиальное значение своему посланию, что уточнил даже время его написания: 4 часа дня, 14.VI 1905 года. Копп писал: «Уважаемый товарищ!

Только что тов. Филипп сообщил мне, что дверь находящегося в нашем, *совместно* с Пятницей, распоряжении склада заперта совершенно неожиданно для него замком на кольцах. Предполагая, что поступок этот может исходить лишь от одного из Ваших друзей, и находя, что такого рода действия являются грубым нарушением наших прав, гарантированных Прим. 1 к § 1 нашего договора с Ц[ентральным] Комитетом, я прошу Вас употребить все зависящие от Вас усилия, чтобы в самый короткий срок удалить замок с дверей склада…»

Нет нужды полностью цитировать письмо Коппа, написанное *стилем опытного стряпчего. Важнее события,* которые вскоре последовали. Литвинов склад взял в свои руки и начал массовую отправку *большевистской* литературы в Россию. Но через несколько дней ему пришлось выехать из Берлина *в Женеву, и в это* время произошло >следующее: меньшевики, воспользовавшись отсутствием Литвинова, подписали с *членом* ЦК РСДРП Леонидом Борисовичем Красиным договор о транспортировке литературы, ввели Красина в *заблуждение. Договор был очень* невыгоден большевикам.

История эта была доведена *до сведения Ленина с искажением* фактов. Меньшевики подняли скандал, обвинили Литвинова в односторонних действиях. В связи с этим Владимир Ильич обратился к Литвинову за разъяснением. 19–20 июня Литвинов написал Ленину, разъяснил суть вопроса:

«Дорогой Владимир Ильич!

Спасибо за доверенность. Злитесь Вы на меня без всякой причины… С… Никитичем[5] был у меня вполне определенный разговор. Он не хотел даже видеться с Сюртуком.[6] Но я его сам

просил узнать, остается ли этот хамелеон в партии или нет. Урегулирование же отношений транспортной Берлинской группы и ЦК и назначение туда людей Ник [итич] предоставил мне. Мог ли я предположить, что Ник [итич] заключит договор с частной группой без меня, в то время как он мог вызвать меня телеграммой… Хорош также Вадим.[7] Проект договора составлен им, а мне и слова не написал в Женеву. Нет, как хотите, за всеми глупостями не поспеешь. Мне необходимо было спешить в Женеву для *составления маршрутов* товарищам, но в Берлин-то мне зачем было спешить?

Через полчаса уезжаю за границу. С дороги пришлю письмо для Никитича, тогда узнаете, в каком положении дело… Еду в Тильзит. Если немцы и там согласятся иметь дело с нами… тогда в руках Сюртука не остается ничего. С ружьями вряд ли что-нибудь выйдет. Немцы не советуют получать через швейцарскую таможню. Об этом в следующем письме.

Крепко жму руку.

Ваш Феликс».

22 июня Литвинов уже в Тильзите. Оттуда он переправляет оружие в Россию для боевиков партии. Ночью в захудалом отеле «Кайзерхоф» на фирменном бланке отеля он пишет большое письмо Красину, в котором подвергает убийственной оценке договор с меньшевиками и требует его немедленного пересмотра.

«Дорогой товарищ! О договоре Вашем с Сюртуком я узнал лишь в Берлине и был крайне-крайне поражен… Я глубоко убежден, что договор не увидел бы света, если бы Вы захотели узнать мое мнение. Я нахожу договор невыгодным для нас, т. е. для ЦК и для Партии, во всех отношениях… Сюртук утверждает, что ЦК не должен иметь никаких других транспортных организаций, что, следовательно, даже связи, которые пока только известны мне или Пятнице или которые я буду приобретать, должны сообщаться транспортной группе. Этим ЦК совершенно закабаляется посторонней непартийной группой, снабжение партии заграничной литературой ставится в зависимость от доброй воли людей, которые в смысле устойчивости взглядов… и использования даруемого им доверия зарекомендовали себя с самой худшей стороны…

Получение литературы с той стороны для меньшинства на севере Сюртук должен был бы поручить меньшевикам же, а этим в их руки передаются наши транспортные связи, известные до сих пор только мне. Я, естественно, отказался бы ударить палец о палец для получения и передачи меньшевистской литературы…»

История эта закончилась следующим образом: договор с меньшевиками был расторгнут. Красин поставил Ленина в известность о том, что позиция Литвинова была правильной и принципиальной. Литвинов взял в свои руки Берлинский транспортный центр. Преодолевая самые непредвиденные препятствия, большевики наладили отправку литературы и оружия в Россию.

В Берлине Литвинов пробыл недолго. В России нарастала революция, и ЦК дал указание Литвинову передать Берлинский транспортный центр Пятницкому и выехать в Россию. В конце лета он снова в Риге.

После расстрела у Железнодорожного моста в Риге город напоминал кипящий котел. Полиция зверствовала, аресты следовали один за другим. В Рижскую тюрьму была брошена группа латышских боевиков. Им грозила смертная казнь за взрыв бомб 1 и 2 мая. Должен был состояться военный суд. И вот тогда, в ночь с 6 на 7 сентября, латышские боевые организации напали на Рижскую тюрьму, чтобы спасти своих товарищей. События в Риге получили широкий отклик за границей.

В те дни Литвинова не было в Риге, он разъезжал по Прибалтике, готовил боевые группы к восстанию. В начале 20-х чисел сентября Литвинов получил письмо Ленина с просьбой немедленно сообщить подробности рижских событий. Тон письма Владимира Ильича был обеспокоенный. Ленин и ЦК были против разрозненных стихийных выступлений, справедливо считая, что они лишь распыляют силы и затрудняют подготовку мощного массового вооруженного выступления пролетариата. Литвинов сразу же ответил Ленину.

«Дорогой Владимир Ильич!

Только что получил Ваше письмо и спешу ответить на заданный вопрос относительно нападения на тюрьму.

Вероятнее всего, нападение организовано латышами или федеративным комитетом (латыши плюс бундовцы). Носились с планом освобождения Марка и Жоржа и наши партийные рабочие, но Жорж сидит все время в участке, поэтому я заключил, что это не комитетское дело. Еще менее вероятно участие в этом деле м [еньшевиков]. В одном можете быть уверены: ср. тут ни при чем, их фактически в Риге нет. Словом, я почти убежден, что организаторами являются латыши, о чем телеграфировал Вам сейчас. Из нападавших арестованы двое, освобождено столько же, так что успех надо считать частичным. Кстати, хочу заметить, что редакция «Пролетария» слишком доверчиво относится, кажется, к иностранным газетам. В одном из последних номеров «Прол.» (12

или 13-ом) были перепечатаны из «Локаль анцейгера» телеграммы о столкновении с войсками в Риге с большим количеством убитых и раненых, телеграмма, *ровно ни на чем* не основанная…

Жму руку.

Феликс».[8]

Нарастание революционных выступлений в Петербурге, Москве, события в Риге и других городах России показали, насколько справедливой была резолюция Лондонского съезда РСДРП о необходимости обеспечить рабочие дружины оружием. Но оружия очень мало. Литвинов ожидает прибытия небольших транспортов из Германии, где он сделал закупки пулеметов и винтовок. Но все это капля в море. Нужны деньги, и тогда удастся добыть оружие. Однако партийная касса пуста. В отчаянии Литвинов пишет 26 сентября 1905 года из Риги за границу Ленину и Крупской:

«Дорогие друзья! Преследует меня мысль о доставке оружия. Мог бы совершенно освободить для оружия прошлогодние пути, но где взять деньги? Готов черту душу продать ради презренного металла… Браунинги можно купить в России, но нужны ружья, в особенности маузеровские складные…»

В сентябре Литвинов выезжает за оружием в Петербург. Неожиданно эта его деятельность обрывается. В ноябре 1905 года в Россию из эмиграции возвратился Ленин, который сразу окунулся в гущу партийной работы. И, конечно, в первую очередь провел совещание с большевистской частью редакции газеты «Новая жизнь». Всю практическую издательскую работу в ней вел Литвинов. Но пусть об этой своей деятельности расскажет он сам. Приведем одну из очень немногих оставленных им записей:

«В начале ноября (по старому стилю) – конце октября 1905 года я неожиданно получил от Л. Б. Красина предложение заняться постановкой легальной социал-демократической газеты „Новая жизнь“. Незадолго перед этим я приехал из Риги в Петербург для подпольной работы. Проживал я там по паспорту инженера Людвига Вильгельмовича Ница, ибо к октябрьской амнистии отнесся с большевистским недоверием. Не было также уверенности в том, что все мое прошлое покрывается амнистией, так как охранка обвиняла меня в насилии над часовым при побеге из киевской тюрьмы. Нелегальный подпольщик в роли фактического издателя большой ежедневной газеты – положение, не лишенное пикантности. В прошлом я имел отношение к подпольным печатным станкам, заведовал также экспедицией и типографией „Искры“ в Женеве. Соблазнительно было приложить

руку к делу постановки первого легального социал-демократического органа, и я предложение Красина принял. То же предложение было за несколько дней до этого сделано И. Э. Гуковскому, но дело у него как-то не клеилось, поэтому решено было его назначить секретарем редакции, а административно-издательскую часть «поручить мне.

Хлопоты о даче разрешения на издание газеты потребовали бы слишком много времени, а поэтому решено было воспользоваться разрешением, имевшимся у поэта Минского, который, таким образом, должен был фигурировать в качестве ответственного редактора. Нужно было также легальное лицо в роли официального издателя газеты – и таковым была назначена М. Ф. Андреева. Финансовые заботы взял на себя А. М. Горький.

Я немедленно отправился в Москву для обсуждения ряда финансовых вопросов с Горьким, а также для получения доверенности от Андреевой. Вернувшись из Москвы 8 ноября (26 октября), я получил задание выпустить первый номер газеты на следующий же день. Было заключено временное соглашение с типографией «Народная польза» на Коломенской, помещение для конторы было снято на Невском, но ни мебели, ни штата служащих, ни экспедиции, ничего решительно не было приготовлено. Пришлось наскоро купить мебель, привлечь из районов основной кадр сотрудников, а экспедицию поручить партийному переплетчику Каплану, который, к сожалению, не справился с этим поручением.

Фактическим первым редактором был назначен П. П. Румянцев, а заведующими отделами – внутренним, иностранным, хроники и т. д. – Б. Авилов, Л. Габрилович (Галич), В. Ксандров, К. Платонов, Тэффи и др. Администрация была составлена из Л. Б. Красина, Гуковского и меня.

Петербургскими рабочими и широкой публикой выход первого номера первой легальной социал-демократической газеты ожидался с большим нетерпением. Это нетерпение еще увеличилось, когда стало известно, что с первым номером будет разослано бесплатное приложение – Программа партии. С раннего утра контора на Невском стала осаждаться народом. Типография работала чрезвычайно медленно и за ночь успела выпустить всего около 15 000 экземпляров, которые были буквально вырваны из рук курьеров при доставке их в контору. Печатание пришлось продолжать в течение всего дня, и экземпляры раздавались по мере поступления их в контору.

Об организации продажи газеты через разносчиков в этой суматохе не могло быть и речи, и рабочим из районов приходилось посылать на Невский своих уполномоченных для

получения газеты. То же повторилось и в следующие дни. Типография оказалась не в состоянии удовлетворить спрос. Экспедиция не была еще налажена, и подписчики из провинции, за исключением Москвы, первых номеров газеты не получали. Подписка поступала в контору ежедневно тысячами. Почтовые переводы доставлялись корзинами. Из провинций посылались телеграфно горячие мольбы о высылке газеты. Не зная подписной цены, многие подписчики посылали сотни рублей по телеграфу, умоляя высылать газету по любой цене.

В конторе работала преимущественно партийная публика, с техникой газетного дела незнакомая, и коэффициент полезного действия был не очень высок. Больше всего приходилось страдать от неумелости экспедитора. Самому мне приходилось работать по 20, а иногда по 24 часа в сутки. В течение десяти дней удалось, однако, связаться с новой добавочной типографией, наладить аппарат экспедиции, привлекши к этому делу опытных людей, пересортировать сотрудников в конторе, уплотнив их приглашенными из других газет спецами, выработать договоры с артелями по разноске газет, зарегистрировать газету на почтамте, организовать сеть специальных разносчиков для рабочих районов и сдать в аренду газетные объявления.

Аппарат продолжал еще некоторое время работать с перебоями. Выпуск газеты часто запаздывал к отходу почты вследствие того, что приходилось печатать в двух типографиях – наружный лист в одной, а внутренний в другой, – и вследствие того, что ни контора, ни экспедиция не могли справиться с все увеличивавшимися спросами на газету. Чинил препятствия и почтамт, вследствие чего на вокзалах днями оставались тюки газет. Жаловались подписчики, что почтовые чиновники, почтальоны вынимают газету из бандероли для собственного чтения.

В провинции составлялись кружки для коллективной выписки «Новой жизни». Наживались спекулянты, доводившие цену отдельного номера в провинции до одного рубля и выше. Через месяц, однако, почти все дефекты были устранены, и аппарат стал работать настолько нормально, что, когда в Петербурге было совещание всех администраторов ежедневных газет для выработки общих мер борьбы с почтамтом, полицейскими властями и спекулянтскими газетными артелями, я был выбран постоянным председателем этого совещания. Это означало известную дань уважения к постановке нашей газеты…

Газета вскоре стала центром партийной жизни в Петербурге. В конторе устраивались партийные совещания, собрания, свидания, явки и пр. Становилось тесновато, и пришлось

выселить редакцию в другое помещение, снятое на Троицкой улице.

В контору часто приходили рабочие, крестьяне, обыватели с устными жалобами на притеснение начальства, являлись чиновники, офицеры и даже полицейские каяться и исповедоваться в своих прошлых грехах, заверять в своих симпатиях к социал-демократии. Между прочим, о предполагавшемся окружении и задержании Петербургского Совета рабочих депутатов я получил с утра предупреждение лично от гвардейского офицера, явившегося в контору газеты.

Приезд в Петербург Ленина сразу внес большие изменения в состав редакции. Владимир Ильич не мог мириться с тем влиянием, которое пыталась проводить в газете группа Минского, пользуясь своим формальным правом собственности на газету. Владимир Ильич поставил вопрос ребром, и редакция целиком перешла в руки ЦК. Владимир Ильич с тех пор принимал самое деятельное участие в газете, и частенько я видел его во втором и третьем часу ночи в типографии просматривающим последние корректуры своих статей…

После напечатания «Манифеста» газета была закрыта. Распоряжение полиции было получено в типографии поздно ночью, и по соглашению с наборщиками и печатниками мы решили выпустить последний номер газеты вопреки запрещению. Администрация типографии запротестовала, и ее пришлось заарестовать, заперев на всю ночь в одной из комнат типографии. Отпечатанный номер газеты был отправлен не в экспедицию, а непосредственно в районы через вызванных оттуда партийных работников. Утром полиция должна была констатировать успешное распространение запрещенного номера.

Контора на Невском продолжала еще работать некоторое время для ликвидации дел. Когда я явился раз в контору, швейцар шепнул мне на ухо, что меня желает видеть какой-то сыщик. На мой вопрос, что сыщику угодно от меня, швейцар ответил, что он хотел справиться, работают ли у нас в качестве сотрудников лица, отмеченные им в оставленной швейцару записке. Взглянув на записку, я прочитал свою настоящую фамилию, настоящую фамилию нелегальной сотрудницы Мышь (Лалаянц), а также фамилию моего секретаря Е. Т. Смиттен. Охранке, по-видимому, до самого конца не удалось расшифровать меня, и она собиралась у меня же справиться обо мне самом. Я решил не испытывать больше судьбу и, велев швейцару направить сыщика ко мне, если он явится, отправился в свой кабинет, собрал все необходимые бумаги и черным ходом вышел на улицу, чтобы больше в этом здании не появляться. Через несколько дней

я покинул Петербург. Из газет я потом узнал, что в конторе через несколько дней был проведен обыск, причем было будто бы обнаружено оружие. Было возбуждено в суде дело против М. Ф. Андреевой, Гуковского и меня. Если не ошибаюсь, на суде фигурировали Андреева и Гуковский, а в отношении меня дело было отложено».

Литвинов, разумеется, не знал, что творилось в недрах охранки, какие меры были приняты для его поимки. Об этом рассказывают архивы департамента полиции. Охранка действительно напала на след Литвинова в Петербурге. Но ей не удалось установить, что Людвиг Вильгельмович Ниц – это и есть Литвинов. Лишь 4 января 1906 года, когда «Новая жизнь» уже была под запретом, департамент полиции направил секретный циркуляр (№ 171) начальнику петербургского охранного отделения, в котором указывалось, что, «по полученным из агентурного источника сведениям… Макс Баллах в настоящее время прибыл в Петербург, где занимается в редакции газеты „Наша жизнь“. Слово „Наша“ какой-то полицейский чин перечеркнул, написал „Новая“ и предписал „обратить внимание на деятельность и сношения названного Валлаха и о последующем уведомить“.

Однако «названный Баллах» не был тогда арестован. Напуганное революцией, царское правительство допустило некоторую либерализацию общественной жизни. Это и позволило Литвинову избежать ареста.

1906 год начался *в* России разгулом реакции. Много лет спустя Литвинов вспоминал об этом периоде: «Разогнан первый Совет рабочих депутатов в Петербурге, подавлено вооруженное восстание в Москве, закрыты легальные социал-демократические газеты… Меньшевики поспешно сворачивают знамя, провозглашают конец первой революции, усердно занимаются угашением революционного духа пролетариата и подготовляют ликвидацию партии.

Революционный авангард рабочего класса – большевистская партия – под руководством Ильича еще долго остается на боевом посту, не складывая оружия, призывая и подбадривая революционные отряды к новому штурму на самодержавие: «Мы еще повоюем!»

Но для того чтобы воевать, необходимо оружие. Его требуют местные организации большевиков. Особенно энергично добивается оружия Закавказье. Еще осенью 1905 года в Петербург из Тифлиса прибыли ходоки. Они вручили ЦК двести тысяч рублей, просили закупить за границей оружие. ЦК решил

поддержать закавказских большевиков, и сразу же возник вопрос: на кого возложить эту сложную и опасную миссию?

После запрещения «Новой жизни» Литвинов обратился в ЦК за новым заданием. Надо немедленно решать этот вопрос. Красин по поручению ЦК предложил Литвинову два варианта: он может немедленно выехать с Максимом Горьким в Америку, организовать там для него лекции и выступления, сбор с которых пойдет на нужды партии. Либо Литвинов примет другое задание – добыть оружие для закавказских и других организаций большевиков.

Литвинов не колеблется ни минуты. Поездка в Америку – это, в сущности, отдых. Это не для него. Как он может уехать из России, когда здесь все бурлит, здесь революция. И он решительно отклоняет предложение. Организация транспортов оружия для вооруженного восстания – вот это дело, это по нему. Он принимает второе предложение ЦК.

И здесь мы открываем одну из самых блистательных страниц дооктябрьской биографии Литвинова.

Глава третья
Водворитель оружия

В начале 1906 года в Париже, на улице Порт Ройял, 85Bd, появилась конторка какого-то русского эмигранта. Агентура царской охранки всполошилась: кто этот эмигрант, чем занимается, для чего открыл контору? Вскоре в Петербург была отправлена шифрованная телеграмма, в которой сообщалось, что контора принадлежит некоему Лелькову, а Лельков этот, возможно, не кто иной, как известный революционер Литвинов. Контора его вроде занимается поставками каких-то товаров, но есть сведения, что Лельков-Литвинов вынашивает какой-то чрезвычайно опасный для Российской империи план.

Действительно, под вывеской парижской конторы Литвинов энергично занялся размещением оружейных заказов на европейских заводах. Он решил заказать несколько тысяч винтовок системы Маузера и Манлихера, соответствующее количество патронов, а также пулеметы и различное мелкое оружие. Наиболее портативными считались тогда датские пулеметы. Датчане приняли заказ, сообщили, что через несколько дней в Париж прибудет офицер датской армии, который доставит образцы пулеметов для испытаний.

Но в каком качестве предстанет Литвинов перед датским офицером? В качестве российского революционера? Такой вариант исключается. Литвинов принял решение: он будет фигурировать в своих отношениях с европейскими фирмами как офицер армии Республики Эквадор. Страны Латинской Америки часто воюют друг с другом, посылают своих представителей в Европу за оружием. Офицер армии Эквадора ни у кого не вызовет подозрения. Встреча с датским офицером сошла благополучно.

Все лето 1906 года Литвинов разъезжал по Европе. Разместил заказы на оружие в Брюсселе, Вене, Карлсруэ, Гамбурге, Берлине, Гааге, Льеже.

Во что бы то ни стало надо было создать филиалы парижской конторы в различных городах Европы. Один такой филиал был в Цюрихе. Другой Литвинов организовал вЛьеже во главе с болгарином Борисом Спиридоновичем Стомоняковым, ставшим через много лет крупным советским дипломатом. Подобные филиалы были созданы и в других городах. Помогала ему в этой работе большевистская связная Р. А. Дудовская, с которой велась постоянная переписка.

Из Москвы в Париж.

«Москва, 27 февраля

1906 года.

Предположения оправдались, и я в участок таки попал. Но… пробыть там пришлось лишь несколько часов.

Наконец-то удалось выбраться из злокозненного Питера, и вот я… в Москве. Сегодня я отсюда удираю по направлению к Западу. Если у Рубакина ничего не случится – могу в субботу уже очутиться в Берлине. Оттуда напишу».

О том, кто такой Рубакин, и о его деятельности читатель узнает несколько позже.

Из Софии в Париж.

«19 июля 1906 года.

Привет! Только что прибыл в столицу братушек. Полицейские, жандармы и офицеры в русской форме, на границах проверка паспортов. Мостовая ухабистая, членовредительная. Словом – русская цивилизация. Минутами кажется, что гуляю по Смоленску, Пскову и т. п. Всюду родная картина, приправленная некоторыми восточными мотивами. Еще никого не видел здесь, поэтому не знаю, сколько проторчу здесь…

Макс».

Из Софии в Париж.

«26 июля 1906 года.

Только что, перед самым отъездом, получил Ваше заказное. Там находился чек, о котором я Вас спрашивал во вчерашнем письме. Справляться в банке уже не надо. Пусть деньги пока остаются в банке. На днях укажу, куда их выслать.

С приветом.

Макс».

Из Вены в Париж.

«28 июля 1906 года.

7 часов вечера. Сижу как на иголках и с величайшим нетерпением ожидаю Вашей телеграммы о новом (слово неразборчиво). Предположения, которые делал, совершенно парализуют мои дальнейшие действия.

Итак, жду. Только что получил Ваш Expressbrief.

Макс».

Из Вены в Геную.

«…Я приближаюсь к желанному Карлсруэ на всех парах, сокращая, елико возможно, свои остановки в Берне и Берлине…

Адрес я Вам сообщил. Мне Вы можете писать через „Маленького“. [9]

Ваш Макс».

Вполне респектабельный вид, отличное знание языков позволили Литвинову стать «своим человеком» в дирекциях крупнейших оружейных фирм. Так, заказы на маузеры Литвинов разместил на бельгийских заводах, а патроны к ним заказал на немецких предприятиях «Дейтше ваффен-фабрик» в Карлсруэ. Партию винтовок системы Манлихера перехватил на складах в Триесте: какая-то страна заказала эти винтовки и не выкупила их. А уже в Вене он заказал патроны к этим винтовкам на крупнейших австрийских оружейных заводах «Штейер», отрекомендовавшись там представителем бельгийской фирмы. Это не вызвало никаких подозрений. Бельгийские заводы пользовались в Европе солидной репутацией, а «представитель» их говорил на таком блестящем французском языке, был так обворожителен и мил, что австриец просто не знал, куда его посадить.

А вот в Карлсруэ Литвинов, заказывая патроны для винтовок Маузера, попал в такую ситуацию, какую можно встретить лишь в авантюрных романах.

Явившись к директору завода и объяснив цель своего приезда, «я получил от него малоутешительное сообщение, – позже вспоминал Литвинов, – что в Карлсруэ находится также приемочная комиссия русского правительства. Директор предложил мне поехать с ним к этой комиссии, чтобы вместе отправиться на стрельбище для производства испытаний». Отступать было поздно, к подъезду дирекции уже подкатил экипаж. «Пришлось принять это предложение, познакомиться с русскими офицерами и на несколько часов даже подружиться с ними. Они дали мне весьма ценные, авторитетные указания при испытаниях патронов, благодаря чему несколько ящиков патронов мною были забракованы». „

После стрельбищ на полигоне всей компанией отправились в бар, пили пиво, хлопали друг друга по плечам. Литвинов кричал: «Рюсс карош!», офицеры отвечали ему на варварском французском языке, приглашали в Россию. Литвинов вежливо поблагодарил и обещал приехать. Дал свою визитную карточку.

Но до отправки оружия в Россию было еще далеко. Много опасностей и преград стояло на этом пути.

Крупнейшие деятели охранки в России и ее наиболее опытные заграничные резиденты – Гартинг, заведующий заграничной агентурой, штаб которого находился в Берлине,

резидент охранки в Париже Крафт, на Балканах j-jjpc – и некоторые другие тайные агенты были брошены на выполнение очень важной операции: проследить и попытаться предотвратить готовящуюся большевиками операцию по переброске оружия в Россию.

9 марта 1906 года в справке, составленной для высших полицейских чинов империи на основании донесений Гартинга, указывалось: «Недавно в Берлине был проездом из Петербурга известный социал-демократ Меер Баллах, он же Литвинов, Феликс и Папаша. Ему поручено произвести немедленно закупку оружия в крупных размерах и, кроме того, устроить на ближайшее время доставку оружия в Россию (револьверов, патронов, ружей, пулеметов и т. д.). На помощь ему приехал также социал-демократ, известный под кличками Герман и Виктор, из Гельсингфорса, на днях приедет также известный Петр Гермогенович Смидович, он же Василий Иванович Червинский и Матрена. Последнему поручается устроиться в наиболее подходящем порту для отправки оружия (название порта будет установлено агентурой).

Решено закупить в значительном количестве «запалки» для бомб. Пересланные до сих пор «запалки» находятся в целости в Петербурге.

Баллах ездил из Берлина в Карлсруэ для свидания со своим братом и чтобы побывать на фабрике Бергмана, где выполняется заказ пулеметов и карабинов. В настоящее время Баллах находится в Париже, который будет центром для заведования делом оружия. Денежные же средства будут сосредоточиваться в Берлине. На этой неделе ожидают там присылки из Петербурга 35 000 руб. Опасаются, чтобы крупные суммы, посылаемые из России, не конфисковались бы вследствие циркуляра о «сомнительных деньгах». Агентуре будут известны адреса, по которым большие суммы будут пересылаться из России для социал-демократической партии».

5 июня 1906 года особый отдел петербургской охранки представляет департаменту полиции новую специальную справку (№ 8609) о деятельности Литвинова: «В Марселе находится в настоящее время известный революционный деятель Меер Баллах, занимающийся по поручению революционной партии организацией провоза оружия морским путем в черноморские и балтийские порты, причем в этом деле ему помогают члены „Латышской революционной группы“, посылающие все время из северогерманских портов в Прибалтийский край небольшие транспорты оружия».

Охранка приводит в действие всю свою агентуру в Европе, ей

удается установить еще некоторые факты. Департамент полиции направляет в особый отдел охранки совершенно секретный документ (№ 11397): «По имеющимся в департаменте агентурным сведениям, член Центрального комитета социал-демократической партии, известный в среде единомышленников под именем Никитича, переслал на днях из С.-Петербурга в Париж через Кредит Лионе 10 000 рублей. Кроме того, известно, что Центральному комитету раньше было переслано из России 90 000 рублей. Все эти суммы идут на покупку оружия, которой руководит Меер Баллах, он же Литвинов».

Деньги для закупки оружия поступили не только от закавказских товарищей. Большие суммы собрали рабочие в России: 20 тысяч рублей было отправлено в Париж Литвинову. Значительный вклад сделал А. М. Горький.

Гартинг доносил, что ему удалось перлюстрировать некоторые письма Литвинова, из которых явствует, что деньги из Петербурга пересылаются Романом Семеновичем Малкиным, который проживает в Петербурге на Большой Пушкарской улице, дом 61, и Екатериной Федоровной фон Крит, проживающей на станции Мустомяки Финляндской железной дороги, на даче Прангальса.

Еще 23 марта Гартинг представил охранке перлюстрированное и расшифрованное письмо Литвинова, которое было направлено из Парижа в ЦК РСДРП в Петербург. Литвинов писал: «Дорогие друзья! Постараюсь ответить на интересующие вас вопросы:

1) Немцы уделили нам 10 000 марок и передали их одному товарищу (Kohn, немецкий социал-демократ, адвокат), которого Дейч назначил уполномоченным. Деньги на этих днях будут вручены Аб-ву (Роману). Чтобы не переводить денег туда и обратно, предлагаю оставить эти деньги здесь, а вы сможете соответственную сумму удержать из кавказских денег…

2) Горький отсюда на днях уехал в Швейцарию несколько отдохнуть…

3)Инженера здесь не застал… Как только Г. приедет, я отправлюсь в Цюрих для переговоров с Инженером. Знакомлюсь пока с разными системами оружия и с ценами и сообщаю связи. Закупка больших затруднений не представит… Перевозку можно было бы осуществить через Болгарию при посредстве македонцев.

Имеется здесь еще около 2000 франков, оставшихся от ликвидации жел. имущества. Затем от чтений А. М.[10] около *5000* франков. А. М. из этих денег ничего не взял и ездил на собственные деньги».

Из донесений Гартинга выяснилось среди прочих

любопытнейшая деталь. В августе 1906 года охранка не знала, что в России все нити по закупке оружия ведут к Л. Б. Красину.

Не удалось охранке выяснить и роль Людвига Карловича Мартенса – Инженера, который в 1906 году в Цюрихе занимался изготовлением изобретенного им скорострельного портативного пулемета. Большевики хотели взять этот пулемет на вооружение. Литвинов приезжал к Мартенсу в Цюрих, вместе с ним испытывал новый пулемет. Из-за технического несовершенства пулемет не мог быть запущен в производство. Мартене участвовал в сборке пулеметов из частей, которые Литвинов закупил в разных странах.

Разместив заказы на оружие в различных странах Европы, Литвинов приступил к решению не менее важной задачи. Предстояло перевезти оружие в один из портов для дальнейшей отправки в Россию. Но какой выбрать порт?

Агенты охранки дежурили во всех портах Европы, многие из них там поселились надолго в надежде выяснить, какими путями будет отправлено оружие. Гартинг доносил охранке: «Пути доставки оружия в Империю намечаются: 1) через Финляндию пароходами, 2) через Америку, 3) через Германию и 4) морем в Одессу. Больше всего возлагают надежд на первый путь, но ввиду слухов, что там увеличивают число войск, надеются на Америку, где хотят закупить оружие и устроить путь через Америку – Японию – Сибирь. С этой целью Герману[11] поручено сопровождать Горького во время его поездки в Америку. На Германию рассчитывают менее всего, так как в самой России по железной дороге от границы считают почти невозможным провозить что-либо, тем не менее будут пытаться пользоваться этой границей при помощи контрабандистов. Этот путь будет организован при ближайшем участии проживающих в Берлине: латыша под фамилией Гофман, личность которого выясняется, и финляндца Карла Берга, слывущего за купца, имеющего всюду связи, члена Красной Гвардии, работающего пока с латышами в деле провоза оружия в Империю. В Петербурге также много оружия, но пока нет никакой возможности пустить в ход, так как многие ружья не имеют соответствующих патронов и имеется много патронов, для которых не имеется ружей. В Петербурге есть даже одна украденная пушка большого калибра».

Предположения Гартинга оказались неточными. Задача состояла в том, чтобы найти порт, максимально приближенный к Кавказу. Надо было еще и зафрахтовать пароход, найти смелого капитана, который согласился бы произвести перегрузку оружия ночью в открытом море на парусные лодки-фелюги недалеко от

Батума. Невероятно трудно было законспирировать отправку оружия, укрыть его от» царских ищеек, усыпить бдительность таможенных властей в порту отправки. Ведь власти в любом порту мира обязаны знать, куда направляется каждое судно и что оно везет.

Литвинов объехал почти все порты Нидерландов, Бельгии, Франции, Италии и Австро-Венгрии, советовался с друзьями в социалистических партиях, профсоюзах. Все они говорили, что затея неосуществима. После длительных размышлений он решил сконцентрировать оружие в болгарском порту Варна и оттуда отправить его в Россию.

Начались переговоры с болгарами. Литвинов ищет пути в правительственные сферы. Он уверяет болгар, что оружие закуплено для армян, готовых бороться против турецких угнетателей. Эта идея близка и понятна болгарам, но они колеблются. Литвинов завязывает тесные отношения с македонскими революционерами, с неким Тюфенчиевым, человеком смелым до отчаянности, но, как позже выяснилось, не очень разборчивым в средствах. Тюфенчиев требует денег, много денег. Говорит, что они ему необходимы для оплаты и прочих целей.

Тюфенчиев хоть и пытается сделать все от него зависящее, однако его возможности не безграничны. Необходима помощь какого-нибудь могущественного в высших правительственных сферах Болгарии лица, иначе операция сорвется. И тогда Литвинов решается на отчаянный шаг. Он возвращается в Париж и встречается там с болгарским военным министром генералом Савовым. О чем они говорили, неизвестно, однако военный министр обещал помочь Литвинову. Оружие в запломбированных вагонах отправили в Варну. Теперь надо зафрахтовать или, скорее, купить пароход.

Литвинов разрешил и эту проблему: «Я решил купить собственное суденышко и вызвать для него надежную команду из России. И мне действительно удалось купить в Фиуме за сравнительно небольшую плату в 30 тысяч франков небольшую яхту, сделавшую переход из Америки в Европу и по своей вместимости вполне годившуюся для наших целей. Купил я ее на свое имя, прописавшись в Фиуме по болгарскому паспорту брата Наума Тюфенчиева. Отремонтировав яхту на острове Люсин Пиколо и приспособив ее для товарных перевозок, я отправил ее со старой командой… В Варне все было готово для отправки в июле или в августе, и я не сомневаюсь, что все сошло бы благополучно, если бы мы могли тогда произвести отправку. Произошла, однако, заминка финансового характера». Что же

случилось?

11 сентября 1906 года на имя Гартинга поступило донесение от агента, выполнявшего особую миссию. Агент этот по долгу своей осведомительской службы находился в Лондоне, но писал он свое чрезвычайно секретное донесение в английской столице или в Берлине, установить невозможно.

«Литвинов сейчас тут. У него вышло с ЦК недоразумение. ЦК растратил 40 000 рублей и не хочет отдать. Поэтому Литвинов послал двух грузин в ЦК с требованием вернуть деньги, или грузины укокошат кого-нибудь из ЦК. Сами грузины рвут и мечут. Вероятно, что деньги они получат, но пока задержка».

Шпик охранки пытается что-то разнюхать, но безрезультатно. Он не знает о конфликте Литвинова с меньшевиками.

С отправкой оружия из Варны в Батум действительно произошла задержка. И здесь мы переходим к самой драматической странице эпопеи.

Литвинов получил задание организовать транспорты оружия в начале 1906 года. Задание это было выработано и поручено ему большевистским Центральным Комитетом, Но пока Литвинов находился в своей «штаб-квартире» в Париже и размещал заказы на оружие, в партии произошло событие, имевшее тяжкие последствия для батумской акции. В апреле 1906 года, как известно, в Стокгольме собрался IV «Объединительный» съезд РСДРП. Еще до съезда, в феврале 1906 года, Владимир Ильич Ленин разработал платформу большевиков – проекты основных резолюций съезда. Большевистские резолюции – эта линия была проведена Лениным на съезде – звали к подготовке нового революционного натиска на самодержавие. Меньшевики выдвинули к съезду свою тактическую платформу, в которой, по существу, отказывались от революционных форм борьбы. На Стокгольмском съезде меньшевики имели больше мандатов, чем большевики. Из 112 делегатов с. решающим голосом 62 были меньшевики, 46 – большевики.

Хотя Стокгольмский съезд формально закрепил объединение партии, на деле этого единства не получилось.

Узнав, что в новый ЦК выбрано большинство меньшевиков, Литвинов немедленно подал в ЦК прошение об отставке. Ибо кому же потребуется оружие, если ЦК отказывается от вооруженной борьбы? Но ЦК отставки не принял. Почему?

Пусть об этом расскажет сам Литвинов: «Велико было мое изумление, когда новый ЦК, очевидно под давлением закавказской организации, подтвердил мой мандат и предложил мне продолжать и закончить начатое дело. Но, якобы благословив меня на продолжение дела на словах, новый ЦК на деле

прекратил всякую поддержку. Я в самом деле не был достаточно предусмотрителен, чтобы перевести за границу всю доставленную в мое распоряжение кавказскими товарищами сумму, выписывая деньги от ЦК по мере надобности.

До Стокгольмского съезда мои финансовые требования удовлетворялись т. Никитичем без всяких задержек, и я в свою очередь имел возможность оплачивать счета, скрепляя свое положение и доверие к себе со стороны коммерсантов, с которыми мне приходилось иметь дело. С переходом же ЦК в руки меньшевиков в пересылке денег наступили серьезные перебои. На телеграммы и письма в ЦК я подолгу не получал ответов, просьбы о денежной помощи оставались гласом вопиющего в пустыне. Я протестовал, ругался, указывал, что успех дела зависит от своевременной отправки оружия в спокойную погоду, до наступления осенних штормов в Черном море. Видя, что делу грозит несомненный крах и что письмами и телеграммами на меньшевистский ЦК не воздействуешь, я вынужден был отправиться в Петербург».

Литвинов выехал в Россию в конце сентября 1906 года. Из Парижа он отправился в Берлин, а оттуда – в Петербург.

Едва ли он подозревал, что парижский резидент царской охранки Крафт отправил 2 октября в Петербург шифрованную телеграмму (№ 81/1544) директору департамента полиции, в которой сообщалось, что через Берлин – Эйдкунен в Петербург проследует Литвинов с паспортом на имя купца Густава Графа из Дрездена.

События в последующие дни октября развертывались с необычайной стремительностью. Шифровки департамента полиции в охранки Петербурга, Варшавы, Вильно и других городов позволяют проследить весь путь Литвинова. Первая шифровка за № 18689 начальнику петербургской охранки поступила 9 октября. В ней сообщалось, что «указанный в циркуляре от 11 сентября 1906 года за № 8404 Баллах, он же Литвинов, 9 сего октября переехал в Александрове границу с паспортом Густава Графа из Дрездена, следует в Петербург.

Об изложенном департамент полиции уведомляет Ваше Высокоблагородие, присовокупляя, что жандармскому офицеру на вышеуказанном пограничном пункте было предложено взять названное лицо под неотступное наблюдение».

На следующий день, то есть 10 октября, департамент полиции направляет срочную шифрованную телеграмму (№ 4335) начальнику варшавской охранки. Придется и ее привести полностью, ибо она, кроме всего прочего, проливает свет на естественный вопрос: почему охранка, зная, что Густав Граф – это

и есть Литвинов, не арестовала его там же, на станции Александрове: «Переехавший девятого октября границу через Александрове с паспортом на имя Густава Графа упомянутый циркуляром 11 сентября 1906 года № 8404 Баллах, он же Литвинов, организатор водворения оружия, направляется через Варшаву в Петербург. Возьмите неотступное наблюдение для выяснения связей своими филерами до передачи петербургскому наблюдению. Дневники наблюдения подлежат представлению департамент немедленно».

В тот же день петербургская охранка получила еще одну шифровку, в которой предписано было во что бы то ни *стало* проследить его связи в России.

Кто же сообщил об отъезде Литвинова в Россию и кто, наконец, знал, что у него фальшивый паспорт на имя дрезденского купца? Полуистлевшие страницы архивов царской охранки позволяют утверждать, что это был провокатор, пробравшийся в заграничную русскую колонию.

В начале ноября 1906 года Гартинг, соблюдая особую секретность, доносил вице-директору департамента полиции Васильеву о фактах чрезвычайной важности. Гартинг писал:

«Милостивый государь Алексей Тихонович!

При личном докладе моем господину директору департамента полиции его Превосходительство выразил желание, дабы сотрудник заграничной агентуры, занимающий видное место в социал-демократической организации за границей, приложил все старания к выяснению названия и времени отхода парохода, который будет отправлен в Россию известным Меером Валлахом с транспортом оружия из заграничных портов (Триеста или Фиуме)».

А теперь познакомимся с письмом провокатора. Кстати, его автор и был тем агентом охранки, который доносил, что у Литвинова вышло недоразумение с ЦК, а грузины рвут и мечут. Вот что он доносил своему шефу:

«Ваше письмо и деньги я получил. При всем моем критическом отношении к самому себе я не могу сказать, чтобы я плохо работал. Состою я членом Заграничной Центральной группы, умею ужиться с большевиками и с меньшевиками, приходится вести колоссальную переписку, веду личные сношения с массой людей и т. п. Работать в буквальном смысле слова приходится втрое больше, чем когда-то. Мало того, мне обязательно надо заниматься медициной, так как иначе меня спрашивают, зачем я остаюсь за границей. Так что работаю я и готов работать сколько угодно. Дело вовсе не во мне, а в том, что за границей очень трудно получать сведения реализуемого

характера. А будет это до тех пор, пока репрессиями не выгонят революционеров из России и особенно из Финляндии. Тут для того, чтобы попалось хорошее дело, приходится выжидать. Как можно сравнивать, что было раньше и что теперь. Раньше вся революция была здесь, теперь она вся в России или в Финляндии. Конечно, чтобы иметь лучшие сведения, надо ехать обязательно в Россию. Как можете вы упрекать меня с Литвиновым, когда уже дважды испортили мое положение, в первый раз с карабинами, после чего Литвинов стал в 100 раз конспиративней, и теперь вторично, как я же предложил следить за ним, и уже в Александрове было как 2 х 2 ясно, что следят за его паспортом, что паспорт полиции известен. Вместо того, чтобы устроить слежку, чтобы он ничего не видел или если видал, то объяснил бы случайностью, его в Александрове выделили из всей публики и начали приставать, не говорит ли он по-русски, как его фамилия произносится и т. п. Это в то время, когда тут же 30 иностранцев проехало без задержки».

В этом месте на донесении есть замечание жандармского полковника Герасимова: «Поставить на вид Середову полную неумность».

Далее провокатор писал: «И на него самого не обратили внимания, а именно придрались к паспорту, а паспорт был известен исключительно мне одному. Мало того, после этого началась такая слежка, что оставалось вне всякого сомнения, что его вполне планомерно ведут к месту его назначения. Помилуйте, ведь я могу быть после такой вещи вполне провален. Представьте, что Литвинов подозревает меня… и все дело будет потеряно. И я подчеркиваю, что дело Литвинова, название и местонахождение парохода я мог бы 2–2 с половиной месяца тому назад знать, если бы мне не испортили. А сейчас приходится прямо опасаться за свою шкуру».

Из Александрова Литвинов выехал в Варшаву, а оттуда – в Вильно. Ротмистр Заварзин из варшавской охранки доносил в Петербург, что варшавские филеры сопровождали Литвинова до Вильно и «Густав Граф сего числа передан в Вильно местным филерам для дальнейшего сопровождения». События как будто развивались нормально, и охранка была уверена, что Литвинов со всеми связями у нее в руках.

Но вдруг произошло чрезвычайное событие: Литвинов уехал из Варшавы в Вильно в сопровождении двух опытнейших варшавских шпиков, а когда поезд пришел в Вильно, Литвинова в вагоне не оказалось. Начальник виленской охранки подполковник Шебеко телеграфировал в Петербург, что «Литвинов варшавским филером утерян». В виленской охранке началась паника. Двое

шпиков охранки, Кокор и Дмитриев, получили задание любой ценой найти Литвинова «по описанию».

Варшава, Вильно и Петербург непрерывно обменивались шифровками. После долгих поисков Литвинов был обнаружен. В дневнике наблюдения за Августом, представленном в департамент полиции 14 октября 1906 года подполковником Шебеко, подробно описывается вся операция: «Август 10 октября в 10 часов утра был взят по приметам, полученным от варшавского филера, на Большой улице по направлению от Пушкинского сквера.

На вокзале он был удостоверен варшавским филером. Поездом № 14 в 12 часов дня отправился в С.-Петербург под наблюдением наших филеров Кокора и Дмитриева.

11 октября в 8 ч. утра прибыл Август в Петербург, где сел на извозчика, проехал на Николаевский вокзал, сдал там вещи на хранение и отправился в город, где и был передан под наблюдение петербургским филерам Мицкусу и Кудзейко».

Не повезло петербургским шпикам: Литвинов ушел и от них. И случилось это в первый же день пребывания Литвинова в Петербурге. Как сквозь землю провалился. Охранка была в бешенстве. Заподозрили, что Литвинов скрылся в Варшаве или в Вильно. Шифровки одна грозней другой полетели во все города. Две недели искали Литвинова в Петербурге, Варшаве, Вильно, Риге и других городах империи. Лишь 24 октября 1906 года I особый отдел петербургской охранки смог наконец доложить вице-директору департамента полиции Васильеву, что Литвинова удалось обнаружить.

Литвинов провел в Петербурге несколько дней. Деньги у меньшевиков забрал. Зная его крутой нрав и решительность, они спорить долго не стали, но все же урвали довольно значительную сумму, предназначенную для транспортов оружия. После крупного разговора он выехал в Териоки.

Литвинов не стал дожидаться визита полицейских ищеек, быстро завершил дела в Финляндии и отправился в Варну. Прибыв туда, он окончательно убедился, что время для отправки яхты упущено. Море штормило. Он вспоминал этот день: «Пришлось наскоро произвести погрузку, хотя присланная из Одессы команда большого доверия мне не внушала. Думать о замене малонадежного капитана другим товарищем не приходилось. Я возлагал надежду главным образом на своих собственных сотрудников, посаженных мною на судно, среди которых такой испытанный революционер, как Камо. С облегченным сердцем я смотрел с берега на удаляющуюся яхту, и мне мерещилось уже полное осуществление революционного

предприятия, над которым я работал десять месяцев.

Увы! Через три дня я узнал в Софии, что из-за шторма, а может быть, из-за неопытности капитана яхта села на мель недалеко от румынского берега, команда разбежалась, рискуя попасть в руки румынской полиции, а оружие растащено румынскими рыбаками».

Литвинову ни тогда, ни много позже так и не удалось узнать судьбу транспорта. Оружие не попало в руки румынских рыбаков. Его успели захватить румынские власти, и в их руках оказалось 2 тысячи винтовок и 650 тысяч патронов.

В штормовую ночь Камо и другие большевики оставили затонувший корабль.

Много лет спустя, вспоминая об эпопее с оружием для Батума, Литвинов упомянул и о судьбе капитана «Зоры» – так называлась яхта. Он был арестован в Одессе, и его отправили в Петербург, где заточили в Петропавловскую крепость. По архивам охранки удалось узнать подробности судьбы капитана «Зоры», которые Литвинову так и остались неизвестными.

В мае 1907 года в одесскую охранку поступил донос: в квартире № 57 дома № 5 по Подольской улице нелегально проживает какой-то приезжий, именующий себя мелитопольским гражданином Никитой Николаевичем Морошкиным. После ареста выяснилось, что подлинное имя Морошкина – Афанасий Каютин-Каютенко и он был капитаном «Зоры».

Прибыл Каютин-Каютенко в Одессу сразу же после гибели «Зоры», в конце 1906 года, установил связь с местной социал-демократической организацией и вошел в Одесский боевой стачечный комитет. Его партийная кличка была Владимир. Арестовали Каютина-Каютенко на квартире у его знакомой Клавдии Афанасьевны Василенко, которая была членом портового комитета Одесской социал-демократической организации. На квартире у Василенко было обнаружено много нелегальной литературы.

После ареста Каютину-Каютенко предъявили обвинение в том, что он был капитаном «Зоры», а появившись в Одессе, вел революционную агитацию на пароходе «Екатеринослав» Добровольного флота.

Дальнейшая судьба Афанасия Каютина-Каютенко стала известна много позже. Бывший капитан «Зоры» навсегда остался верен идеалам революции. В годы Великой Отечественной войны Афанасий Каютин-Каютенко оказался на оккупированной территории, помогал партизанам. На его глазах гитлеровские палачи пытали его жену, добиваясь, чтобы она указала, где

находится партизанский отряд. Афанасий Каютин-Каютенко и его жена предпочли смерть предательству.

Узнав о гибели «Зоры», Литвинов помчался в Бухарест, надеясь спасти оружие. За ним ринулся туда агент царской охранки Гирс. 27 декабря 1906 года Гирс доносил в Петербург: «Приехал из Варны с Валлахом. У него русский паспорт Николай Марков, выдан московским обер-полицмейстером 1906 г. 13 мая. Встречал доктор Раковский, у кого и живет наблюдаемый. Прошу пришлите деньги, от октября he получил. Гирс».

Свои сребреники Гирс получил. На его доносе была наложена резолюция: «Деньги выдать». А вот Литвинова он упустил.

Литвинов недолго задержался в Румынии. Спасти оружие не удалось. Полиция рыскала вдоль всей береговой полосы. Литвинов выехал в Германию, а затем появился в Париже и других городах, продолжая отправку оружия в Прибалтику. Через Тильзит, Финляндию, используя старые искровские пути, Литвинов при помощи латышских боевиков направляет оружие в Ригу, Петербург и другие города.

Охранка бдительно следит за ним, вновь теряет его из виду, ищет, но безрезультатно: Литвинов уже далеко. В августе 1907 года он отправляется в Штутгарт на конгресс II Интернационала. Большевистское крыло РСДРП возглавил В. И. Ленин, секретарем делегации был М. М. Литвинов. В России Литвинов появился в канун «Третьей общероссийской» конференции РСДРП. Он объезжаем вместе с А. А. Богдановым большевистские организации Поволжья. Богданова охранка уследила, а вот кто еде: вместе с ним, долго не могла установить. Шифровки из Петербурга в Москву, Саратов, другие города утверждали, что в Поволжье появился какой-то крупный агент ЦК РСДРП. Наконец начальнику саратовской охранки удалось установить, что вместе с Богдановым по России разъезжает Литвинов и оповещает делегатов об общероссийской конференции социал-демократов, которая должна открыться в Гельсингфорсе. Он послал срочную шифровку в Петербург, сообщил, что проездом из Саратова поездом номер 14 Литвинов выехал из Москвы в Петербург. Но у полиции не было никакой уверенности в том, что Литвинов прибудет в столицу.

И тогда же, 2 ноября 1907 года, директор департамента полиции разослал «молнию» во все охранки империи, предлагая любой ценой задержать Литвинова. До каких же пор этот неистовый большевик будет обводить вокруг пальца всю полицию России, ускользая из таких ловушек, в которых уж наверняка должны были его взять! Шифровка эта столь ярко характеризует, какое значение охранка придавала Литвинову, что ее стоит

привести полностью: «Около более крупных социал-демократов большевиков должен появиться очень серьезный большевик Меер Валлах, он же Литвинов, следующих примет: лет 35, среднего роста, очень плотный, полное лицо, светлые глаза, рыжие волосы и подстриженные усы, носит очки или пенсне, производит впечатление артиста, может, если позволяет обстановка города, носить хорошее платье. Старая, не совсем удачная карточка разослана. Предпримите самые энергичные розыски по описанным приметам постановкою наблюдения за большевиками, а также на вокзалах и, если есть, пристанях, безусловно арестуйте, примите меры против побега и отправьте сильным караулом Петербург, начальнику охранного отделения».

Все приметы, приведенные в шифровке директора департамента полиции, были правильны, кроме одной: Литвинову тогда исполнился тридцать один год.

Не задержала охранка Литвинова. Ушел он из ее сетей и на этот раз.

Его ждало новое поручение Центрального Комитета.

Глава четвертая
Берлин – Париж

9 ноября 1907 года в Берлине, на Эльзассерштрассе, 44, был арестован Камо. Царская полиция имела сведения, что легендарный кавказец вместе с Литвиновым добывал в Европе оружие, участвовал в снаряжении «Зоры», и теперь жандармы пытались уточнить все этапы связи Литвинова с Камо. Они были твердо убеждены, что именно Литвинов был тем человеком, который готовил Камо к дерзкой экспроприации, всполошившей не только охранку, но и все полицейские департаменты Европы.

Особенно усердствовал заведующий заграничной агентурой Гартинг. Вот уже пять лет Литвинов колесит по всей Европе, нелегально пробирается в Россию, снова возвращается, отправляет оружие, и никак охранка не может его поймать. Гартинг уже получил за Литвинова не один выговор. И он теперь просто неистовствует. Ведь задета честь полицейского мундира.

31 октября 1907 года полицейские чины докладывали Директору департамента полиции, что «Меер Баллах теперь в Поволжье: он был дней 12 тому назад в Козлове. Его последние приметы: среднего роста, рыжий с красноватым оттенком, полное лицо, светлые глаза, носит пенсне, имеет рыжеватые небольшие усы, плотная фигура».

И вот его ищут по России, везде, где есть неусыпное око охранки. А оно в России повсюду. И не могут найти. Начальник козловского отделения московско-камышинского жандармского полицейского управления железных дорог доносит в Петербург 2 декабря 1907 года: «Вследствие телеграмм от 2 ноября доношу Вашему превосходительству, что по моей просьбе фотографическая карточка Меера Валлаха была мне тотчас прислана начальником губернского жандармского управления. Унтер-офицеры узловых станций отделения, а также местная полиция были ознакомлены с карточками и приметами разыскиваемого, и за появлением его на вокзалах и в мастерских имелось тщательное наблюдение, которым Валла х не обнаружен».

14 ноября Гартинг сообщил из Парижа, что «через Финляндию в конце минувшей недели в Гамбург прибыл Меер Валлах».

И все же охранка не поверила, что Литвинов выехал за границу. Почти из всех крупных городов России по приказу министра внутренних дел продолжали поступать дежурные

донесения – обнаружен или нет. Жандармы сообщали: Валлах, он же Литвинов, не обнаружен.

Страх перед деятельностью большевиков был столь велик, что охранка потеряла способность реально оценивать факты. Эта нервозность передалась не только отделениям русской охранки, но и берлинской полиции, которая всячески старалась помочь своим петербургским коллегам. Из германской столицы приходили шифрованные телеграммы самого противоречивого содержания. То сообщалось, что Литвинов под фамилией Турпаев проживает в германской столице, то опровергали свои же утверждения и доносили, что Литвинов скрывается в Германии под фамилией Турпова, не ведая, что Петрос Турпаев и Турпов – одно и то же лицо и что Турпаев помогал Литвинову закупать оружие в Бельгии.

Наконец 20 ноября 1908 года перед петербургской охранкой забрезжил луч надежды: берлинский полицей-президент сообщил директору департамента полиции об арестованном в германской столице Мирском, который вот уже несколько месяцев сидит там в тюрьме, но «до сих пор не удалось установить личность обвиняемого». В Берлине полицейские еще не знали, что у них в руках находится сам легендарный Камо, но зато в этой же шифровке сообщалось, что, «по газетным известиям, в Париже только что арестован Меер Баллах».

И все же в Петербурге не поверили, что Литвинов арестован. Департамент полиции, даже после получения шифровки из Берлина, приказал всем охранным отделениям продолжать розыски Литвинова в России. Однако запущенная полицейская машина работала, в сущности, на холостом ходу.

Информация парижских газет оказалась правильной: французская полиция действительно арестовала Литвинова. В Петербургской охранке торжествовали победу. Наконец-то неуловимый большевик снова за решеткой. Пусть он в парижской тюрьме, но это не так важно. С Францией как раз налажены союзнические отношения. И, конечно, удастся договориться об экстрадиции Литвинова – выдаче его русским властям.

Но что же случилось в Париже? По какой причине был арестован Литвинов?

Деятельность Литвинова после закрытия «Новой жизни» и выезда его в Париж и до конца 1907 года причудливым образом переплелась с деятельностью Камо – Симона Аршаковича Тер-Петросяна, которого Ленин охарактеризовал как человека совершенно исключительной преданности, отваги и энергии.

Знала ли охранка о том, что Камо тесно связан с

Литвиновым? Знала, но далеко не все. Однако в донесениях Гартинга о Камо Красин и Литвинов фигурируют неизменно. Но если Красина – Никитича они считали душою дел Камо, то Литвинов вместе с Камо, по глубокому убеждению охранки, являются непосредственными исполнителями тифлисской и других экспроприации. Нет таких бранных слов в полицейском лексиконе, которые охранка не употребляла бы по адресу Литвинова, самую мучительную казнь она уготовит для него, если он попадется наконец ей в руки. И характерно при этом следующее: когда Камо был арестован, российская охранка, ее самые высшие чины всячески пытались доказать, что все «преступления» Камо есть и «преступления» Литвинова.

Так что же здесь правда и что вымысел?

Когда Литвинов в своих воспоминаниях отметил, что в Варне он посадил на «Зору» своего верного друга Камо, то он сказал много и вместе с тем очень мало.

Камо был одним из немногих соратников Литвинова, которые помогали ему выполнить решение III съезда партии об отправке оружия в Россию. Докладывая директору департамента полиции о Камо, Гартинг писал 31 октября 1907 года: «Камо ездил… вместе с Валлахом и его сообщниками в Вену, Софию и Варну и ездил на пароходе „Зора“, потерпевшем крушение. Фотография задержанного, предъявленная филерам, наблюдавшим тогда за Валлахом и его сообщниками, вполне удостоверена».

В связи с арестом Камо в Берлине особый отдел департамента полиции писал 16 февраля 1908 года кавказской охранке: «Одним из ближайших сотрудников Камо является известный Меер Баллах».

Таких сообщений множество. И они в принципе соответствуют истине. Б. С. Стомоняков, который играл видную роль в доставке оружия, писал в своих воспоминаниях, что Камо приезжал в Льеж, вместе с ним ходил по оружейным заводам, показал большую осведомленность в оружейной технике. Камо приезжал в Льеж вместе с Литвиновым, сопровождал его и в другие города Западной Европы.

Теперь необходимо выяснить следующий вопрос: был ли Литвинов причастен к экспроприации крупных сумм на Кавказе? Обратимся к документам той давней поры. Еще 27 октября 1907 года департамент полиции разослал секретнейшее письмо (№ 138786) начальникам петербургской, московской и одесской охранок, в котором говорилось: «По вновь полученным в Департаменте полиции сведениям, грузин, известный под кличкой „Камо“, вместе с 15–20 друзьями… сорганизовал дружину для совершения крупнейшей по размерам

экспроприации. Им выслежено, что в каком-то месте в России хранится около 15 миллионов правительственных денег, из коих около 6 миллионов золотом и остальные бумагами. Задумав экспроприировать эти деньги до января, даже до декабря, они рассчитывают вывезти только из-за тяжести 3–4 миллиона, для какой цели предполагается купить за границей трехколесный автомобиль, на подготовление этой экспроприации, в план которой посвящены лишь известные Меер Баллах и „Никитич“, уже затрачено несколько тысяч рублей…»

Всем охранкам царской империи были разосланы шифровки-«молнии», в которых предписывалось взять под неусыпное наблюдение банки России и охранять их полицейскими и жандармскими нарядами круглосуточно. Именно тогда, 19 октября 1907 года, Гартинг писал из Парижа в Петербург директору департамента полиции: «Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство не отказать в распоряжении о присылке мне трех экземпляров фотографических карточек, имеющихся в Департаменте, Меера Валлаха и задержанного капитана „Зоры“ для проверки в Вене факта проживания в минувшем году Мирского вместе с названными лицами. Экземпляры этих фотографий без указания фамилий мною будут также посланы берлинским властям для установления проживания Валлаха вместе с Мирским в прошлом году в Берлине, что даст возможность повлиять косвенным путем на немцев привлечь Валлаха к делу Мирского. В целях же сохранения агентуры я не нахожу возможным сообщать прямо немецкой полиции сведения о пребывании Валлаха в Берлине вместе с Мирским в истекшем и в этом году».

Итак, охранка делала все возможное, чтобы доказать, что Литвинов имеет непосредственное отношение к экспроприации. На самом деле это ничего общего не имело с действительностью.

Экс, вызвавший большой переполох в России, был произведен Камо под руководством Тифлисского комитета РСДРП 13 июня 1907 года средь бела дня в центре Тифлиса, на Эриванской площади. Камо и его друзья экспроприировали громадную сумму денег для нужд партии. Один из старейших деятелей партии, Ф. И. Махарадзе, писал, что «если бы у Камо и его группы не было никаких других заслуг перед партией ни раньше, ни после, то одной экспроприации на Эриванской площади было бы достаточно, чтобы память о нем сохранилась навсегда».

Где был Литвинов в этот день, когда Камо и его товарищи совершили эту дерзкую акцию? В 1907 году он неоднократно нелегально приезжал по делам партии в Россию, снова возвращался в Германию, жил там под фамилией Гольденштейна.

Охранке это стало известно. Литвинов был арестован прусской полицией и брошен в одну из берлинских тюрем. Это была самая гнусная и грязная тюрьма, из всех, в каких ему пришлось сидеть. Под давлением социал-демократов – депутатов рейхстага Литвинов был освобожден и выехал из Германии. Таким образом, в тот день, когда Камо осуществлял экс, Литвинов находился за много тысяч километров от Тифлиса.

А теперь мы подходим к заключительному этапу этой истории. Деньги, экспроприированные Камо, были переданы Литвинову за границей, но не вся сумма, а пятисотенные купюры, которые не могли быть разменены в России, ибо их номера были сообщены всем охранным отделениям империи и всем банкам.

План размена купюр разработал Литвинов. Наибольшая сумма – 30 тысяч – должна была быть разменена в Париже, и эту операцию намеревался провести сам Литвинов вместе с Фанни Ямпольской, немало поработавшей для партии. 25 тысяч Литвинов наметил разменять в Лондоне. С этой целью он хотел выехать вместе с Ямпольской в английскую столицу. 45 тысяч Литвинов предполагал разменять в других городах Европы, в частности в Швейцарии. Для передачи купюр Литвинов выезжал в Цюрих.

Вся операция по размену должна была быть произведена в один день – 8 января 1908 года. Деньги хранились в Париже на квартире Варвары Дмитриевны Писаревой, в прошлом деятельницы Московского комитета РСДРП.

Казалось бы, ничто не предвещало провала, все шло по плану, разработанному Литвиновым. Гартинг неистовствовал. Он и его многочисленные агенты никак не могли уследить за Папашей. 5 января Гартинг доносил в Петербург: «Несмотря на самые тщательные меры со стороны агентуры, представлялось крайне затруднительным уследить за Валлахом, отличающимся крайней конспиративностью, к тому же самые близкие к нему люди не были точно осведомлены о его планах, так как он их ежедневно менял и никого в детали не посвящал, к тому же место хранения этих денег, несмотря на близость к Валлаху, не представлялось возможным установить».

Откуда же Гартингу стало известно о готовящейся Литвиновым операции?

Из того же источника, откуда он почерпнул сведения о Камо. Провокатор выдал Камо. Он же выдал и Литвинова. Этим провокатором был Я. А. Житомирский.

Царская охранка немало потрудилась, чтобы заслать в социал-демократические организации подлейших предателей. Среди них выделялись такие провокаторы, как Малиновский и

Азеф. Житомирский вполне был им под стать. В начале нынешнего века он приехал из России в Берлин, где поступил на медицинский факультет Берлинского университета. В германской столице он, казалось, вступил на путь революции: принял участие в создании Берлинской группы РСДРП, но вскоре был куплен прусской полицией, стал осведомителем, а потом покатился и дальше по дорожке предательства – его передали царской охранке. Житомирский входил в состав руководства Берлинской группы РСДРП, выполнял важные поручения партии, знал языки, участвовал в некоторых съездах партии. И предавал. Он сообщил охранке об акции Литвинова по водворению оружия. И лишь поразительная способность Папаши вести все дела конспиративно спасла это дело от провала.

После ареста Камо провокатор делал все от него зависящее, чтобы предотвратить акцию по размену пятисотенных купюр и передать Литвинова охранке. Когда Житомирский доложил Гартингу детали готовящейся акции, этот опытнейший полицейский деятель понял, что акцию Литвинова очень трудно предотвратить, ибо размен предполагалось провести фронтально. Гартинг через Житомирского узнал и ряд других важных фактов и деталей: в Париж должен был приехать Юрий – большевик А. А. Бекзадян, чтобы помочь осуществить акцию во французской столице.

И тогда Гартинг решился обратиться за помощью к царскому послу в Париже. Тот написал официальное письмо парижскому префекту с просьбой немедленно арестовать Литвинова. Наступил последний этап полицейской облавы на Литвинова и его соратников. Все агенты царской охранки и пятнадцать агентов парижской префектуры вели за Литвиновым неусыпное круглосуточное наблюдение. Но нелегко было уследить за большевистским конспиратором. Неожиданно Литвинов съехал с квартиры, где жил по чужому паспорту. По пути дважды менял автомобили и скрылся в другом районе Парижа. Съехала со своей квартиры и помощница Литвинова Фанни Ямпольская. Полиция была в бешенстве. Но именно в эти часы произошло важное событие: Литвинов, понимая, что за ним идет активная слежка, большую часть денег успел передать в верные руки.

Наступило 4 января 1908 года. В этот день Литвинов вместе с Ямпольской собирался отправиться из Парижа в Лондон. Были куплены билеты на поезд, чтобы выехать на побережье и там сесть на пароход, отправлявшийся в Англию. Но на всех вокзалах Парижа уже круглосуточно дежурили русские и французские полицейские агенты, имевшие на руках фотографические карточки Литвинова. Казалось, что теперь уже ничто не может

предотвратить немедленного ареста. Но Литвинов снова исчез, как он это делал в Вильно, Петербурге и в других городах, где за ним охотились полицейские ищейки.

Лишь поздно вечером на вокзале, оцепленном полицией, его арестовали вместе с Ямпольской. Через час за Литвиновым захлопнулась дверь камеры тюрьмы «Сантэ». Ямпольскую заключили в тюрьму «Сен-Лазар».

Гартинг торжествовал победу, написал в департамент полиции подробнейшее донесение, в котором сообщил, как был арестован Литвинов. Одну выдержку из этого полицейского документа стоит привести: «Докладывая об изложенном Вашему превосходительству, – писал Гартинг, – позволяю себе добавить, что приведение настоящего дела к благоприятному исходу было сопряжено с невероятными усилиями, и почтительнейше осмеливаюсь выразить надежду, что Ваше превосходительство разрешит мне представить к наградам лиц, помогавших в этом деле».

И все же полицейские чины всех рангов радовались явно преждевременно.

Парижская пресса была падка на сенсации, как и любая буржуазная пресса. Но январь 1908 года оставил на страницах французских газет особый след. Арест Литвинова повлек за собой сотни статей. Публику хотели удивить, испугать, заинтриговать. Писали о русском террористе, о загадочных похищениях громадных ценностей и тому подобных сенсациях. Казалось, вопрос о передаче Литвинова царским властям – дело ближайших дней.

И вдруг эти надежды охранки лопнули самым неожиданным образом. Гартинг доносил в Петербург: «Что касается арестованного в Париже Меера Валлаха, то представителем министерства внутренних дел сообщены были все сведения о нем французскому правительству, которое, однако, вопреки энергичной деятельности парижской полиции, признало для себя целесообразным сделать распоряжение об освобождении Валлаха из-под стражи».

Чем же был вызван столь неожиданный поворот, огорошивший российских жандармов? Французский премьер-министр Клемансо действительно был склонен выдать Литвинова царскому правительству. Гартинг доносил в Петербург: «Из частных бесед мне известно, что премьер-министр Клемансо в данное время в принципе ничего не будет иметь против экстрадиции Валлаха. Судебный следователь, ведущий это дело, с приятелем которого я имел случай говорить, вполне расположен

к России и готов сделать все возможное».

Однако желание Клемансо «удружить» России вступало в противоречие с французскими законами. Во время экса Литвинов был не в России, а за границей. Непосредственного участия в операции он не принимал. Размен же пятисотенных купюр, которые ему передал Камо, не мог быть доказан.

Арест Литвинова и Ямпольской вызвал шумиху не только в реакционной прессе, ратующей за франко-русский военный союз. На него откликнулась и прогрессивная печать. Многие газеты потребовали освобождения Литвинова, справедливо указывая, что стране, пославшей Бурбонов на гильотину, негоже преследовать революционеров, борющихся против тирана. Кампанию возглавил лидер социалистов Жан Жорес. 19 января 1908 года «Юманите» обратилась с открытым письмом к министру юстиции Бриану: «Мы не можем не протестовать и спрашиваем г-на Бриана, по какому праву был произведен арест этих двух лиц? Простого письма царского посла недостаточно, чтобы узаконить этот акт… Что об этом думают г-н статс-секретарь, г-н министр внутренних дел, премьер-министр? По-видимому, ничего. Однако следует положить всему этому конец».

Кампания за освобождение Литвинова принимала широкий размах, и французское правительство решило не обострять отношений с популярным лидером французских социалистов. Однако освобождение русского революционера объяснялось и еще одним важным обстоятельством. Чтобы понять его, необходимо заглянуть за кулисы дипломатических маневров, которые вели в те годы главные европейские державы.

К 1908 году, когда развертывались описываемые события и Литвинов оказался в руках парижской полиции, внутри сложившихся европейских военных союзов шла глухая борьба. Кайзер Вильгельм с присущей ему самоуверенностью продолжал интриги с русским царем, всячески старался поссорить его с французами и англичанами, уговаривая «милого Ники», что он, Вильгельм, и есть лучший друг царя, а его новоявленные союзники – это международные проходимцы.

При всей своей ограниченности русский царь и сам не очень-то верил своим союзникам и легко поддавался на уговоры кайзера, даже шел на тайное сближение с ним. Еще в июле 1905 года, сразу же после оглушительного разгрома царизма на Дальнем Востоке, около острова Бьёрке в финских шхерах состоялось свидание кайзера и царя. Вильгельм предложил Николаю вернуться к проекту союзного договора, который они обсуждали еще в 1904 году. Царь подписал в Бьёрке договор, поставив под удар франко-русский союз. Морской министр

Бирилев по требованию Николая, не читая, завизировал договор с немцами. Вскоре советникам царя удалось добиться ликвидации соглашения с кайзером. Но в Париже все было хорошо известно, и это не вызывало доверия к царю и его политике.

Эта подозрительность французов питалась вполне реальными фактами. В августе 1907 года в Свинемюнде состоялось еще одно свидание Вильгельма и Николая. Итогом его было подписание протокола, по которому Германия обязалась содействовать отмене русско-англо-французской конвенции, подписанной Россией в 1856 году, по которой она после проигранной Крымской кампании обязалась не укреплять Аландских островов. Это провозглашение общей политики России и Германии в районе Балтийского моря вызвало резкое недовольство в Париже и Лондоне. Как всегда в таких случаях, дипломаты искали повод, чтобы дать понять противной стороне, что им многое известно и что такая закулисная политика России не вызывает одобрения в правительственных сферах Франции и Англии. Все это было, конечно, на руку русским революционерам-эмигрантам.

Холодным январским днем 1908 года к воротам тюрьмы «Сантэ» в Париже подъехал автомобиль. Из него вышел человек в форме чиновника парижской префектуры. В руках его была папка. Автомобиль ждали. Ворота тюрьмы раскрылись и выпустили на свободу мужчину. Он был среднего роста, чуть полноват, лет тридцати, одетый в легкое пальто и шляпу, из-под которой выбивались светло-рыжие волосы.

Через несколько минут к воротам тюрьмы подъехала еще одна машина. Полицейский открыл зарешеченную дверь, и из машины вышла молодая, миловидная женщина в пелерине по моде того времени и длинной до каблуков юбке. Она подошла к мужчине, стоявшему у ворот тюрьмы, и стала с ним рядом.

Чиновник, отвесив легкий поклон, спросил:

– Месье Литвинофф?

Затем, не ожидая ответа, обратился к женщине, привезенной из тюрьмы «Сен-Лазар»:

– Мадам Ямпольская?

Мужчина и женщина подтвердили, что они именно те, кого назвал чиновник. Тот вынул из папки бумагу и деревянным голосом зачитал приказ министра внутренних дел Французской Республики:

– Мадам и месье, объявляю вам решение французского правительства. С сегодняшнего дня вы свободны, вам надлежит покинуть Францию.

– Благодарю, месье, но наша благодарность относится не к

официальным властям, а к господину Жану Жоресу. Итак, мы свободны?

– Да. Госпожа Ямпольская пожелала выехать в Бельгию. Вам, месье Литвинофф, надлежит выехать за пределы Франции как можно быстрее. Желательно сегодня же. Сержант полиции сопроводит вас до бельгийской границы. В какую страну вы намерены отправиться?

– В Англию. Но только не сегодня.

– Почему?

– У меня нет ни сантима. Я должен заработать на поездку через Ла-Манш.

– Этот вопрос может решить только министр внутренних дел, – ответил представитель префектуры.

Разрешение задержаться в Париже было дано. Литвинов устроился на работу в сапожную мастерскую, две недели чинил туфли и ботинки парижанам, заработал кое-какую сумму и даже успел сделать себе в частной клинике небольшую хирургическую операцию. Не обошлось и без курьеза. Хирург уложил Литвинова на операционный стол и дал ему хлороформ. Проснувшись, Литвинов увидел сквозь туман такую картину: хирург целовался со своей ассистенткой. О пациенте они забыли. Впрочем, операция сошла вполне благополучно.

Через несколько дней после операции Литвинов выехал из Парижа на север, пересек Ла-Манш и оказался в огромном туманном городе.

Начался лондонский период жизни российского революционера, длившийся десять лет.

Глава пятая
Лондонские годы

В Лондоне Литвинов поселился в районе Кемдонтаун. Сначала он хотел было снять комнату по объявлению в любом районе Истэнда, где проживает пролетариат и интеллигенция, но друзья из эмигрантской колонии посоветовали ему Кемдонтаун – крупный рабочий район, в котором жили Железнодорожники и транспортники, обслуживавшие вокзалы Кингс-Кросс и Сент-Панкрас.

Хозяйка коттеджа, куда заглянул Литвинов, запросила недорого, сказала, что готова заботиться о завтраке постояльца, если он того хочет, мило улыбнулась, но тут же заметила, что узкая кровать в комнате Литвинова предназначена только для одного человека, а в остальном его частная жизнь никого не интересует.

Литвинов сказал, что принимает условия, и уехал за вещами. Вечером, когда он возвратился, на лестнице ему повстречался полицейский. В упор разглядывая Литвинова, полицейский шел прямо на него. Литвинов машинально остановился, раздумывая, что делать – идти в свою комнату или извиниться, сказав, что ошибся адресом. Полицейский продолжал спускаться с лестницы, чеканя шаг. Поравнявшись с Литвиновым, он неожиданно улыбнулся, кивнул головой и ушел. Полицейский оказался мужем хозяйки. Первым побуждением Литвинова было поискать другое жилье, но, поразмыслив, он решил, что «собственная» полицейская охрана не худший вариант, и остался на квартире.

Оказавшись в Лондоне, Литвинов ни на минуту не желал погрузиться в ту сравнительно тихую полумещанскую жизнь, какую вели иные эмигранты, напуганные столыпинщиной и не верившие больше в успех революционного дела. Материальная неустроенность, тяжкий быт эмигрантской жизни еще больше способствовали этому пессимизму, и российская колония в Лондоне пребывала в настроении весьма подавленном.

Центр эмигрантской жизни в начале весны находился в помещении «Культурного объединения германских рабочих». Русские эмигранты в 1910 году создали свое объединение – «Кружок имени Герцена», располагавшийся на Шарлот-стрит, близ Британского музея. Помещение представляло собой небольшой зал весьма непритязательного вида. На полу и вдоль стен лежали гимнастические снаряды. Эмигранты приходили туда часто с детьми, ибо не на кого было их оставить. В клубе

были разные кружки, устраивались вечеринки и концерты. Здесь же разгорались ожесточенные политические споры о путях развития русского революционного движения, о причинах поражения революции 1905–1907 годов. Спорили до хрипоты, забыв о бегающих под ногами ребятишках, о заботах, обо всем на свете. После всего пережитого Литвинов понимал, что в Лондоне он теперь надолго. Надо было решить и материальную проблему, попросту говоря, зарабатывать деньги на жизнь, пусть самую скудную, но от этого никуда не уйдешь. Друзья сказали, что познакомят его с Файтельсоном. Он поможет. Кто же был этот Файтельсон?

В конце 90-х годов XIX века из России в Англию эмигрировал мещанин Файтельсон Вольф Лейбович. Эмигрант поселился в Лондоне и занялся небольшой коммерцией. Но кризисы, поражавшие английский деловой мир, не обходили Файтельсона. Торговлишка его лопалась, и он прогорал. Тогда Файтельсон становился простым уличным торговцем, не гнушался никакой работой и выплачивал кредиторам хотя бы часть долга. Поскольку далеко не все банкроты так поступали, честность мещанина Файтельсона была замечена, и произошло знаменательное для него событие: в «Таймсе» появилась статья о российском эмигранте.

Это принесло Файтельсону успех. Коммерческие фирмы предложили ему стать доверенным лицом. Файтельсон принял приглашение одного солидного торгового дома, и дела его пошли в гору. Вскоре он поселился в аристократическом районе Лондона, где снял небольшой особнячок.

Файтельсон не имел никакого отношения к революционному движению и был весьма далек от марксизма, но к русским революционерам относился с большой симпатией. Постепенно дом Файтельсона стал своеобразным клубом российских эмигрантов. В этом доме в 1908 году Максим Литвинов стал учителем английского языка.

Литвинов прожил у полицейского недолго. Хотя «собственная» охрана имела свои преимущества, но были и неудобства. К Литвинову не могли приходить друзья по партии, ибо это вызывало бы подозрение и породило бы множество вопросов, если не у самого полицейского, то у его жены. Друзья предложили Литвинову сменить квартиру.

В те годы большинство русских эмигрантов селилось близ Хемпстэда. Расположенный на высоком холме, район этот считался лондонским Парнасом, там жили литераторы, художники и другая богемная публика. Хемпстэд был застроен

уютными двухэтажными коттеджами, окруженными садиками, кое-где между ними зеленели огороды, засаженные капустой, морковью и салатом.

Литвинов хотел было уже переселиться в Хемпстэде, но все устроилось иначе. Небольшая группа большевиков решила поселиться коммуной. Это скрашивало эмигрантскую жизнь, к тому же было дешевле. Коммунары облюбовали дом в районе Илинг на окраине Лондона. За сравнительно небольшую плату сняли маленький меблированный домик. В коммуне были только мужчины, люди молодые, полные сил, энергии, закаленные, умеющие противостоять любым невзгодам эмигрантской жизни.

Коммунары жили по всем правилам коммунарского быта. Все заработанные деньги отдавали в общий котел. Установили дежурства, сами ходили на рынок и в магазины, убирали, сдавали белье в прачечную, стряпали себе незатейливую еду, не прибегая к посторонней помощи. Денег у коммунаров было мало, почти все они перебивались случайными заработками и потому решили завести собственную домашнюю живность: купили кроликов, кур и прочую птицу. Жили дружно, весело, шумно, как полагается россиянам. Устраивали политические диспуты. Вечерами гуляли по тихим, почти провинциальным тогда улочкам Илинга, уходили мимо зеленеющих огородов к собору св. Павла, возвращались поздно. Лондон уже спал, и в ночной тишине то и дело звучали слова: «народничество», «марксизм», «оппортунизм». Полицейские внимательно вслушивались в незнакомую речь, силясь догадаться, о чем же спорят русские.

Коммуна просуществовала довольно долго, но затем неожиданно распалась по причинам, которые установить окончательно не удалось. Скорее всего, коммунарам стало известно, что готовится полицейский налет. Во всяком случае, уходили они из своего дома в Илинге весьма поспешно, накануне ночью ликвидировали всю живность, устроили прощальный пир, во время которого пытались съесть своих кроликов и кур, дабы и они не достались полиции, и навсегда распрощались с уютным домиком в Илинге.

Литвинов продолжал преподавательскую деятельность. Однако работа эта не позволяла свести концы с концами. Пришлось искать новую. Помогли английские друзья. Литвинов стал сотрудником издательства «Уильям энд Норгет», которое имело обширные связи с европейским книжным рынком. Издательство довольно широко занималось переводной деятельностью. Литвинову поручили следить за русской, французской и немецкой литературой, давать аннотации и

заключения на книги, вести переписку с издательствами в России, Франции и Германии, отвечать на письма заказчиков. Работа в издательстве имела для Литвинова большие преимущества. После нашумевшей высылки из Парижа поездки во Францию и Германию были для Литвинова затруднены. Но, как служащий английского издательства, он мог рассчитывать на такие поездки и через некоторое время воспользовался этим. Тем более что издательство очень ценило Литвинова за хорошее знание языков и умение квалифицированно разобрать литературное произведение.

После скоропалительного распада коммуны в Илинге Литвинов поселился в Монингтон Крезонт в дешевых меблированных комнатах. У него никто не бывает. Работа занимает практически все время. Из Франции и Германии приходят книги. Их надо прочитать или хотя бы просмотреть, написать рецензии, аннотации, ответить на десятки писем. Он часто забирает из конторы кипы книг домой, допоздна сидит над ними. Единственное его развлечение в эти годы – кино. Изредка вечером он забегает в небольшой иллюзион недалеко от Монингтон Крезонт.

В субботние дни Литвинов часто гуляет по притихшим улицам или идет в гости к семье Клышко, с которой он сблизился в то время. Николай Клышко – профессиональный революционер, поляк по национальности, давно живет в Лондоне, эмигрировал из России, после II съезда стал на сторону большевиков.

Клышко устроен лучше многих других эмигрантов. Имеет хорошую должность в фирме «Виккерс», прилично зарабатывает, женился на англичанке. Филис – высокая, рыжая, очень красивая женщина.

Жили Клышко на Хай-стрит, в Хемпстэде, в обычной английской квартире из соединенных лестницей четырех комнат: две вверху, две внизу. Литвинов приносил несколько бутылок любимого пива, Филис приготавливала бифштексы. Беседа затягивалась до полуночи. Литвинов и Клышко говорили по-русски, чтобы не посвящать Филис в партийные дела. Литвинов уже был секретарем Лондонской группы большевиков и держал в своих руках связь русских эмигрантских организаций в Англии не только с Россией, но и со всеми эмигрантскими большевистскими колониями в Европе и Америке.

Международная обстановка была очень тревожной. Все явственнее обозначались признаки надвигающейся всемирной бойни. В октябре 1912 года на Балканах началась война Черногории, Сербии, Болгарии, Греции против Турции. 1913 год

ознаменовался новым военным конфликтом: между Болгарией и другой коалицией государств – Грецией, Сербией и Румынией. Шовинистический угар плыл над Балканами, распространялся по всей Европе.

Европейский рабочий класс с беспокойством наблюдал за событиями, требовал энергичных действий от своих лидеров. Осенью 1912 года в Базеле собрался экстренный международный конгресс социалистов. Принятый манифест призвал рабочий класс всеми средствами содействовать предотвращению войны, а если она разразится, то добиваться «свержения классового господства капиталистов».

Ленина, большевиков, однако, не покидало беспокойство, что лидеры правой европейской социал-демократии займут соглашательскую позицию. Ленин слишком хорошо знал их всех лично, множество раз встречался, беседовал, спорил с ними. Владимир Ильич был уверен, что некоторые, как, например, Жорес, будут до конца последовательными в борьбе против войны. Но он не верил ни лидеру английских социалистов Гайндману, ни лидеру бельгийских социалистов Вандервельде. Не было уверенности и в вождях правого крыла германской социал-демократии.

Летом 1913 года Ленин приехал из Поронина в Швейцарию в связи с болезнью Надежды Константиновны. В Берне ей была сделана операция в клинике профессора Кохера. Ленин использовал свое пребывание в Швейцарии для чтения рефератов. Узнав об этом, Литвинов выехал в Женеву.

10 июля Ленин выступал с рефератом «Национальный вопрос и социал-демократия» в Народном доме, расположенном на улице Дюбуа-Мелли, 3–6. Зал был переполнен. Литвинову с трудом удалось пробраться поближе к докладчику.

Татьяна Федоровна Людвинская вспоминает: «Литвинов пришел в косоворотке с пояском, производил впечатление типичного большевика-профессионала. Владимир Ильич со всеми приветливо поздоровался, был взволнован встречей, пытливо всматривался в лица людей, расспрашивал о трудностях житья-бытья, о товарищах, которых давно не видел.

После реферата Владимир Ильич попросил товарищей выступить с сообщениями. Слушал внимательно, иногда записывал, задавал вопросы, старался выжать из них все, что они знают или должны знать о положениях в своих странах. Литвинова Владимир Ильич попросил сделать подробное сообщение о настроениях английского рабочего класса, его лидерах, о положении в Международном социалистическом бюро, с которым Литвинову уже приходилось иметь дело.

Когда все выступили, слово взял Владимир Ильич. Говорил о решениях Базельского конгресса, но все время обращался к положению в России, говорил о том, что надвигается война и надо подумать о нашей работе в России, о новых условиях, которые могут возникнуть, и к ним надо подготовиться.

Когда собрание закончилось, Литвинов подошел к Владимиру Ильичу. Уединившись, они тихо о чем-то говорили. Это была одна из тех многочисленных бесед, которые Ленин вел и в Мюнхене, и в Лондоне, и в Женеве, и в Кракове – всюду, где жил и работал. И подробности этой беседы, как многих, подобных ей, во время которых обсуждались и решались важнейшие для судьбы революции вопросы, направлялись действия большевистской партии, навсегда останутся неизвестными. Просто сидели и беседовали два единомышленника: 43-летний Ленин – основатель первой пролетарской партии в России и 37-летний Литвинов – один из бойцов этой партии. Прощаясь, Ленин просил регулярно информировать его о положении дел в лондонской колонии.

После возвращения Литвинова из Женевы к нему на Монингтон Крезонт пришли супруги Клышко. Литвинов не ждал их, к нему вообще в те годы никто не ходил. Литвинов был смущен и даже рассердился, что его не предупредили. Филис была шокирована видом конуры, в которой жил Литвинов, и тут же предложила ему переехать к ним на Хай-стрит, в Хемпстэд. Здесь же состоялся «семейный совет». Клышко подтвердил предложение Филис.

Через некоторое время Литвинов переехал на Хай-стрит. Сразу же сообщил Ленину свой новый адрес. Вскоре туда пришло письмо. Владимир Ильич писал, что Литвинов назначен официальным представителем ЦК РСДРП в Международном социалистическом бюро. Ленин спрашивал, на какую фамилию Литвинову выслать мандат – Гаррисона или Литвинова.

Начался новый важный этап деятельности Литвинова. Он выдвигается на авансцену как политический деятель международного масштаба.

Осенью 1913 года Ленин провел возле Кракова, в Поронине, совещание ЦК РСДРП с партийными работниками, на котором были изложены задачи российской социал-демократии. Совещание указало, что главными требованиями по-прежнему являются: демократическая республика, конфискация помещичьих земель, восьмичасовой рабочий день. Были приняты решения по национальному и другим вопросам.

Решения Поронинского совещания надо было немедленно довести до сведения социал-демократических партий всех стран, в первую очередь представить их в Международное

социалистическое бюро. Владимир Ильич поручил Литвинову срочно организовать в Лондоне переводы решений ЦК на английский, французский и немецкий языки и представить их в МСБ.

Заседание Международного социалистического бюро было назначено на 1 декабря в Лондоне. Туда должны были приехать все лидеры II Интернационала социалистических партий Европы: Жан Жорес, Карл Каутский, Камиль Гюисманс, Отто Бауэр, Виктор Адлер, Эмиль Вандервельде, Эдуард Вальян, Роза Люксембург.

Стало известно также, что в Лондон вот-вот нагрянут лидеры ликвидаторов и меньшевиков – Чхеидзе, Чхенкели, Рубанович, Днепров, Семковский.

После Пражской конференции РСДРП в январе 1912 года ликвидаторы зачастили в английскую столицу. Потерпев поражение в Праге, они решили избрать Лондон одним из плацдармов для наступления. На заседании Международного социалистического бюро их представители собирались поставить вопрос о крайне неблагополучном положении в российской социал-демократии и тем самым ввести в заблуждение европейские социалистические партии. Ленин поручил Литвинову дать бой меньшевикам и ликвидаторам.

Последняя осень перед мировой войной даже для Лондона выдалась необычайно туманной и дождливой. Было сыро и неуютно. После переезда к Клышко на Хай-стрит Литвинов чувствовал себя лучше, почти исчез бронхит, мучивший его последнее время. Но жизнь под покровительством Филис имела и свои неудобства. Опытнейший конспиратор, Литвинов тщательно скрывал свои партийные связи, переписку с Заграничным бюро большевиков. Теперь письма он получал на Хай-стрит, и Филис, не лишенная любопытства, как и всякая женщина, слишком внимательно разглядывала конверты, приходившие на его имя. Да и опекала она своего «постояльца» слишком назойливо: то предложит завтрак не по карману Литвинову, то вдруг проявит интерес к его гардеробу, заставляя купить новое пальто, а у него лишь одни пенсы в кармане.

Литвинов вставал рано, старался незаметно ускользнуть из дому, шел в дешевую таверну, где толкался после ночной смены рабочий люд, брал кружку любимого эля и кусок бекона – вот и весь завтрак. А потом уходил на Шарлот-стрит узнать последние новости из России.

28 ноября Литвинов, как обычно, встал рано, но только направился к двери, как появилась Филис:

– Тут вам, Макс, письмо, но, судя по конверту, не от дамы, духами не пахнет.

Письмо было из Кракова от Владимира Ильича. Ленин излагал свои советы, высказывал пожелания в связи с предстоящим выступлением Литвинова на заседании социалистического бюро. На его имя был выслан мандат, в котором указывалось, что Максим Литвинов является официальным представителем Центрального Комитета РСДРП большевиков и ему поручается представлять партию в Международном социалистическом бюро.

И перед заседанием, и в ходе его Литвинов вел переписку с Лениным. Письма эти подробно свидетельствуют о том, как Литвинов выполнил задание Владимира Ильича, и воссоздают поразительную по колориту картину происходивших событий. Они показывают, какую решительную борьбу вели большевики против меньшевиков, ликвидаторов, против соглашателей из II Интернационала в канун первой мировой войны. Но письма показывают и роль Литвинова в этой борьбе партии, его последовательный большевизм, громадную работу, проделанную им в лондонский период его эмигрантской жизни.

Итак, обратимся к письмам М. М. Литвинова В. И. Ленину.

В. И. Ленину в Поронин

«3 декабря 1913 г.

Дорогой Владимир Ильич,

получил оба пакета 1) протоколы совещания и 2) прочие документы и вырезки.[12] Я понял из Вашего письма, что все документы: доклад, приложение к нему и резолюции переводятся на немецкий язык Загорским[13] в Лейпциге.

Смущает меня, однако, фраза: «Хорошего немца-переводчика достаньте обязательно». Для чего же? Здесь такого переводчика не найду. Жду, следовательно, немецкого перевода документов от Вас или из Лейпцига. Перевожу только на анг[лийский] язык… Послали ли Вы уже доклад и резолюции Гюисмансу? Или мне нужно будет это сделать? Почему подписано Каменевым? Разве не Вы состоите в Бюро? Пришлете ли мандат мне или прямо Гюисмансу? Называйте, пожалуйста, не Harrison, а Litvinoff. Какова вообще конституция Бюро? Сколько голосов имеет наша партия при нормальных условиях? Были ли и раньше представители латышей, Бунда и О. К.,[14] или они теперь домогаются представительства? Нужно ли мне внести резолюцию протеста против представителей О. К. или сказать это лишь в речи? Представитель Ц. О. пользуется правом совещательного голоса или присутствует лишь как корреспондент?

Мне думается, что слишком резким тоном резолюции против

Розы Л [юксембург][15] мы вооружим против себя европейцев. Нельзя ли немного смягчить, ну заменить «сознательно обманывать» betrьgen словом irrefuhren.[16]

Меньше всего я осведомлен о польских делах. Если есть вырезки из польских газет против Главного Прав [ления], пришлите, пожалуйста. Нужно ли протестовать против представителя семерки[17] или ограничиться заявлением, что он-де не представляет фракции партии? Жду ответа на все эти вопросы, а также немецкого перевода документов.

Жму руку.

Ваш Папаша».

В. И. Ленину в Поронин

«12 декабря 1913 г.

Дорогой друг, получил только что мандат и Ваше письмо с извещением Гюисманса. Французские переводы от Носова (?) получил. Анг[лийские] тоже изготовлены уже. Но от Загорского еще не получил. Надеюсь, он не затормозит высылкой. Я еще вчера искал Г [юисман] са в Labour Party Office,[18] но его еще не было. Оставил ему письмо, просил свидания. От 7-ки приезжает не Чхенкели, а Чхеидзе. Узнал об этом из полученного извещения об устраиваемом местными ликв [идато] рами совместно *с Бундом* реферате Семковского по национ [альному] вопросу под председательством Чхеидзе. Пл[ехано]ва буду отстаивать, конечно, против О. К.

Дали бы только говорить. Шлифую язык на немецкий лад… Материалов накопилось у меня порядочное количество.

Спасибо за газеты, полученные из Питера. В «Правду» напишет Гермер. В воскресенье дам телеграмму. Жму руку.

Ваш М. Гаррисон».

В. И. Ленину в Поронин

[13 или 14 декабря 1913 г.]

«Дорогой Владимир Ильич!

Получил Ваше письмо с известиями из Вены. Получены и немецкие переводы из Лейпцига. Приехали Чхеидзе и Скобелев. Послезавтра будут меня расстреливать, но не страшно: из хлопушек. Ведь насильно не женят. Невероятно, чтобы приняли резолюцию против шестерки,[19] хотя заявления о случайных причинах неприезда и пропажи письма могут вызвать улыбки сомнения. Неприезд шестерочника считаю ошибкой. Могут подумать, что не посмел.

Гюисманса изловить не удалось. Он сегодня приехал. Но в Labour Party Office, где я ему оставил письмо, он не является. Телефонировал несколько раз в гостиницу, но его все нет.

Постараюсь еще раз съездить туда.

Жму руку.

Ваш Гаррисон».

В. И. Ленину и Н. К. Крупской в Краков

[13 декабря 1913 г.]

«Дорогие друзья!

Корреспонденция в «Правду» о вчерашнем заседании отослана сегодня Г-ром.[20] О русских делах лишь вскользь упомянуто, что за поздним временем Бюро без обсуждения приняло резолюцию К[аут]ского, поручив Ex. Com.[21]снестись с русскими организациями и т. п. Можете дополнить сведениями, сообщенными мною. Если хотите, Герм [ер] согласен написать статью о Бюро для Ц. О.

Вношу предложение К [омите] ту загран [ичных] организаций заняться собиранием материалов о ликвидаторских подвигах для Интернационала. Важно собирать перлы из их литературы (вроде законопроекта о свободе коалиций), переводить на иностранные языки и доставлять всем наиболее видным членам Интерн [ациона] ла, как Каутский и др. Главное сообщать лишь точные факты с указанием на источники. Надеюсь, поддержите. Английские переводы устрою здесь и буду доставлять Irving'y (он от BSP)[22]вместо Quelch'a.[23] Надеюсь, Вы поддержите мое предложение. Писал Вам вчера и сегодня утром. С нетерпением жду ответа.

Ваш Папаша.

У меня боевой зуд. Хочется подраться с ликвидаторами».

В. И. Ленину и Н. К. Крупской в Краков

«13 декабря 1913 г. Суббота, 2 ч.

Дорогие друзья, пишу во время ленча. *Роза Люксембург]* не явилась. Очевидно, вопрос объединения не встанет, если кто-нибудь другой не поддержит предложения Р [озы]. Присутствуют Жорес, Вальян, Каутский, О. Бауэр… (Адлера нет), Раковский (Румыния), весь Ex. Com., Рубанович [-] Днепров (Мартынов), он просит в печати называть его Днепровым, Семковский [-] бундовец, латыш, Чхеидзе и Скобелев. Перечисляю на память. Итальянцев нет, стало быть, нет и Балабановой. Кто будет представлять О. К., Днепров или Семковский – еще неизвестно. Они еще совещаются. При перекличке вызывали только Плеханова и Каменева. Вместо [?] Чхенкели откликнулся Чхеидзе. Я заявил, что от фракции (6-ки) выбран не Чхеидзе, а другой товарищ, который не мог явиться по случайным причинам. Гюисманс заявляет, что представительство от фракции

согласно Уставу имеет только большинство. На это я возразил, что, не желая в данный момент вызывать дискуссию по этому вопросу, я оставляю за собой право коснуться его beieiner anderen gelegenheit.[24] На этом пока дело кончилось. Было бы, конечно, неудобно начать конференцию с наших споров. Гюисманс мне тоже повторил, что голос будет разделен между нами и О. К.[25] и Плеханов должен будет исчезнуть и что вообще все русские и польские дела будут задушены (Erdrosseln) между 5 и 6. Думцы, говорят, привезли напечатанный отчет фракции. Днепров со свитой сейчас агитирует Каутского в пользу необходимости действий *со* стороны Бюро, выбрать комиссию и т. п. Каутский не поддается, нападает на выходку Розы против Ленина, говорит, что мы должны заставить рабочих в России требовать единства, из заграницы ничего сделать нельзя.

Англичане всех партий высказываются за единство на основе присоединения BSP к Labour Party.[26] Вчера зачитывалась резолюция, которая будет обсуждаться в Бюро послезавтра. В «Правду» напишем сегодня вечером. Помещение безобразное, холодное, полутемное. Не на чем писать.

Ваш Папаша».

В. И. Ленину и Н. К. Крупской в Краков

«14 декабря 1913 г. Дорогие друзья, все произошло, как Гюисманс предсказывал: русские дела задушили между 5 и $5^1/_2$ ч. Заранее решили окончить заседание к 5.30 вечера. Русские дела отодвинули к самому концу, а затем за недостатком времени говорить не давали. Каутский первым взял слово для обоснования внесенной им резолюции, копию которой посылаю Вам. В русских делах Интернационал плохо осведомлен, отчеты и заявления русских организаций односторонни, необходимо иметь заключение беспристрастного учреждения, и таковым является Ex. Com. Он-де созовет представителей всех фракций и ознакомится с разногласиями. Если последние окажутся настолько исключительными, что примирение окажется невозможным, то Ex. Com. представит их на разрешение Венского конгресса.

После речи Каутского бундовец внес предложение о принятии резолюций без дискуссий. Бюро охотно готово было принять и это предложение, т. к. начинался уже шапочный разбор, но тут Роза взяла слово якобы для возражения бундовцу, но на самом деле возражая Каутскому. Она… всей душой присоединяется к его резо[лю]ции, но с поправкой: если Бюро хочет начать объединение разных партий, «исходя из хаоса», то это дело безнадежное. На самом же деле речь может идти только о

восстановлении уже существовавшего единства, поэтому Ex. Com. надеется обращаться не «ко всем русским соц. – демократам», как выразился Каутский, а лишь к тем организациям, которые входили уже в партию. Говорит мягко и без кивков. Недопущение PPS,[27] видно, ей важнее всего. После этого слово предоставляется мне, но через 5 минут председатель останавливает меня, заявляя, что дискуссии не может быть за поздним временем. Я успеваю сказать лишь несколько о заграничных группах, о плохой осведомленности Интернационала и о том, что, присоединяясь к резолюции] Каутского, я считал бы более практичным со стороны Ex. Com. предложить свои услуги раньше всего думским фракциям для ослабления раскола, а затем уже Ц. К. и О. К. и т. д. Заявив, что Ex. Com. примет к руководству мое предложение и согласно желаний Р [озы] Л [юксембург] снесется раньше всего с теми партиями, которые представлены в Бюро, Вандервельде пускает на голосование резолюцию К [аут] ского, к [отор] ая, конечно, принимается. Мартынов от имени Бунда и латышей заявляет о своей полной солидарности с резолюцией К [аут] ского, то же самое говорит Скобелев от имени фракций. Кавардак полный. Делегаты никого не слушают. Поднимается вопрос об аффииляции. Ex. Com. предлагает отдать О. К. 1/3 голоса, принадлежа [щего] Плеханову. Я протестую и вношу свою резолюцию с краткой мотивировкой, при этом проливаю слезинку по поводу ухода Плеханова, к[ото]рый больше, чем кто-либо, мог представлять будущее единство, если б это было желательно Бюро. Читаю также заявление по поводу мандата Чхеидзе. Предл [ожение] Ex. Com., понятно, принимается. Секретарь сообщает, что поступила масса заявлений в связи с русскими делами. Все будет присоединено к протоколам. До наших предложений о польских делах и Vorstand'a очередь не доходит. Заседание закрыто. Да, еще Жорес успел высказать сожаление по поводу того, что он уходит с заседания, унося с собою такое смутное представление о русских делах, какое было у него и раньше. Рубанович напоминает, что по смыслу резолюции Амст [ердамского] конгресса надо бы подумать и об объединении с с[оциалистами]-р[еволюционе]рами, но никто не слушает его.

В общем, мы можем быть довольны. Резолюция предполагает длинную процедуру, да ее и легко дискредитировать указаниями на обстановку, в к [ото] рой она была принята, когда не давали говорить даже представителям заинтересованных партий и т. д.

Ликвидаторы бегали весь день, как отравленные мыши, шушукались, совещались, писали, писали и писали. Для чего все это, непонятно. По-видимому, они пытались подсунуть К [аут]

скому свою резолюцию (они были за выборы специальной ко[ми]ссии, но успели лишь в том, что он согласился внести свою резолюцию. Если бы он этого не сделал, внесла бы резолюцию Р [оза] Л [юксембург] и похуже.

Да, К [аутский] не принял поправок Р [озы] Л [юксембург], заявив, что старой партии в России не существует, а потому восстанавливать ее нечего. Старые организации переродились, возникли новые.

Письмо Пл[ехано]ва ошеломило ликвидаторов.

Шестерке он помог.

Ну, вот и все. Простите бессвязность. Спешу на вокзал опустить письмо. Если что неясно и не полно, спрашивайте. Поручил Г[ерме]ру вести точные записи, но он сплоховал. О нерусских делах он пишет Вам. Корреспонденцию в «Правду» о сегодняшнем заседании он обещал завтра послать, но напишите лучше сами, не полагаясь на него. О вчерашнем собрании корреспонденция послана. Прилагаю копию письма Плеханова.

Все документы отошлю завтра-послезавтра.

Жму руку.

Ваш Папаша.

Копию заявления ликвидаторов Гюисманс обещал выслать из Брюсселя. Отчет О. К. пошлю завтра. Распространяли они свою брошюру о русских делах, изданную, кажется, в Базеле, но вообще никто кроме Каутского русской литературы не просмотрел. Я распространил все присланные Вами документы, включая листок Варшавского к[омите]та…

Папаша».

В. И. Ленину и Н. К. Крупской

«15 декабря 1913 г.

Дорогие друзья!

Писал вчера наспех, чтобы поспеть к почтовому поезду. Телеграмму послал Вам сегодня утром. Было поздно вчера отправлять. Остановлюсь теперь подробней на главных моментах вчерашнего заседания. Делать нам там было нечего. Все было решено заранее, т. е. не допустить дискуссии, *отмахнуться* резолюцией о желательности единства, отдать 1/2 голоса О. К., а парламентский голос сем[ер]ке «согласно уставу». В русских вопросах Бюро санкционировало бы все, что Ex. Com. им предложил бы сейчас. После обеда всплыли разные вопросы об изменении представительства в Бюро и на конгрессе, и Гюисмансу пришлось доложить о ходатайстве О. К. Ex. Com., сказал он, считает справедливым отдать 1/2 голоса,

освобождающегося за отсутствием Плеханова, О. К. и М. С. Б. Наверно-де с этим решением согласятся. Он хотел уже перейти к следующему вопросу, но, когда я опротестовал и потребовал слова, Каутский заявил, что если вопрос вызывает дискуссию, то его следует обсуждать вместе с другими русскими делами. Так и поступили, отложили на самый конец. Письмо Пл[ехано]ва облегчило, конечно, задачу О. К., открыв вакансию. Догадался ли сам Пл [еханов] вовремя уйти – не знаю, но полагаю, что ему дали знать о решении Ex. Com.

Русские дела разбирались последними за 1/2 часа до заранее назначенного конца заседания, когда начинался уже шапочный разбор и частные беседы между делегатами. Мне удалось было повышенным голосом овладеть вниманием Бюро, но вскоре был остановлен Вандервельде. Успел я сказать, что к резолюции К [аут] ского в общем присоединяюсь (это было еще до поправки PPS) и приветствую готовность Интернационала вникнуть в сущность наших разногласий, что может быть достигнуто лишь постановкой их на конгрессе, но что не только «со всеми соц[иал]-дем [ократами]» (первоначальное выражение Каутского), но даже с целым рядом с [оциал] – д [емократических] групп мы ни в какие соглашения вступать не намерены, а именно с заграничными и т. д., что считать[ся] (In betracnt kommen) можно лишь с двумя борющимися в России течениями, что в возможности соглашения между ЦК и ОК сомневаюсь, а потому советую начать с думской фракции, чтобы помешать углублению и обострению раскола… Все то, чего я не договорил, Вы сможете добавить теперь, когда Ex. Com. обратился к Вам.

Заявления ликвидаторов (внесена целая куча, вероятнее всего, возражения против нашего доклада) не были оглашены. Потребуйте у Г[юисман]са, или, если хотите, я потребую.

Суетились они оба дня бесконечно… Если нужна моя подпись под корр [еспонденцией] в «Правду», подпишите (Литвинов)…

Кажется все.

Жму руку. *Ваш Гаррисон.*

Хотел бы знать Ваше мнение о результатах, т. е. о резолюции К [аут] ского…[28]»

Работа, проделанная Литвиновым в Международном социалистическом бюро, принесла важные результаты. Конечно, нельзя было надеяться, что лидеры II Интернационала поддержат большевистскую антивоенную линию Ленина и его соратников. Но документы Поронинского совещания, выступления Литвинова в МСБ, его беседы с отдельными делегатами помогли довести до многих европейских социал-демократических партий правду о

положении в РСДРП.

Но Литвинову еще предстояло немало потрудиться на этом поприще.

Весной 1914 года издательство «Уильям энд Норгет» сообщило Литвинову, что оно свертывает издание переводной литературы и он будет уволен. Дирекция сожалеет, что вынуждена потерять такого хорошего работника, но другого выхода нет.

В апреле вопрос об уходе Литвинова из издательства был решен окончательно, что было весьма некстати. В Вене вот-вот должен был открыться конгресс Международного социалистического бюро, где, как предполагалось на Лондонском совещании, будут рассматривать русские дела. В общем, Гюисманс оказался прав, когда говорил Литвинову, что русские дела будут «убиты». Но все это было не так просто сделать. И Гюисманс, и Каутский, и Вандервельде, другие лидеры II Интернационала, и вся верхушка европейской социал-демократии не могли так просто «списать» крупнейшую партию рабочего класса, которая уже совершила революцию, получившую огромный отклик во всем мире. Русские дела перенесли в Вену для того, чтобы своим вниманием к этой проблеме ханжески продемонстрировать стремление «помочь» русскому рабочему классу.

Ленин считал необходимым использовать предоставлявшуюся трибуну для того, чтобы довести до сведения мировой общественности точку зрения большевиков на положение в партии, и настаивал на поездке Литвинова на конгресс. Владимир Ильич рассчитывал также получить исчерпывающую информацию о конгрессе и знал, что информация Литвинова будет объективной и глубокой.

Литвинов понимал, что ехать придется, готовился к этой поездке, собирал материалы для предстоящего выступления, следил за всеми событиями в социал-демократических партиях. Но просто, по-человечески, в Вену ему ехать не хотелось, ибо уж очень противно было присутствовать на конгрессе, от которого ничего хорошего не ждал. Да и денег у него не было на эту поездку. Поразмыслив, он сообщил об этом Ленину в Краков: «Дорогой Владимир Ильич, боюсь, что в Вену поехать не смогу. Отпуска брать не приходится, так как через три недели освобождаюсь от должности. Июнь – июль буду возиться с русскими экскурсантами-учителями, а затем буду свободен… от всякого капитала. Поездка мне будет, стало быть, не по средствам. Насчет безопасности Вам, конечно, виднее. Думаю, что

сошло бы. По правде говоря, желания сидеть в Бюро со стариком Акс [ельродом] у меня нет. Равноправия членов Б[юро] нет. Что разрешается одному, то не разрешается другому, и в расчет принимаются личности. Из всех б [ольшевиков] *только Вы* и могли бы пользоваться влиянием в Бюро. Будет ведь не мало споров, делений голосов.

Будет ли до тех пор какая-либо конференция по русским делам при исполкоме МСБ?

Подавил бы личное нежелание, если бы оказалось необходимым, но, повторяю, возможности не будет из-за металла…

Крепко жму руку.

Ваш Папаша».

Комиссия по русским делам тянула с обсуждением вопроса. Все еще не было точно известно, когда откроется конгресс в Вене. В конце мая Литвинов уволился из издательства, сразу же принял предложение Лондонского туристического бюро и через несколько дней выехал в Брюссель, куда должны были прибыть русские туристы-учителя. В Лондоне разработали довольно обширную программу поездки. Сначала туристы должны были познакомиться с Бельгией, затем выехать во Францию, а оттуда уже в Англию. Все это было Литвинову на руку. Он полагал что из Франции сумеет на несколько дней поехать в Швейцарию, где ему было совершенно необходимо встретиться с друзьями и договориться в библиотеке Куклина о литературе для Лондонской организации большевиков.

В начале июня Литвинов приехал в Брюссель. Группа туристов была немногочисленной, все больше земские учителя из разных губерний.

Литвинов несколько дней водил своих туристов по Брюсселю, показывал музеи, здание ратуши, парки, выехал с ними в Льеж, а оттуда собирался отправиться в Лондон. Но выстрел в Сараево прервал мирную жизнь. Литвинов с огромным трудом через Швецию отправил своих обескураженных туристов в Россию и возвратился в Лондон.

В английской столице – толпы людей на улицах, восторженно приветствовавшие солдат, гром оркестров, патриотические лозунги, цветы. Газеты взвинчивали патриотические порывы. Социалисты в Бельгии, Франции и Англии вошли в правительства своих стран.

Но положение на фронтах складывалось для союзников неблагоприятно. Немцы подходили к Марне. Начали угрожать

Парижу. Русские армии наступлением на Восточную Пруссию ценой огромных потерь оттянули на себя немецкие корпуса. Война стала позиционной.

Пресса подогревала «патриотизм», восхваляла подвиги солдат. Сначала это помогало. Потом привыкли. Началась шпиономания. Шпионов искали всюду: среди беженцев, среди англичан, живших когда-то в Германии. Искали их в среде русских эмигрантов.

Война обрушила на русские колонии в Европе бездну неприятностей, прервала связь между ними. Из многих стран эмигранты уехали за океан. Кое-кто перебрался в Скандинавию. Там было спокойно. В островной Англии и нейтральной Швейцарии колонии сразу разбухли. Туда приехали многие русские политические эмигранты из Франции, Бельгии и других стран. В Лондон приехал Георгий Васильевич Чичерин и другие видные русские революционеры.

Чичерин был уже тогда широко известен в европейском рабочем движении. Блестящее образование, многогранный талант и другие качества Георгия Васильевича в короткое время принесли ему большую популярность в эмигрантских кругах и в английском обществе.

Были ли знакомы Литвинов и Чичерин до приезда Георгия Васильевича в Лондон? Разумеется, и даже давно, примерно с 1904 года, но встречались редко. В 1906 году – в Бельгии, потом в Париже. И вот они снова встретились. Теперь уже надолго – почти на четыре года. Они часто встречаются в «Герценовском кружке», спорят, обсуждают проблемы мировой политики. Большевики с радостью замечают, что война и связанные с нею события, предательство лидеров II Интернационала заставили Чичерина задуматься над многими проблемами, пересмотреть свои политические взгляды, приблизили его в ряде вопросов к точке зрения большевиков.

В те первые годы войны Чичерин и Литвинов иногда встречались у Файтельсона. По воскресеньям в доме лондонского коммерсанта давались большие обеды, на которые приглашались по пятнадцать – двадцать человек. Захаживали к Файтельсонам и англичане.

Английской чопорностью эти обеды не отличались. В столовой шли шумные разговоры, обсуждались политические новости. Гости собирались постепенно. Бывало, что опоздавшие только получали первое блюдо, в то время как пришедшие раньше уже наслаждались компотом. Это также давало повод для острот и шуток.

Как-то во время очередного обеда в квартире Файтельсона

собралась самая разношерстная публика. Все собравшиеся к этому часу уже сели за стол, но из кабинета хозяина все еще доносились голоса трех спорщиков, которые яростно обсуждали вопросы международной политики. Эти трое были Чичерин, Литвинов и англичанин по фамилии Саймон.[29] Хозяйка дома не выдержала и громко сказала гостям: «Послушать этих молодых людей, так они ни дать ни взять министры иностранных дел».

Госпожа Ида Файтельсон не предполагала, что ее слова окажутся пророческими.

Вскоре после начала войны царское правительство на правах союзника потребовало, чтобы Англия отправила на родину российских подданных для призыва в армию. Военные власти приказали явиться на призывные пункты всем русским эмигрантам. Вызвали и Литвинова. Английский офицер долго расспрашивал о жизни и прочих делах. Хотел было завести на него учетную карточку для отправки в Россию, но понял, чем это грозит Литвинову, отпустил его на все четыре стороны. В том, что ни один русский эмигрант не был отправлен из Англии в Россию умирать за батюшку-царя, сказалось и влияние лейбористской партии.

У Литвинова и без того хватало забот. Туристическая фирма закрылась. Пришлось снова искать работу. Это было нелегко. Из Бельгии в первые недели войны хлынул поток беженцев, и английское правительство распорядилось предоставлять им работу в первую очередь, как жертвам немецкого вторжения. Литвинов с большим трудом устроился коммивояжером фирмы по продаже сельскохозяйственных машин.

Война принесла новые сложные проблемы. В конце 1914 года началась подготовка к конференции социалистов стран Антанты. От России были приглашены меньшевики и эсеры. Большевистская секция в Лондоне заявила протест, указав, что меньшевики никем не уполномочены и приглашение их является нарушением воли российского пролетариата. Владимир Ильич считал, что надо использовать малейшую возможность для разоблачения оппортунистов, и Литвинову было поручено выступить на конференции.

В начале января 1915 года стало известно, что конференция соберется в Лондоне не позже первой недели февраля. Литвинов получил от Ленина проект Декларации большевиков, с которой он должен был выступить на конференции, и начал над ним работать.

Трудно жилось Литвинову, впрочем, как и всем российским революционерам-эмигрантам. 4 февраля 1915 года газета «Тайме»

поместила объявление «Русского Герценовского кружка» о материальных поступлениях в фонд помощи российским революционерам. Военный фонд помощи русским внес 170 фунтов, Нью-Йоркский фонд помощи – 20 фунтов 10 шиллингов 8 пенсов. Дальше перечисляются поступления от частных лиц: известная актриса Лидия Яворская, княгиня Барятинская, застрявшая в Лондоне из-за войны, внесла 430 фунтов 11 шиллингов и 4 пенса – сумму, которую она собрала на представлениях «Анны Карениной» во время гастролей в Англии. Фанни Степняк, жена известного русского революционера Степняка-Кравчинского, внесла 3 фунта 15 шиллингов, Николай Клышко – 1 фунт 10 шиллингов, мадам Ротштейн, жена Федора Ароновича Ротштейна, будущего советского полпреда в Иране, а затем члена коллегии НКИД и академика, – 10 шиллингов. Последним в списке значится: Литвинов – 2 шиллинга.

Литвинов, как почетный секретарь «Герценовского кружка», публично в «Таймсе» отчитался о всех поступлениях и сообщил: «Итого на 31 января собрано 663 фунта 9 шиллингов 6 пенсов. Комитет „Герценовского кружка“ шлет свою сердечную благодарность всем, кто внес эти средства. Последующие взносы могут быть посланы мадам Фанни Степняк по адресу: „Карлтон-Террас, Чайд-Хилл Н. В.“.

Вечерами в клубе на Шарлот-стрит полуголодные эмигранты получали к кофе булочки и бутерброды, которые готовила Ротштейн, и, как всегда, спорили до поздней ночи…

14 февраля 1915 года в Лондоне открылась конференция социалистических партий стран Антанты. Литвинов оказался в необычайно затруднительном положении. Как представителя большевиков его на конференцию не пригласили. Сделано это было умышленно, с целью заглушить голос российских интернационалистов.

Стало ясно, что поручение Ленина под угрозой. И тогда Литвинов поступил так, как поступал спустя много лет в Лиге наций и на международных конференциях, когда жизненно необходимо было, чтобы большевистская правда дошла до широких народных масс: он явился на конференцию без приглашения, потребовал от ошарашенного председателя слова, а когда тот, окончательно растерявшись, попытался предотвратить выступление большевика, прошел к трибуне и начал свою речь. Закончить выступление ему не дали, но позиция большевиков стала известна делегатам.

ДЕКЛАРАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РСДРП, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

делегатом партии тов. Максимовичем

Граждане! Ваша конференция называет себя конференцией социалистических партий союзных воюющих стран Бельгии, Англии, Франции и России. Позвольте мне прежде всего обратить внимание на тот факт, что с. д. партия России, как организованное целое, представленное Ц.К-том и аффиилированное в М. С. Бюро, не получила от вас приглашения. Российская С. – Д.-тия, взгляды которой были выражены членами Росс. С. Д. Рабочей Фракцией в Думе, арестованными в настоящее время царским правительством (Петровский, Муранов, Самойлов, Бадаев, Шагов – представители рабочих Петербургской, Екатеринославской, Харьковской, Костромской и Владимирской губ.), не имеют ничего общего с вашей конференцией. Мы надеемся, что вы публично заявите это, чтобы не подвергнуться обвинению в извращении истины.

Позвольте мне теперь сказать несколько слов по поводу цели Вашей конференции, т. е. сказать, чего ждали от вас сознательные с. д. рабочие России.

Мы думаем, что прежде, чем входить в какое-либо обсуждение вопроса о восстановлении Интернационала, прежде попытаться восстановить международную связь между социалистическими рабочими, наш социалистический долг заставляет нас требовать:

1) Чтобы Вандервельде, Гед и Самба немедленно вышли из буржуазных министерств Бельгии и Франции.

2) Чтобы бельгийская и французская социалистическая партии порвали т. наз. «национальный блок», который является отречением от социалистического знамени и служит прикрытием для справляемых буржуазией оргий шовинизма.

3) Чтобы все социалистические партии прекратили свою политику игнорирования преступлений русского царизма и возобновили свою поддержку той борьбе против царизма, которую ведут рабочие России, не останавливаясь ни перед какими жертвами.

4) Чтобы во исполнение резолюций Базельского конгресса было заявлено, что мы протягиваем руку тем революционным социал-демократам Германии и Австрии, которые на объявление войны ответили подготовкой пропаганды революционного действия. Вотирование военных кредитов должно быть безусловно осуждено.

Социал-демократы Германии и Австрии совершили чудовищное преступление по отношению к социализму и Интернационалу, вотируя военные кредиты и заключив

«гражданский мир» с юнкерами, попами и буржуазией, но бельгийские и французские социалисты поступили нисколько не лучше. Мы вполне понимаем, что возможны такие обстоятельства, когда социалисты, будучи в меньшинстве, вынуждены подчиниться буржуазному большинству, но ни при каких обстоятельствах социалисты не должны переставать быть социалистами и присоединяться к хору буржуазных шовинистов, забывать о рабочем деле и входить в буржуазные министерства.

Германские и австрийские социалисты совершают великое преступление против социализма, когда, следуя примеру буржуазии, лицемерно утверждают, что Гогенцоллерны и Габсбурги ведут войну за освобождение «от царизма».

Но не меньшее преступление совершают и те, кто утверждает, что царизм становится более демократичным и цивилизованным, кто обходит молчанием тот факт, что царизм душит и разоряет несчастную Галицию, совершенно так же, как немецкий император душит и разоряет Бельгию, – и те, кто молчит о том, что царская шайка бросила в тюрьму парламентских представителей рабочего класса России и совсем недавно осудило на 6 лет каторги нескольких московских рабочих за одну принадлежность к с. д. партии, что царизм угнетает Финляндию хуже прежнего, что рабочие газеты и рабочие организации в России закрыты, что миллиарды, требуемые войной, выколачиваются царской кликой из голодных крестьян и неимущих рабочих.

Рабочие России товарищески протягивают руку социалистам, которые действуют, как Карл Либкнехт, как социалисты Сербии и Италии, как британские товарищи из «Нез. Раб. Партии» и некоторые члены «Бр. Соц. П.», как арестованные товарищи наши из Росс. С. Д. Раб. Партии.

На этот путь зовем мы вас, на путь социализма. Долой шовинизм, губящий пролетарские дела! Да здравствует международный социализм! От имени Ц. К. Росс. С. Д. Раб. Партии

М. Максимович Лондон, 14 февр. 1915».

18 февраля Папаша послал Ленину и Крупской подробное письмо о конференции.

«Дорогие друзья,

мое заказное письмо и вырезки газет о конференции Вы, наверное, получили. Я не видел никого из участников конференции. Знаю лишь, что левые эсеры (Чернов и Натансон) в голосовании резолюции не участвовали. По словам Натансона, ILP-цы[30] тоже будто бы не склонны были голосовать за

резолюцию, но Вандервельде так «трогательно, чуть ли не со слезами на глазах умолял спасти Бельгию, что англичане расчувствовались и не выдержали». Нет, ILP-цы – союзники ненадежные, и с ними недолго нам идти вместе. Они стоят за созыв Интернационала с участием немцев и австрийцев, но BSP склоняется к частной, тайной конференции «известных лиц». Даже воскресную конференцию они считают слишком официальной. Мой уход решили, очевидно, замалчивать, но все газеты отметили непримиримость русских социал-демократов, «Justice» же смешал нас с социалистами-революционерами, а левых социалистов-революционеров принимает за РСДРП. Пошлю заметку об этом в «Justice».

Нашей декларации не печатают ни в «Justice», ни в «Labour Leader».

Посылаю Вам несколько экземпляров своей декларации.

Послал в Америку, Международное социалистическое бюро, Александру[31] и в Голландию. В BSP сильное движение против политики вождей (Гайндмана и К°). Был ряд районных конференций. Лондонская заняла антишовинистическую позицию, вынеся порицание и Центральному комитету и «Justice». Результат провинциальных конференций еще неизвестен, но, по-видимому, резолюции хуже лондонских. Когда будете писать в Ц. О. о конференции, не забудьте упомянуть, к нашей декларации всецело присоединился ЦК с. д. Латышского края. Берзину предстоит, вероятно, выдержать из-за этого борьбу с Брауном, но формально представителем ЦК является лишь Б [ерзин].

Сообщите, что думаете о конференции. Если б заранее знал точно порядок дня, я дополнил бы декларацию, начав с ответа по пунктам порядка дня, и тогда удалось бы прочитать ее всю…»

29 марта 1915 года в газете «Социал-Демократ» была опубликована статья Ленина «По поводу Лондонской конференции», в которой Владимир Ильич разоблачил социал-шовинистов, предавших рабочий класс, и дал оценку деятельности Литвинова. Владимир Ильич писал: «Печатаемая нами декларация тов. Максимовича, представителя Центрального Комитета РСДРП, дает полное выражение взглядов партии на эту конференцию… Товарищ Максимович выполнил задачу, сказав определенно об *измене* немецких социалистов».

Лишь один правдивый голос об империалистической войне прозвучал на Лондонской конференции. Это был голос Литвинова, который явился сюда по указанию Ленина для оглашения антивоенной декларации ЦК РСДРП.

После Лондонской конференции Литвинов объездил все русские колонии в Англии, выступил с докладами о новых

задачах партии. Владимир Ильич решительно требовал разоблачать шовинистов любого калибра и оттенка, просил Литвинова издать в Лондоне свою брошюру «Социализм и война».

28 июля 1915 года Литвинов писал Ленину и Крупской в Швейцарию: «Дорогие друзья, получил Ваше письмо от 20-го и выдал Александру на основании Вашей доверенности 41 фунт стерлингов… Брошюру[32] на английском языке советовал бы издать в Америке, в Англии рискованно, да и будет стоить *массу денег.* Отношусь весьма пессимистически к нашим европейским единомышленникам, так называемой левой оппозиции. Недалеко пойдут они с нами рядом, пока события не толкнут их или скорее увлекут за собой. Сообщите размеры брошюры и количество экземпляров – пришлю смету.

Привет всем.

Ваш Литвинов».

Финансовые дела партии в Лондоне и небольшие средства Ленина и Крупской, полученные за литературные труды, также находились в ведении Литвинова, и он ими распоряжался по личному указанию Ленина.

Жизнь российской колонии в Лондоне становилась все более трудной и сложной. Полиция следила за каждым шагом российских эмигрантов. Еще летом 1915 года Филис Клышко неожиданно вызвали в полицию, где интересовались ее жильцом. Начальник Криминэл инвестигеишен Томпсон долго и подробно расспрашивал ее о Литвинове: где бывает, с кем встречается, о чем говорит, кто к нему ходит? Филис ответила, что ничего дурного за Литвиновым не замечала и что он вообще прекрасный человек, очень аккуратный и вежливый.

Филис не имела понятия не только о партийной деятельности Литвинова, но даже не знала, что ее муж – большевик и что у него есть партийная кличка. Как-то вечером позвонили по телефону и попросили Степана. Филис не знала, что так в среде большевиков-эмигрантов называют Клышко, и сказала, что такой здесь не проживает.

Начальник Криминэл инвестигейшен отпустил Филис. Потом у Клышко на квартире появились двое штатских в одинаковых синих костюмах и одинаковых шляпах. Они сопроводили Литвинова в полицию, и Томпсон теперь уже его расспрашивал о Клышко: кто бывает у него, с кем он встречается? Литвинов не очень любезно ответил, что у Клышко живет два года и семь лет пользуется политическим убежищем в Англии. Насколько он знает, предоставление политического убежища эмигрантам вполне в духе английской демократии.

Томпсон промолчал. Собственно говоря, он вызвал Литвинова не за этим. Его интересовала переписка с Лениным, дела большевистской группы. Литвинов сразу понял, в чем дело: департамент полиции все же не отказался от намерения заставить большевиков покинуть Лондон. Он сказал Томпсону, что постановлений военного времени не нарушает. Что же касается данного допроса, то он сообщит о нем членам парламента.

Томпсон отпустил Литвинова, намекнув, что на этом разговор их не окончен. Литвинов написал об этом допросе Ленину в Зёренберг, где тогда жили Владимир Ильич и Надежда Константиновна. «Дорогой друг. Вашу открытку получил вчера, т. е. на 11-й день… Меня вызывал главный начальник местной полиции, допрашивал о моих взглядах, прошлом, переписке с Вами».

Владимир Ильич ответил на письмо тотчас же после его получения, но и на этот раз оно пришло с большим опозданием, а потом переписка с Лениным на некоторое время и вовсе прекратилась. Литвинов посылал письма в Берн, куда Ленин с Надеждой Константиновной предполагали переехать из Зёренберга, но письма возвратились обратно.

Все это тревожило Литвинова. Его со всех сторон обступили сложные проблемы, ленинский совет и поддержка были ему необходимы, как никогда.

К концу лета 1916 года от Владимира Ильича пришла наконец открытка. Ленин спрашивал о новостях в Международном социалистическом бюро и просил Литвинова прислать адреса некоторых товарищей, переехавших после начала войны в Англию, сообщал, что заболела Надежда Константиновна.

Литвинов сразу же ответил Ленину в Цюрих: «Дорогой Владимир Ильич! – писал он. – Рад был Вашей открытке чрезвычайно. Чувствовал себя отрезанным от Вас. Писал Вам на адрес Шкловского в Берн, но письмо пришло обратно „за ненахождением адресата“. Огорчен известием о болезни Над[ежды] Конст [антиновны].

О здешних делах Вы все узнаете из газет, вероятно… Циммервальдом тут не пахнет.

В делах секции участия не принимаю. Да и делать-то нечего. Живем мы все тут под дамокловым мечом. Высылок, пожалуй, не будет, но неприятности предстоят большие. Берзины в Америке и оттуда напишут Вам.

Пишите, как обстоят дела. Горячий привет Вам и Надежде Константиновне.

Жму руку.

Ваш Литвинов».

Поздней осенью общественное мнение Лондона, Петербурга, Парижа и других европейских столиц было возбуждено «мирными предложениями» Германии, с которыми канцлер Бетман-Гольвег обратился к странам Антанты. Союзная пресса писала о «Седане Кайзера Вильгельма II», поражение Германии казалось уже очевидным, и вдруг это «мирное предложение». Разумеется, все понимали, что кайзер и генералы пытались спасти страну от капитуляции и сохранить силы для реванша. В столицах союзных стран зондаж Германии вызвал резкую отповедь.

Лондонская «Морнинг пост» без обиняков заявила, что «согласиться теперь на перемирие – значило бы оставить навсегда надежду на возможность подчинить Германию своей воле. Такой поступок был бы изменой делу цивилизации, борющейся с варварством. Примем же на себя всю ответственность за спасение будущих поколений от ужасов новой войны, к которой уже готовится Германия, говорящая теперь лицемерные речи своими лживыми устами».

Маневр кайзера и ответы союзников еще больше разоблачили грабительский характер войны. Ленин затребовал от большевистских групп сведения о настроениях в воюющих странах. Этими данными очень интересовалась Комиссия для установления международных связей. Литвинов послал Владимиру Ильичу письмо и выдержки из лондонских газет. Коллонтай из Норвегии прислала в Цюрих письмо, предложила Ленину собрать интернациональное совещание учителей, пригласить друзей из лондонской российской колонии. Литвинов начал было готовить делегацию, но в Норвегию пробраться не удалось.

В 1916 году в жизни Литвинова произошло большое событие: он женился на Айви Лоу, молодой английской писательнице. Не сразу Литвинов решился на этот шаг. Ему уже исполнилось сорок лет, но он все еще гнал мысль о женитьбе и семье. Друзья подталкивали его к этому шагу, часто подтрунивая над его холостяцким образом жизни.

Как-то один из близких друзей спросил Литвинова: «Ну, ты женишься когда-нибудь, Максим?» Неожиданно Литвинов ответил: «Да, скоро женюсь. Но, понимаешь, она буржуйка». И через несколько недель он женился на «буржуйке», с которой прожил тридцать пять лет. Они познакомились у общих друзей. Потом встретились на собрании фабианского общества. Литвинов был поражен, как хорошо она знает Толстого и Чехова.

Полнеющий, рыжеватый, среднего роста человек, с хорошими манерами, не очень разговорчивый, произвел на молодую писательницу большое впечатление. Мать Айви, дочь полковника английской армии, разумеется, желала другой партии для дочери и уж никак не хотела видеть ее женой полунищего эмигранта из России. О вероисповедании своего нового знакомого Айви Лоу просто не задумывалась. Она сама происходила из семьи венгерских евреев, сражавшихся на стороне Кошута и позже эмигрировавших в Англию. В девические годы Айви Лоу была протестанткой, потом католичкой. Выбор религии был ее личным делом и никого не касался.

Материальные заботы стали еще ощутимее. У Айви были крохотные сбережения, заработанные литературным трудом. Литвинов все еще работал агентом фирмы по продаже сельскохозяйственных машин. Вскоре пришлось искать дополнительный заработок. Айви ждала ребенка.

Литвиновы поселились на Саут-Хилл парк, в. доме, который принадлежал бельгийским беженцам. Вечерами там иногда собирались друзья, обсуждали политические новости, потом разгорался спор, переходивший в ожесточенную перепалку. Айви всегда казалось, что ее муж и его гости вот-вот начнут драться стульями. В самый разгар спора, когда он достигал точки кипения, в комнату из кухни входила Айви и сообщала, что готов чай или кофе. Спорщики умолкали, и начиналось мирное чаепитие.

Айви Лоу, теперь Айви Литвинова, в то время не интересовалась политической деятельностью мужа и его друзей и не понимала ее. Это был чуждый ей мир. Уже после Октябрьской революции она спросила мужа, знал ли он Ленина. Он ответил, что Ленина знает давно. Она понятия не имела, что в их дом приходят письма Ленина, а ее квартира – штаб большевистской эмиграции.

Шел к концу 1916 год – третий год всемирной империалистической бойни. На фронтах продолжали убивать, калечить, уродовать людей, уничтожать города и человеческие надежды. Газеты Лондона и Парижа призывали к новым усилиям, чтобы добить кайзеровскую армию. В России газеты утверждали, что «лучший ответ на предложение о мире – усиленная подписка на военный заем», сообщали, что на фронтах наблюдается оживленная деятельность летательных аппаратов. Публика с волнением перечитывала корреспонденции с фронтов. Их характер определял не талант, а умонастроение. 25-летний Илья Эренбург писал в своем очерке «Россия в Шампани»,

опубликованном в «Биржевых ведомостях» 19 декабря: «Были дожди. Разлилась и зеленовато-серая спокойная Марна, и мелкие речонки затопили луга, и кое-где из воды торчат то верхи изгороди, то воронье пугало. Я еду на север, вглубь, в сердце Шампани. Сегодня нежный осенний день, сквозь пуховые облака пробирается луч солнца, неяркий и застенчивый. На западе холмы с уступами виноградников, за ними Реймс…

Через несколько минут я брожу по улочкам М. Это большая деревня, частью разрушенная немцами… Я здесь будто в русской коренной деревне: всюду русские надписи, даже на лавчонках. Всюду русские лица, русская речь… В лавчонке толпятся солдаты. Продают пиво, сахар, колбасу, бананы.

– А мы из разных местов будем, – объясняют мне солдаты, – так что есть ливенские, есть и елецкие, а вон ён вовсе воронежский… Восемнадцать дён болтались по морю, думал, ну душу богу отдам, а доплыли ведь…

Мы идем в русскую часовенку, недавно сколоченную. Умиротворяюще глядит со стены Божья Матерь… «Утоли моя печали»… И я в тот час, как блудный сын, не хочу думать ни о прошлом, ни о будущем, ни о Париже, ни об Испании, я повторяю: Отче, согрешил я против Тебя».

В Петербурге в Александрийском театре шли комедии князя Сумбатова, давал свои концерты Рахманинов, и рецензент столичной газеты писал, что в его музыке слышна «поступь солдата, идущего на битву».

Но не Невский проспект Петербурга определял состояние России, измученной войной, не из корреспонденции с фронтов можно было узнать о ее надеждах и чаяниях. В России зрела новая революция. И уже был близок день, когда падет режим, построенный на крови и страданиях народа, режим, против которого поднимали Россию Ленин и его партия.

Новый год Литвинов встречал дома. Собрались ближайшие друзья. За столом сидели торжественные, чуть-чуть грустные. Думали о России, о будущем.

Вдали прозвучал бой часов Биг Бена. И все посмотрели на свои карманные часы. Наступил Новый, 1917 год. Он вошел неслышный, и еще никто не мог предсказать его громы. Говорили о тюрьмах, побегах, явках. Потом вспомнили, что они впервые собрались у Литвинова после его женитьбы. Все закричали: «Горько! Горько!» Литвинова и Айви заставили целоваться.

Долго сидели русские в ту ночь в Лондоне на улице Саут-Хилл, дом 86, в квартире секретаря большевистской группы Литвинова. Кто-то сказал: «Максим, если там, у нас, в этом году произойдет революция, ты будешь послом Российской

республики в Англии».

Новый год, казалось, не принес перемен. Из Лондона продолжали отправлять рекрутов во Францию и на Салоникский фронт. Газеты писали, что большинство населения во всех союзных странах предпочитает скорее увеличить приносимые жертвы, чем подвергнуться несчастью преждевременного мира с Германией. В Германии немцев уверяли, что война будет выиграна. Теперь бюргеры молились уже не только на кайзера, но и на Гинденбурга. В Берлине и других городах делали гвоздики с золотыми шляпками, чтобы забить их в деревянный монумент Гинденбургу, верили, что, когда деревянный генерал-фельдмаршал будет обит золотом, Германия выиграет войну…

В середине февраля Литвинов отвез жену в больницу, а в ночь на 17 февраля она родила сына. Офис графства Мидлсекс зарегистрировал это событие по всем правилам, указав, что отцом ребенка, которого назвали Михаилом, является русский эмигрант переводчик Максим Литвинов, а мать – английская гражданка Айви Лоу.

Теперь Литвинов делил свое время между больницей и «Герценовским кружком». Там с нетерпением ждали новостей, но из России поступали скудные сообщения. Литвинов встречался с членами парламента – лейбористами, пытался у них что-нибудь узнать. Те разводили руками или говорили: Россия – верный союзник. Конечно, там много Недовольных, но все хотят победы. В последние дни сообщения из России и вовсе перестали поступать. Там что-то происходило.

16 марта грянул гром. Литвинов был дома, когда к нему Примчались друзья с газетами. В России революция. Литвинов отправился в здание парламента, требовал немедленного свидания с Ллойд Джорджем. С премьер-министром встретиться не удалось, и Литвинов просил лейбористов – членов парламента выступить с сообщением о революции в России.

В тот день «цеппелины» совершили налет на Лондон. Литвинов ничего не видел, не слышал. Помчался в русское посольство, потребовал у посла Набокова немедленно снять портрет царя Николая II и царский герб со здания посольства. Портрет и герб сняли.

Когда Литвинов приехал в клуб на Шарлот-стрит, там уже было столпотворение. Эмигранты пришли с детьми, обнимались, поздравляли друг друга. На следующий день начали поступать поздравительные телеграммы из русских колоний в Швейцарии, Франции, Норвегии, Швеции, Дании. Россияне ликовали. Вечером прямо из клуба на Шарлот-стрит отправились гулять по ночному Лондону. На Риджен-стрит пели песни, танцевали, обнимались,

кричали «ура». Прохожие со смешанным чувством страха и недоумения смотрели на ошалевших от радости русских, решили, что кайзер капитулировал. Им пояснили, что капитулировал другой кайзер – русский, и капитулировал навсегда.

На следующий день, потрясенный событиями, Литвинов продиктовал жене свои мысли, которые она озаглавила «Из дневника русского политического эмигранта»:

«Марта 17-го, Лондон.

Я лег вчера в большом волнении. Новость, которую я узнал, казалось, открыла все шлюзы в моем мозгу. Затопившие мысли не дали мне уснуть всю ночь. Мне стало невмоготу лежать, и я вскочил в шесть утра, бурля нетерпением скорее увидеть газеты. Неужели это и есть Народная Революция? Газетные строки прыгали перед глазами. От восторга я не мог заставить себя читать все подряд и то перескакивал к концу столбца, то заглядывал на середину другого – я словно хотел проглотить эту новость всю разом! Не помню, как прошло утро. Как-то машинально проделал все утренние процедуры. Пытался побриться зубным порошком, потом сел в пустую ванну и забыл открыть кран. Завтракал ли я в тот день? Не помню.

Какая радость, какая радость! Неужели нельзя мне никак попасть в Россию? Сейчас же? Я ринулся в Русское консульство, чтобы выхлопотать себе паспорт, но унылые чиновники сообщили, что никаких инструкций не получали, что я должен снестись с Хоум-офис и т. д. и т. д.

Что делать? Может, запросить по телефону у Временного правительства разрешение на выезд? Но у них сейчас дела поважнее, чем мое возвращение в Россию. Я вспомнил, как в 1905 году мне было жаль товарищей в ссылке, когда они не могли вместе со мной наблюдать радостное зрелище революционных событий. А теперь я сам в подобном положении. Невероятное счастье и невероятная боль. Какая трагедия – провести полжизни в…»

На этом запись обрывается.

После Февральской революции в Лондоне был создан делегатский комитет для содействия возвращению эмигрантов на родину. Секретарем комитета стал Георгий Васильевич Чичерин.

Делегатскому комитету предстояла большая и сложная работа. Падение самодержавия открыло эмигрантам дорогу на родину. Лондон сразу же стал центром притяжения многочисленных российских колоний, разбросанных по Европе. Через Германию было трудно пробраться в Россию. Оставался один реальный путь – из Англии через Скандинавию в Архангельск или Петроград.

Уже в марте Лондон стал местом паломничества эмигрантов, прибывших туда из Франции, Швейцарии и других стран. Делегатский комитет взял на себя заботу о прибывающих и дальнейшей их отправке в Россию. Комитет разместился на Шарлот-стрит в двух комнатах. В первой сидел Чичерин, а во второй – Анжель Нагель, дочь русского эмигранта-народовольца Людвига Нагеля и социал-демократки Соколовой. Когда началась мировая война, Людвига Нагеля, как немца, выслали на остров Айл-оф-Мэн, Анжель работала на фабрике, тесно была связана с российской колонией. Анжель прикрепили к Чичерину в качестве секретаря.

Добирались российские эмигранты до Лондона кружными путями, кто как мог. Многие приезжали семьями с маленькими детьми. Паспорта у них были самые что ни есть «липовые», самодельные, прибывали эмигранты часто без гроша в кармане. Всех их надо было разместить, накормить и отправить на родину.

Главную проблему – финансовую – Чичерин и Литвинов решили сравнительно просто. Отправились к поверенному в делах Временного правительства Набокову и решительно потребовали у него предоставить средства посольства в распоряжение делегатского комитета. Набоков вначале сопротивлялся, потом сдался.

Возникли и другие проблемы. В забитом беженцами Лондоне не так-то просто было и разместить эмигрантов. Делегатский комитет законтрактовал самые дешевые гостиницы в различных районах столицы.

Сутолока в двух комнатах делегатского комитета была необычайной. Каждое утро пароходами и поездами прибывали русские. В те дни из Парижа приехали В. А. Антонов-Овсеенко, В. К. Таратута и другие известные революционеры, долгие годы находившиеся в эмиграции. Радости не было конца. Друзья, потерявшие друг друга, встретились после долгих лет разлуки, у многих на глазах были слезы счастья. Анжель держала в руках списки и выкрикивала фамилии отъезжающих. Чичерин и Литвинов тут же, примостившись у столика, выдавали суточные, гостиничные и проездные деньги. Выданную сумму на главу семьи и домочадцев вносили в паспорт, который подписывал Чичерин.

Путь на родину был сложный. Связь с Россией поддерживалась только морем. Эмигрантов отправляли поездом до шотландского города Абердина на побережье Северного моря. Из Лондона до Абердина ежедневно отправлялись группы по 30–40 человек. Чичерин провожал отъезжающих на вокзале. К поезду приходил в своем стареньком пальто с бархатным воротником и

неизменным чемоданчиком в руке.

Из Абердина почти регулярно до норвежского порта Берген шел единственный пароход «Валчер» («Степной орел»). Еще продолжалась война, и «Валчер» конвоировали два миноносца, оберегая его от немецких подводных лодок.

Первый пароход с эмигрантами напоролся на немецкую мину и затонул, все пассажиры погибли. К счастью, последующие рейсы до Норвегии прошли благополучно. Из Норвегии в Россию эмигранты отправлялись русским или норвежским пароходом. Большинство эмигрантов провели на чужбине десятилетия, бежав из казематов Акатуя, Нерчинска, из безвестных каторжных тюрем. На родину они возвращались седые, все изведавшие. Вместе с ними ехало юное потомство революционной эмиграции, никогда не видавшее России.

Вскоре стало известно, что Владимир Ильич и с ним группа большевиков выехали в Петроград. Сильно поредела и лондонская колония. Литвинов рвался в Россию. Он давно сказал жене, что, если его позовут барабаны революции, он немедленно все бросит и помчится туда. Но обстоятельства складываются против него. Сыну несколько недель, в Лондоне свирепствует эпидемия гриппа, и Литвинов вынужден ждать. Он не находит себе места в Лондоне. Он всей душой в России. И в те безмерно тяжкие для него недели безвестности и неразберихи, когда из России докатываются такие неясные сообщения, в Лондон приходит весть о приезде Ленина в Петроград и его выступлении у Финляндского вокзала.

Апрельские тезисы Ленина дали предельно ясную ориентировку: буржуазно-демократическая революция должна перерасти в пролетарскую, социалистическую. Один из главных лозунгов – война войне.

Для Литвинова Апрельские тезисы были не просто политической программой, а практическим указанием к действию. И он начинает готовить первую работу о характере русской революции. Литвинов еще не знает, как назовет ее, но в ней будет дан анализ революции 1905 года, Февральской революции, а дальнейшее содержание книги подскажут события. История сама допишет ее. И эту книгу он издаст в Лондоне.

В сутолоке тех дней, когда, казалось, не оставалось ни одной свободной минуты, Литвинов разрабатывает план своей работы. Человек практичный и точный, Литвинов ведет переговоры с будущими издателями, с лейбористами. Да, они согласны будут издать его книгу, но в зависимости от ее содержания. Он договаривается с лейбористом Ферчальдом, и тот дает согласие написать предисловие. Но как плохо и в каком искаженном виде

доходят сведения о положении в Петрограде. Лондонская группа большевиков, в сущности, совершенно лишена правдивой информации о том, что происходит на родине.

В это время Литвинову становится известно, что в Ливерпуль для ремонта прибыл крейсер «Варяг». Да, тот самый легендарный «Варяг»…

Крейсер, потопленный русскими матросами в 1904 году, был поднят японцами в 1905 году и через четыре года зачислен в японский флот под названием «Сойя». В разгар мировой войны царское правительство купило у Японии «Варяг» и еще два военных корабля – «Чесну» и «Пересвет». Южными путями они совершили переход из Владивостока в Мурманск, но «Пересвет» не дошел туда – подорвался на немецкой мине недалеко от Порт-Саида. «Варяг» и «Чесма» в ноябре 1916 года пришли в Мурманск, где «Чесма» и вступила в строй.

Узнав о прибытии «Варяга», Литвинов помчался в Ливерпуль. Как он пробрался на военный корабль – никто об этом не знает. Но сутки он провел на «Варяге», беседовал с офицерами и матросами и выступил перед командой с речью.

Старший офицер хмуро сообщил команде, что перед ними выступает представитель русской колонии в Лондоне Максим Литвинов. Матросы собрались на палубе. Впервые они слушали большевика, который сказал им, что над Россией занимается заря новой жизни. Революция только началась. Впереди новые бои.

В конце августа был арестован Чичерин и заключен в тюрьму Брикстон. Ничто не предвещало такого оборота событий, если не считать разговора, который незадолго до этого Чичерин имел с Набоковым. Георгий Васильевич вынужден был являться в бывшее царское посольство, где решал с Набоковым разные вопросы, связанные с отправкой эмигрантов на родину. Во время одной такой встречи разговор перешел на политические темы, и Чичерин весьма резко высказался о председателе Временного правительства Керенском. Особенно Чичерина возмущала политика Керенского, продолжавшего гнать на бойню русских солдат. «Керенский ни в какой степени не лучше Николая», – сказал Чичерин.

Взбешенный Набоков донес об этом разговоре английским властям, а те, воспользовавшись удобным для них случаем, присовокупили другие вздорные обвинения.

События разворачивались следующим образом. Днем Георгий Васильевич, как обычно, находился в своей комнате на Шарлот-стрит в помещении делегатского комитета. Анжель составляла очередную ведомость на отправку эмигрантов. В это время через комнатку Анжели быстро прошел человек. Не поздоровавшись, он

юркнул в комнату Чичерина. По виду это был англичанин, причем совершенно незнакомый, ибо всех посетителей, в том числе и англичан, Анжель знала в лицо.

Когда нежданный посетитель ушел, появился взволнованный Чичерин. Он долго ходил по комнате, нервно размахивал руками, как бы рассуждая сам с собой. Потом спросил у Анжели:

– Вы знаете, кто это был?

– Нет, – ответила Анжель.

– Агент секретной службы. Понимаете, я арестован.

Событие это произошло в пятницу. Секретная служба, прекрасно понимая, что Чичерин никуда не денется, поступила вполне «по-джентльменски». Чичерину не хотели «портить» уик-энд, дали ему три дня для завершения дел и в понедельник приказали явиться в тюрьму. Все эти подробности Чичерин взволнованно сообщил членам делегатского комитета, которых он вызвал.

Друзьям Чичерина удалось добиться отсрочки еще на две недели. Однако, несмотря на протесты, 25 августа Чичерин был препровожден в тюрьму.

Чичерину разрешили раз в месяц отправлять из тюрьмы письма. Он это делал на клочке бумаги в десять тетрадных строк. Своим бисерным аккуратным почерком Георгий Васильевич записывал на этой «площади» массу конкретных распоряжений и поручений, задавал множество вопросов, на которые требовал ответа, ничего не забывал. В одном из таких писем поручил Анжель перевести в Россию деньги его старой няне.

Литвинов целые дни пропадал в офисе лейбористской партии, у членов парламента, добиваясь освобождения Чичерина из тюрьмы.

В конце лета прошло успешное наступление русской армии на Юго-Западном фронте. Английское правительство продолжало добиваться окончательной победы над Германией русской кровью. Лондонские газеты всячески восхваляли «доблестных союзников», замалчивали июльские события в Петрограде, расстрел демонстрации, на все лады хвалили Керенского.

Но где Владимир Ильич? Где другие руководящие большевики? Сведения об этом в Лондон доходили самые противоречивые; путаные, искаженные сообщения об июльских событиях еще больше затрудняли поиски правды. Литвинов видел, куда идет дело. Он еще не знает знаменитого высказывания Ленина, сделанного после июльских событий: «Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа

контрреволюции, либо новая революция». Но Литвинов прекрасно разбирается в ситуации и записывает в своих тезисах для книги: «Керенский готовит нового Бонапарта – генерала Корнилова». Он внимательно следит за предательской линией меньшевиков, особенно за Церетели, Чхеидзе, этих он знает особенно хорошо. Литвинов даст достойную оценку соглашателям, продающим власть в России новым кавеньякам. Он так и напишет в своей книге об этих лидерах российского меньшевизма.

Об исторических событиях в Петрограде 25 октября, о штурме Зимнего дворца Литвинов узнал из экстренных выпусков лондонских газет. А затем вся буржуазная печать затопила мир сообщениями о хаосе в Петрограде и во всей России, пророчила неизбежную и скорую гибель первого государства рабочих и крестьян. Именно тогда Литвинов начал писать свою книгу об Октябрьской революции. Он писал эту работу урывками два тревожных месяца – ноябрь и декабрь 1917 года.

Утром 3 января 1918 года радиостанция Петрограда передала сообщение Советского правительства о назначении Литвинова полномочным представителем Российской Советской Республики в Англии. В тот же день это сообщение было опубликовано вечерними лондонскими газетами. У себя на квартире в Хэмпстеде Литвинов написал свою первую дипломатическую ноту, в которой изложил решение Совета Народных Комиссаров о его назначении, и передал ее министру иностранных дел Англии Артуру Джеймсу Бальфуру.

Отныне и навсегда закончилась жизнь политического эмигранта. Позади двадцать лет, отданных революции. И каких лет! Он прошел через тюрьмы России, Франции, Германии. Он был в самом горниле событий, в гуще деятельности партии, в огне, где ковалась победа. Его «послужной список» хоть кому составит честь: агент «Искры», член Киевского, Рижского и Северо-Западного комитетов РСДРП, входит в Бюро комитетов большинства, член администрации «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии», руководитель транспортной организации большевиков, «водворитель оружия в Россию» для подготовки вооруженного восстания, один из создателей первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь», представитель ЦК РСДРП в Международном социалистическом бюро, делегат двух дооктябрьских съездов партии, секретарь большевистской колонии в Лондоне – это далеко не все обязанности, которые он выполнял с 1898 по 1917 год.

И не будет больше охранки, которая в течение этих двадцати лет, называя в своих шифровках то одну, то другую его кличку, неизменно добавляла: «…он же Литвинов».

Нет больше Папаши. Есть представитель народного правительства Советской России в Лондоне Максим Максимович Литвинов.

Часть вторая
ДИПЛОМАТ

Глава первая
Народный посол

Все свершившееся надо было осмыслить, новыми глазами взглянуть на окружающий мир.

Лондон оставался таким же, как и прежде, – огромным, дымным, туманным городом, с его так хорошо знакомыми улицами, которые за последние девять лет Литвинов тысячу раз исходил вдоль и поперек. Он оставался тем же Лондоном, который приютил его после ареста и высылки из Франции. Литвинов пережил здесь немало трудностей, много и плодотворно работал для партии, познал радость встреч, которые принесли ему много друзей и изменили его личную жизнь.

Но если Лондон оставался прежним, то положение Литвинова изменилось. Уже нельзя было, как раньше, зайти в любую таверну, чтобы выпить кружку пива. Нельзя было, прогуливаясь по набережной, просто так любопытства ради сфотографировать мост с приютившимися под ним бродягами.

Отныне все было по-другому. Лондон стал городом, в котором Литвинов представлял огромную страну. Но он представлял не просто Россию, а Россию Советскую.

Министр иностранных дел Англии Бальфур не принял Литвинова, поскольку Англия не желала признавать большевистскую Россию. Но он не мог отвергнуть ноту полномочного представителя мировой державы, а потому принял ее через чиновника министерства иностранных дел и передал Литвинову, что с ним будет поддерживать связь лицо им, Бальфуром, уполномоченное – молодой дипломат Рэкс Липер. Так началась дипломатическая деятельность Литвинова.

Последние месяцы 1917 года Литвинов делал все для того, чтобы вызволить Чичерина из Брикстонской тюрьмы. Он вел переговоры с лейбористами, сочувствовавшими Советской России и лично симпатизировавшими Чичерину, добивался их помощи. В парламенте были сделаны запросы о судьбе Чичерина. Общественное мнение Англии все громче выступало за освобождение Чичерина, для ареста которого не было никаких оснований. Советское правительство заявило, что ни один британский подданный, в том числе и посол Бьюкенен, не получит разрешения на выезд, пока не будет освобожден Чичерин.

Получив это сообщение, Литвинов снова посетил Форин

офис, передал Бальфуру, что Москва твердо решила не выпускать Бьюкенена.

На Даунинг-стрит крайне нуждались в информации о положении в Советской России. Эту информацию хотели получить из уст Бьюкенена. К тому же Лондон планировал заменить престарелого дипломата более молодым. Кандидатом был Брюс Локкарт, бывший вице-консул в Москве. Он вернулся из Петрограда незадолго до Октябрьской революции.

Назначение Литвинова давало возможность ускорить выезд Локкарта в Советскую Россию. По инициативе английского министерства иностранных дел Локкарт вошел в контакт с Литвиновым. Они встретились в ресторанчике на Стрэнде и договорились, что Литвинов в Лондоне, а Локкарт в Москве будут пользоваться известными дипломатическими привилегиями. Литвинов здесь же написал Локкарту письмо для передачи народному комиссару иностранных дел в Москве, которое и должно было служить английскому дипломату пропуском для проезда в Россию.

Все это способствовало освобождению Чичерина. В начале января 1918 года Чичерин был выпущен из тюрьмы и сразу же выехал на родину. Максим Максимович провожал его как полпред Советской России.

В чудом уцелевшей личной папке Литвинова, в которую он собирал материалы, вырезки из газет и другие документы, рассказывающие о первых шагах его дипломатической деятельности, сохранилось интервью, данное Литвиновым посетившему его корреспонденту газеты «Дейли кроникл». Максим Максимович еще не успел снять помещение для полпредства, а потому принял английского журналиста в своей квартире. Корреспондент знал, что широкая публика интересуется Литвиновым и детально зафиксировал свою беседу с полпредом ленинского правительства.

«Представитель одной из величайших наций в мире и в мировой истории, – писал журналист, – обитает в маленьком респектабельном доме, ничем не выделяющемся среди целого множества подобных же домиков, монотонные ряды которых, расположенные в однообразном порядке, образуют монотонные поселения на окраине огромного города, известные под названием Сабэрби – лондонского предместья. Узенький коридор вел в рабочий кабинет посла, небольшую комнату, обстановка которой состояла из нескольких книжных полок, письменного стола и пишущей машинки.

Кратковременное ожидание в комнате позволило рассмотреть ближайшую к письменному столу полку. Кто-то сказал, что

принадлежащие человеку книги позволяют составить представление о хозяине квартиры. Если это так, то пусть каждый истолковывает наличие на полке нескольких романов У. У. Джэкобса как сумеет. По крайней мере, это свидетельствовало о том, что обладатель этих книг знает английский язык и в особенности английский характер и юмор. Пожалуй, более красноречивой в этом смысле была «История Коммуны 1871 года», которую читавший ее явно только что отложил в сторону. Большая часть полки была заполнена русскими книгами и старым изданием Британской энциклопедии.

В комнату вошел плотный, коренастый мужчина. Это был посол. Его демократичная сердечность нашла свое проявление в крепком рукопожатии. В серых глазах через пенсне светился острый ум, а твердый, гладко выбритый подбородок и могучая шея выражали силу воли, если не воинственность. Он закурил русскую папиросу, пристроился перед камином, в котором тлели угли, и начал беседу – неторопливо, обдумывая каждое слово, причем все время смотрел не на своего собеседника, а на вспыхивающие в камине огоньки.

– Моя задача посла, – сказал Литвинов, – будет заключаться б распространении правды о России. Я должен рассеять пелену лжи, сотканную в результате неправильного понимания и неправильного толкования – в особенности, конечно, неправильного толкования – побуждений, характера и назначения Советского правительства.

Девять лет пребывания в Англии позволили Литвинову в совершенстве овладеть языком. Журналистская деятельность, которой он иногда занимался – о чем свидетельствовала находившаяся в комнате пишущая машинка, – приучила его к литературным оборотам и принесла ему умение точно подбирать слова. Он говорил так, как если бы диктовал статью. Вышедшие из-под его пера статьи были напечатаны во влиятельнейших английских газетах, и нет ничего удивительного в том, что, как старый друг и соратник Ленина, он являлся за последнее время объектом домогательств со стороны издателей. Назначение послом положило, однако, конец его журналистской карьере.

– Во-первых, – продолжал Литвинов, – правящая сейчас в России партия изображается в ложном свете как партия, виновная в узурпации власти и в прочих грехах. Твердят, что большевики захватили власть ради самих себя или ради целей партии, в то время как дело обстоит как раз наоборот: их лозунг «Вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» был провозглашен в первые дни Февральской революции, когда большевики составляли в Советах меньшинство.

Вторая революция, в ноябре, была совершена с целью отобрать бразды правления из дрожащих рук Керенского и его пособников и вручить их Советам…

Решающим в жизни нынешней России является то, что классовая война в ее открытой форме бушует не только в Великороссии, но также и на Украине, и в Сибири… Объясняется это тем, что партии, находящиеся в этих краях у власти, состоят из людей того же типа, что и все эти керенские и терещенки…

– Но не свидетельствует ли все это о том, что большевистское правительство имеет, мягко выражаясь, противников, оспаривающих его власть? – спросил корреспондент.

– Конечно, оно их имеет, – ответил Литвинов. – Но я должен заметить, что большевиков поддерживает почти весь промышленный пролетариат и огромная масса крестьян, будь они в солдатских шинелях или без них.

– А что вы скажете о большевизме и его отношении к войне?

– Чрезвычайно глупо изображать большевиков сторонниками немцев, или противниками союзников, или же, – тут Литвинов сделал паузу, – простыми пацифистами. Они не являются ни тем, ни другим, ни третьим. Большевики прекрасно понимают, что кайзеризм и юнкерство представляют собой величайшее препятствие на пути международного пролетариата к своему освобождению. Но большевики убеждены, что не только в Пруссии произрастают ядовитые плоды милитаризма. Они выступают против замены прусского милитаризма милитаризмом русским, французским или английским.

Неизбежным результатом победы одной из воюющих группировок явилось бы торжество милитаризма как такого. Если бы большевики могли бороться против германского милитаризма во имя своих собственных принципов и ради собственных революционных целей, не помогая вместе с тем милитаристам и империалистам других стран, они сделали бы это со всей страстью…

Посол встал. В его голосе звучала убежденность, порождаемая верой столь же сильной, какой бывает вера религиозная.

– Я достаточно оптимистичен, – заявил Литвинов, – чтобы представить себе, что в один прекрасный день русская и германская армии на Восточном фронте двинутся вместе против общих врагов мирового пролетариата в самой Германии, а быть может, и в других странах! Я действительно считаю, что с помощью происходящих сейчас переговоров и многообразной пропаганды, ведущейся среди немецких солдат на Востоке… Ленин содействует низвержению кайзеризма более эффективно,

чем это делают союзники своими военными действиями на Западе.

В голосе Литвинова появилась нотка предостережения.

– Большевики рассматривали бы сепаратный мир как катастрофу и крушение всех своих усилий. Однако нынешняя обстановка в России, осложненная гражданской войной, может его сделать неизбежным. Дело демократии в союзных странах позаботиться о том, чтобы этого не случилось. Ведь на них также лежит ответственность, от которой история не освободит их, и давно пора им поднять голос и использовать все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы принудить свои правительства облегчить путь к демократическому миру. Но для того, чтобы это сделать, надо действовать немедленно. Иначе будет слишком поздно! Россия свое слово сказала. Слово за рабочим классом союзных стран».

Таково первое интервью полпреда Советской России в Лондоне. Оно вызвало широкий отклик. Респектабельные буржуазные газеты набросились на Литвинова с бранью за его призыв к миру. Но все отметили его «обоснованное и трезвое заявление относительно точки зрения большевиков на международную политику». Политическое кредо было провозглашено. Теперь надо было приступить к практическим шагам, к налаживанию отношений с Англией. Этого ждала от Литвинова Советская Россия.

В 1933 году, через пятнадцать лет после того, как по радиограмме из Петрограда он был назначен полпредом в Англии, Литвинов приехал в Лондон на мировую экономическую конференцию. Он уже занимал высокий пост народного комиссара иностранных дел Советского Союза. На вокзале в английской столице Литвинова встречали министр иностранных дел Великобритании и дипломатический корпус. Были оказаны все почести, какие положено оказывать министру великой державы.

В то лето Литвинов встретился в Лондоне с советским полпредом в Англии Иваном Михайловичем Майским. Когда выпадали свободные от заседаний часы, они гуляли вдвоем по паркам Лондона. Во время одной их таких прогулок Литвинов, редко предававшийся воспоминаниям, рассказал Майскому о первых шагах своей дипломатической деятельности. Майский записал рассказ Литвинова, дал ему затем прочитать эту запись. Литвинов сделал необходимые поправки, один экземпляр записи оставил у себя, другой передал Майскому, и этот документ навсегда остался ярким свидетельством тех дней.

«Итак, я стал полпредом, но у меня ничего не было: ни

директив из Москвы, ни денег, ни людей! Излишне говорить, что у меня не было ни опыта, ни подготовки к дипломатической работе. Пришлось начинать буквально с пустого места.

Прежде всего необходимо было установить какой-либо контакт с Москвой. Я воспользовался возвращением в Советскую Россию одного из товарищей по эмиграции для того, чтобы отправить с ним в только что народившийся Народный комиссариат иностранных дел письмо с просьбой об инструкциях и деньгах. С тем же товарищем я послал в НКИД шифр, составленный мной с помощью одного из симпатизировавших нам служащих бывшей царской военно-закупочной миссии в Лондоне. До того шифра у НКИД со мной не было, и все сношения между нами велись клерными телеграммами. Посланный мной шифр в Москве был несколько переделан и в дальнейшем разослан для пользования всем полпредам. Когда, таким образом, была создана возможность шифрованной переписки между мной и НКИД, наши отношения несколько укрепились.

После долгих настояний с моей стороны в марте 1918 года мне наконец было сообщено из Москвы, что НКИД посылает ко мне первого дипломатического курьера. Легко себе представить, с каким нетерпением я ожидал его! С напряженным вниманием я следил за различными этапами его долгого и сложного пути. Ехать приходилось через Финляндию, Швецию и Норвегию, и я сам отправился встречать его на вокзал… Увы! Почта не привезла мне того, что я ожидал, но в одном отношении она разрешила мои трудности: я получил около двухсот тысяч царскими кредитками, которые в то время еще принимались в Лондоне. Теперь я мог по крайней мере приступить к организационному оформлению первого советского полпредства в Лондоне. Я снял для полпредства специальное помещение по адресу Виктория-стрит, 82, – до того полпредство находилось в моей частной квартире, – заказал бланки печати и пригласил на работу нескольких сотрудников. Секретарем полпредства была моя жена, которая вела всю английскую переписку, кроме того, в полпредстве работали еще три-четыре человека из числа товарищей-эмигрантов и бывших служащих царской военно-закупочной миссии.

На дверях полпредства была вывешена табличка с надписью: «Русское народное посольство». Тут же помещалось консульство, которое именовалось «Русское народное консульство». Сам я присвоил себе титул «русский народный посол». Все эти наименования были моего собственного изобретения, ибо, повторяю, никаких указаний из Москвы, в том числе и указаний о

моем официальном титуле, я не имел».

В папке Литвинова обнаружен экземпляр визитной карточки с «титулом» и распорядком работы «Русского народного посольства» на Виктория-стрит, 82. Посольство было открыто для посетителей с 11 до 13 и с 16 до 17 часов, а по субботам только в утренние часы.

Прежде чем продолжить рассказ Литвинова, снова мысленно перенесемся в его дом и посмотрим, что там происходило через две недели после назначения. Об этом поведала английская журналистка Марион Райян, опубликовавшая 20 января' 1918 года в газете «Уикли диспетч» статью «Литвиновы у себя дома».

Журналистка писала: «Некоторые люди носят на себе печать величия. Таким человеком является Максим Литвинов, нынешний представитель русского народа в Лондоне.

Два года назад он женился на молодой девушке-англичанке Айви Лоу, многообещающей писательнице-романистке и той именно женщине, с которой мог делиться своими надеждами и мечтами.

Литвиновы жили самой уединенной и спокойной жизнью в крохотном домике в Западном Хемпстэде. Почтальон заходил сюда часто, но визитеров бывало мало, в основном русские. Здесь не звенел телефонный звонок, не пыхтели проезжавшие мимо такси. Их дом был таким же сонным, как и все дома на этой улице.

Но г-н и г-жа Литвиновы были энергичными людьми. В России происходили великие события, и мечты г-на Литвинова были, по-видимому, близки к тому, чтобы осуществиться. Изгнанники снова держали путь домой, но он оставался в Лондоне. Он близко знал Ленина и писал о нем как о человеке талантливом и энергичном.

А затем совершенно неожиданно этот милый, спокойный господин, который похож на английского государственного деятеля и которого считали на Хилфилд-роуд скромным ученым, преданным своей молодой жене и хорошенькому беби, был назначен на пост представителя русского народа, неофициально признанного посла с определенно неофициальным посольством. Большевики остановили на нем свой выбор ввиду его убеждений, из-за долгого его пребывания в Англии и из-за прекрасного знания им языков.

С этого момента жизнь в литвиновской семье совершенно переменилась, и эта перемена сказалась на всей жизни улицы Хилфилд-роуд. Сейчас здесь можно видеть в течение всего дня и такси, и визитеров, и репортеров, и мальчиков-посыльных, а

соседи Литвиновых непрерывно находятся в состоянии напряженного ожидания и волнения. Величие бросило свой отсвет также и на них, и если вы позвоните в колокольчик у дверей Литвиновых, но никто не выйдет на ваш звонок, то какой-нибудь дружелюбный сосед сможет сказать вам в точности, когда они вышли из дома и когда, по всей вероятности, вернутся.

Когда я, с трудом бредя по покрытым слякотью улицам сквозь ветер и дождь, стремившиеся выяснить друг У друга, что из них может быть наиболее неприятным, нашла наконец их маленький домик, звонок мой был услышан. Г-жа Литвинова была дома и приняла меня в маленькой комнатке, служащей одновременно и рабочим кабинетом, и гостиной, и столовой, и комнатой для игр годовалого Миши Литвинова.

Госпожа Литвинова – высокая и стройная молодая женщина с подвижными чертами лица, темными глазами и с волосами, подстриженными по моде, которую Челси позаимствовал несколько лет назад у России.

– Нам не хочется, чтобы о нас писали в газетах, – сказала она жалобно. – И я абсолютно не желаю обсуждать с вами политические вопросы или наши планы, вместо этого я напою вас чаем и покажу вам моего сына.

Слово «посольство» наводит на мысль о мраморных лестницах, обширных вестибюлях и гостиных, наполненных ароматом дорогих цветов, – добавила она, становясь на колени перед огнем, чтобы поджарить кусочек хлеба. – Поэтому вам незачем называть наш дом «посольством» – неофициальным или каким-нибудь еще – и незачем вам также говорить обо мне как о неофициальной жене посла, ибо я ни чуточки не похожа на таковую, даже неофициальную. Мой муж – представитель русского народа. Этого вполне достаточно.

Мы попытаемся снять дом немного попросторнее, с телефоном, поскольку это необходимо. По правде говоря, я никогда не думала, какая необходимая вещь – телефон. Я поняла это только две недели назад.

Я не могу даже побольше рассказать вам о муже, потому что ему бы это не понравилось. Он просто хочет заниматься своей работой и чтобы ему никто в этом не мешал, но теперь он лишен этого удобства. Эта маленькая комнатка всегда была для него прибежищем, где он мог укрыться, но сейчас это уже не так, ибо, хотя у него и есть служебное помещение в Сити, люди все же упорно приезжают сюда, и даже все мои усилия наилучшим образом выполнять роль полицейского, стоящего на страже его покоя, не всегда оказываются эффективными.

Я не являюсь в действительности его секретарем, хоть и

помогаю ему в его переписке. Он великолепно говорит и пишет по-английски, но у него столько дел, что он не может справиться со всей этой писаниной.

До замужества я не очень-то интересовалась политикой. Симпатии мои склонялись в сторону социализма, но боюсь, что у меня не было никаких сколько-нибудь четко определенных взглядов.

Однако русские мужья более широко посвящают своих жен в свою жизнь и свои убеждения, чем английские мужья, и поэтому я много узнала и интересуюсь всем, что делает мой муж.

Видите ли, русские женщины высокообразованны и. умны, а русский муж ищет в жене не столько хорошую хозяйку, сколько умного человека. Вот почему многие русские женщины занимаются какой-либо профессиональной деятельностью, будучи одновременно женами и матерями. Идеал их мужей – иметь жену, которая являлась бы и товарищем, и вместе с тем хорошей хозяйкой.

Здешние друзья моего мужа были в основном такими же русскими эмигрантами, как и он сам, в настоящее время многие из них возвратились на родину. Некоторых из них я знала хорошо и очень хотела бы, чтобы все англичане так же хорошо знали русских, как я. Эти эмигранты, мужчины и женщины, были интересными, даже блестящими людьми. Жили они в бедности, боролись за право заработать себе на хлеб, но никогда не жаловались и всегда мечтали и надеялись, что в конце концов их жертвы окажутся ненапрасными.

Большинство англичан чрезвычайно невежественно в том, что касается России. Ведь даже англичане и англичанки, считающие себя хорошо начитанными, скажут вам, что ничего не знают о русской литературе, одной из величайших, если не самой великой литературе в мире. А как можно знать народ, если не знать ничего о его литературе?

Но тут Миша, восседающий на своем высоком стуле, пролепетал что-то невнятное, и г-жа Литвинова дала ему корочку хлеба и сказала несколько ласковых слов по-русски.

– Я еще плохо знаю русский язык, – ответила она на мой вопрос. – Я начала изучать его с помощью мужа, но теперь нам пришлось бросить наши занятия. Само собой разумеется, мы хотим и собираемся поехать в Россию, и мне хотелось бы хотя бы примитивно овладеть русским языком.

В этот момент снова послышался звонок, и г-же Литвиновой пришлось выразить свое сочувствие двум русским женщинам, которые проделали неблизкий путь от Хаммерсмита сюда, чтобы повидать народного представителя. Она была очень любезна и

всячески старалась им помочь, сообщив им его адрес и номер телефона в Сити, после чего, утешенные, но сопровождая свой уход целым потоком слов, они вышли на залитую слякотью улицу.

Последнее, что я увидела, оглянувшись назад, была гражданка Литвинова, стоящая на пороге своего дома с ребенком на руках. Она выглядела очень юной, но счастливой и оживленной. Ее рабочий день не закончился еще и наполовину, поскольку ей предстояло уложить своего непоседливого сынишку спать, затем приготовить ужин для себя и народного посла и обсудить вместе с ним материал, опубликованный в разделе информации шести газет, которые они прочитывали ежедневно, и, наконец, помочь ему справиться с его корреспонденцией».

Теперь снова возвратимся к рассказу Литвинова. «Каковы были мои отношения с английским правительством и английской общественностью? В этом отношении резко различаются два периода: до и после подписания Брестского договора. До заключения Брестского мира отношение ко мне со стороны официальной и неофициальной Англии было, учитывая время и обстоятельства, сравнительно благожелательным… Сношения со мной английский МИД в дальнейшем поддерживал через Рэкса Липера. Он был знаком со мной раньше. Теперь МИД решил использовать мое старое знакомство с Липером для дипломатических целей. Первоначально мои деловые встречи с Липером были не лишены некоторого „романтизма“, мы виделись с ним то в кафе или ресторане, то в каком-либо из лондонских парков.

Само собой разумеется, что, получив от Бальфура признание де-факто, я решил сделать попытку ликвидировать еще существовавшее в Лондоне старое царское посольство. Я написал письмо Константину Набокову, числившемуся тогда поверенным в делах, и потребовал от него прекращения этой комедии и передачи мне Чешем-хауз (здание посольства). Я направил к Набокову с письмом одного из моих сотрудников. Набоков принял его и в довольно вежливой форме ответил, что, если бы Советское правительство было официально признано британским правительством, он не замедлил бы уйти в отставку и сдать мне царское посольство. Но пока такого признания нет, он считает мои притязания необоснованными. Аналогичное письмо я направил также еще остающемуся в Лондоне царскому генеральному консулу г-ну Ону. Консул оказался человеком гораздо более грубым, чем Набоков, и предложил моему посланцу поскорее убраться восвояси. Зато в другом отношении я имел большой успех: я отправил в Английский банк письмо с

требованием наложения ареста на все суммы, внесенные туда царским правительством для выплаты своему посольству и царской военно-закупочной миссии в Лондоне. Банк принял мое письмо к исполнению, и царское посольство и военно-закупочная миссия перестали получать деньги.

Что же касается отношения ко мне печати и общественного мнения, то в первый период (до подписания Брестского мира), опять-таки с учетом условий и обстоятельств, у меня не было оснований особенно жаловаться. Меня без конца интервьюировали и снимали, подробно описывали родственников моей жены и сравнительно мало ругали и поносили».

И даже приглашали на приемы; хотя Советская Россия не была признана, однако ее могучее влияние проникало и в официальный, чопорный Лондон. А. В. Литвинова вспоминала: «Надо было соблюдать требования приличия, и, поскольку „миссис Литвинофф“ существовала, ее тоже приглашали на обеды и ленчи и вВестминстер, и в фешенебельный Мейфер, а однажды даже и на Даунинг-стрит. Меня посадили рядом с Рамзеем Макдональдом, напротив Бертрана Рассела. Перегнувшись через стол, я спросила его, что он думает о Фрейде? На мгновение философ остановил свой орлиный взор на моем лице, но не удостоил дерзкую ответом. Впрочем, все были со мной отменно любезны. Моя соседка по правую руку завязала со мной разговор. „Я думаю, вы очень должны были удивиться, миссис Литвинофф, – сказала она ласково, – когда из вашей тихой жизни с мужем и малышом в Вест-Хемпстэде вы вдруг попали в водоворот мировых событий. Мы представили себе, как утром за завтраком вы наливаете мужу чай, а он протягивает вам „Таймс“ и говорит: «Поздравляю тебя, дорогая, ты, оказывается, жена посла!“

Я уверила свою соседку, что эту новость мы узнали не из газет».

В беседе с корреспондентом «Дейли кроникл» Литвинов сказал, что одна из главнейших его задач – рассеять пелену лжи о Советской России. И он использовал для этого любую возможность: проводил широкую разъяснительную работу в печати и на собраниях и решительно выступал против продолжения войны, опубликовал ряд статей об Октябрьской революции в органе независимой рабочей партии «Лейбор лидер» и некоторых других журналах и газетах, отпечатал и распространил большое количество всякого рода листовок и памфлетов.

Брошюра об Октябрьской революции к началу 1918 года была завершена. Он назвал ее «Большевистская революция, ее значение

и смысл». Одно только перечисление глав этой брошюры – кроме предисловия и авторского вступления в ней шесть глав – показываем широкий круг проблем и вопросов, которые осветил Литвинов: 1. «Первая революция (1905)», 2. «Война», 3. «Февральская революция 1917 года», 4. «Антибольшевизм наступает», 5. «Большевистская революция». Последнюю, шестую главу автор назвал «Большевистская программа мира».

Литвинов дал анализ трех русских революций, разоблачил роль контрреволюции, раскрыл величайшую роль Ленина в освободительной борьбе российского пролетариата и интернациональный характер Октябрьской революции.

По просьбе Литвинова предисловие к его работе написал известный в ту пору лейбористский деятель Е. К. Ферчайлд, который призвал рабочий класс Англии прочитать книгу Литвинова и постараться понять суть событий, происшедших в России в октябре 1917 года.

Брошюра была напечатана в типографии лейбористской партии, и первое ее издание, видимо, вышло в феврале 1918 года. А через два месяца в Лондоне появилось второе издание. Таким образом, книга Литвинова была первой после Октябрьской революции работой большевика-марксиста, опубликованной за рубежом, в цитадели капиталистического мира. Она сыграла значительную роль в деле распространения правды об Октябрьской революции и способствовала возникновению в Англии комитетов «Руки прочь от Советской России!».[33]

В начале августа 1918 года поздно вечером в лондонской квартире Литвинова раздался звонок. Литвинов пошел открывать дверь:

– Кто там?

Ответили не по-английски – по-русски:

– Максим Максимович?

– Я!.. А кто вы?

– Из Москвы. От Владимира Ильича.

Это был курьер с особым поручением. И тут надо мысленно вернуться назад, в Москву лета 1918 года. Именно тогда, 19 июля, был опубликован текст первой Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов. Владимир Ильич попросил Бонч-Бруевича, если можно, переслать текст Конституции Литвинову в Лондон. Может быть, Максиму Максимовичу удастся ознакомить английский рабочий класс с этим документом.

Литвинов читал и перечитывал тонкие листы с текстом Конституции, обдумывал, как и где ее издать. И он издал. Потом брошюру уничтожили. Но осталась английская гранка предисловия к Конституции, написанного Литвиновым. Сверху на

гранке – подпись на английском языке: «Максим Литвинов».

Даже небольшой отрывок из предисловия позволяет понять, каким языком Литвинов говорил в ту пору с трудящимися Англии, какими мыслями он руководствовался, будучи полномочным представителем своей страны. «В революционных ситуациях, особенно в ситуациях, столь чреватых социальным переустройством, какой является нынешняя ситуация в России, высшие интересы революции и революционных классов – это и есть наивысшая справедливость…

Мир видел много конституций, но ни одна из них не похожа на ту, текст которой напечатан на нижеследующих страницах. Это первая Конституция первого социалистического государства. То, что было мечтой целых поколений социалистов, стало в ноябре 1917 года свершившимся фактом в России. Социалистический интернационал – или то, что осталось от него в эти дни повального бегства из его рядов и наступившей в его рядах глубокой деморализации, – может сейчас увидеть, как рабочий класс, взявший власть в свои руки, попытался построить государственную машину на следующий же день после победы социалистической революции. Ибо эта конституция – не плод индивидуального мозга ученого-теоретика или даже государственного деятеля-практика, а в полном смысле слова органический продукт, стихийное творение революции, воля коллективного созидательного гения русских трудящихся масс». И далее, говоря о роли Советов депутатов в трех русских революциях, Литвинов пишет: «Никому, кроме Ленина, никогда и в голову не приходило, что этой чисто революционной деловой организации, носившей, казалось бы, только временный характер, суждено было стать краеугольным камнем будущей организации российского социалистического содружества наций. Но именно такова была ее судьба, как это предвидел Ленин еще в начале апреля…

Таким образом, настоящая Конституция, хотя она и является письменным документом, представляет собой Конституцию не бумажную, а живую, наполненную горячей пульсирующей кровью, мыслями, чувствами и, разрешите нам также сказать, страстями трудящихся революционных масс России».

Литвинов уже снял здание для полпредства и начал выполнять одну из тех задач, которую Чичерин в беседе с английским журналистом Рэнсомом определил так: «Роль Литвинова в Англии… заключалась прежде всего в том, чтобы установить связи с промышленным и торговым миром».

В те месяцы он устанавливает контакты со многими английскими фирмами, промышленниками, деловыми людьми в

Лондоне и других городах. По его поручению назначенный им советский консул в Глазго шотландец Маклин проводит эту же работу в Шотландии. Пусть не сразу, но эта деятельность Литвинова принесла свои плоды, и скоро авторитетнейшие промышленные круги Англии выступят за развитие торговли с Советской Россией, а затем и за ее признание.

И конечно, Литвинов со всей энергией продолжает свою политическую деятельность, особенно трудную в период, когда руководители Антанты решили начать открытую интервенцию в Страну Советов. Возвратимся к его воспоминаниям: «Я выступил с речью на 17-й конференции лейбористской партии в Ноттингеме. Неоднократно мне приходилось сражаться с противниками Октябрьской революции на больших митингах. Из них мне особенно запомнилось собрание, устроенное в Кокстон-Холл. История его такова. Летом 1918 года в Лондон приехал Керенский, произнесший погромную речь против большевиков на лейбористской конференции, где председательствовал Артур Гендерсон. Я присутствовал на этой конференции, но мне не дали слова для ответа Керенскому, несмотря на громкие требования этого со стороны аудитории. Тогда несколько дней спустя левые лейбористы совместно с некоторыми радикальными депутатами парламента (Джозеф Кинг и др.) созвали специальное собрание в Кокстон-Холл, где я был главным оратором. Зал был битком набит народом, настроение было чрезвычайно приподнятое, принятые резолюции весьма резки».

В Москве с тревогой следили за борьбой Литвинова в Лондоне. Чичерин докладывал VII Всероссийскому съезду Советов в декабре 1919 года: «В июне 1918 года на лондонской рабочей конференции Керенский был встречен враждебными возгласами, и конференция устроила овацию тов. Литвинову, которому не разрешено было говорить… На грандиозных митингах в Лондоне… при всеобщем энтузиазме присутствующих принимались резолюции с требованием: „Руки прочь от Советской России!“

Вот что говорилось в одной из листовок того времени: «Полученные нами в последнее время сведения говорят о том, что английские войска высадились в Ревеле и наступают на Петроград. Это требует от рабочих Великобритании немедленных действий. Надо обсудить, какие меры необходимо предпринять, чтобы заставить правительства союзников вывести все свои войска с русской территории… Ничто не оправдывает продолжение войны против первой социалистической республики».

Митинг в Лондоне, принявший текст этой листовки, призвал

всех трудящихся Великобритании подняться на борьбу против империалистической интервенции в Советской России.

Но главные трудности были еще впереди. Англия начала открыто проводить политику интервенции, и это сразу же сказалось на положении Литвинова. Он рассказывал об этом: «Явившись однажды утром в полпредство, я нашел его запертым на замок. Оказалось, что хозяин дома на Виктория-стрит, 82, решил раз и навсегда ликвидировать столь опасное учреждение, как советское полпредство, и с полным нарушением заключенного между нами контракта самовольно повесил замок на двери. Я обратился в суд. Суд разбирал мою жалобу и нашел, что владелец дома действительно нарушил подписанный им контракт. Этот последний аргументировал тем, что я-де занимаюсь в Англии опасной „пропагандой против короля и отечества“. Суд открыто стал на сторону владельца дома и в своем решении признал, что хотя заключенный контракт был односторонне нарушен хозяином дома, но все-таки мне надлежит отказать. Апеллировать против этого решения в высшие судебные инстанции при сложившихся обстоятельствах я считал бесполезным и потому дальнейшее ведение дела прекратил. В результате „Русское народное посольство“ на Виктория-стрит, 82, перестало существовать, и мне пришлось перевести его в собственную квартиру на Бигвуд-авеню, 11, Голдерс Грин, С. З.».

Сложившаяся тяжелая для Литвинова обстановка отразилась и на положении его семьи. У Литвиновых родился второй ребенок – дочь, которую назвали Татьяной. А. В. Литвинова свидетельствует: «Недели через две после моего возвращения из родильного дома наша приходящая работница Шарлотта перестала приходить, и мне пришлось хозяйничать одной с двумя малышами, из которых один был грудной, а другой вступил в тот возраст, когда нельзя спускать глаз с ребенка ни на минуту. Моя тетя Эдит ринулась к Шарлотте, чтобы узнать, в чем дело. В это время свирепствовала испанка, и мы подумали, что Шарлотта подцепила эту болезнь. Но Шарлотта была на ногах. Она сама открыла дверь и впустила миссис Идер. Нет, нет, она не может больше ходить к миссис Литвинофф, она никогда ничего такого себе не позволяла и не желает, чтобы люди видели ее входящей и выходящей из дома, над которым учрежден полицейский надзор. Вот уже несколько дней, как она заметила, что у фонаря напротив их окон околачиваются сыщики и, как только мистер Литвинофф выходит из дому, следуют за ним по пятам. Она не представляет себе, в чем он мог провиниться перед властями, он такой спокойный и вежливый джентльмен, но, как бы там ни было, она не желает связываться с полицией».

30 августа 1918 года в Москве было совершено покушение на Ленина. Английская реакция бесновалась, ждала гибели революции, злорадствовала. Положение Литвинова стало еще более сложным. Правительственные круги больше не желали мириться с тем, что в Англии находится даже полуофициальный представитель Советской России. Шарлотта была права. За Литвиновым давно уже была установлена негласная слежка. Однако вскоре формальное приличие было отброшено как ненужный атрибут. 1 сентября в Москве за контрреволюционную деятельность арестовали Брюса Локкарта. Сразу же в лондонских газетах появилось следующее сообщение: «Сегодня к советскому „посольству“ прикрепили представителя Скотланд-Ярда, и за действиями г-на Литвинова ведется тщательное наблюдение.

Г-н Литвинов заявил, что у него нет прямой информации относительно ареста г-на Локкарта. Он сказал также, что установленное полицейскими властями наблюдение за ним, естественно, весьма затрудняет его работу».

Работа Литвинова не просто была затруднена, его арестовали. «Английское правительство в виде ответной репрессии, – вспоминал Литвинов, – 6 сентября произвело обыск в моей квартире и арестовало меня. Одновременно со мной были обысканы и арестованы почти все работники полпредства. Посажен я был в Брикстонскую тюрьму».

Но посол есть посол, даже формально не признанный. На дверь тюремной камеры, в которую посадили Литвинова, была повешена табличка: «Гость его величества». А «гость» без устали шагал по камере – три шага туда, три обратно – и думал, что ему предпринять, чтобы скорее оказаться на воле. Оттуда приходили недобрые вести. Газеты требовали самых строгих мер по отношению к красному послу. В папке Литвинова хранилась газетная статья, автор которой требовал сообщить Ленину, что «при малейшем насилии, примененном к Локкарту, Литвинов будет расстрелян». Это место в статье Литвинов подчеркнул красным карандашом.

О дальнейших событиях Максим Максимович рассказал следующее: «Спустя несколько дней после моего ареста ко мне в тюрьму явился Липер. Причина его визита была такова. До моего заключения английский МИД имел возможность сноситься с Советским правительством через меня. Никаких других способов сношений с Москвой в тот момент у него не было (ведь Локкарт уже сидел в тюрьме). Со дня моего ареста эта единственная ниточка между Лондоном и Москвой была оборвана. А между тем в связи с арестом Локкарта Лондон вынужден был начать какие-

то переговоры с Москвой – прежде всего в целях освобождения Локкарта. Как это было сделать? Тогда в МИД вспомнили обо мне и прислали ко мне Липера. Липер просил меня послать в Москву шифровку и передать предложение британского правительства обменять меня на Локкарта. *Я* ответил Липеру, что никакой шифровки из тюрьмы посылать не буду. Одно из двух: или британское правительство считает меня уполномоченным Советского правительства, тогда я должен быть на свободе, или же оно считает меня арестантом, тогда незачем обращаться ко мне с просьбой о посылке шифровки. Надо сделать выбор. Липер ушел от меня, не добившись ничего.

Моя постановка вопроса в конце концов возымела свое действие. Через десять дней после ареста я был выпущен из тюрьмы и вновь вернулся на свою квартиру. Вместе со мной, по моему категорическому требованию, были освобождены и другие работники полпредства. После моего выхода из тюрьмы ко мне, правда, были приставлены агенты Скотланд-Ярда, которые неотступно следовали за мной по пятам, но все-таки я был на свободе и теперь согласился передать Советскому правительству предложение МИД. Предложение это Москвой было принято, и вопрос о моем отъезде из Англии был, таким образом, принципиально решен.

Однако при практическом проведении этого решения встретился ряд весьма серьезных трудностей. Локкарт был в Москве, я был в Лондоне, сношения железнодорожные, телеграфные, телефонные и всякие другие между обеими столицами в то время были если не совсем порваны, то, во всяком случае, крайне осложнены. Устроить при таких условиях переход советской границы Локкартом и английской границы мною в один и тот же день и час было просто невозможно. В конечном счете вся операция обмена уперлась в вопрос, кто должен первым перейти границу: я или Локкарт? В течение долгого времени мы никак не могли договориться. Тогда я сделал МИД такое предложение: я выеду из Англии первый, но не поеду сразу в Советскую Россию, а останусь в Христиании (ныне Осло) и буду в Норвегии дожидаться выезда Локкарта из Советской России. С тяжелым сердцем Бальфур в конце концов принял мое предложение.

Дело происходило в конце 1918 года. Сношения между Англией и Советской Россией шли в то время через Скандинавию. Сношения эти были чрезвычайно затруднены германской блокадой Англии с помощью подводных лодок, а также громадным количеством мин, установленных в Северном море. Практически мне предстояло из Лондона проехать в Абердин,

сесть там на пароход, который под охраной двух миноносцев совершал более или менее регулярные рейсы по линии Абердин – Берген, и затем уже через Христианию и Стокгольм искать доступа в Советскую Россию. Как раз в момент моего отъезда из Лондона на английских железных дорогах разразилась стачка. Тогда МИД решил отправить меня и моих товарищей (со мной уезжало около сорока большевиков, находившихся еще в Лондоне) на автобусах. Я согласился. Липер поехал сопровождать меня до Абердина. Кроме того, с нами был еще норвежский вице-консул в Лондоне, который тоже принимал некоторое участие в моей эвакуации из Англии. Путь от Абердина до Христиании я совершил вполне благополучно.

Прибыв в норвежскую столицу, я явился к норвежскому министру иностранных дел, изложив обстоятельства, при которых произошел мой отъезд из Англии, и заявил ему, что я нахожусь всецело в его распоряжении. Норвежский министр иностранных дел оказался в большом затруднении. Он сказал, что мое соглашение с английским МИД его совершенно не касается и что я могу поступать дальше, как мне заблагорассудится. После норвежского министра иностранных дел я сделал визит британской миссии в Христиании и сообщил ей, что во исполнении моего соглашения с МИД я остаюсь в столице Норвегии до тех пор, пока не будет получено сообщение о выезде Брюса Локкарта из Советской России.

С освобождением и эвакуацией Локкарта произошла известная задержка, и только в первых числах октября он пересек наконец русско-финскую границу. На этом мое соглашение с английским МИД кончилось, а вместе с тем кончилась и история первого советского полпредства в Лондоне».

Когда выпущенные из тюрьмы сотрудники советского посольства прибыли из Лондона в Петроград? Источники на этот счет разноречивы. В своих статьях, посвященных итогам внешней политики Советской России за два года, опубликованных в «Известиях» за 6, 7 и 13 ноября 1919 года, Г. В. Чичерин писал, что Литвинов прибыл в Петроград 11 октября. Видимо, это была ошибка не Георгия Васильевича, а стенографистки, записавшей его статью. С этой ошибкой статьи вошли и в сборник статей и речей Чичерина. В действительности советские дипломаты и сорок большевиков, выехавших из Лондона вместе с Литвиновым, прибыли в Петроград на две недели позже. 26 октября в «Правде» появилась следующая заметка, переданная из Петрограда и озаглавленная «Прибытие послов Российской Республики из Англии»: «Вчера приехали в Петербург и остановились в доме Рабоче-Крестьянской Красной Армии члены посольства

Российской Республики в Англии. Тов. Литвинов задержался в пути и приедет несколькими днями позже».

Литвинов сдержал слово, данное им английскому министерству иностранных дел. Он ждал в Христиании сообщения, что Локкарт пересек финскую границу, и лишь тогда двинулся в путь. В Петроград Литвинов прибыл в канун первой годовщины Октября.

Стоял необычный для северных широт сухой осенний день. Литвинов впервые в своей жизни увидел Россию без жандармов. Он молча смотрел на людей, дома, улицы, узнавал и не узнавал город – новый для него Питер, Петроград. Двенадцать лет Литвинов был в изгнании. В 1906 году он вынужден был приехать в Петербург, чтобы вырвать у меньшевиков деньги на покупку оружия для вооруженного восстания. Он с огромным трудом ускользнул тогда от полицейских ищеек в Финляндию, а затем скрылся за границу, чтобы больше в России не появляться. Такова была воля ЦК РСДРП (б). И вот теперь он снова на Родине.

Литвинову надо было в Смольный. Но ему вдруг неудержимо захотелось увидеть дом на Троицкой улице, где находилась редакция «Новой жизни», в выпуске которой он участвовал в дни первой российской революции, а затем пройти по Невскому проспекту, к зданию, где в 1905 году помещался ЦК большевиков.

Литвинов хорошо знал Петроград, но точно не помнил, как ему ехать. Вдруг он увидел милиционера. Молодой парень с добрым русским лицом стоял на перекрестке с винтовкой на плече и красной повязкой на рукаве. Литвинов подошел к нему и остановился, пытливо вглядываясь в его лицо, в глаза.

Милиционер недоуменно посмотрел на Литвинова, а тот все молчал, стараясь справиться с внезапно нахлынувшим волнением. Недоумение милиционера сменилось настороженностью. Внимательно оглядев Литвинова, он спросил:

– Чего тебе, папаша?

От столь неожиданного обращения Литвинов расхохотался. Милиционер вопрошающе поднял брови, потом лицо его стало строгим:

– Ты кто будешь, может, из бывших?

Чтобы сразу же рассеять сомнения, Литвинов сказал:

– Мне надо в Смольный.

– Ну так бы и говорил. – И милиционер деловито объяснил, как проехать в Петроградский Совет.

Глава вторая
Вестник мира

Литвинов приехал в Москву в те дни, когда страна отмечала первую годовщину Октября. Старая столица обрела вторую молодость. Город стал штабом, в котором разрабатывались тактика и стратегия защиты завоеваний революции.

Положение страны было необычайно трудным. Украину оккупировали германские войска. Со всех сторон наступала контрреволюция. Свирепствовал голод. Больше других голодали Москва и Петроград. Тиф косил людей. В конце октября 1918 года в стране зарегистрировано более трех тысяч случаев заболевания холерой.

К празднику правительство распорядилось увеличить продовольственный паек трудящимся. Выдали по два фунта картофеля, четверть фунта растительного масла, три селедки, фунт хлеба. Академиков и профессоров, достигших 45-летнего возраста, перевели в первую категорию по снабжению. Они тоже получили подсолнечное масло и селедку.

Партийные работники и сотрудники государственных учреждений получали по более низкой категории, как служащие.

А новая жизнь брала свое. Революционные преобразования все шире охватывали страну. В самых отдаленных городах и селах создавались органы Советской власти, все новые миллионы поднимались на защиту ленинских идей. Росли ряды партии, молодежь создавала комсомол, бедняки организовывали комбеды, на рабочих окраинах и в деревнях возникали кружки по ликвидации неграмотности.

Обороняющаяся от натиска врагов, разутая и раздетая, голодная, страна делала все возможное для защиты культурного наследства. В Петрограде дом артистки Марии Гавриловны Савиной объявили национальным достоянием. Чтобы спасти от гибели культурные ценности, музеям и картинным галереям выдавали дрова. Партийные комитеты не отапливались: коммунисты отдавали дрова детским домам. В городах открывали красные уголки и клубы.

В те дни Ленин руководил работой VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов, выступил с речью о годовщине Октябрьской революции и с докладом о международном положении.

В те дни началась Ноябрьская революция в Германии, и Ленин был поглощен событиями в этой стране.

В те дни Ленин заканчивал работу над своим трудом «Пролетарская революция и ренегат Каутский», был занят до предела и все же нашел время, чтобы принять Литвинова.

– Как устроились, где? – спросил Владимир Ильич после крепкого дружеского рукопожатия.

– Остановился пока в «Метрополе», а там видно будет.

– «Метрополь» – дело временное. Надо устраиваться по-настоящему. Я говорил об этом Чичерину. Хорошее здание для Наркоминдела необходимо подобрать; возможно, на Кузнецком мосту. Ну а семья? Долго бобылем жить будете? – улыбнулся Ленин.

– Владимир Ильич, семью скоро заберу из Лондона. Жена рвется сюда.

– Нелегко будет вашей англичанке, – заметил Владимир Ильич.

– Привыкнет, – ответил Литвинов. – Кстати, Владимир Ильич, она написала вам письмо и подготовила крошечную посылочку. Письмо я уничтожил. Пришлось считаться с арестом в пути. Посылочку не взял по этим же соображениям.

Ленин поблагодарил, просил передать привет.

Потом Владимир Ильич подробно расспросил Литвинова о настроениях в Англии, рабочем классе, лейбористах, политических группировках в правительстве. Забросал целой грудой вопросов – ясных, точных, проникающих в самую сердцевину английской политической жизни. Попросил рассказать о Норвегии, где Литвинов вынужден был задержаться. Когда все выяснил, сказал Литвинову как о деле решенном:

– Стало быть, Максим Максимович, будете по дипломатическому ведомству. В Наркоминделе до зарезу нужны партийные деятели.

Так в кабинете Владимира Ильича Ленина окончательно было определено новое поприще политической деятельности профессионального революционера Максима Максимовича Литвинова.

Партия направила на дипломатическую службу человека, которому суждено было сыграть значительную роль в истории советской внешней политики, под руководством В. И. Ленина, бок о бок с такими видными деятелями Советского государства, как Г. В. Чичерин, Л. Б. Красин, В. В. Боровский, А. М. Коллонтай, Л. М. Карахан, Н. Н. Крестинский, П. Л. Войков, Б. С. Стомоняков, создавать принципиально новую дипломатическую школу.

Государственная и дипломатическая деятельность Литвинова длилась около тридцати лет – с момента создания Советского государства до второй половины 40-х годов. Эта деятельность

проходила в трудные, сложные и героические годы строительства Коммунистической партии и Советского государства: в годы борьбы против внешней и внутренней контрреволюции и блокады, в годы первых пятилеток, когда советский народ превращал отсталую страну в могучее индустриальное государство и от советской дипломатии требовались особые умение и гибкость, чтобы как можно дольше продлить мирную передышку, в необычайно сложные годы перед второй мировой войной и в грозные годы Великой Отечественной войны. Страницы жизни Литвинова – это страницы истории нашей страны.

После беседы с Владимиром Ильичем Литвинов был назначен членом коллегии Народного комиссариата по иностранным делам и вскоре с ответственным поручением выехал в Швецию.

Поездка Литвинова в Стокгольм была тщательно продумана и подготовлена Лениным. Литвинов должен был обратиться с мирным предложением к правительствам западных держав. Для выполнения этой важнейшей миссии Стокгольм был выбран далеко не случайно. Советский полпред в Швеции Вацлав Вацлавович Боровский сумел наладить сносные отношения с шведскими экономическими и политическими кругами. Это должно было способствовать выполнению важной миссии Литвинова. Однако обстановка складывалась крайне неблагоприятная. В Западной Европе нарастала яростная кампания против большевистского правительства. Из-за происков Антанты отношения со Швецией повисли на волоске и вот-вот могли оборваться.

Положение Воровского в Стокгольме было не только трудным, но просто отчаянным. В 1918 году в шведскую столицу хлынула белогвардейская эмиграция. Одним из ее главарей был полковник царской армии Хаджи-Лаше, организовавший в Стокгольме «Лигу убийц» – «Военную организацию для восстановления империи». Хаджи-Лаше сгруппировал вокруг себя всевозможных представителей белоэмигрантского отребья. Они убивали российских граждан, которые отказывались выполнять их преступные задания или хотели вернуться на родину. Убийства носили садистский характер: приговоренных к смерти сжигали в топках, в мешках живьем бросали в озера, отрубали головы, руки и ноги.

Бандиты Хаджи-Лаше терроризировали советское полпредство, держали в постоянном напряжении его сотрудников. Надо было быть Воровским, обладать его волей, стойкостью, юмором, чтобы все это выдержать и выстоять.

Вернувшись в Москву, Вацлав Вацлавович написал в 1919 году брошюру «В мире мерзости запустения», в которой ярко и образно обрисовал положение в шведской столице. Книга эта явилась основой для романа Алексея Толстого «Черное золото» («Эмигранты»).

Вот в это стокгольмское пекло и приехал Литвинов с ленинским поручением.

Сколько помощников было в Стокгольме у Литвинова? Он выехал из Москвы с секретарем-шифровальщицей Р. А. Зарецкой. Это и был весь его личный штат. Какие источники информации он имел? Газеты, встречи с дипломатами, которые очень туго шли на контакт. И проницательность, умение разгадывать планы противника.

Прежде чем выполнить свою главную миссию, Литвинов подробно ознакомился с положением в стране. Часами сидели с Воровским, обсуждали ситуацию, прикидывая так и этак. Вацлав Вацлавович свел Максима Максимовича с представителями политических кругов. Имя Литвинова было хорошо известно в социал-демократическом мире в связи с его деятельностью в Международном социалистическом бюро перед мировой войной. Это помогло установить некоторые контакты.

Как член коллегии Наркоминдела, Литвинов подробно ознакомился с работой советского полпредства. Воровскому пришлось немало потрудиться, чтобы установить и расширить связи с коммерческими фирмами. Вокруг полпредства вертелись разные подозрительные личности. Царский генерал Иванов, темный делец Митька Рубинштейн, банкир Протопопова и Распутина. Они пытались выступить в роли посредников между полпредством и деловыми кругами, крупно заработать на этом.

Литвинов вместе с Воровским избавились от этой публики. Лишние люди были и в самом полпредстве. Несколько месяцев там находился представитель морского флота, невесть зачем приехавший из Москвы. Он бездельничал, но аккуратно получал суточные. На новогоднем вечере в полпредстве Литвинов предложил тост за «сухопутного морского офицера». Тот сразу же уехал в Россию. Отправлены были из Стокгольма и другие ненужные люди.

23 декабря 1918 года Литвинов обратился из Стокгольма с мирным предложением Советского правительства к посланникам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США, а на следующий день – со специальным письмом на имя президента США Вильсона, который как раз в это время прибыл в Лондон. Нота эта, утвержденная Лениным, настолько важна и столь ярко раскрывает методы и стиль Литвинова как дипломата и

политического деятеля, что ее текст необходимо воспроизвести возможно шире.

Литвинов писал президенту Соединенных Штатов Америки: «В дополнение к общему мирному предложению, переданному недавно Советским Правительством союзникам, я формально уведомил сегодня посланников Соединенных Штатов и союзников в Стокгольме, что я имею полномочия войти в переговоры о мирном разрешении всех вопросов, составляющих причину враждебных действий против России. Провозглашенные Вами принципы, как возможная база для разрешения европейских вопросов, Ваши открытые заявления об усилии и намерении добиться урегулирования, соответствующего требованиям правосудия и гуманности, побуждают меня послать Вам настоящие соображения, поскольку большинство пунктов Вашей мирной программы входят в более далеко идущую и обширную программу русских рабочих и крестьян, ныне являющихся хозяевами своей страны».

Здесь необходимо сделать краткое отступление, чтобы пояснить, что имеет в виду Литвинов. Примерно за год до этого президент Соединенных Штатов выступил со своей программой мира («14 пунктов Вильсона»).

Позже Ленин беспощадно разоблачил лицемерие «миротворца» Вильсона. Но уже тогда, за три с лишним года до Генуэзской конференции, Ленин считал нужным использовать позиции, занятые Вильсоном, и его формально пацифистскую программу для борьбы за окончательную ликвидацию империалистической войны, интервенции и за подлинное самоопределение народов.

Литвинов писал далее: «Именно они впервые провозгласили и на деле дали народам право на самоопределение, они, которые понесли много жертв в борьбе с империализмом и милитаризмом как дома, так и на чужбине, они, которые нанесли самый тяжелый удар тайной дипломатии и ввели в действие открытую дипломатию. Они подвергались неистовым нападениям со стороны бывших правящих классов России и их соучастников в других странах отчасти именно за эти нововведения в политике. Чтобы оправдать эти нападки, деятельность Советов была окутана сетью лжи и клеветы и были пущены в ход фальшивые документы…

Между тем главной задачей Советов является обеспечение для трудящегося большинства русского народа экономической свободы, без которой политическая свобода не имеет для него ценности. В течение восьми месяцев Советы пытались осуществить свои стремления мирными методами, не прибегая к

насилию, высказавшись в пользу отмены смертной казни, отмена каковой была частью их программы. Лишь тогда, когда их враги… прибегли к террористическим актам против хорошо известных членов правительства и обратились за помощью к иностранным войскам, трудящиеся массы были доведены до актов отчаяния и не могли не дать свободного выхода своей ненависти и чувству горечи против своих бывших душителей.

Вторжение союзников на русскую территорию не только понудило Советы вновь против своей воли милитаризировать страну и использовать для обороны страны свою энергию и ресурсы, столь необходимые для экономического восстановления России, разоренной четырьмя годами оборонительной войны, оно отрезало их также от жизненных источников снабжения продовольственными припасами и сырьем, обрекши население на самые ужасные лишения, граничащие с голодом…

Рабочие и крестьяне России решили защищать свою дорого завоеванную власть и свободы против завоевателей всеми средствами, которые обширная страна дает в их распоряжение, но, помня о неизбежной бессмысленной трате жизней и ценностей с обеих сторон и желая избежать дальнейшего разорения России, которое должно последовать в случае дальнейшей внутренней и внешней борьбы, они, поскольку дело идет о реальных интересах их страны, готовы пойти на все возможные уступки, если им удастся обеспечить при этом условия, позволяющие им мирно развивать свою социальную программу…

Диктатура трудящихся и производителей не является самоцелью, но средством для построения новой социальной системы, при которой всем гражданам, независимо от класса, к которому они раньше принадлежали, будут предоставлены равные права и возможность полезно трудиться. Можно верить или не верить в этот идеал, но он определенно не дает оправдания для посылки иностранных войск на борьбу против него или для вооружения и поддеожки классов, заинтересованных в реставрации старой системы эксплуатации одного человека другим…

Я надеюсь и верю, что, прежде чем решаться на тот или иной образ действий, Вы признаете справедливым требование: audiatur et altera pars».[34]

Нота Вильсону получила большой отклик в прессе и общественных кругах. Как ни старались реакционные элементы на Западе исказить правду о Соьетской России, она все же становилась известна народам. Комитеты «Руки прочь от Советской России!» начали создаваться во многих странах.

Тем временем успехи Красной Армии нарастали. В начале 1919 года были одержаны серьезные победы над интервентами и внутренней контрреволюцией. Это заставило союзников искать «новый подход» к России. Сущность его состояла в том, чтобы продолжать интервенцию, не отказываясь от мысли уничтожить Советскую власть, и вместе с тем начать дипломатические маневры. Эту тенденцию сразу подметил Ленин. Он писал в конце января 1919 года: «Среди буржуазии и правительств Антанты замечаются теперь некоторые колебания».

Намерение союзников обнаружилось на Парижской мирной конференции, где обсуждался «русский вопрос». Ллойд Джордж и Вильсон предложили созвать специальную конференцию на Принцевых островах и пригласить туда представителей всех враждующих лагерей в России.

Пребывание в Стокгольме Литвинова, вступившего в контакт с некоторыми западными дипломатами, давало возможность Советскому правительству получать достаточно проверенную информацию о закулисных переговорах в связи с предполагавшейся конференцией на Принцевых островах.

В начале января в Стокгольм по поручению президента Вильсона прибыл атташе американского посольства в Лондоне Буклер для переговоров с Литвиновым и Воровским о позиции Советского правительства в связи с предполагавшимися переговорами. Мирная акция, предпринятая в Стокгольме, могла получить дальнейшее развитие. Литвинов отправил в Москву подробную информацию о беседах с американским представителем. Внимательно следил за политическими маневрами союзников в других европейских столицах. Их позиция, как выяснил Литвинов, продолжала оставаться резко антисоветской, а маневры по поводу мирных переговоров преследовали цель обмануть мировое общественное мнение. 14 января Литвинов передал из Стокгольма в Москву следующую радиограмму: «Юманите» опубликовала дипломатическую ноту, адресованную Францией в Лондон, Рим, Токио, Вашингтон. В ответ на предложение Великобритании о том, чтобы все правительства, образовавшиеся в России, включая Советское правительство, были приглашены заключить перемирие и послать представителей на мирную конференцию, Пишон заявляет, что французское правительство не может одобрить это предложение, оставляющее без внимания принципы, на которых основана политика Франции и ее союзников в России».

Иностранные газеты тогда из-за блокады в Москву не поступали. Поэтому, в частности, информация Литвинова представляла особую ценность, она позволила сделать выводы о

подлинных намерениях союзников и их дальнейших планах.

Тем временем в Москве стало известно, что союзники намерены добиваться на будущей конференции аннексии Архангельска, Баку и ряда других городов и районов Советской России. Литвинову поручили выяснить все, что возможно, по этому вопросу, немедленно представить в Москву соответствующую информацию и высказать свое мнение, действительно ли такие планы разработаны.

В сущности, в начале 1919 года Литвинов, Боровский и их небольшой полпредовский штат были важным советским дипломатическим плацдармом в капиталистическом мире. Однако он каждую минуту мог оказаться под ударом, что вскоре и произошло.

Шведская политика в ту пору определялась в значительной степени в Париже и Лондоне. Там понимали, что каждый миролюбивый шаг правительства Советской России вызывает к ней симпатии многомиллионных народных масс, уставших от войны. В западных столицах стало известно, что Литвинов завоевывает в Стокгольме симпатии местных политических и торгово-промышленных кругов, а предложение о прекращении интервенции в Россию находит все больше сторонников не только в Швеции, но и в других странах. На Даунинг-стрит с озлоблением следили за деятельностью Литвинова в шведской столице. Клемансо не в меньшей степени опасался его дальнейших контактов с иностранными дипломатами.

Под нажимом Антанты шведское правительство приняло решение порвать всякие отношения с Советской Россией, выслать из страны Литвинова, Воровского и все советское полпредство. 21 января этот вопрос уже был окончательно решен.

Поздно в ту ночь засиделись Вацлав Вацлавович и Максим Максимович. Они составляли ноту шведскому правительству. 21 января утром нота была вручена министру иностранных дел Хелнеру. Напомнив, что между правительствами РСФСР и Соединенных Штатов Америки ведутся полуофициальные переговоры о мире, а в это время шведское правительство высылает из страны советских дипломатов, Боровский писал: «И как раз в этот исторический момент Королевское Шведское Правительство нашло нужным прервать все сношения с Российской Республикой и потребовать отъезда из Швеции ее представителя, лишая таким образом Русское Правительство всех средств сношения с Западной Европой и делая невозможным всякие личные переговоры и способы соглашения». Вацлав Вацлавович просил от имени правительства Российской республики «предоставить право г. Литвинову остаться в Швеции,

чтобы дать ему возможность продолжать осуществление возложенного на него мирного поручения». Но не Хелнер решал этот вопрос. 30 января 1919 года все советское представительство во главе с Воровским и Литвиновым вынуждено было покинуть Стокгольм. Они выехали через Финляндию в пломбированном вагоне. Лишь на советской границе вагон открыли.

Р. А. Зарецкая, возвратившаяся из Стокгольма вместе с советскими дипломатами, рассказывала: «Был холодный зимний день. Литвинов выпрыгнул из вагона, глотнул свежего воздуха, размялся. Потом вышел Вацлав Вацлавович, выскочили на морозец все наши сотрудники. Литвинов, глядя на своих уставших от тревог и необычного путешествия друзей, предложил поиграть в снежки. Скатал крепкий снежок и запустил его в советника полпредства, сбил с него шляпу. Тот обиделся, проворчал что-то насчет неудач и плохого настроения.

Литвинов улыбнулся, громко сказал: «Товарищи, наступление продолжается».

Предложение Советского правительства начать переговоры о мире породило цепную реакцию, которая проявлялась тем активнее, чем успешнее были действия Красной Армии.

Вильсон все же не отказался от намерения установить контакт с Советской Россией. После отъезда Литвинова из Стокгольма пришлось искать новые пути для установления связи с Москвой, чтобы договориться о конференции на Принцевых островах. Конечно, со стороны Вильсона это была вынужденная дань мировому общественному мнению, которое все энергичнее выступало против политики интервенции. Своеобразным ответом на миссию Литвинова в Стокгольме, где он вел переговоры с американским представителем Буклером, была поездка начальника отдела политической информации при американской делегации на Парижской мирной конференции Уильяма Буллита в Советскую Россию.

В первой декаде марта 1919 года американский дипломат прибыл в Москву. Буллит приехал с конкретной целью: узнать, на каких условиях большевики согласны начать переговоры о мире.

Переговоры с Буллитом вели Чичерин и Литвинов. 11 марта Буллита принял Ленин. В результате переговоров был разработан согласованный текст мирного соглашения.

Буллит уехал в Париж, где и передал Вильсону предложения, срывавшие замыслы Антанты. В проекте соглашения Советское правительство выражало согласие на территориальное размежевание между всеми фактическими правительствами, образовавшимися на территории России, при условии

немедленного прекращения вооруженной интервенции, увода иностранных войск и возобновления торговых отношений.

Вильсон и Ллойд Джордж не могли не знать, что все правительства на территории России, кроме Советского правительства, держатся на иностранных штыках, и, как только интервенты уйдут, эти правительства рухнут. Однако к моменту возвращения Буллита в Париж обстановка изменилась. Началось наступление Колчака, и на Западе потеряли интерес к проекту.

Таков итог переговоров, окончательно похоронивших идею созыва конференции на Принцевых островах. Но сам ход переговоров с Буллитом нуждается в некотором уточнении. Дело в том, что документ для президента Вильсона был составлен Литвиновым и частично дополнен Лениным, а затем вручен американскому дипломату. Выяснилось это через двадцать семь лет после переговоров с Буллитом, когда был поднят ряд архивных документов в связи с подготовкой четвертого издания Сочинений В. И. Ленина.

19 декабря 1946 года директор Института Маркса – Энгельса – Ленина В. С. Кружков для выяснения некоторых исторических фактов обратился к Литвинову со следующим письмом:

«Уважаемый Максим Максимович.

Ввиду того, что Вы принимали непосредственное участие по выработке «Проекта договора с Буллит 12.III. 1919 г.» (опубликован в «Правде» № ПО от 23.V.1919 г. и вошел в Сочинения В. И. Ленина, 3-е изд., том XXIII, с. 509–510), присутствовали при беседе Ленина с Буллит и лично, вместе с Чичериным, вручали Буллиту текст предполагаемого мирного предложения союзных и ассоциированных правительств, Дирекция Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП (б) обращается с просьбой – сообщить, какое участие в выработке этого проекта принимал В. И. Ленин и может ли этот документ считаться ленинским».

27 января 1947 года Литвинов ответил директору ИМЭЛ:

«Уважаемый Владимир Семенович,

я находился в больнице и поэтому не мог сразу ответить на Ваше письмо от 19 декабря.

Насколько мне помнится, документ, о котором Вы запрашиваете, не был составлен лично Лениным, а набросан мной по обсуждении мной с Лениным предложений, привезенных Буллитом. Документ был, конечно, одобрен Чичериным и Лениным. Возможно, что он включает некоторые поправки и изменения, внесенные Лениным».

16 марта 1948 года к Литвинову снова обратились с письмом,

просили еще раз уточнить историю вопроса. Литвинов 18 марта того же года ответил: «Насколько помню обстоятельства переговоров, проект мог быть составлен мною по указаниям Владимира Ильича… Думается мне так потому, что составлению проекта предшествовали мои длительные переговоры с Буллитом, в результате которых и наметилось содержание документа».[35]

Иллюзии западных держав, связанные с наступлением Колчака, вскоре рассеялись, а советские предложения остались в истории как еще одно свидетельство мирных планов ленинского правительства в тяжкую пору интервенции и гражданской войны.

Вскоре после завершения переговоров с Буллитом Литвинов по совместительству был назначен членом коллегии Народного комиссариата государственного контроля. В ЦК партии хорошо знали Литвинова, его умение рачительно хозяйствовать. У всех еще была свежа в памяти его деятельность в Женеве, Цюрихе, Лондоне, где он ведал финансами «Искры» и партийной кассой. Это в значительной степени и определило решение Совнаркома о назначении Литвинова в органы государственного контроля. Первым его шагом было создание Центрального бюро жалоб. Вскоре бюро жалоб появились во всех центральных учреждениях, в 20-х и 30-х годах они сыграли большую роль в борьбе против бюрократизма.

Теперь Литвинов делит свое время между двумя Народными комиссариатами. Домой он приходит поздно и сразу же – за газеты. Из здания «Метрополя» Литвинов уже переехал в дом на Софийской набережной. Скоро из Лондона должна приехать жена, и Литвинову предоставили квартиру из двух небольших комнат. Вечерами к нему иногда заходят старые друзья по эмиграции. Он видится с А. И. Свидерским, Клышко, особенно часто бывает у Александра Дмитриевича Цюрупы и у Камо. Иногда Литвинова можно видеть в театрах и на концертах.

Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров свидетельствуют, что Литвинов бывает почти на каждом заседании, видится с Владимиром Ильичем.

Не было второстепенных вопросов для вчерашних ниспровергателей, ставших созидателями нового мира. Вопросы решались самые разные – о кооперации, о мерах борьбы с хищениями проволоки на улицах Москвы, о засыпке семян в отдаленных районах Республики, о помощи жертвам еврейских погромов, о борьбе со спекуляцией и сыпным тифом… Все это касалось государственного контроля, и Литвинов погрузился в круговорот событий и забот.

Лето 1919 года, тревожное, голодное, промелькнуло быстро.

«Миротворец» Вильсон уже не говорил о мире. Деникин захватил Харьков, Царицын. 20 сентября пал Курск, 6 октября – Воронеж, 13 октября – Орел, Деникин угрожал Туле. Осенью обстановка еще более осложнилась. В эти тяжелейшие для Советской страны дни появилась надежда, что хоть на небольшом отрезке вражеского кольца удастся достичь мира: эстонское правительство заявило о своей готовности начать мирные переговоры. Совнарком назначил Литвинова главой делегации, а членом делегации – Воровского. Переговоры намечались в Пскове, и Максим Максимович собирался выехать туда вместе с Воровским, но Вацлав Вацлавович неожиданно заболел.

Накануне отъезда Литвинов– написал Ленину записку: «Владимир Ильич, Воровский занемог и ехать не может… Вместо него поедет Красин, изъявивший на это свое полное согласие. Выезжаем завтра в 7 ч. вечера. Я счел нужным включить в мандат полномочие на подписание договора. Пусть знают, что у нас были серьезные намерения. *Ваш М. Литвинов».*

Литвинов и Красин прибыли в Псков, где начали переговоры с эстонской делегацией, которые предполагалось завершить в Тарту, но советским дипломатам не пришлось туда ехать. Юденич, вооруженный Англией и Францией, используя Эстонию как свою базу, начал наступление на Петроград. Переговоры были прерваны. Литвинов и Красин возвратились в Москву.

Но и на этот раз Литвинов не задержится в Москве. Через несколько дней уполномоченный Совета Народных Комиссаров М. М. Литвинов с мандатом, подписанным В. И. Лениным, выедет в Копенгаген с особым заданием Советского правительства.

Глава третья
Копенгаген

После Октября из Дании в Москву приехал Яков Захарович Суриц, профессиональный революционер, долгие годы находившийся в эмиграции.

Февраль 1917 года застал Сурица в Швейцарии. Он пытался выехать на родину, но ему не удалось получить визу для проезда через Германию. Потом в России началась гражданская война, интервенция, и Суриц застрял в Копенгагене. Будучи заместителем полпреда Советской республики в Дании, он выполнял важную миссию. В Западной Европе, в том числе и в Дании, томилась масса русских военнопленных. Их надо было во что бы то ни стало вызволить. Советские дипломаты начали по этому вопросу переговоры с зарубежными миссиями Красного Креста, с неофициальными представителями правительств. Датское правительство вело себя сравнительно лояльно. Это давало надежду на успех дела. Но связь с Данией прервалась, и в Москве не знали, удалось ли выполнить поручение.

Деятельность Сурица в Дании интересовала Ленина. Когда Владимиру Ильичу сообщили, что приехал Суриц, он немедленно пригласил его к себе. Поднявшись навстречу, Ленин крепко пожал гостю руку.

– Здравствуйте, датский пленник, как прошли переговоры?

– К сожалению, Владимир Ильич, миссия не увенчалась успехом. Переговоры я начал, но датчане запросили слишком большую сумму.

– Сколько же они требуют, эти милые датчане? – спросил Владимир Ильич.

Суриц назвал сумму. Она была не по карману правительству, обладавшему пустой казной.

– Ну знаете, – пошутил Владимир Ильич, – вы, сын купца второй гильдии, а не могли выторговать у датчан наших военнопленных! В торговцы не годитесь. Займитесь дипломатией. – И сразу же перешел к делу: – Вот что, Яков Захарович, есть такая страна, которой весьма интересуются англичане. Надо и нам ею поинтересоваться. Тем более что эта страна – наш сосед, мы хотим с нею дружить. Называется она Афганистан. Вы поедете туда полпредом.

Тем временем положение русских военнопленных в Европе резко ухудшилось. В начале 1919 года Антанта и Германия договорились, что немцы не будут отпускать русских без согласия

Англии и Франции. Это была коварная сделка: военнопленных начали вербовать в белогвардейские армии. 21 января 1919 года Народный комиссариат по иностранным делам послал правительствам стран Согласия ноту, в которой заявил: «Правительство Российской Советской Республики клеймит перед всеми народами поведение тех, кто, издеваясь над самыми элементарными человеческими чувствами, хочет заставить военнопленных, вышедших из рядов русского народа, участвовать в борьбе против русских народных масс, из рядов которых они вышли, причем это нарушение основных принципов международных отношений переносит нас к самым варварским эпохам истории человечества».

Положение русских солдат в Германии и в других странах стало поистине отчаянным. Долгие годы они были оторваны от родины, жили в нечеловеческих условиях. Их ждали семьи, ждала революция.

Военнопленные бежали из лагерей, пытаясь пробиться через линию фронта, погибали в пути от голода и морозов. Но, даже оторванные от России, они не теряли веры в нее, стремились к ней всеми своими помыслами.

В феврале 1919 года в Берне проходила международная конференция партий II Интернационала. Узнав об этом, русские военнопленные из немецкого лагеря Гарделеген направили туда письмо с просьбой о помощи.

«Господину Председателю социалистической интернациональной конференции в г. Берне.

Мы, русские военнопленные лагеря Гарделеген, в числе четырех с половиной тысяч (4500) человек, обращаемся к Вам, господин Председатель, и всем представителям Бернской конференции с покорнейшей просьбой об оказании содействия в скорейшей отправке нас на родину. Мы не знаем, по какой причине задержаны и даже на какое время. Все те доводы, которые нам сейчас сообщают, как-то: голод, расстройство железнодорожного сообщения и беспорядки в России, по нашему убеждению, не могут служить причиной нашей задержки, потому что большая половина из нашей военнопленной среды была уже отправлена при тех же условиях, какие существуют и сейчас. Что же касается голода и других лишений, то мы готовы переносить их вместе со своими родными и теми 175 миллионами русских граждан, которые находятся на дорогой и близкой сердцу нашему родине.

Дальнейшую же задержку нашу мы считаем по отношению к нам *насилием*, с какой бы стороны это ни исходило. А потому мы

еще раз обращаемся к Вам – не оставить нашей просьбы гласом вопиющего в пустыне… За все время пребывания в плену мы, русские военнопленные, больше других перенесли лишений и страданий. И теперь, когда уже окончилась война и бывшие наши союзники по оружию и товарищи по плену находятся на родине, в кругу своих родных и семей, нас, несчастных страдальцев и мучеников произвола старой России и Германии, каких-нибудь полмиллиона, оставляют еще на неопределенное время и обрекают на новые страдания при тех же условиях, какие были во время войны, в тех же четырех стенах за целой сетью выставленных ружей и штыков. Помощь продуктами и улучшение нашей жизни в лагере нисколько не облегчат нашего страдания и тоски по родине, не уменьшат и не залечат тех ран, которые нанесли нам за время нашего пребывания в плену.

Оторванные от дорогой нам родины уже целые годы, мы лишены связи со своими родными и семьями и не знаем об их судьбе, а также и они о нашей. Все это приводит нас в отчаяние.

Пусть нас ожидают на родине лишения, пусть ожидает смерть, мы все готовы это принять, чем оставаться здесь, в чужой нам стране, хотя бы один лишний день.

Мы надеемся, что представители Бернской интернациональной конференции придут нам на помощь, со своим веским словом и избавят нас от дальнейших страданий.

Председательствующий – *П. Кузубый.* [?]

Секретарь – *В. Башилов.*

Февраля 16 дня 1919 года.

Лагерь Гарделеген».

Письмо это, направленное в адрес Бернской конференции, осталось гласом вопиющего в пустыне. К 1919 году русские пленные находились уже не только в лагерях Тройственного союза. Много мирных граждан угнали интервенты из Архангельска и Вологды. Немало русских попало в английский плен.

13 августа 1919 года народный комиссар по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин послал для сведения всех правительств мира радиотелеграмму о зверском обращении с русскими военнопленными, находившимися в английском плену. «С негодованием и отвращением, – говорилось в ней, – Советское правительство узнало об ужасном, бесчеловечном обращении, которому подвергаются русские военнопленные со стороны английского командования в Архангельске… Красноармейцы, бежавшие из британского плена, сообщали, что многие из их товарищей были расстреляны немедленно после взятия их в плен… Им постоянно грозили расстрелом за отказ от вступления

в славянско-британский контрреволюционный легион и нежелание изменять своим прежним товарищам по оружию…»

А Красная Армия наступала, отбрасывая интервентов, вышвыривая их из России. В русском плену оказались и англичане. К английским пленным были допущены представители британского Красного Креста полковник Паркер и мисс Адамс, они имели возможность убедиться, насколько гуманна пролетарская Россия.

В те же дни 1919 года английские пленные через Наркоминдел обратились к британскому правительству с просьбой провести с Советской Россией общий обмен военнопленными. Английский министр иностранных дел лорд Керзон долго тянул, вилял, и только 7 ноября правительство Великобритании дало окончательное согласие на приезд советского делегата для переговоров в нейтральную Данию. Советское правительство назвало своего делегата: Максим Максимович Литвинов.

Из Лондона сообщили, что переговоры с Литвиновым в Копенгагене будет вести член парламента Джеймс О'Греди.

Отъезд из Москвы был намечен на середину ноября. Пребывание в Дании могло затянуться, и Литвинов тщательно готовился, обсуждал с Чичериным все возможные ситуации. Решено было, что в Данию с Литвиновым отправится сотрудница Наркоминдела Р. А. Зарецкая, владевшая несколькими иностранными языками, имевшая большой опыт секретарской работы. До Тарту Литвинова должен был сопровождать А. Г. Умблия, старый питерский рабочий, участник революции. Умблия был стрелком в охране Чичерина и секретарем партийной ячейки Наркоминдела.

Когда Умблии сказали, что с Литвиновым едет Зарецкая, он возразил, заявив, что в делегации надо усилить партийную прослойку, и предложил, чтобы с Литвиновым поехала сотрудница Наркоминдела Д. Э. Миланова, прекрасно показавшая себя во время октябрьских боев в Ревеле (так до 1917 года назывался Таллин).

Случилось так, что точка зрения Августа Умблии стала известна Ленину. Владимир Ильич попросил члена Политбюро ЦК РКП (б) Л. Б. Каменева выяснить, чем недоволен секретарь партийной ячейки, и помочь справедливо решить вопрос.

Умблия собрал ячейку. Член Политбюро попросил всех присутствующих высказаться по этому вопросу, а затем взял слово. Он сказал, что Литвинову предстоит трудная миссия и будет целесообразно, если с ним поедут две сотрудницы. Добавил, что партия доверяет и беспартийным и что надо беречь

и уважать интеллигенцию, ибо Советская власть не может осуществлять свои задачи без интеллигенции. Партийная ячейка согласилась с этой точкой зрения. На этом вопрос был исчерпан.

Накануне отъезда Литвинов вызвал к себе своих помощниц Миланову и Зарецкую. Внимательно оглядев их, спросил, в чем они поедут за границу. Женщины, пожав плечами, ответили, что весь их гардероб на них: на Милановой была кожаная куртка полувоенного образца, на Зарецкой – теплый жакет.

Предупреждая вопросы, Литвинов сказал, что денег нет и придется обойтись без пальто, а вот платья надо надеть широкие, с воланами.

– Почему широкие и почему с воланами?

– Так надо, – в обычной для него манере пробурчал малоразговорчивый Литвинов.

– Какое отношение имеют воланы к революции?

Максим Максимович, помолчав, сказал:

– Это вы увидите. Через два часа я жду вас в этой комнате. Если нет платьев с воланами, попросите у кого-нибудь. Хотя бы одно.

Через два часа Миланова и Зарецкая снова были в кабинете Литвинова. Женщины стояли у окна, ожидая, что будет дальше.

В это время в кабинет вошел бухгалтер Наркоминдела. В его руках была тарелка, прикрытая салфеткой. Он шел, осторожно ступая, как бы боясь расплескать ее содержимое. Бухгалтер подошел к столу, поставил тарелку и сказал:

– Ну вот, я и принес.

Женщины думали, что бухгалтер принес что-нибудь вкусное, может быть, даже тараньку. Словно завороженные, смотрели они на тарелку. Бухгалтер взял двумя пальцами салфетку и осторожно приподнял ее. И они разочарованно вскрикнули: в тарелке, сверкая, лежали бриллианты.

Литвинов скупо пояснил:

– Денег у нас нет, а пленных выручать надо. За эти камешки из царской казны мы получим наших людей. В Копенгагене через банк обменяем на валюту. Камешки зашьете в подол своих платьев и в воланы.

В тот же день вечером Максим Максимович отправился к Владимиру Ильичу…

7 ноября 1919 года Советское государство отмечало вторую годовщину революции. Владимир Ильич выступил с большой речью на торжественном заседании в Большом театре, присутствовал на праздничном концерте. Но это короткий отдых. И снова лавина дел. Ленин председательствует на заседаниях

Совнаркома и Совета Труда и Обороны, занимается вопросами снабжения уральских рабочих, решает десятки и сотни других вопросов.

8 этом страшном круговороте событий Владимир Ильич помнил о предстоящем отъезде Литвинова, не упускал из виду переговоры, которые велись с англичанами, и не раз запрашивал по этому вопросу Чичерина. Еще 26 сентября Георгий Васильевич послал Владимиру Ильичу письмо, в котором поставил ряд вопросов, и, в частности, спрашивал: «3) можно ли использовать намечавшуюся поездку М. М. Литвинова в нейтральную страну для переговоров с английскими представителями по вопросу обмена военнопленных, с тем чтобы одновременно Литвинов „муссировал бы вопрос о мире“?

Ленин сразу же ответил Георгию Васильевичу запиской и послал решение Политбюро, третий пункт которого гласил: «Ускорить выезд Литвинова». И вот теперь, перед самым отъездом, он принял Литвинова, чтобы высказать ему свои пожелания и дать советы.

– Как только приедете в Копенгаген, – сразу же приступил к вопросу о предстоящей поездке Владимир Ильич, – разошлите мирные предложения Советского правительства во все посольства, аккредитованные в датской столице. Продолжайте ту же линию, какую вы проводили в Стокгольме. Пусть все знают, что мы хотим мира. А пленных выручите обязательно. Обязательно! Это будет наша внешняя и внутренняя победа.

После беседы с Владимиром Ильичем Литвинову передали два мандата: на ведение переговоров с правительствами республик, основанных на границах бывшей Российской империи, а также с правительствами других стран, находящихся во враждебных отношениях с Советской республикой, и на переговоры об обмене военнопленными.

Перед отъездом народный комиссар торговли и промышленности Красин вручил Литвинову еще один мандат – на ведение торговых переговоров со всеми Скандинавскими странами. Вечером группа Литвинова выехала в Таллин. На границе его должен был встретить секретарь министерстваиностранных дел Эстонии Томискас. Эстонское правительство предупредило, что, как только Литвинов приедет в Таллин, оно передаст советского дипломата английским властям и снимет с себя ответственность за его жизнь.

Старый вагон, дребезжа всеми винтиками, катил по Виндавской дороге. Из-за неисправного пути поезд часто останавливался. До Пскова тащились долго. Там делегатов из

Москвы встретили эстонцы. Антанта блокировала западную границу Советской России, и буржуазная Эстония принимала участие в блокаде.

Теперь предстояло пересечь фронт. К дому, где остановился Литвинов, подъехал крытый грузовичок, напоминавший санитарную карету. Окна кузова были замазаны краской и заклеены темной бумагой. Литвинова и его спутников посадили в кузов, в шоферскую кабину сели военные. Дверь наглухо закрыли, и машина тронулась.

В Тарту «узников» выпустили. Буржуазная пресса растрезвонила, что в Эстонию приезжает известный большевик Литвинов, который направляется через Таллин в Данию. На городской площади собралась толпа любопытных. По этому живому коридору Литвинов проехал в гостиницу.

В Тарту Умблия попрощался со своими спутниками и уехал в Псков. Литвинов уточнил с представителями эстонского министерства иностранных дел все дальнейшие формальности, и в сопровождении дипломатов и жандармов делегация отправилась в Таллин.

Жандармы вели себя назойливо, не пускали Литвинова без сопровождения даже в туалет. Пытались они так же «опекать» и сотрудниц Литвинова, но после устроенного им скандала отстали.

Эстонская столица встретила Литвинова усиленным жандармским конвоем. В городе чувствовалась фронтовая обстановка. На внешнем рейде ощетинились пушками военные корабли. Невдалеке чернел стальными боками английский крейсер, на котором Литвинов должен был плыть в Копенгаген.

Переговоры с министерством иностранных дел по вопросу о прекращении военных действий продолжались несколько дней. Министр и его чиновники все время напоминали, что не отвечают за жизнь советского дипломата. Каждую минуту можно было ожидать провокаций со стороны белогвардейцев, которыми кишела эстонская столица. Миланова выехала из Москвы с паспортом на имя Коробовкиной, но в Таллине ее многие знали в лицо, и это еще более осложняло ситуацию.

Как всегда, Литвинов придерживался строгого распорядка дня: вовремя завтракал, обедал и ужинал, попросил секретаря министерства иностранных дел, чтобы тот показал его сотрудницам город, осмотрел Таллин сам.

Группу Литвинова переправили на крейсер и передали английскому командованию. Встретивший советских дипломатов офицер был сух и официален. Показал отведенную Литвинову каюту, сказал, что женщины будут находиться в другом конце

крейсера. Предупредил, что с командой разговаривать запрещено. И ушел.

Крейсер развернулся, прошел сквозь строй блокирующих кораблей и взял курс на Копенгаген. Шел дождь. Балтика гнала волны. Сумрачный осенний день опрокинулся над морем. Крейсер казался вымершим. На палубе ни души. Матросов загнали в кубрики.

Вечером к Литвинову зашел офицер, увел Миланову и Зарецкую в другой конец крейсера. Они шли по качающейся палубе мимо орудий, ящиков, с ужасом думая, что какой-нибудь острый бриллиант протрет ткань и покатится по палубе.

Каюта показалась им чуть ли не камерой смертников. Они сидели молча, потом не выдержали, вернулись к Литвинову. Прошла ночь. И снова настал день. Палуба по-прежнему казалась вымершей. Лишь кое-где маячили офицеры, бдительно следя за тем, чтобы матросы не выходили из кубриков.

К вечеру показались огни Мальме. Это была Швеция. На третьи сутки после отплытия крейсер прибыл в Копенгаген.

Тихий, чинный, благополучный Копенгаген дышал покоем. Нейтральная Дания торговала маслом и беконом, продавала его и Антанте и Германии, тихонько наживалась на этом. Правда, общую картину благополучия несколько портили своим убогим видом русские пленные, но ведь они были не в Копенгагене, а на фермах, в лагерях, пересыльных пунктах…

Советскую делегацию поселили в гостинице на пятом этаже, куда лифт не поднимался. Это стоило дешевле. Литвинов поручил Зарецкой вести книгу расходов, ежедневно записывать, сколько и на что истрачено.

Первый же час на датской земле ознаменовался скандалом. В отеле распространился слух, что из России прибыли большевики. Богатые фермеры-свиноводы, приехавшие вместе со своими дородными супругами в столицу повеселиться, немедленно сбежали из своих номеров. Хозяин отеля был в панике, кричал, что его разорили, но выселить советского дипломата не решился. Литвинов все же находился под опекой министерства иностранных дел.

Неприятности первого дня на этом не кончились. Перед гостиницей появились пикеты хулиганствующих белогвардейцев. Они горланили, пытались ворваться в отель. Датские коммунисты установили круглосуточное дежурство, взяли на себя охрану жизни и неприкосновенности группы Литвинова.

Не обошлось и без шпиков. Их было семеро, все мордастые, розовощекие, в одинаковых костюмах и шляпах, со стеками и без стеков. Эта «великолепная семерка» постоянно сопровождала

Литвинова все десять месяцев его пребывания в Дании.

Постепенно к «семерке» привыкли. Максим Максимович смотрел на них с ироничной улыбкой. Они совсем не были похожи на тех, кто в былые времена охотился за ним по всей Европе. Литвинов начал «приручать» их. Как-то ему срочно понадобился автомобиль. Он повернулся к одному из шпиков и приказал ему вызвать такси. Тот моментально выполнил поручение.

Миланова и Зарецкая имели «своих» шпиков. Те не надоедали им, следовали на почтительном расстоянии. Женщины впервые попали в Копенгаген, не знали города. Миланова как-то подозвала шпика и сказала:

– Чем следовать за нами без дела, лучше покажите нам город.

Тот охотно согласился, водил своих «подопечных» по Копенгагену. Когда вернулись к гостинице, отстал.

Литвинов не заявлял протеста по поводу усиленной слежки. Но полицей-президент сам приехал к советскому дипломату, извинился, стал уверять, что его сотрудники отнюдь не следят за Литвиновым, а… охраняют его от белогвардейцев.

Пребывание Литвинова в Копенгагене не осталось без внимания прессы. Датские газеты печатали разные небылицы, явно инспирированные Лондоном, распускали дикие слухи о положении в Советской России. В ресторан при гостинице, где бывал Литвинов и его сотрудницы, зачастили посетители, которые лорнировали советских женщин, о чем-то оживленно переговаривались. К официанту, который обслуживал соседние столики, то и дело подходили какие-то люди, и тот, указывая на русских, охотно пояснял:

– Да, да, это и есть две национализированные советские женщины…

Официант на этом «подрабатывал». Миланова решила проучить его и во время очередных «смотрин» публично отчитала, притом на хорошем датском языке. «Экскурсии» прекратились.

Но в недрах датского общества уже зрели симпатии к Советской России. Под влиянием Октябрьской революции все громче заявляла о своей деятельности Социалистическая рабочая партия Дании. Один из ее представителей особенно настойчиво искал встречи с Литвиновым. Этим человеком был Мартин Андерсен-Нексе.

27 ноября 1919 года датская газета «Политикен» сообщила, что большевистский дипломат и политический деятель Максим Литвинов прибыл в Данию вести переговоры о возобновлении нормальных дипломатических отношений. Передавали, как утверждала газета, что Мартин Андерсен-Нексе напрасно

прождал несколько часов в ожидании приема у Литвинова. Но Нексе был настойчив. Вернувшись домой в Эспергерде, он написал следующее письмо, которое приводится по сохранившемуся рукописному черновику:

«Гриет Эспергерде, четверг, 27 ноября 1919 года.

Дорогой и многоуважаемый господин Литвинов!

Я был вчера после обеда между 3 и 4 часами у Вас, в Туристотеле, чтобы приветствовать Вас, но мне сказали, что Вас нет дома. Я хочу навестить Вас по двум причинам. Во-первых, хочу от своего имени и от имени революционных датских рабочих выразить глубокое восхищение тем, что Вы и товарищи в России совершили для всех нас… Затем я хочу предоставить свои творческие труды в распоряжение Советской России. Мне это доставит большую радость, если Советская Россия, которую я люблю, как свою подлинную родину, в своей замечательной деятельности для всего человечества сможет воспользоваться и моими какими-нибудь работами.

Если Вы найдете это возможным, то я охотно навещу Вас в любой день. В таком случае прошу указать день и час. Если это невозможно, то прошу передать братский привет русским рабочим.

С глубоким уважением

Мартин Андерсен-Нексе».

Лишь через много лет стали известны обстоятельства всей этой истории. Мартин Андерсен-Нексе явился к Литвинову в тот день, когда под окном гостиницы вновь бушевала группка белогвардейцев. Литвинов дал указание своим сотрудницам никого не принимать, кроме представителя датского министерства иностранных дел. Всем другим посетителям отвечать, что его, Литвинова, нет в отеле. Миланова и Зарецкая в точности выполнили указание Литвинова, а кто такой Мартин Андерсен-Нексе, они просто не знали. Через два дня Литвинов получил письмо Нексе, сразу же ответил ему, а затем состоялась их встреча в Туристотеле.

Методично и настойчиво Литвинов шел к цели, ради которой приехал в Данию: по совету Владимира Ильича он разослал во все посольства важнейшие документы Советского правительства, предлагавшие мир народам.

В Копенгагене эти послания также старались замолчать, но теперь высылки не последовало, а слух о мирной акции Советов все же начал распространяться по датской столице. Первыми зашевелились представители торговых кругов. Литвинов изучал

обстановку в стране и в соседних столицах, искал контактов с промышленниками и дипломатами, собирал информацию о русских пленных. Газеты давали богатый материал. Миланова и Зарецкая помогали составлять для Москвы ежедневный обзор прессы.

Отношения с датским министерством иностранных дел на первых порах установились корректные. Но вопрос решали не датчане, а англичане. В Копенгаген прибыл О'Греди, лейборист, член парламента, старый опытный профсоюзный босс, и 25 ноября начались переговоры.

В Лондоне знали, кого посылают на переговоры с Литвиновым. Когда началась мировая война, мятежные ирландцы не желали воевать за угнетавшую их Англию. Ирландцу О'Греди поручили особую миссию – провести мобилизацию ирландцев. Он выполнил поручение и получил благодарность короля и правительства.

О'Греди считался знатоком России. Вероятно, на том основании, что после Февральской революции вместе с Артуром Гендерсоном, секретарем лейбористской партии, прибыл в Петроград подбодрить Керенского и заставить истекающую кровью Россию продолжать войну.

Внешне О'Греди являл собой тип добродушнейшего человека. Выше среднего роста, необычайно полный, он был неизменно любезен, подчеркивал стремление к взаимопониманию. Только один раз скороговоркой заметил, что трудно найти общий язык со страной, которая-де уничтожила венценосную особу. Литвинов ответил, что если ему память не изменяет, в Англии дважды катились с плахи головы венценосных особ. О'Греди, переменив тему разговора, потонул в клубах сигарного дыма.

Во время бесед Литвинова с О'Греди почти все время присутствовал маленький, невзрачный человечек, сотрудник Скотланд-Ярда. Числился секретарем ирландца. Никогда не улыбался.

Переговоры шли медленно. О'Греди то и дело предлагал новый вариант обмена. Литвинов с железным терпением повторял советские требования: все военнопленные и гражданские лица должны быть освобождены и отправлены в Россию, Антанта снимает свой запрет на отправку их из Германии.

Каждые день-два ирландец прерывал переговоры. Запрашивал инструкции из Лондона. Литвинов выжидал. Поступался мелочами, настаивал на главном: все пленные и гражданские лица должны быть освобождены. О'Греди торговался:

– Вы нам даете двоих, мы вам – одного.

– Почему?

– Не все ваши хотят возвратиться в Россию.

Литвинов требовал встречи с теми, кто не хочет возвратиться. О'Греди говорил, что разрешение на свободное свидание он дать не может: это, мол, выходит за рамки его компетенции.

В начале декабря О'Греди, предъявив жесткие требования, крайне невыгодные для России, прозрачно намекнул, что, если Литвинов не подпишет соглашения, переговоры будут прерваны. Литвинов ответил, что должен все взвесить, запросить свое правительство. Все его шифровки отправлялись через датскую радиостанцию. И тогда Литвинову неожиданно сообщили, что радиостанцией он дальше пользоваться не сможет.

О'Греди продолжал настаивать на немедленном подписании соглашения. Литвинов начал заново обсуждать все пункты: первый, второй, третий…

О'Греди все больше нервничал, но тоже не уступал. Тогда Литвинов вручил ему заготовленный пакет.

– Что это? – спросил удивленный ирландец.

– Предложения Советской России о торговле с Англией, – ответил Литвинов. – Мы готовы покупать у вас товары. Платить будем золотом.

О'Греди растерялся, сказал, что должен изучить эти предложения.

Через три дня О'Греди возвратил пакет нераспечатанным – таков был приказ Керзона. Ирландец сказал, что прерывает переговоры и уезжает в Англию.

Но Литвинов выиграл еще семьдесят два часа.

В один из вечеров Литвинов и его сотрудницы, как обычно, ужинали в ресторане. Шведский бизнесмен, всегда вежливо раскланивавшийся с Литвиновым, принес запоздалую новость: красные разгромили Юденича под Петроградом. На следующий день бульварная копенгагенская газета поместила заметку. Утверждалось, что Коробовкина подписывала на фронте так много смертных приговоров, что у нее отнялась рука. Автором заметки был шведский журналист, сидевший накануне вечером за соседним столиком.

Победы Красной Армии сыграли свою роль. О'Греди не уехал в Англию, а возобновил переговоры. Больше того, стал сверх всякой меры вежлив. О, он не сомневался в том, что нельзя не считаться с такой великой страной, как Россия, даже если она называется Советской республикой. Секретарь ирландца отсутствовал – заболел. Датское министерство иностранных дел сообщило Литвинову, что он может по-прежнему пользоваться радиостанцией: запрета, оказывается, вообще не было, а

чиновник, повинный в этой «ошибке», наказан.

После разгрома Юденича лопнула блокада. Верховный совет Антанты начал выказывать признаки благоразумия, признал желательным начать торговлю с Россией. Даже Керзон стал понимать, что другие страны могут опередить Англию. Окончательный разгром Деникина и изгнание англичан с Кавказа еще больше отрезвили «твердолобых», а наступление армии Фрунзе на Врангеля и вовсе вызвало в английском министерстве иностранных дел панику.

Литвинов был связан с Москвой тоненькой ниточкой – телеграммами, которые примитивным цифровым шифром кодировала Миланова. Он знал, какие титанические усилия предпринимают Владимир Ильич и его ближайшие товарищи, вчерашние подпольщики и эмигранты, ставшие теперь Советским правительством и, в сущности, не имеющие за плечами никакого опыта государственной деятельности. Из Копенгагена Литвинов особенно ясно видел, как гениальные ходы Ленина путают карты мощных и сильных противников, заставляют отступать и Лондон, и Париж, и всю Европу с ее умудренными опытом столетий дипломатами и министрами.

Но Литвинов понимал, что борьба только-только начинается, что предстоят еще долгие и жестокие битвы – теперь уже не на одних лишь полях сражений, но и в кабинетах дипломатов. И впереди не только победы, но много трудностей и, быть может, поражений…

Англия не отказалась от мысли задержать отправку военнопленных в Россию. О'Греди вдруг снова прервал переговоры, но тем энергичнее начал действовать представитель Скотланд-Ярда. К Литвинову стали подсылать провокаторов. Как-то днем к нему в гостиницу пришел незнакомец, назвавшийся представителем мебельной фирмы, домогался подтверждения сенсационных сведений о Советской России. Потом появился человек в матросской форме. Этот действовал и вовсе примитивно, нагло, требовал снабдить его революционной литературой. Литвинов не стал с ним разговаривать, попросил убраться. Потом из Стокгольма пришла весьма странная телеграмма. В ней было всего два слова: «Ere Kommen». Литвинов никак не мог понять, почему к нему из Стокгольма едет какой-то Еге. А через несколько дней в гостиницу ввалился человек в балахоне и отрекомендовался шведским журналистом. Сказал, что по дороге с вокзала в гостиницу три раза переодевался, чтобы сбить с толку полицейских шпиков. Литвинов прогнал и этого.

«Великолепная семерка» получила пополнение, в вестибюле и на этаже появились новые филеры. Хозяин отеля пришел в ярость,

сказал, что Литвинов подрывает уважение к его гостинице и порядочные люди перестанут здесь останавливаться, возвратил внесенный Литвиновым аванс и потребовал немедленно выехать.

О'Греди демонстрировал возмущение: конечно, он попытается помочь Литвинову! По соглашению с ирландцем Литвинов снял помещение в загородном отеле, но датское правительство запретило миссии там расположиться. Пришлось Литвинову и его сотрудницам поселиться в захудалой гостинице. Но и там мельтешили какие-то подозрительные личности. Литвинов опасался провокаций и даже открытого нападения.

Датские власти все же разрешили Литвинову поселиться в загородном отеле. Ирландец выразил надежду, что до 30 января 1920 года соглашение будет подписано, договорились встретиться для обсуждения некоторых формальностей. Однако встреча не состоялась. Секретарь сообщил Литвинову, что О'Греди внезапно выехал в Лондон. У него неладно с печенью, и возникла срочная необходимость посоветоваться с личным врачом.

Переговоры грозили затянуться. Литвинов распутывал интриги английской дипломатии, искал выход. Неожиданно он лишился шифрованной связи с Москвой. В полученной из Москвы телеграмме Дзержинский сообщал, что советский шифр между Копенгагеном, Берлином, еще одной европейской столицей и Москвой раскрыт. Просил подтвердить, что Литвинов ручается за своих сотрудниц.

Прочитав телеграмму, Литвинов побагровел, потом кровь отхлынула, и лицо его стало пепельно-серым. Молча написал на листке бумаги одно слово: «Ручаюсь!» Сказал Милановой:

– Немедленно передайте Феликсу Эдмундовичу.

Позже сообщил Дзержинскому свое мнение о провале шифра: в Лондоне находится царский генерал, бывший начальник шифровального отдела министерства иностранных дел. Возможно, это его работа.

Из Лондона вернулся О'Греди. В любезной форме сообщил, что английское правительство не может принять советские условия обмена военнопленными и выдвигает новые требования. В затяжке переговоров, заявил О'Греди, виновато Советское правительство. Литвинов шифрованной телеграммой попросил Чичерина предпринять демарш.

6 февраля Чичерин передал в Лондон Керзону радиограмму: «…Советское Правительство самым энергичным образом протестует против утверждения, что затяжка в переговорах вызвана действиями советских властей. На самом деле условия Советского Правительства были сформулированы его делегатом в

самом начале, и никаких новых требований не было им добавлено за все время переговоров; наоборот, многие из первоначальных требований Советского Правительства были взяты назад или уменьшены… Наоборот, полномочия г-на О'Греди были столь ограниченны, что ему приходилось запрашивать Лондон по поводу каждой детали и ожидать ответа и новых указаний в течение нескольких недель…

Таким образом, ответственность за отсрочку подписания соглашения лежит полностью на Британском Правительстве».

Телеграмма Чичерина произвела впечатление. Тем более что Красная Армия одержала новые победы. О'Греди больше не жаловался на печень и не покидал Копенгагена. 12 февраля 1920 года Литвинов и О'Греди подписали соглашение об обмене военнопленными. Литвинов заставил О'Греди принять условие, по которому Англия обязалась перевезти военнопленных в Петроград на своих судах.

В марте 1920 года из Англии был отправлен первый пароход с заложниками, которые были захвачены в Архангельской, Вологодской и других областях на севере России. Англия спешила вызволить своих летчиков и старших офицеров, выходцев из аристократических семей, оказавшихся в советском плену.

О том, что пережили заложники в Англии и как их отправили на родину, рассказал Иван Степанович Кривенко, бывший командир Вашко-Мезенского полка, член партии с апреля 1917 года. Вот его рассказ:

«Продержали нас что-то около восьми месяцев. За все это время только один раз нам всем выдали по одной открытке и разрешили написать домой. Я написал отцу с матерью, что нахожусь в Англии, в плену, что жив и здоров.

Газет нам не давали никаких. Мы ничего не знали о своей стране, о нашей Советской власти и тяжело переносили эту оторванность.

Обсудив наше положение, мы решили объявить голодовку, если нам не будут давать газеты и не улучшат питание. Голодали день, два, три и четыре. Лежали, не вставая. Начальство на уступки не шло.

На четвертый день пришел в барак сержант из охраны, немного говоривший по-русски.

– Вас, господин Кривенко, вызывает комендант лагеря по срочному делу.

Помог мне встать и выйти из барака.

– Ну что, голодать перестанете? – спросил меня комендант.

– Дайте газеты, улучшите питание.

– Вам всем сегодня выдадут паек, причитающийся за все дни

голодовки, но смотрите, чтобы ваши люди не объелись. Завтра утром вы поедете в Россию. Происходит обмен заложниками.

При такой вести у меня откуда и силы взялись! Побежал в барак и объявил товарищам:

– Товарищи! Друзья! Скоро домой!

Радости не было предела, кричали без конца:

– Ура! Домой! Нас не забыли! Домой! Домой!

Собрали партбюро. Партийцев обязали следить, чтобы после голодания ослабевшие не ели сразу помногу, не заболели.

Через два дня мы шагали в Ньюкасл. Оттуда по железной дороге нас вывезли в Портсмут.

Был март 1920 года. В английских газетах «Таймс» и «Дейли мейл» за 11 и 12 марта были помещены фотографии отправки на родину заложников. Эти снимки мы видели, когда ждали корабль в Портсмуте.

В Портсмуте нас погрузили в трюм парохода и повезли вДанию. По прибытии в Копенгаген пароход стал на рейд. Нам всем хотелось посмотреть хотя бы издали на город, но из трюма ничего не было видно, а выход из него был строго воспрещен. Двое наших товарищей, все же осмелившихся подняться на палубу, были за это посажены в карцер.

На рейде Копенгагена простояли несколько часов. Потом меня вызвали наверх, в салон-каюту.

За столом сидели двое: один плотный, лет сорока с небольшим, с простым рабочим лицом, другой – несколько старше.

Первый мужчина встал, отрекомендовался:

– Литвинов.

Другой кивнул головой. Это был англичанин О'Греди. Максим Максимович Литвинов предложил мне сесть и спросил:

– Как вас содержали?

Я ответил коротко. Жаловаться не стал.

– Будет обмен заложниками, – сообщил Максим Максимович. – Мы уже договорились по всем вопросам с мистером О'Греди.

Меня пригласили к столу. На тарелках лежали бананы. Я, признаться, не знал тогда, что это такое и как их едят. Чтобы не попасть в неудобное положение, я поблагодарил и отказался, сославшись на то, что только позавтракал.

Всем заложникам разрешили выйти на палубу. Перед нами выступил с речью Литвинов. Он сказал, что Советская Россия жива, крепнет и ждет своих сынов. Выступил с ответом и я. Поблагодарил Советскую власть за заботу о нас. После этого Литвинов уехал, оставив нам по моей просьбе пять долларов на

сигареты.

Пароход с заложниками из Копенгагена отправился в Либаву (ныне Лиепая). Из Либавы мы проследовали поездом в Ригу, а оттуда в Себеж».

Наступила весна. На бульварах Копенгагена распустилась сирень. Город выглядел еще более мирным, чистым, благополучным.

Литвинов снова жил в центре города. Дни были заполнены заботами, поездками, встречами с О'Греди и другими дипломатами. Хотя соглашение и было подписано, до массовой отправки военнопленных в Россию было еще далеко. Предстояло разрешить массу формальностей, собрать пленных близ Копенгагена, организовать питание, снабдить продовольствием на дорогу.

Жили чрезвычайно экономно. Зарецкая продолжала вести книгу расходов, записывала в нее каждый истраченный грош. Питались скромно. Как-то Литвинов опоздал к обеду. Зарецкая в его отсутствие позволила себе неслыханную роскошь – заказала устрицы, что грозило серьезным нарушением дневного бюджета. Литвинов весь обед провел в полном молчании, но, выходя из-за стола, пробурчал:

– Между прочим, соленые огурцы вкуснее.

Миланова и Зарецкая решили взять «реванш». Ужин иногда заказывался заранее. Как-то вечером, когда все трое сели за стол, женщинам подали по порции устриц, Литвинову на изящном блюдце принесли соленый огурец. Женщины ели молча. Литвинов, нарезая тонкими ломтиками огурец, что-то тихонько бормотал. Потом все трое переглянулись и начали хохотать. Публика за соседними столиками с изумлением смотрела на «этих странных русских», которые так весело и заразительно смеются.

Изредка Литвинов разрешал нарушать бюджет, не мог устоять перед желанием побывать на концерте, посмотреть балет. Договорились, что ходить будут по очереди, чтобы не оставлять чемоданы без присмотра. Как-то Миланова и Зарецкая отпросились на концерт симфонической музыки. «Дежурить» должен был Литвинов, но не выдержал, приехал в театр, сидел как на иголках, ворчал:

– Мы здесь наслаждаемся музыкой, а там роются в наших чемоданах…

Случались и курьезные происшествия. Накануне еврейской пасхи в одной газете появилась статейка, в которой наряду с другими сведениями сообщалось, что фамилия Литвинов –

псевдоним известного русского революционера Макса Валлаха. На следующий день какой-то копенгагенский еврей-портной принес Литвинову в отель пакет с пасхальными закусками. Там были вино, маца, кнедлах и другие редкие лакомства. Пакет принесли в отсутствие Литвинова, и Зарецкая, как секретарь, вынуждена была принять. Литвинов чертыхался: «Уберите это». Зарецкая из солидарности демонстрировала нежелание притронуться к буржуазному подарку, имеющему религиозную окраску. «Лютеранка» Миланова не растерялась, пакет спрятала в своей комнате и вместе с Зарецкой лакомилась вкусными вещами.

В середине апреля 1920 года в Копенгаген приехала делегация Центросоюза. Она была сформирована для ведения переговоров по всем основным проблемам, возникшим между Советской Россией и Англией.

Делегацию возглавлял Леонид Борисович Красин. В Лондоне отказались принять Литвинова как главу делегации. На Даунинг-стрит не могли забыть, что в 1918 году в Лондоне двумя изданиями вышла книга Литвинова «Большевистская революция», которую он закончил словами: «Да здравствует триумфальное шествие социализма и славный Красный Флаг, поднятый Лениным 7 ноября!»

– Кого же вы желаете принять, если отказываетесь от Литвинова? – запросила Москва.

Ответ Лондона был кратким:

– С большевиками дела иметь не желаем, однако торговать с Россией готовы.

Когда Чичерин доложил об этом Ленину, Владимир Ильич усмехнулся, посоветовал запросить Лондон, готовы ли там вести переговоры с неправительственной делегацией России. Ответ пришел быстро: Англия готова вести переговоры с неправительственной делегацией России, например с русскими кооперативами. Литвинову телеграфировали в Копенгаген, что он назначен членом делегации и может начать переговоры с представителями Верховного совета Антанты, которые находятся в датской столице.

Леонид Борисович Красин прибыл с женой и детьми. Предполагалось, что из Копенгагена он отправится в Лондон, продолжит там переговоры с Англией и, если обстановка будет благоприятствовать, останется в Лондоне на длительное время. Вместе с Красиным приехали Виктор Павлович Ногин, советники и технический персонал. Делегация выглядела внушительно.

Красин вместе с Литвиновым начал переговоры с

представителями Верховного совета Антанты. Чувствовалось, что Литвинов подготовил хорошую почву для диалога по дипломатическим и экономическим вопросам. Это очень радовало Леонида Борисовича.

Делегация Центросоюза поселилась в том же отеле, что и Литвинов. Красин с присущей его натуре широтой занял самые дорогие апартаменты на втором этаже.

Литвинов был вне себя, еле сдерживался, но, оставшись с Красиным наедине, все же спросил его:

– На какие деньги, Леонид Борисович, изволите жить в дорогих номерах?

Красин онемел от неожиданности, а потом пробормотал что-то по поводу необходимости поддерживать престиж Советской России, но обиду затаил и пожаловался Зарецкой:

– Ну и жила ваш Литвинов.

Жалоба Красина попала на благодатную почву. Уже полгода находилась группа Литвинова в Копенгагене. В его распоряжении были сотни тысяч, но ни Литвинов, ни его сотрудницы заработной платы не получали. Он предупредил их об этом перед отъездом из Москвы, сказав, что питание и оплата гостиницы – это все, на что они могут рассчитывать.

Когда наступила весна, Зарецкая робко намекнула Литвинову, что недурно было бы купить ей и Милановой макинтоши: одеты они так, что совестно перед людьми, да и внимание на них все обращают. Литвинов, пресекая дальнейшие разговоры, спросил, сколько стоит макинтош. Узнав цену, нахмурился, что-то пробурчал себе под нос, сказал, что подумает.

Был ли он скуп? Одни считали его скрягой, другие, кто знал Литвинова в годы подполья, эмиграции, иначе относились к этой черте его характера. Почти двадцать лет скитался Литвинов по всей Европе. Вечно нуждался. Знал, как нуждалась партия. И на всю жизнь застряли в памяти те годы. Уже будучи народным комиссаром иностранных дел, он дома вел книгу расходов, не разрешал ничего лишнего.

Как-то Максим Максимович заметил, что у его детей-школьников валяются сломанные карандаши. Он позвал сына и дочь, усадил их рядом с собой, взял карандаш и сказал:

– Вот эту вещь делает рабочий. Он проливает пот над ней. А вы ломаете карандаши. Это – неуважение к труду рабочего и вместе с тем расточительство. Отныне я буду сам выдавать вам карандаши. Новый карандаш вы получите лишь в том случае, если предъявите мне огрызок старого.

Он часто говорил: экономить надо. На заре своей революционной деятельности, в 1903 году, в письме к

болгарскому писателю Георги Бакалову в Варну он гневался, что представитель «Искры» на Балканах Георгиев не переслал в редакцию «Искры» деньги за пятнадцать экземпляров газеты. «Это не по-коммерчески и не по-товарищески», – писал Литвинов и просил Бакалова воздействовать на неаккуратного плательщика.

Через тридцать лет он ходатайствовал перед Совнаркомом о том, чтобы дать подшефному колхозу в Московской области значительную сумму денег на покупку автомашин и строительство клуба. Но когда к нему подослали видного дипломата, чтобы тот уговорил Литвинова обратиться в правительство с письмом о предоставлении специальных пайков для руководящих работников, ибо на карточки жить трудно, Литвинов резко сказал:

– Живите, как живут все. Я ничего в правительство писать не буду. Экономить надо…

Так и жили они в Копенгагене, экономя каждый эре. Зарецкая еженедельно представляла Литвинову отчет. А женщины были молоды, красивы, хотелось купить себе какую-нибудь безделицу.

Еще до приезда Красина в Копенгаген женщины попытались выбраться из «кабалы». Посоветовавшись с Зарецкой, Миланова послала телеграмму Чичерину, рассказала, что Литвинов не дает им ни гроша на личные расходы. Зная Литвинова, Георгий Васильевич понимал, что никакие приказы не заставят его раскошелиться, и решил прибегнуть к хитрости: дал телеграмму, в которой просил Литвинова выделить деньги на покупку ботинок для него, Чичерина, а Милановой сообщил, чтобы они израсходовали эти деньги на себя.

Когда Миланова расшифровала первую часть телеграммы, предусмотрительно скрыв от Литвинова ее последние строки, тот подозрительно посмотрел на нее, что-то пробормотал и сказал, что… купит ботинки Чичерину сам.

Переговоры с представителями Антанты в Копенгагене шли успешно. Красин еще до приезда в датскую столицу обсудил со шведскими деловыми кругами вопросы экономического сотрудничества Швеции и Советской России. Шведы трезво оценили создавшуюся в мире ситуацию, поняли, что новый политический режим в России прочен, а торговля с ним выгодна. Советская Республика внесла в Шведский банк 25 миллионов крон золотом. Банк открыл кредит на 100 миллионов крон, и на эту сумму Россия начала закупать в Швеции необходимые товары. Красин подписал договор о поставке России тысячи паровозов, в которых она крайне нуждалась. Подписан был в Копенгагене и договор со Шведским торгово-промышленным синдикатом. В

конце мая 1920 года Леонид Борисович вместе со всеми своими сотрудниками уехал в Лондон.

Незадолго до отъезда Красина из английской столицы в Копенгаген приехала жена Литвинова с маленьким Мишей (а затем привезли Таню). В документах, выданных английскими властями, значилось, что «подательница сего Айви Литвинова, жена политического эмигранта, с сыном и дочерью отправляются в Россию, к месту постоянного жительства».

О приезде семьи Литвинова, разумеется, узнал О'Греди. Был поражен, спросил Максима Максимовича, верно ли, что его жена покинула Англию и едет с детьми в Россию. Литвинов ответил утвердительно.

– Надолго? – спросил О'Греди.

– Навсегда, – ответил Литвинов.

Приезд семьи не изменил образа жизни Максима Максимовича. На пятом этаже не было семейных номеров, и пришлось все же переселиться на четвертый, до которого, по крайней мере, доходил лифт. А остальное все осталось по-прежнему, включая и экономию.

После подписания соглашения с Англией Скандинавские страны, Австрия, Венгрия, Швейцария, Бельгия, Италия, Франция согласились отпустить всех русских военнопленных. Договорились, что отправка русских солдат в Россию из континентальной Европы начнется в начале осени.

Дел было еще много. Литвинов, как уполномоченный Совета Народных Комиссаров, продолжал переговоры с представителями Верховного совета Антанты по политическим и экономическим вопросам. За время своего пребывания в Копенгагене Максим Максимович установил контакты с датскими и другими европейскими фирмами, покупал и отправлял в Россию все, что мог, искал, где что подешевле и повыгоднее.

26 августа 1920 года Литвинов послал в Москву Чичерину следующую шифрованную телеграмму: «Я до сих пор отклонял предложения на обувь, приходится вновь запрашивать. Средняя цена тридцать – сорок крон. Из Италии предлагают сто тысяч военных ботинок по сорок лир. Оттуда же предлагают фланелевые рубахи по девятнадцать лир, рабочие костюмы по шестнадцать и штаны по четырнадцать, шинели по шестьдесят пять лир. Далее, можно иметь там же по сравнительно невысокой цене несколько сот аэропланов, до четырех сот грузовиков, пять бывших в употреблении, но в хорошем состоянии. Нельзя ли предлагать Италии нефть в Батуме. В Триесте нам удалось захватить полторы тысячи тонн меди, отправленные Центросоюзом из Владивостока.

Литвинов».

Эту телеграмму Чичерин передал Ленину. Владимир Ильич подчеркнул: «сто тысяч военных ботинок», «шинели», «несколько сот аэропланов», «до четырех сот грузовиков». Отметил, что это все «архиважно», предложил Рыкову и Склянскому немедленно обсудить эти предложения Литвинова с заместителем наркома внешней торговли Лежавой и ни в коем случае не прозевать товары. Все закупленное Литвиновым пароходами и поездами уходило в Советскую Россию.

Забот все прибавлялось и прибавлялось. Надо было обсудить условия будущего торгового обмена с французами. Еще в сентябре 1918 года советские организации заключили с датской фирмой «Т. Иенсен и К⁰» договор о поставке семян. Фирма медлила с выполнением заказа, необходимо утрясти и этот вопрос. Представители шведских деловых кругов в Копенгагене интересовались, будет ли установлена линия воздушного сообщения между Стокгольмом и Москвой через Петроград. Норвежцы допытывались, намерена ли Россия покупать сельдь, заезжие дипломаты зондировали почву насчет концессий в России. Все надо было согласовать, на все вопросы ответить. Литвинов целые дни проводил в разъездах, сопровождаемый шпиками. Похудевшие и осунувшиеся, они носились за Литвиновым, проклиная свою беспокойную службу, моля всевышнего, чтобы советский дипломат наконец оставил тихий и такой благополучный Копенгаген.

В сентябре из Англии пришел первый пароход за военнопленными. Литвинов вместе с представителями датского и немецкого Красного Креста выехал в лагерь под Копенгагеном, где находились русские солдаты. Немец доктор Биттнер руководил отправкой военнопленных в гавань. Изможденные, оборванные, но счастливые предстоящим отъездом на родину, они ринулись на пароход, заполнили каюты, трюм. На палубу поднялись Литвинов, Миланова, Зарецкая, члены датской и германской миссий Красного Креста, дипломаты. Слева на борту уселся Л. А. Шацкин, первый секретарь КИМ, вынужденный уехать из Германии, где начался разгул белого террора. Корреспондент копенгагенской газеты сфотографировал всю эту группу.

Наступила минута отплытия. Солдаты заполнили палубу, прильнули к иллюминаторам. Они не знали тонкостей десятимесячной дипломатической битвы, но они понимали, что эту битву выиграла их страна, еще неведомая им Советская Россия. Солдаты с нетерпением ждали гудка, они готовы были впрячься в этот огромный корабль и потащить его за собой.

Наконец пароход дал сигнал, оторвался от причала, развернулся и взял курс на Петроград.

Глава четвертая
На Эстонском плацдарме

После возвращения из Копенгагена Литвинов недолго пробыл в Москве. Советская Россия искала экономических контактов с Западной Европой. В феврале 1920 года между РСФСРи Эстонией был заключен мирный договор, установлены дипломатические отношения. Эту миссию великолепно выполнил Леонид Борисович Красин.

Значение Эстонии как торгового партнера Советской России все больше возрастало, через эту страну необходимо было наладить товарообмен с Западной Европой. Центральный Комитет РКП (б) и лично Владимир Ильич Ленин остановили свой выбор на Литвинове. Для этого были веские причины. Он уже вел переговоры с эстонским правительством. Кроме того, успешное выполнение Литвиновым миссии в Копенгагене, где он не только добился освобождения военнопленных, но и как уполномоченный Совета Народных Комиссаров решил ряд политических и экономических проблем, позволяло надеяться, что Литвинов справится и с новым заданием.

В начале января 1921 года Литвинов, назначенный полпредом и одновременно торгпредом в Эстонии, выехал в Таллин и 13 января вручил эстонскому правительству удостоверяющий документ, подписанный В. И. Лениным. Литвинов по приезде в Таллин поселился в гостинице «Золотой лев», в которой жили сотрудники полпредства и торгпредства. Потом пришлось снять скромную квартиру, а затем некоторое время Литвинов жил в гостинице «Бристоль», туда же переехали и многие сотрудники полпредства.

В советской колонии царила атмосфера товарищества, дружбы и взаимного уважения. Литвинов привлек к сотрудничеству в советском полпредстве местных коммунистов. Интернационализм Литвинова кроме своей идейной основы объяснялся еще и тем фактом, что Литвинов как революционер формировался в условиях эмиграции. Он многие годы жил в окружении людей разных национальностей, умел находить среди них много друзей, устанавливал с ними органическую идейную связь.

Такой подход был характерен для всей ленинской гвардии. Чичерин и Литвинов в первые годы формирования советской дипломатической службы привлекали к работе иностранцев-коммунистов.

Вальмар Теодорович Адамс, деятель Эстляндской Трудовой Коммуны, редактировавший в те годы газету «Молот» в Тарту и прошедший через тюрьмы буржуазной Эстонии, познакомился с Литвиновым сразу после его приезда в Таллин.

В. Т. Адамс свидетельствует: «С Максимом Максимовичем я встречался в 1921 году в советском полпредстве в Таллине, когда он только что был назначен на работу в Эстонию. Максим Максимович предложил мне занять должность референта по эстонским делам: просматривать эстонскую прессу, важные материалы переводить и реферировать. Мне было тогда 22 года, я только что вышел из тюрьмы и работал учителем.

Наш первый разговор был продолжительным. Он происходил в гостинице «Бристоль». На столе у Литвинова стояло несколько телефонов, лежал большой ворох газет и журналов. Литвинов встретил меня очень приветливо. Просто одетый, уже полнеющий, с живыми, добрыми глазами и естественной манерой говорить, он сразу завоевал мое доверие.

Я рассказал Максиму Максимовичу о внутриполитическом положении Эстонии, он задал мне много вопросов, делал записи в блокнот, живо интересовался всем, что тогда происходило в стране. Потом Литвинов дал мне несколько отеческих советов. Я намеревался уехать из Эстонии. Максим Максимович сказал, что этого ни в коем случае не надо делать.

По ходу нашей беседы Литвинову понадобился кто-то из сотрудников полпредства. Он позвонил по телефону, но ему никто не ответил. Была суббота. «Все ребята ушли, ничего не поделаешь», – сказал Литвинов с доброй улыбкой. И мы еще долго говорили о наших делах».

В сложных условиях начал Литвинов свою деятельность в Эстонии. Внешнеполитическое положение Советской России оставалось тяжелым. Западный мир по-прежнему не признавал большевистское правительство. Внутри страны контрреволюция не только не сложила оружие, но продолжала свои попытки захвата власти в отдельных районах страны, готовила кронштадтский мятеж. Активизировались контрреволюционные элементы в деревне. Голод и тиф продолжали терзать Республику.

Буржуазное правительство Эстонии проводило политику террора в отношении коммунистов и всех прогрессивных элементов в стране. Белогвардейская нечисть, выметенная Красной Армией из пределов России, обосновалась в том числе и в Прибалтике. Белогвардейцы, осевшие в Таллине, рассчитывая на попустительство эстонских властей, угрожали расправой

советским дипломатам.

Случались и прямые провокации. Как-то вечером Литвинов возвращался в полпредство. Машина мчалась по шоссе на окраине города. Вдруг автомобиль резко занесло, развернуло, посыпались разбитые стекла. Оказывается, поперек дороги был натянут трос. На этот раз серьезной аварии не произошло, но попытки диверсий не прекращались, все время приходилось быть настороже. Литвинов обычно относился к выходкам белогвардейцев спокойно, без паники, хотя он знал, что полпредовский автомобиль с красным флажком с серпом и молотом вызывает ярость у врагов Советской России.

Деятельность Литвинова в Эстонии была очень разносторонней. Но, несмотря на чрезвычайную занятость многими сложными проблемами, он внимательно следил за рыночной конъюнктурой, использовал любую благоприятную ситуацию для массовой закупки необходимых товаров и отправки их в Советскую Россию. Эстонский исследователь Д. М. Руднев, ознакомившийся с некоторыми документами, свидетельствующими о деятельности Литвинова в Таллине, отмечал: «Даже далеко не полный перечень телеграмм замнаркома внешней торговли Лежавы и члена коллегии НКВТ Войкова Литвинову и его ответных телеграмм позволяет судить о размахе и напряженности работы торгпреда в Эстонии».

24 января 1921 года Лежава просит Литвинова ускорить отправку паровой турбины в Омск.

25 января Лежава просит Литвинова направить три тысячи пудов гвоздей в Петроград, а также послать туда инструменты и оборудование для лесозаготовок и лесопогрузочных работ. Лежава уточняет, что «промедление отзывается самым чувствительным образом на хозяйстве республики».

5 февраля Войков просит Литвинова ускорить поставку кос.

11 февраля Лежава просит закупить у фабрики Иогансона в Ревеле бумагу.

21 февраля Лежава просит Литвинова закупить семена трав.

25 февраля Лежава предлагает Литвинову принять срочные меры к отправке в Россию медикаментов, закупленных в Эстонии.

28 февраля Литвинов просит Лежаву ускорить отправку в Таллин 23 паровозов, предназначенных для ремонта на таллинском паровозоремонтном заводе.

7 марта Литвинов сообщает Лежаве о заключении договора с фирмой «Винналь» о поставке России полутора миллионов кос.

16 марта Литвинов извещает Лежаву о закупке и отправке 1 тысячи пудов масла, а также о предложении эстонского правительства продать России сахар и рожь. При этом Литвинов

остается верен себе: покупать лишь в том случае, если это выгодно Советской России. И он пишет Лежаве: «Цены высокие – рекомендую воздержаться…» 7 апреля Литвинов направляет Лежаве дополнения к договору с доверенным лицом товарищества БИМ об увеличении поставок Советской России картофеля до 1 миллиона пудов.

Сегодня миллион пудов картофеля может поставить стране крупный совхоз. В то время это была величайшая проблема, настолько важная, что иногда начальник продовольственного эшелона, пришедшего в Москву, являлся лично в кабинет к Ленину и вручал ему накладную бумагу, подтверждающую, что груз прибыл в полной сохранности!

Литвинов беспощадно разоблачал спекулянтов, пытавшихся навязать Советской России гнилой товарец, добивался аннулирования договора, заставлял платить неустойку и штрафы, когда было необходимо, прибегая к суду, но ни гроша советского зря не платил. А товаров по тем временам было в Эстонии закуплено немало. За десять месяцев, пока Литвинов находился на посту полпреда и торгпреда в Таллине, оттуда прибыло в Советскую Россию 2 миллиона 187 тысяч пудов различных продовольственных и хозяйственных грузов. Вместе с транзитными грузами, которые Литвинов закупил в других странах и через Эстонию отправил на Родину, их объем составил 11 миллионов 306 тысяч пудов.

Один лишь факт помогает понять значимость работы, проделанной Литвиновым и его сотрудниками в Таллине. Советская Россия настолько отчаянно нуждалась в любых товарах, что распределением даже крошечных фондов занималось правительство. Так, например, 19 апреля 1921 года наряду с другими важными проблемами Совнарком обсуждал вопрос о Гидроторфе. «Учитывая исключительно трудное положение, предоставить Гидроторфу: ведер – 150 штук, ножей разных – 200 штук, полотенец для кухонь и общежития – 500 аршин».

Сотни больших и малых дел обступали Литвинова со всех сторон. Не было среди них второстепенных. Все было важно для Советской России, и все надо было сделать вовремя и с большой выгодой.

Весной из Англии в Таллин пришел ледокол, в котором Россия очень нуждалась. Ледокол этот был заказан еще Временным правительством, английские судостроители построили его, и так получилось, что принимать ледокол довелось Литвинову, которому в 1918 году на митинге в Лондоне не дали слова для ответа Керенскому. Через несколько лет этому ледоколу присвоили имя Леонида Борисовича Красина.

Ледокол прибыл в Таллин с английской командой. Из Петрограда для приемки судна приехала русская команда во главе с капитаном. Английский капитан устроил банкет, английские моряки пожелали счастливого и долгого плавания ледоколу и его команде. Литвинов обратился с кратким приветственным словом к английским матросам. Говорил о солидарности рабочих всех стран. Советская Россия нуждается в солидарности. Если сейчас это не все понимают, то наступит время, когда всем народам будет ясна историческая роль социалистического государства и его пролетариата.

Как и в Копенгагене, Литвинов твердо и настойчиво шел к цели, ради которой он находился в Эстонии. Советское полпредство, вопреки воле местных буржуазных кругов и их зарубежных покровителей, стало центром политической жизни эстонской столицы. Сотнями нитей оно было связано с экономическими и политическими кругами Эстонии и через них с другими странами. В. И. Шеншев, пришедший на советскую дипломатическую службу из рядов Красной Армии и работавший в Таллине первым секретарем советского полпредства, свидетельствует: «Максим Максимович завоевал большой авторитет в Таллине. При встречах с членами правительства, на приемах он держался с таким достоинством, что внушал всем не только уважение, но даже особое почтение. Ни один буржуазный дипломат в Таллине не мог сравниться с Литвиновым по уму, знаниям, широте кругозора. Он был на голову выше любого посла любой великой державы. Это поднимало престиж Советской России. Мы, работники полпредства, гордились своим послом. Возвращаясь из Москвы в Таллин, Максим Максимович всегда выступал перед советской колонией с докладом о международном положении Советской России, рассказывал нам о делах родной страны. Мы все очень дорожили этими докладами. Мы, молодые дипломаты, очень многому научились у Литвинова».

Весной 1921 года в Таллин приехал А. А. Богданов, направлявшийся из Москвы в Западную Европу. В прошлом известный революционер, он не раз в годы подполья встречался с Литвиновым, вместе с ним тайно выезжал из Саратова на конференцию РСДРП в Таммерфорс. Врач по специальности, философ и экономист, он в свое время немало сделал для революции, был большевиком, вместе с Литвиновым входил в Бюро комитетов большинства, был членом ЦК, но в годы реакции после первой русской революции отошел от большевизма, сколотил группу «Вперед», стал лидером «отзовизма» и с этих позиций вел борьбу с Лениным.

После Октябрьской революции Богданов много и

плодотворно работал в экономической науке и как врач. Был директором Московского института переливания крови. На этом поприще он и погиб, поставив на себе опасный опыт переливания крови.

Остановившись в советском полпредстве, Богданов решил, что называется, тряхнуть стариной, прочесть для сотрудников лекцию. Когда все собрались, Литвинов сказал Богданову:

– Александр Александрович, мы к вашим услугам.

Богданов, блестящий оратор, опытный полемист, действительно тряхнул стариной. Вспомнил принципы «отзовизма», деятельность своей группы «Вперед». И его понесло по старым теоретическим ухабам.

Слушали Богданова внимательно. Не проронил ни слова и Литвинов. Но когда Богданов закончил свою лекцию, Максим Максимович подошел к нему и сказал:

– Александр Александрович, должен вас огорчить, но я не согласен с положениями вашей лекции. Разрешите выступить мне.

Несколько растерявшись, Богданов ответил:

– Прошу, Максим Максимович.

О том, что произошло дальше, свидетельствует В. И. Шеншев, присутствовавший на этой лекции: «Когда Богданов заканчивал свое выступление, меня в это время срочно вызвали по телефону в служебную комнату. Там я несколько задержался. Вдруг раздался звонок. Сотрудник полпредства крикнул мне:

– Владимир, иди скорей, Литвинов выступает.

Я помчался в зал. Ну и «громил» Литвинов Богданова. Метко, с убийственным сарказмом разносил он его старые антиленинские ошибки. Мы с восхищением слушали блестящую по форме, доказательную речь большевика. Нам, конечно, была известна роль Литвинова в подпольной работе, его деятельность на разных этапах революционной борьбы. Но в тот день мы впервые увидели Литвинова в новом для нас свете. Это была великолепная для нас, молодых коммунистов, школа политической борьбы».

Побывала в советском полпредстве и Клара Цеткин, направлявшаяся из Берлина в Москву на III конгресс Коммунистического Интернационала. Ее встречали с цветами. В зале полпредства собрались все сотрудники. Цеткин рассказала о положении в Германии и сама задавала множество вопросов.

Посетила советское полпредство даже знаменитая американская танцовщица Айседора Дункан. Она поехала в Советскую Россию, веря, что именно там, в стране революции, ей легче будет создать балетную школу, построенную на новых

принципах.

Ее не страшили ни голод, ни антисоветские россказни о терроре, который якобы царит в России. Айседору повели в полпредовскую столовку, чтобы накормить обедом. Увидев, что сотрудники едят суп и картошку с мясом, она страшно обрадовалась:

– Я так и думала, что разговоры о голоде в России – сплошная ложь!

Айседоре объяснили, что это как раз и не ложь. Советская Россия еще голодает.

– Ну тогда тем более я еду туда.

И поехала. Провела в Советской России четыре года, плодотворно работала.

В дни революционных праздников в полпредстве устраивались вечера, танцевали, пели, веселились. В один из таких вечеров со здания советского полпредства был сорван Красный флаг. Не страшась возможной стрельбы со стороны белогвардейцев, сотрудники сразу же при свете фонарей снова водрузили флаг.

А белогвардейцы вели себя все наглее. Литвинов старался не обострять отношения с эстонским правительством, понимая всю важность сохранения достигнутых договоренностей. Однако, когда белогвардейские провокации участились, Литвинов обратился к эстонскому правительству. 10 марта 1921 года в резкой ноте протеста он указал, что из остатков белогвардейских банд в Эстонии формируются новые отряды, что «преступные элементы собираются превратить Эстонию в базу для враждебных действий против Российской республики». В личных беседах с премьер-министром и министром иностранных дел Эстонии Литвинов предупредил о возможных тяжких последствиях такой политики. Эстонское правительство вынуждено было заверить Литвинова, что формирование воинских отрядов на территории страны допущено не будет.

Но что стоят заверения, если они не подкрепляются делом. Во время кронштадтского мятежа белогвардейцы сделали попытку организовать на территории Эстонии «правительство России». Как только Литвинову стало известно об этом, он сделал представление министерству иностранных дел. Семь белогвардейцев – зачинщиков этой антисоветской провокации по настоянию советского полпреда были высланы из Эстонии. Буржуазному правительству пришлось как-то продемонстрировать свою «верность» Тартускому договору, оно в срочном порядке заключило с правительством РСФСР соглашение об установлении телеграфной связи между двумя странами. Это

было важно, ибо уже велись переговоры об установлении телеграфной и телефонной связи со Скандинавскими странами, частично эта связь шла через Эстонию.

После отъезда из Лондона Литвинов почти не виделся с семьей. Поездки следовали одна за другой: Стокгольм, Христиания, Копенгаген… Длительные разлуки перемежались редкими встречами. Максим Максимович скучал по жене и детям. И на этот раз Литвинов уехал один, поскольку трудно было сказать, как долго он пробудет в Таллине. Но весной уже можно было предположить, что пребывание в Эстонии продлится до конца года, и Литвинов вызвал семью.

Сыну было уже пять лет, дочери – четыре. Литвинов виделся с семьей урывками – все время был в разъездах. Если выпадал свободный вечер, отправлялись гулять по улицам Таллина. Максим Максимович учил детей русскому языку. Айви Вальтеровна тоже брала у мужа уроки. Давался ей язык нелегко.

Как-то, увидев корову, шутя сказала:

– Это корова! А как будет по-русски муж коровы?

Уроки русского языка в семье Литвиновых доставляли немало веселых минут сотрудникам полпредства.

В начале мая 1921 года Литвинова вызвали в Москву. 10 мая состоялось заседание Совнаркома, на котором решался вопрос о его новом назначении. Председательствовал на заседании Ленин. Было решено, что заместитель Чичерина Лев Михайлович Карахан едет полпредом в Варшаву, и Литвинов был назначен заместителем наркома. Этим же решением Литвинова назначили уполномоченным Совнаркома по валютным операциям и возложили на него контроль за расходованием валютных средств Республики. Владимир Ильич сказал Литвинову, что ему пока придется поработать по совместительству в Таллине. Эстония продолжала оставаться одним из плацдармов, на котором Советская Россия вела борьбу против экономической блокады. Литвинов возвратился в Прибалтику.

Обстановка там оставалась напряженной. Белогвардейская контрреволюция не унималась. Усилилось преследование коммунистов. Литвинов делал все, что было в его силах, для спасения коммунистов, приговоренных к смертной казни и к длительным срокам тюремного заключения. Положение дипломата затрудняло эту деятельность Литвинова, всякое представление по поводу коммунистов эстонское правительство рассматривало как вмешательство во внутренние дела Эстонии. Литвинов не отступал. Он опирался на авторитет, который наша

страна сумела завоевать в различных кругах эстонского общества. Вместе с тем не скрывал, что Советская Россия не даст в обиду преследуемых коммунистов и всячески будет их защищать.

К концу своего пребывания в Эстонии – в октябре 1921 года – Литвинов добился обмена 167 эстонских коммунистов на 247 эстонских граждан, приговоренных в Советской России к тюремному заключению за подлинный шпионаж в пользу стран Антанты и уголовные преступления.

Как уполномоченный Совнаркома по валютным операциям, Литвинов реализовал громадные суммы – сотни миллионов золотых рублей. Покупал на эти деньги машины, станки, хлеб, мануфактуру, медикаменты – все то, что позволяло хоть в какой-то степени облегчить жестокую нужду на его Родине.

В операции, проводимые Литвиновым, были посвящены только те люди, которые входили в очерченный им круг и которых нельзя было не допустить в этот круг, ибо кроме того, кто разработал и контролировал каждую операцию, должны были быть и непосредственные исполнители.

Одним из них был старый русский инженер-путеец Юрий Владимирович Ломоносов. На него Совнарком возложил важную миссию: выкупить в Швеции тысячу паровозов, заказанных Красиным. Железнодорожный транспорт находился в катастрофическом состоянии. На гигантских просторах России в далеких тупиках, на заржавленных от бездействия рельсах стояли вагоны. Не было тяги, не на чем было перевозить народнохозяйственные грузы. Паровозы нужны были как воздух. И за них надо было заплатить золотом. Переправку этого золота в Швецию и должен был организовать Литвинов.

Вся операция проходила в строжайшей тайне. О ней не знал никто, кроме узкого круга людей, которым верил Литвинов, как самому себе. И когда все было подсчитано, пересчитано и еще раз проверено, в назначенный день золото в ящиках было погружено на пароход и отправлено в Швецию.

А потом Литвинов отправлял золото во Францию, Швейцарию и другие страны. Поток грузов в Советскую Россию рос с каждым днем. Лежава все слал и слал телеграммы: пришлите гвозди, шифер, муку, мешки, медикаменты, косы, серпы…

И Литвинов слал муку и косы, медикаменты и мешки. И все, что он мог купить, вырвать, выменять, выторговать для Советской России, для русского народа.

21 апреля 1928 года, выступая с докладом на сессии Центрального Исполнительного Комитета, Литвинов сказал: «В 1921 году я состоял главным уполномоченным СНК по валютным

операциям и по реализации нашего золота за границей. Я находился в Ревеле, и через мои руки прошло несколько сот миллионов [рублей] нашего золота, проданного мною за границу. Большая часть этого золота была продана мною непосредственно или через разных посредников крупным французским фирмам, которые это золото переплавляли не то во Франции, не то в Швейцарии, откуда это золото находило свое последнее убежище в кладовых американского резервного банка».

Все, что пришлось осуществить тогда Литвинову в Таллине, могло бы стать темой интереснейшей приключенческой повести. Но это была суровая и реальная история подлинного сражения на экономическом фронте.

Летом 1921 года Литвинова все чаще стали вызывать в Москву. Протоколы заседаний Совнаркома объясняют причины этих вызовов. 23 августа рассматривается вопрос о перевозке и приемке немецких и шведских паровозов. 13 сентября под председательством Ленина решается вопрос о предоставлении концессий некоторым иностранным фирмам. Литвинов вызван в Москву как член Концессионного комитета. 11 октября на заседании Совнаркома под председательством Владимира Ильича должен обсуждаться вопрос о заявке шведской фирмы СКФ на концессию. И снова вызывают Литвинова.

В октябре 1921 года Максим Максимович возвратился в Таллин. Это была его последняя поездка в Эстонию. Через несколько дней Советское правительство окончательно отозвало Литвинова из Эстонии.

Он понимал, что его ждут новые сложные задачи. Но еще, конечно, не мог знать, что в самые ближайшие месяцы ему придется принять участие в исторических битвах, которые будет вести советская дипломатия.

Впереди были Генуя и Гаага.

Глава пятая
В Генуе и Гааге

В 1921 году Литвинов назначается заместителем наркома по иностранным делам. Чичерин, осуществляя руководство всей дипломатической деятельностью, курировал восточные отделы и протокольный. На Литвинова была возложена организационная работа и руководство европейскими отделами. Но строгого разделения не было. Такой важный отдел, как экономико-правовой, подчинялся и Чичерину, и Литвинову. Максим Максимович много времени отдавал консульскому отделу, а также отделу дипкурьеров, да и переписка в Наркоминделе шла через него. Но особое внимание Литвинов уделял европейским делам. Установление дипломатических и экономических отношений с европейскими странами он почитал делом первостепенной важности. Здесь он имел возможность применить опыт, накопленный за годы эмиграции, и использовать уже налаженные контакты. Ведь Литвинов имел тесные связи с европейским рабочим движением: в течение нескольких лет он представлял ЦК РСДРП в органах II Интернационала, был хорошо знаком с его лидерами, которые позже заняли крупные государственные посты в своих странах. Теперь Литвинов мог в интересах Советской России использовать свое близкое знакомство с Гюисмансом, Вандервельде и многими другими политическими деятелями Запада.

Работа в Наркоминделе шла споро, дружно, организованно, вполне оправдывая ту высокую оценку, которую Владимир Ильич дал молодому советскому дипломатическому ведомству. Коллегия Наркоминдела собиралась регулярно, оперативно решая все важнейшие вопросы внешней политики и каждодневно ощущая направляющую роль Владимира Ильича, который глубоко вникал во все международные проблемы и мягко, но настойчиво подсказывал, советовал, помогал. Эта ленинская помощь еще больше цементировала молодой, энергичный, горячий, самоотверженно работавший аппарат Народного комиссариата иностранных дел.

Как складывались в те годы отношения между Чичериным и Литвиновым? В этот вопрос необходимо внести ясность, поскольку отношения между двумя государственными деятелями такого масштаба представляют общественный интерес.

В сущности, лишь в 1921 году Георгий Васильевич и Максим Максимович впервые стали работать вместе как государственные

деятели, посланные партией на один и тот же участок. На долгие годы. На целых шесть лет, до 1928 года, когда Георгий Васильевич, тяжко заболев, уехал лечиться в Германию и на свой пост уже больше не возвратился. Прежние их контакты носили совсем другой, подчас случайный характер. Все встречи в Лондоне – в «Герценовском кружке», на вечерах и публичных диспутах, а потом совместная работа в комиссии по репатриации российских эмигрантов – происходили в принципиально иной обстановке.

Нельзя уходить от того исторического факта, что эти выдающиеся советские дипломаты, сослужившие огромную службу нашему государству, проделали совсем не одинаковый путь в революцию. Чичерин, выходец из родовитой, состоятельной дворянской семьи, получивший блестящее образование, отказался от карьеры дипломата, от положения в высшем обществе. Это был путь многих передовых просвещенных людей России, и вклад их в революцию огромен и неоценим. Путь Литвинова к Октябрю был иным, как и его жизнь. Когда они впервые встретились в Лондоне, Чичерин еще стоял на меньшевистских позициях. Литвинов был секретарем большевистской группы. У них тогда были разные взгляды на методы борьбы, на развитие революции. Война все расставила на свои места. Бескомпромиссный переход Чичерина на большевистские позиции был абсолютно закономерен. Об этом говорит и его дальнейшее подвижническое служение Советскому государству.

Необходимо напомнить ленинские отзывы об этих крупнейших советских дипломатах. Владимир Ильич лично рекомендовал и Чичерина, и Литвинова на дипломатическую работу, высоко ценил их. Множество писем Ленина к Литвинову говорят о громадном доверии к нему Владимира Ильича. А вот отзыв Ленина о Чичерине, данный в 1918 году, когда далеко не все в партии верили в него: «Чичерин – работник великолепный, добросовестнейший, умный, знающий».

Большую ценность имеют и свидетельства государственных деятелей, а также ближайших сотрудников, долгие годы работавших вместе с ними.

А. И. Микоян: «Максим Максимович Литвинов был острый, крутой и решительный человек. Он быстро решал вопросы. Я имел возможность долгие годы наблюдать, как развивалась его дипломатическая деятельность… Литвинов не был догматиком. Он отлично находил путь к сердцам западных политических деятелей и извлекал из этого пользу для Советского Союза… Как политик Литвинов был гибок, мог хорошо маневрировать».

И. М. Майский: «Чичерин был крупным деятелем и сыграл большую роль в нашей дипломатии. Он был человеком широкой мысли, умел строить большие внешнеполитические концепции. Литвинов… был деловым человеком вдипломатии. Он всегда старался получить что-то конкретное от партнера: договор, протоколы, конвенцию. Он оставил после себя много весомого материала…»

Е. А. Гнедин (ответственный работник Наркоминдела): «Когда в 1930 году Литвинова назначили наркомом, он провел пресс-конференцию на Спиридоновке в особняке НКИД. Литвинов сидел на крыльце. Журналисты разместились на крыльце или стояли в саду… Литвинов очень хорошо, с добрым чувством говорил о своем предшественнике как о замечательном дипломате. Их отношения характеризовались принципиальностью и взаимным уважением».

Н. Н. Любимов (эксперт Наркоминдела, участник Генуэзской конференции): «Отношения Г. В. Чичерина и М. М. Литвинова характеризовались большой взаимной предупредительностью. То, что Георгий Васильвич был наркомом, а Максим Максимович его заместителем, ни в коей мере не значило, что они относились друг к другу как начальник и подчиненный. Они считали себя взаимно эквивалентными. Еще в Лондоне они научились уважать друг друга. Конечно, они были разные люди по стилю, но после Октября – отнюдь не разные по своему политическому кредо…

Да и внешне они были полной противоположностью. Литвинов казался более сухим, а Чичерин всегда более эмоциональным. В действительности наружность того и другого далеко не соответствовала их внутреннему состоянию. Личное общение с ними обоими и почти десятилетний итог наблюдений за огромной дипломатической деятельностью Чичерина и Литвинова, пожалуй, настраивают на следующий вывод: стиль работы у них был разный. Оба были невероятно работоспособны. Организованность и методичность Литвинова были поразительны».

Конечно, у Чичерина и Литвинова бывали споры, разногласия – и по частным вопросам, и по большим, принципиальным. Важнее другое: и Чичерин и Литвинов были теми дипломатами, которые с самого начала деятельности советского внешнеполитического ведомства заставили наших противников уважать Советскую страну и советскую дипломатию, твердо и последовательно осуществляя ленинские принципы внешней политики.

В 1922 году советской дипломатии под руководством Ленина

пришлось решать труднейшую историческую задачу: расколоть антисоветский фронт империалистических держав.

Сразу же после нового года, 6 января, союзнический Верховный совет на конференции в Каннах принял решение о созыве в Генуе международной экономической конференции, а 7 января Советское правительство получило приглашение принять участие в ней.

Приглашение Советской России в Геную не было случайностью. Вооруженные походы Антанты против Страны Советов окончились провалом, а пятилетний период непризнания, отсутствие экономических связей с ней нанесли ощутимый удар по европейской и мировой экономике. Англия почувствовала это сильнее и раньше других стран. Она всегда вела оживленную торговлю с Россией. И не случайно ее премьер-министр Ллойд Джордж провел в 1920 году в Верховном совете Антанты решение о снятии блокады России и пригласил советскую делегацию в Лондон. Подготовленное летом 1920 года торговое соглашение с Москвой не было подписано: развернулось наступление Красной Армии на польском фронте, Англия прервала переговоры, пытаясь таким образом оказать давление на Советскую республику. Но когда наконец 16 марта 1921 года соглашение было заключено, Советскую Россию признали де-факто.

За Англией последовали другие государства. 6 мая 1921 года торговое соглашение с РСФСР подписала Германия, 2 сентября – Норвегия, 7 декабря – Австрия, 26 декабря – Италия, 5 июня 1922 года – Чехословакия.

В сентябре 1921 года в Брюсселе состоялась конференция по вопросу о так называемой помощи России. Пункт первый резолюции гласил, что конференция единодушно высказывается за организацию самой широкой помощи Советской республике, и не только в борьбе с голодом, но и в быстром восстановлении народного хозяйства. Но дальше шли условия, совершенно неприемлемые для Советской страны. Конференция заявила, что такая помощь может быть оказана в широких и нужных размерах только в том случае, если Советское правительство признает царские долги, вернет всю конфискованную иностранную собственность.

На предложение такой «помощи» Советское правительство ответило нотой, которую Наркоминдел разослал 28 октября большинству стран мира. В саркастических тонах в ней указывалось, что Советская Россия прекрасно знает цену декларации и заявлению западных стран. Советское правительство высмеяло попытку капиталистического мира

связать вопрос о помощи голодающим с условием выплатить царские долги. Однако, ставя своей целью экономическое сотрудничество с другими державами, Советское правительство готово заплатить некоторые довоенные долги, в особенности ту часть, которая приходится на мелких держателей акций. Мелкие держатели – это масса избирателей, это общественное мнение заинтересованных стран. Они-то и подняли теперь свой голос, требуя, чтобы их правительства как можно скорее договорились с Советской Россией.

Советская нота в какой-то мере предопределила созыв конференции. Английское правительство взяло на себя инициативу немедленно начать переговоры с Москвой, а 7 января 1922 года из Италии, где намечалось провести конференцию, поступила официальная телеграмма, приглашающая Советскую Россию прислать делегацию в Геную. В телеграмме говорилось, что «было бы чрезвычайно желательно для всех союзных держав, чтобы во главе советской делегации был гражданин Ленин, присутствие которого, несомненно, будет способствовать благоприятному разрешению целого ряда вопросов».

В тот же день в Москве стало известно, что благодаря усилиям Ллойд Джорджа в Геную приглашена и побежденная Германия. Смысл этого тоже был ясен: Англия стремится противопоставить поверженную Германию Франции, которая начала играть роль гегемона в Европе, что наносит ущерб английским интересам.

К предложению прибыть в Геную в Москве отнеслись положительно. Первый пункт резолюции, принятой в Каннах, гласил, что нации не могут присваивать себе права диктовать другим нациям принципы, на основе которых те должны организовывать строй своей внутренней жизни и образ правления, а каждая страна имеет право использовать ту систему, которую она предпочитает. Это была хорошая база для диалога.

Чрезвычайная сессия ВЦИК назначила В. И. Ленина председателем советской делегации, его заместителем был утвержден Г. В. Чичерин. Сразу же была сделана оговорка, что в случае, если Председатель Совнаркома Ленин не сможет выехать в Геную, Чичерину предоставляются все права главы делегации. Как известно, так оно впоследствии и получилось. Однако необходимо подчеркнуть, что вся работа по подготовке к Генуэзской конференции – этой первой международной конференции, где советская дипломатия скрестила шпаги с многоопытной буржуазной дипломатией, – проходила под руководством и при самом ближайшем участии Ленина.

27 марта 1922 года в политическом отчете ЦК XI съезду

партии Ленин сообщил, как формировалась делегация и вырабатывались ее задачи. «Должен сказать, что нами в ЦК были приняты самые тщательные меры для того, чтобы создать делегацию из лучших наших дипломатов (а у нас теперь советских дипломатов порядочное количество, не так, как в начале существования Советской республики). Мы выработали в ЦК достаточно детальные директивы нашим дипломатам в Геную. Директивы эти мы вырабатывали очень длительно, несколько раз обсуждали и переобсуждали заново».

Коллективную выработку линии Ленин считал исключительно важным делом. 3 февраля 1922 года Политбюро ЦК РКП (б) поручило крупнейшим советским политическим деятелям и дипломатам изложить в письменной форме свои предложения о позиции советской делегации в Генуе. Докладные записки должны были представить члены правительственной делегации: Г. В. Чичерин, М. М. Литвинов, Я. Э. Рудзутак, Л. Б. Красин, В. В. Боровский, А. А. Иоффе.

Выполняя вместе с другими деятелями партии это поручение, в первой декаде февраля Литвинов представил в Политбюро докладную записку. Прежде всего Литвинов оговаривается, что по недостатку места не высказывает своих соображений относительно того или иного исхода конференции в Генуе для упрочения Советской власти внутри страны и для рабочего движения в Европе. Но он сразу же констатирует, что «соглашение на почве каннских резолюций может подготовить почву для признания Совправительства де-юре. Само признание последует не сразу».

Далее Литвинов излагает ситуации, могущие возникнуть в том или ином случае исхода конференции, развивает программу деятельности советской делегации и вносит свои предложения.

Признание со стороны хотя бы некоторых государств, пишет он, значительно уменьшит шансы весенней или летней интервенции. Если такая интервенция была бы объективно возможна, то даже непризнание не поможет Франции оказывать большую помощь Польше, Финляндии и Румынии. Маловероятно, что Англия окажет помощь России в крупных размерах, но в незначительных размерах, в случае полного разлада между ней и Францией, помощь эта возможна.

Надежды на внешние займы призрачны. Если бы европейским правительствам и удалось сколотить капитал (ничтожная сумма в 20 миллионов фунтов стерлингов), это неизбежно означало бы международный контроль и опеку над Россией и воссоздание единого буржуазного фронта. Признание расчистило бы путь частным предприятиям. Но на разрешение продовольственных

трудностей текущего года кредиты влияния не окажут.

Неуспех конференции временно сколотит антисоветскую коалицию, замедлит признание и открытие частного кредита, но вряд ли надолго. Промышленный кризис, безработица заставят Швецию, Норвегию и другие страны выйти из кольца блокады, заключить с Советской Россией сепаратные соглашения, а в случае настойчивости они признают ее. Если будут продолжаться англо-французские разногласия, на этот путь станет Англия, а затем – Италия.

Срыв переговоров в Генуе никакой катастрофы не означает. Соответственно с этим выводом делегация должна устанавливать свою тактику и пределы уступок, стремясь при этом к возложению одиума за возможный срыв переговоров на противную сторону и приурочив их срыв к моменту, затрагивающему узкие интересы сравнительно небольшой группы кредиторов России.

Делегация всячески приветствует и безоговорочно принимает первый пункт каннской резолюции о неприкосновенности системы собственного хозяйства и правления, устанавливаемой самостоятельно каждой страной. На этот пункт напирать как на основу всей каннской резолюции и возможного соглашения.

Пункт второй делегация толкует как относящийся к будущим сделкам с Россией. Советское правительство заверяет, что будет чтить нерушимо привозимые иностранцами капиталы, их имущество будет неприкосновенно. Ни в коем случае не соглашаться на денационализацию принадлежащих иностранным промышленникам предприятий. Это требование противоречит пункту каннской резолюции.

Условием sine dua поп признаний каких бы то ни было долгов выставляется признание союзниками наших контрпретензий…

Ввиду вероятности разрыва в самом начале конференции делегация излагает хотя бы вкратце свою аргументацию по всем вопросам: отказ от уплаты долгов, наш выход из европейской войны, наши контрпретензии, восстановление хозяйства Европы.

По общеевропейским вопросам восстановление возможно лишь при взаимном аннулировании всех долгов и претензий, военном и морском разоружении, при стабилизации валют путем перераспределения запасов золота между всеми странами Европы и Америки в довоенной пропорции на основании долгосрочного кредита, всеобщей частичной девальвации бумажных денег в обедневших странах и уничтожении искусственных политических преград (коридоров), препятствующих коммерческим сношениям и товарообороту. Это не коммунистическая пропаганда, а паллиативы, допускаемые в пределах буржуазного строя многими

буржуазными учеными.

Россия идет на частичное разоружение при условии пропорционального разоружения других стран с учетом длины границы и населения.

Помимо возмещения за убытки от гражданской войны и интервенции Россия, отнюдь не желая возлагать нового бремени на измученный германский народ, предъявляет свои претензии на долю участия в общей сумме 132 миллиарда золотых марок, исторгнутых союзниками по Версальскому договору. Из нее должно быть выделено для России соответственно числу убитых и раненых 35 миллиардов золотых марок, которые она ставит лишь в пассив союзникам против их требования уплаты военных долгов, если не хватит других наших контрпретензий.

В вопросах о репарациях, изменении Версальского, Сен-Жерменского и других французских договоров делегация поддерживает нейтральные страны против союзников независимо от соглашения с Германией.

Свою программу Литвинов заключил с предельной ясностью: «В европейских вопросах ориентируемся на Англию…»

В тех условиях, когда, во-первых, крупнейшая европейская держава – Франция вела жесткую антисоветскую политику, когда, во-вторых, именно ее союзники представляли авангард и резерв возможной интервенции, когда, в-третьих, влиятельные круги английской буржуазии стремились к торговле и экономическим связям с Советской Россией, когда, в-четвертых, Ллойд Джордж был готов пойти на установление дипломатических отношений с Москвой и когда, наконец, в-пятых, английский рабочий класс активно выступал против интервенции в России – в этих условиях вывод Литвинова достаточно закономерен. Но он – и это надо подчеркнуть со всей решительностью – придавал огромное значение также связям Советской России с измученным германским народом и возможному соглашению с Германией. Это он оговорил в своем письме. Именно ставка на международную группировку с участием Германии и определила основную позицию Советского правительства накануне конференции.

Еще в январе Ленин пишет по этому вопросу письмо членам Политбюро: «Не открыть ли *тотчас* только личные (без всякой бумажки) переговоры в Берлине и Москве с немцами о *контакте* нашем и ихнем в Генуе?… Не предложить ли тотчас секретно *всем* полпредам позондировать почву у соответствующих правительств, не согласны ли они начать с нами *неофициальные* секретные переговоры *о предварительном* намечании *линии* в Генуе?»

Размышляя над запиской Литвинова, видишь, как наглядно

проявились в ней те черты «го характера, которые явственно определились уже в начале его революционной деятельности. Он принципиален в оценках. Его не пугают трудности. Суждения его свидетельствуют о глубочайшем проникновении в самые хитрые и коварные замыслы врага. Он анатомирует их планы. И безгранично верит в правоту дела большевиков, в будущее Советской России. А его предложения в области финансов, изложенные в двух десятках строчек, могли бы сделать честь любому министру. Видимо, не случайно через много лет, в очень сложные для него годы, Литвинов подумывал о том, что, может быть, правительство поручит ему руководство финансами страны…

На XI съезде партии Ленин четко и с предельной откровенностью определил цели, стоящие перед советской делегацией: «Понятно, что в Геную мы идем не как коммунисты, а как купцы. Нам надо торговать, и им надо торговать. Нам хочется, чтобы мы торговали в нашу выгоду, а им хочется, чтобы было в их выгоду. Как развернется борьба, это будет зависеть, хотя и в небольшой степени, от искусства наших дипломатов…

Мы идем в Геную с практической целью – расширить торговлю и создать условия, при которых бы она наиболее широко и успешно развивалась. Но мы отнюдь не ручаемся за успех Генуэзской конференции. За это ручаться было бы смешно и нелепо. Я должен сказать, что при самой трезвой и осторожной оценке возможностей, которые Генуя сейчас представляет, все-таки, думаю, не будет преувеличенным сказать, что этой своей цели мы добьемся.

Через Геную, если достаточно сообразительны и не слишком упрямы будут наши тамошние собеседники, мимо Генуи – если им вздумается упрямиться. Но цели своей мы достигнем!»

Еще до XI съезда партии была окончательно сформирована вся советская делегация, включая и ее технический персонал. Но о поездке самого Владимира Ильича в Геную не могло быть и речи. В ЦК РКП (б) и правительство шли резолюции рабочих собраний и телеграммы со всех концов страны. Народ тревожился за жизнь Ленина, категорических возражал против его поездки.

Возникло опасение, что и Чичерин не сможет поехать в Геную. Сказалось перенапряжение последних месяцев, Георгий Васильевич серьезно заболел. 16 января Владимир Ильич разослал членам Политбюро письмо Чичерина о положении в НКИД, просил спешно запросить лучших врачей, что лучше: отложить ли отпуск Чичерину до после Генуи, или дать ему отдохнуть сейчас, вынесет ли Георгий Васильевич напряженную подготовку к конференции? Возник вопрос, кто пока возглавит

НКИД. «Надо, – писал Ленин, – возложить на кого-либо (может быть, Литвинов + Боровский + Иоффе + П. П. Горбунов?) специальную ответственность за то, что при отъезде Чичерина и всей делегации в Геную *все* дела НКидела будут сданы в *полном* порядке таким-то лицам».

На случай болезни Чичерина или его отъезда из Генуи была по предложению Владимира Ильича предусмотрена замена. Ленин предложил создать две тройки, которые должны были возглавлять советскую делегацию на конференции: Литвинов, Красин, Раковский или Литвинов, Иоффе, Боровский.

Решением Чрезвычайной сессии ВЦИК 27 января 1922 года в состав делегации были включены и представители Украины, Азербайджана, Грузии, Армении и других республик. Н. Н. Нариманов, А. А. Бекзадян и Б. Г. Мдивани представляли Закавказье, Х. Г. Раковский – Украину. Генуэзская конференция была первым международным форумом, на котором присутствовали делегаты советских национальных республик.

Дни после Чрезвычайной сессии ВЦИК до отъезда делегации были заполнены важными срочными делами. Чичерин, Литвинов, Красин, Боровский, Рудзутак занимаются разработкой и уточнением советской позиции в Генуе. Владимир Ильич, находившийся тогда под Москвой, шлет одну за другой записки на имя Чичерина и Литвинова, дает советы, указания, вносит предложения. Еще до Чрезвычайной сессии ВЦИК Ленин обращает внимание на необходимость широко освещать в печати подготовку к Генуэзской конференции, настаивает, чтобы на Чичерина и Литвинова была возложена обязанность установить контакт по этому вопросу с редакторами «Правды», «Известий» и других центральных газет, подбирать темы и авторов будущих статей; в конце января предложение Владимира Ильича было оформлено решением Политбюро, и крохотная комната Литвинова в Наркоминделе превратилась в филиал московских редакций. Именно тогда в Литвинове проявляются те качества, которые так ценили московские журналисты и редакторы, работавшие с ним. Он ни в коем случае не навязывает свои требования, разъясняет проблему и просит отразить главную мысль, выгодную Советской стране. А остальное – дело автора статьи, его таланта и опыта.

Организационные вопросы, связанные с Генуей, лежали на Литвинове. Секретарем делегации был назначен Б. Е. Штейн. Литвинов, как свидетельствовал Н. Н. Любимов, подобрал экспертов, консультантов, советников, укомплектовал технический персонал делегации. Делал все методично, продуманно, не возвращаясь к однажды принятому решению.

В те дни произошел случай, который навсегда запомнился Литвинову. Незадолго до отъезда делегации Владимир Ильич попросил его включить в состав технического персонала дочь Инессы Арманд. Девушка питалась нерегулярно, сильно похудела от систематического недоедания. Известно, как Владимир Ильич ценил Инессу Арманд, как сокрушался, когда она умерла в Нальчике от холеры. Ему хотелось сделать что-то для ее дочери. Но технический персонал делегации был уже укомплектован. Литвинов так и сказал Ленину:

– Владимир Ильич, все штаты заполнены, взять Арманд не могу.

Ленин не настаивал:

– Ну раз нет мест, то ничего и не поделаешь.

До конца своих дней Литвинов не мог себе простить, что не выполнил просьбы Владимира Ильича. Он не раз говорил об этом родным и друзьям.

Здоровье Чичерина постепенно улучшалось, и он деятельно занимался подготовкой к отъезду, составлял проекты, продумывал вместе с членами делегации различные ситуации, которые могут возникнуть в Генуе. Находился в постоянном контакте с Лениным.

Б. Е. Штейн вспоминал: «Эта работа нашей делегации проводилась примерно так: заседания устраивались три раза в неделю, и почти на каждом заседании Чичерин зачитывал целый ряд записок, указаний, отдельных разработок Владимира Ильича, который с исключительной заботливостью руководил этой работой и, как гениальный стратег, указывал линии нашего поведения и отдельные тактические приемы, которые следует принять для того, чтобы осуществить наши основные задачи.

А какие были основные задачи? Они заключались в том, чтобы пробить тот единый фронт, который создался против нас во время лондонской конференции экспертов в марте 1922 года. И Владимир Ильич ставил десятки вопросов, учитывал всевозможные положения; подобно шахматному игроку, он рассчитывал на этой большой доске не только свои ходы, но и ходы противника и продумывал, как отразить тот или иной его ход.

Так создавался золотой фонд дипломатической учебы, которая заключается в этих записках и предложениях, оставленных Владимиром Ильичей».

Оставшиеся до отъезда недели наркоминдельцы не знали ни сна ни отдыха. Задолго до Генуи была создана специальная комиссия, которая изучила и подсчитала убытки, нанесенные Советской России интервенцией вооруженных сил Антанты. В

НКИД стекались данные из всех районов страны, подвергшихся иностранному нашествию. В кабинете Литвинова стоял большой металлический шкаф, где хранились все эти данные. Непосредственно подсчетом убытков занимался эксперт делегации Н. Н. Любимов. Литвинов уступил ему свой кабинет, а сам переехал в небольшую комнату.

Мировая, а особенно европейская печать посвящала предстоящей встрече с большевиками сотни статей. Одна нелепица нагромождалась на другую, одни предположения исключали другие. Не только бульварные, но и вполне солидные буржуазные органы печати сообщали, что большевики приедут в красных рубахах, подпоясанные черными кушаками, в сапогах-гармошках и папахах. Писалось много и всякой другой чепухи.

Надо сказать, правда, что кое-кто из советских журналистов, сопровождавших делегацию, например Л. С. Сосновский, выехали в Геную в косоворотке, решив тем самым «бросить вызов капитализму». Но остальные были одеты вполне по-европейски.

Впрочем, экипировать делегацию в тех условиях было делом весьма нелегким, ведь она состояла из 63 человек, и всех надо было одеть. Шифровальщик делегации Н. Я. Клименков рассказывал: «Все мы были плохо одеты. Ехать не в чем было. С большим трудом раздобыли приличный материал, и наркоминдельский портной Журкевич работал день и ночь, чтобы одеть нас». Что касается Литвинова, го он, видимо, был экипирован не блестяще. Через много лет, осенью 1941 года, когда он прибыл в Вашингтон в качестве советского посла, американский журналист Эмери Келен писал в «Дзис уик»: «Когда я встретился с ним первый раз – это было в Генуе на конференции, – Литвинов был одет весьма плохонько. На нем был какой-то старый костюм, не очень хорошо подогнанный».

27 марта советская делегация выехала в Геную. Все разместились в двух вагонах, никакого подразделения на начальство и подчиненных не было. Технический персонал делегации питался так же, как Чичерин, Литвинов, Красин и другие руководящие товарищи.

По пути в Италию советская делегация сделала две остановки – в Риге и Берлине. В латвийскую столицу приехали также представители Польши и Эстонии. Правительства прибалтийских стран из страха перед Антантой приняли предложение Советской России о совещании, решив согласовать общую тактику в Генуе (что, впрочем, не помешало им потом следовать в фарватере французской делегации).

В Берлине советские дипломаты встретились с германскими государственными деятелями. Четыре дня продолжались

совещания и встречи. С советской стороны в них принимали участие Чичерин, Литвинов и Красин. Германия искала сближения с Советской Россией. Побежденная в мировой войне, опутанная Версальским договором, она страдала от инфляции, безработицы, разрыва экономических связей. Германия всегда нуждалась в русском сырье и других товарах, а рынок ее на протяжении многих десятилетий был ориентирован на Восток.

Еще 6 мая 1921 года в Берлине было подписано торгово-политическое соглашение между Германией и РСФСР. Дальнейшее сближение с Советской страной дало бы возможность Германии бороться за равноправие в послевоенной системе европейских государств. Канцлер Вирт понимал, как важно сближение с Москвой. Но игравший большую роль в определении германской политики министр иностранных дел Ратенау, тесно связанный с промышленными концернами (он и сам был крупным капиталистом), давно искал контакта с Западом, особенно с Францией, и опасался, что договор с большевиками окончательно оттолкнет Запад от Германии.

В те четыре дня казалось, что договор с Германией будет все-таки заключен. Когда самый текст договора был подготовлен и германские государственные деятели уже могли поставить под ним свои подписи, Ратенау вдруг заявил, что сегодня, мол, суббота, министры уехали на дачу и он не может их собрать. Он никак не предполагал тогда, что всего лишь через несколько дней положение круто изменится, будет подписан с Советской Россией исторический Рапалльский договор. Но в тот субботний апрельский день советским дипломатам пришлось уехать из Берлина с пустыми руками. Литвинов шутил: бывали и худшие времена в германской столице. Он вспомнил время, проведенное в берлинской тюрьме. В 1907 году Чичерина тоже арестовывали в Берлине. У Красина воспоминания были более радужные: после нелегального отъезда из России в Германию он стал одним из крупнейших инженеров фирмы «Сименс-Шуккерт».

Из Берлина советская делегация выехала чудесным весенним днем. Все вокруг зеленело. Поезд мчался через южную Германию, затем пересек Австрию. 6 апреля делегация прибыла в Геную и разместилась в курортном городке Санта-Маргерита. Ей был отведен один из самых роскошных отелей – «Палаццо империале». На этот раз Литвинов не гневался насчет больших представительских расходов, но взял реванш на других.

Настало 10 апреля. Б. Е. Штейн писал об этом дне: «Конференция открылась в старинном дворце эпохи итальянского Возрождения Сан-Джорджо. В зале расположились делегаты, эксперты и секретари. На хорах журналисты и частная публика,

которую пускали по билетам. В зале все гудело, и он напоминал настоящий улей. Все делегации уже были на местах. Открывается самая дальняя дверь. Первым в зал вошел Чичерин, а за ним все остальные члены советской делегации. Моментально жужжание прекратилось, наступила мертвая тишина. Слышно было только щелканье затворов фотоаппаратов, и вспыхивал магний. Все снимали советскую делегацию. И вдруг увидели, что мы одеты, как все… Постепенно улеглось всеобщее волнение, и открылась конференция».

Ход ее известен. Председателем конференции был избран премьер-министр Италии Луиджи Факта. После французского министра иностранных дел Луи Барту (тогда – одного из главных организаторов антисоветских комбинаций в Европе) выступил германский канцлер Иозеф Вирт. Французскому министру иностранных дел шумно аплодировали, Вирту – более сдержанно. Потом слово взял Чичерин. Он говорил на французском языке, затем повторил эту же речь на безукоризненном английском, чтобы Ллойд Джордж услышал ее без переводчика.

По поводу первого дня конференции посол США в Италии Чайлд сообщил в государственный департамент: «При открытии сессии Генуэзской конференции ярких выступлений не было, за исключением речи Чичерина. В этой речи со всей силой было изложено то, что Советская Россия могла предложить всему миру, и она потребовала разоружения».

Корреспондент «Юманите» Лафон в саркастических тонах описывает обстановку в первый день конференции: «Боши вошли в зал заседания, причем к ним совершенно не применяли правил о военнопленных. Вошли большевики, и именно вошли, а не вползли на коленях с веревкой на шее и с челом, посыпанным пеплом… Вирт в своей речи сохранил, конечно, вид побежденного, впервые приглашенного на международное собрание. Он был достаточно тактичен, чтобы не поверить сразу благородному заявлению Факта о том, что нет больше ни победителей, ни побежденных. Чичерин не без мягкости в речах, то благосклонный, то иронизирующий, не скрывая своего упорства, ровно ничего не пообещал и даже подчеркнул весь блеф нашей „ве-е-ли-кой политики“. Это было слишком. Барту, сгорая в своем углу от нетерпения и во что бы то ни стало желая маленького триумфа, вдруг сорвался. Так как никто не принес присяги перед входом, то он потребовал ее от каждого перед выходом. Каждый должен был, держа руку на эфесе своей сабли, а большевики, конечно, на рукоятке своего ножа, поклясться, что готов скорее умереть, чем нарушить каннские постановления – в издании господина Пуанкаре. Это было трогательное зрелище…

Увы, красноречивые провокации нашего первого делегата вызвали в ответ лишь выразительное молчание. Всеобщее смущение росло, и дело грозило кончиться скандалом, когда хозяин дома, желая приятным образом закончить проведенный день, поспешил заявить, что лучшим доказательством общего согласия является то, что все собрались сюда. И все удовлетворились этим заявлением».

Дни с 10 по 16 апреля были заполнены заседаниями, переговорами, встречами. Шаг за шагом советская делегация разбивала домыслы мировой реакционной печати и ее утверждения, что большевики приехали вести пропаганду. Чичерин не оставил от этих утверждений камня на камне. Он объяснил, что Советскую Россию и капиталистические страны разделяет взгляд на судьбы мира, а приехала советская делегация для того, чтобы установить деловые отношения с торгово-промышленными кругами всех стран, и если ее условия будут приняты, то контакт будет возможен. Сразу же стало ясно, что Советская Россия не будет платить долгов так просто, а согласится на это лишь в том случае, если долги эти будут компенсированы кредитами, которые пойдут на восстановление народного хозяйства. Чичерин потребовал признания советских контрпретензий, установления мира на границах Советской России, юридического признания Советского правительства. И наконец, Чичерин выдвинул предложение о всеобщем разоружении и мирном сосуществовании. Это предложение Чичерина прямо вытекало из письма, которое он направил в ЦК партии 10 марта 1922 года в связи с подготовкой к Генуэзской конференции. В этом письме он по поручению Ленина изложил «пацифистскую программу», с которой должен был выступать в Генуе. Для Чичерина разработка такой программы была занятием нелегким: всю жизнь он боролся против пацифизма. Чичерин выражал недовольство по этому поводу, но поручение Владимира Ильича выполнил и сделал это блестяще. Ленин испещрил доклад Чичерина пометками: «Правильно!», «Верно!», подчеркнул отдельные фразы.

Программа разоружения, обнародованная Чичериным в Генуе, вызвала широкий и полезный для Советской России отклик.

Какова же была в Генуе роль Литвинова, судьба его тезисов, представленных в Политбюро?

Программа, изложенная советской делегацией на Генуэзской конференции, дает на этот вопрос ясный и недвусмысленный ответ. Эти тезисы, содержавшаяся в них программа действий соответствовали установкам В. И. Ленина и ЦК и были взяты

советской делегацией на вооружение. Б. Е. Штейн констатирует: «Нам кажутся *бесспорными* следующие положения:

1) Реалистическая оценка двух возможных результатов Генуи (соглашение с капиталистическим лагерем или неуспех конференции) дана автором записки (М. М. Литвиновым) в ленинском духе и полностью соответствует оценке В. И. Лениным перспектив конференции в Генуе и пределов уступок советской делегации, данной в его публичной речи в марте 1922 года, произнесенной им на коммунистической фракции Союза металлистов.

2) Тактика, разработанная Г. В. Чичериным, М. М. Литвиновым, Л. Б. Красиным, Я. Э. Рудзутаком, полностью осуществлялась советской делегацией на разных этапах конференции и получила одобрение ЦК (и В. И. Ленина). Это одобрение касалось конкретных документов делегации, в которых она формулировала наши «купцовские предложения». Первым таким документом был Меморандум российской делегации на Генуэзской конференции от 20 апреля 1922 года, переданный делегациям Антанты в ответ на лондонский отчет экспертов. В этом меморандуме российская делегация отказалась обсудить условия союзников, несовместимые с достоинством и суверенитетом Советской страны, и опрокинула попытки рассматривать Советскую страну как побежденную».

Уже в конце первой недели стало ясно, что конференция не принесет успеха, но это ни в коем случае не будет означать поражения Советской России. Правда, Ллойд Джордж, наиболее дальновидный из буржуазных политиков, желавший торговать с Россией, предпринял шаги для установления контактов с советскими представителями. 14 и 15 апреля на вилле Альбертис по инициативе британского премьер-министра были устроены встречи Чичерина, Литвинова и Красина с руководящими деятелями Англии, Франции, Италии и Бельгии. Обсуждался вопрос о военных долгах и контрпретензиях советской стороны.

Н. И. Любимов, присутствовавший на этом совещании в качестве эксперта, пишет в своих воспоминаниях: «Ход совещания на вилле Альбертис я запомнил до деталей, в особенности потому, что список контрпретензий к странам Антанты за убытки 1918–1920 годов, причиненные интервентами, был составлен мною по поручению Г. В. Чичерина, полученному им непосредственно от В. И. Ленина. Оглашенную М. М. Литвиновым сумму наших контрпретензий за интервенцию и блокаду Ллойд Джордж лицемерно назвал „совершенно непостижимой“. В своем ответе Г. В. Чичерин категорически подчеркнул полную ответственность правительств Антанты за огромный ущерб,

вызванный иностранным вторжением и блокадой. На вечернем заседании 15 апреля Ллойд Джордж отказался признать советские контрпретензии, равно как и сделать какие-либо скидки по долгам и претензиям к Советскому правительству… Отбив атаку антантовских дипломатов на вилле Альбертис, советская делегация подготовила и нанесла планам Запада сильнейший и неожиданный удар».

Теперь предстояло осуществить вторую задачу, поставленную Лениным на XI съезде партии: «Через Геную, если достаточно сообразительны и не слишком упрямы будут наши тамошние собеседники, мимо Генуи – если им вздумается упрямиться. Но цели своей мы достигнем!»

Вот тогда-то близ Генуи, в Рапалло, и произошло то знаменитейшее событие, которое привело в ярость врагов Советской России, вызвало у них небывалую растерянность: советские дипломаты подписали договор с Германией. Были установлены прямые дипломатические отношения, произошел взаимный отказ от всех претензий.

События, предшествовавшие пасхальному воскресенью 16 апреля, когда все свершилось, развивались с необычайной быстротой. Убедившись в том, что Запад, и в первую очередь Франция, не соглашается на признание Советской России, продолжает настаивать на возвращении национализированных предприятий, развивает программу экономического и политического закабаления нашей страны, советская дипломатия идет на быстрое сближение с Германией. Учтено и то, что к побежденной Германии и ее дипломатам союзники относятся с пренебрежением, и то, что не только Франция, но, в сущности, и остальные западные делегации сделали все для того, чтобы поставить ее в безвыходное положение. Учтена и позиция Ллойд Джорджа, который желает противопоставления немцев Франции и сквозь пальцы посмотрит на сближение России с ее крупнейшим западным соседом. Вооруженная ленинскими мыслями и идеями, гвардия советских дипломатов – Чичерин, Литвинов, Красин, Рудзутак, Воровский – действовала с точностью и стремительностью боксера на ринге, проявляя гибкость, необходимую осмотрительность и осторожность.

Американский дипломат и историк Джордж Кеннан, бывший посол США в Москве, констатирует в своей книге «Россия и Запад»: «В течение первой недели конференции Вальтер Ратенау и Иозеф Вирт трижды просили Ллойд Джорджа о приеме. Они так и не были приняты в нарушение всех правил дипломатической вежливости. В пятницу на страстной неделе Джаннини, секретарь итальянского министра иностранных дел Шанцера,

информировал немцев, что переговоры на вилле Альбертис проходят успешно и вскоре будет достигнуто соглашение…

В субботу (15 апреля) усилились слухи о соглашении англичан и французов с русскими, немцы оставались все в том же полном неведении о ходе переговоров. Весь вечер они мрачно сидели в вестибюле своего отеля и наконец отправились спать в состоянии крайнего утомления и упадка духа».

Далее события развивались следующим образом. В ночь на 16 апреля произошел известный разговор между советской и германской делегациями. Присутствовавший при этом разговоре А. И. Эрлих пишет: «Около двух часов ночи меня попросили открыть приемную, где был телефон. Для разговора по телефону вышел А. Н. Сабанин, начальник экономико-правового отдела НКИД. Он в моем присутствии вызвал германскую делегацию и попросил к телефону Мальцана. Разговор был коротким, не более трех минут. Сабанин попросил Мальцана передать рейхсканцлеру Иозефу Вирту, что Чичерин просил бы германскую делегацию приехать в гостиницу „Палаццо империале“ в Санта-Маргерита часам к одиннадцати, с тем чтобы продолжать переговоры о советско-германском соглашении, начатые 4 апреля 1922 года в Берлине».

О том, что происходило в ту знаменательную ночь в немецкой резиденции после звонка Сабанина, имеются различные свидетельства непосредственных участников Генуэзской конференции, дипломатов, а также историков. Детали приводятся разные, но сущность одна: в холле германской резиденции собрались Вирт, Ратенау, Мальцан и остальные немецкие делегаты. Совещание было бурным. Не все члены германской делегации склонны были принять советское предложение и явиться в «Палаццо империале». Дольше других упорствовал Ратенау. Но в конце концов было решено ехать в советскую резиденцию и продолжить переговоры, начатые в Берлине.

О дальнейших событиях свидетельствует А. Н. Эрлих: «Утром 16 апреля в 11 часов к воротам гостиницы „Палаццо империале“ прибыла группа немцев в составе Ратенау, Гильфердинга, Мальцана и фон Симеона.

Немецкие дипломаты были очень измучены, лица у них были серые, глаза воспаленные, и весь их внешний облик показывал большую озабоченность и усталость. Это был наглядный результат ночного «пижамного» совещания. Они прошли на территорию гостиницы: я проводил их до салона, предназначенного для переговоров и совещаний, и известил Чичерина и остальных правительственных делегатов о прибытии немецких представителей. Переговоры продолжались не более

двух часов, после чего германская делегация уехала к себе в отель, а часть сотрудников из числа немцев осталась готовить окончательный текст договора.

Через два часа германские делегаты снова приехали в «Палаццо империале», а еще примерно через час договор был подписан, и все вышли из салона».

На следующий день, 17 апреля 1922 года, Литвинов сообщил телеграфно в Москву для информации правительства: «Наши полуприватные переговоры с Верховным советом вселили тревогу в души немцев, и Ратенау ни жив ни мертв прибежал к нам вчера и предложил, не сходя с места, подписать то самое соглашение, от которого он уклонился при нашем проезде в Берлине».

Заключение Рапалльского договора потрясло весь мир. Газеты писали, что документ, подписанный в «Палаццо империале», произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Русские, кричала западная печать, «выкинули необычайный театральный трюк», преподнесли союзникам «пасхальное яичко». Немецкая буржуазия разделилась на два лагеря: одни негодовали, другие усматривали в Рапалльском договоре путь к миру и хозяйственному восстановлению Германии. В официальных германских кругах было заявлено, что заключение русско-германского договора является фактором, благоприятным не только для обеих стран, но и в известной степени облегчает работу конференции, указывая ей верный путь к урегулированию спорных вопросов с Россией и достижению всеобщего мира.

Через много лет бывший рейхсканцлер Вирт справедливо заметил: «К великому сожалению, Германия впоследствии сошла с пути, на который мы стали в Рапалло. Это принесло немецкому народу несчастье и катастрофу. История с неумолимой логикой доказала, что дружба и сотрудничество Германии с Россией жизненно необходимы немцам».[36]

Так была одержана победа «мимо Генуи». Разбив единый фронт капиталистических государств, советская дипломатия под руководством Ленина осуществила выход Советской России на мировую арену.

Прорыв внешнеполитической блокады в 1922 году был осуществлен дипломатами ленинской школы. Под руководством Ленина, направляемые его гением на всех этапах подготовки к Генуе и во время самой конференции, советские дипломаты настойчиво шли к поставленной цели. И они ее достигли, выполнив ответственнейшее задание Коммунистической партии и Советского правительства.

Для Чичерина как главы советской делегации в Генуе и для

его заместителя Литвинова Генуэзская конференция была важнейшим этапом в их деятельности и великим экзаменом. Конференция выявила громадный дипломатический талант Чичерина. Наряду с другими нашими дипломатами выдающуюся роль в Генуе, несомненно, сыграл Литвинов.

«Основная организаторская работа советской делегации по всем вопросам политики и дипломатии была в руках М. М. Литвинова. Он давал указания экспертам подготовить соответствующие материалы. М. М. Литвинов был в Генуе участником ряда комиссий… где он активно выступал по важнейшим политическим и экономическим вопросам… Опыт революционной работы в эмигрантские годы в Англии и последующая деятельность как советского дипломата еще до Генуи придали ему авторитет не только среди членов и всего аппарата советской делегации, но и среди многих отдельных делегатов западных держав». Таково свидетельство Н. Н. Любимова.

Конечно, Литвинов оставался верен своим привычкам и принципам в большом и малом. В Генуе он ведал финансами делегации. Как и в Копенгагене, не разрешал никаких лишних расходов. Не только сотрудники, но и члены правительственной делегации ничего не могли с ним поделать. Секретарь Чичерина И. И. Левин, который исполнял обязанности кассира, выдавал лиры или другую валюту точно по указанию Литвинова. Когда на него наседали, он говорил: «Идите к Литвинову», а Литвинов отвечал: «Никаких лишних расходов». Как-то народный комиссар иностранных дел Армении А. А. Бекзадян сказал Литвинову: «Максим Максимович, не прижимайте нас. Посмотрите вокруг: солнце, море, сплошная красота… Душа жаждет хоть немного веселья. Раскошельтесь, дорогой Максим Максимович». Литвинов пробурчал: «Нет». Бекзадян пожаловался Георгию Васильевичу. Чичерин сокрушенно вздохнул: «Ничего не могу поделать. Вы же знаете, кто и какие полномочия дал Максиму Максимовичу». Через много лет Бекзадян с юмором рассказывал об этом эпизоде в кругу друзей. Делегация продолжала вести скромный образ жизни, который мало отличался от образа жизни Литвинова и его сотрудниц Милановой и Зарецкой в датской столице в 1919–1920 годах.

19 мая после заключительного заседания Генуэзской конференции большая часть советской делегации во главе с Литвиновым выехала в Москву. Настроение у всех было отличное, радостное. Хороший подарок везли дипломаты своему народу.

Для Литвинова международные переговоры не кончились. Через шесть недель в Гааге должна была открыться новая

конференция, на которой предполагалось обсудить вопросы, не решенные в Генуе.

Советское правительство понимало, что серьезной надежды договориться по экономическим вопросам нет, но Ленин счел полезным продолжить диалог с западным миром. Еще в конце апреля Владимир Ильич телеграфировал Чичерину в Геную: «Новая конференция месяца через три для нас самая выгодная вещь». Ленин имел в виду дать на этой новой конференции бой по вопросу о долгах и частной собственности, предложить концессии иностранным фирмам на выгодных для Советской России условиях.

Нелегким был тот год. Интервенция кончилась, но империалисты не расстались с намерениями организовать новый поход против Советской России. В июне члены фашистской немецкой организации «Консул» убили Вальтера Ратенау, подписавшего Рапалльский договор. В Германии начался разгул антисоветизма.

Трудным было положение и в самой России. Правда, за четыре года Советская власть доказала свою жизнеспособность и утверждающую могучую силу, которая в будущем создаст достойную жизнь для всех. Уже начала осуществляться новая экономическая политика. Впервые появились хорошие виды на урожай. Но нельзя было за такой короткий срок ликвидировать все беды, порожденные мировой и гражданской войнами, интервенцией и разрухой. Еще умирали от голода тысячи людей в Поволжье и на Урале. Еще брели по дорогам тысячи бездомных. Еще бесчинствовали банды наймитов. Но так сильна была Советская, народная власть, такую уверенность и историческую справедливость принесла она трудящимся самим своим появлением, что ничто не страшило их. Партия прямо говорила народу обо всех самых сложных и острых вопросах, веря в здравый смысл и мудрость его. Ни на минуту не утихали бои с трудностями на внутреннем фронте, и победы здесь обеспечивали условия для успеха на мировой арене.

В начале второй декады июня 1922 года в Москве был опубликован состав правительственной делегации Советской России на Гаагской конференции. Главой делегации был назначен М. М. Литвинов, членами делегации – Председатель Совнаркома Украины Х. Г. Раковский, народный комиссар внешней торговли Л. Б. Красин, полпред РСФСР в Германии Н. Н. Крестинский, заместитель народного комиссара финансов Г. Я. Сокольников, секретарем – Б. Е. Штейн.

Необходимо подчеркнуть, что Литвинов стал главой советской делегации по предложению Владимира Ильича и

решению, им же подписанному, хотя совсем незадолго до этого назначения в Генуе имел место факт, вызвавший резкое недовольство Ленина Чичериным и Литвиновым. Дело в том, что Красин, заявляя о невозможности получить заем на основе директив ЦК, предлагал пойти на серьезные уступки по вопросу о частной собственности иностранных капиталистов, конфискованной после Октябрьской революции. В Москве появилось опасение, что Чичерин и Литвинов могут пойти на уступки, не предусмотренные директивами ЦК. 2 мая Владимир Ильич написал записку в Политбюро с проектом телеграммы Чичерину: «Крайне жалеем, что и Чичерин и частью Литвинов скатились до *нелепостей* Красина». ЦК категорически потребовал выполнения директив.

Чичерин и Литвинов во время последующих переговоров полностью выполнили указания ЦК, а их деятельность, как и всей делегации, получила высокую оценку. Но факт, имевший место в Генуе, не мог быть предан забвению. Тем не менее, когда возникла необходимость назначить руководителя советской делегации на Гаагской конференции, где предстояло дать бой именно по вопросу о частной собственности, конфискованной в России, Владимир Ильич предложил, чтобы главой делегации стал Литвинов, а членом делегации – Красин.

Накануне отъезда в Гаагу Литвинов дал интервью корреспонденту «Известий». «Гаага. – сказал он, – продолжение Генуи. Гаагской конференции предстоит продолжать работу, начатую в Генуе, и с того именно места, на котором в Генуе остановились. Возвращаться к исходным пунктам генуэзских переговоров, как этого требует Франция, значило бы совершать сизифову работу, не ведущую ни к какой цели. Если в Генуе не было достигнуто окончательного соглашения, то все же можно констатировать, что по некоторым пунктам мы со своими противниками договорились, правда условно».

Литвинов прекрасно понимал, что интервью его будет под микроскопом рассматриваться партнерами по переговорам, и сразу же поставил все точки над 1. О восстановлении частной собственности не может быть и речи. Концессии Советская республика предоставит, но сделает это лишь в том случае, если они будут соответствовать ее интересам. Кредиты нужны, даже очень нужны. Но ради них в кабалу российский пролетариат не пойдет. Свое интервью Литвинов закончил следующими словами: «Во всяком случае, делегация ˆвыезжает в Гаагу с таким же твердым намерением отстаивать завоевания революции, суверенитет рабоче-крестьянского правительства и охранять интересы трудящихся масс, с каким она выезжала в Геную. Россия

и Советская власть крепнут с каждым днем. Кредиты ей, конечно, пригодились бы и помогли бы ускорить восстановление хозяйственной жизни России, но проживет она и без кредитов, если их нельзя будет получить иначе, как закабалением страны или взваливанием на нее непомерного бремени налогов».

19 июня советская делегация выехала из Москвы в Гаагу. Красин проводил в Москве совещание уполномоченных Наркомвнешторга и несколько задержался с отъездом. В Берлине к делегации присоединился Крестинский.

К Гаагской конференции деятельно готовились и по другую сторону незримого фронта. Была предпринята попытка выработать единую линию западных государств. За десять дней до начала конференции состоялось совещание представителей капиталистических стран. Они сошлись на том, что Россию надо во что бы то ни стало заставить возвратить национализированную иностранную частную собственность. Выработали и своеобразную тактику заседания. Если западные делегации заседают вместе с советской, это называется «русской комиссией». Если же заседают только западные представители, то комиссия называется «нерусской».

Уже сам состав делегаций западных стран говорил о том, что в Гаагу прибыли представители деловых кругов и они будут драться до конца за возвращение своих капиталов. Бельгию, например, представлял директор банка Катье, в руках которого в России были ранее сосредоточены огромные капиталы, Англию – бывший директор правления Русско-Азиатского банка Лесли Уркарт, владевший золотыми приисками на Лене. И хотя возглавлял английскую делегацию министр внешней торговли Ллойд Грим, главную роль в ней играл Уркарт. По такому же принципу был подобран состав и других западных делегаций. К началу конференции в Гаагу примчался полковник Вейль, который представлял интересы нефтяного концерна «Шелл».

26 июня советские дипломаты прибыли в Гаагу, и в тот же день Литвинов предпринял шаг, который завоевал советским дипломатам симпатии журналистов. Западные делегации неизменно отказывали им в какой бы то ни было информации. Литвинов же устроил большую пресс-конференцию, на которой присутствовало шестьдесят журналистов, представлявших европейские и американские газеты.

Бюро печати при советской делегации передало ь Москву телеграмму о пресс-конференции Литвинова, и 28 июня она появилась в «Правде». «Журналисты, – говорилось в ней, – с большим вниманием выслушали заявление Литвинова. Последний категорически опроверг лживые слухи… об

изменениях во внешней и внутренней политике Советского правительства и т. д. Он ясно подчеркнул, что политика Советской России в отношении Запада та же, что и в Генуе, но в отличие от Генуи российская делегация рассматривает данную конференцию как исключительно деловую и посвященную главным образом вопросам кредитов.

Ответив на многие вопросы, Литвинов поделился с журналистами информацией и о видах на урожай, и о процессе эсеров. По общим отзывам, заявления Литвинова произвели своей ясностью и отчетливостью наилучшее впечатление. Можно ожидать, что в Гааге, как и в Генуе, российская делегация явится центром внимания».

В Гааге капиталистический мир еще раз попытался достичь того, чего ему не удалось добиться в Генуе, хотя его наиболее дальновидные представители понимали, что это безнадежная затея. 29 июня собралась подкомиссия частной собственности. Председательствует Ллойд Грим, рядом с ним французские, итальянские, бельгийские дипломаты, а по другую сторону стола Литвинов, Красин, Крестинский. Начинается полемика. Английский делегат предлагает включить в повестку дня вопрос о возвращении прежним собственникам их предприятий или имущества и в нетерпении спрашивает у Литвинова, каковы будут условия, при которых лицо, владеющее фабрикой или другим каким-либо предприятием, сможет пустить его в ход. Он так и говорит: «владеющее», а не «владевшее». Однако трезвость на мгновение берет верх, и сэр Ллойд Грим заявляет: «Но было бы, очевидно, преждевременно и, пожалуй, бесполезно обсуждать условия, в которых собственники смогут возобновить свои предприятия, прежде чем будет установлен факт восстановления их во владении их предприятиями».

Литвинов даже не считает нужным отвечать Ллойд Гриму на вопрос о возвращении частной собственности. Этот вопрос ясен и так. Советский народ национализировал все заводы, фабрики, шахты. И национализировал навсегда. Вот о концессиях говорить можно. И Литвинов заявляет: «Для ясности я хотел бы указать, что главной заботой Российского правительства вовсе не является сдача некоторых предприятий в аренду частным арендаторам. Российское правительство не руководствуется соображениями о том, принадлежали ли эти предприятия частным лицам, государству или какой-нибудь организации. Оно руководствуется исключительно полезностью, интересами Российской республики». Он, Литвинов, упоминает об этом мимоходом, во избежание всякого недоразумения. Ллойд Грим делает вид, что ему не все понятно в выступлении Литвинова. Он снова и снова

высказывает надежду, что, может быть, частная собственность будет возвращена их владельцам. Он знает, что в Генуе на этот вопрос советские дипломаты дали ясный и недвусмысленный ответ, но все же…

Представитель Бельгии Катье спешит внести ясность: Литвинов, говорит он, весьма откровенно заявил, что Советское правительство не намерено восстановить право собственности. Так ли это? Да, так. Литвинов подтверждает это со всей твердостью.

Так день за днем шли заседания в комиссиях и подкомиссиях. И постепенно даже самые твердолобые начали уяснять, что возвращения национализированной советским народом собственности не будет никогда. Когда дипломаты, сидевшие по другую сторону стола, наконец поняли это, советская делегация заявила, что Советская Россия готова предоставить иностранному капиталу концессии. Этот проект еще до отъезда делегации в Гаагу рассматривался в Москве: было решено предложить капиталистической Европе взять концессии в нефтяной, угольной, железнодорожной и некоторых других отраслях промышленности. При этом Литвинов еще раз повторил, что выгода Советской России – главное условие предоставления концессии.

На вопрос, какие предприятия предполагается сдать в концессию, советская делегация вручила своим партнерам по переговорам разработанный список. Но он был составлен так, что не мог вызвать восторга у прежних владельцев. Штейн рассказывал: «Когда этот список был вручен, началась невероятная суматоха. Нам на память пришел рассказ одного греческого писателя. В рассказе описывается двор греческого царя в Пирее. При этом дворе была обезьяна, которую научили плясать. Однажды, когда обезьяна плясала, кто-то бросил ей горсть орехов. Обезьяна забыла все на свете и бросилась подбирать орехи. Она снова стала обезьяной. Вот такое зрелище и являла собой конференция, когда советская делегация представила список концессионных предприятий. Все лихорадочно бросились на этот список, выискивая в нем „свои“ предприятия. Но список выглядел весьма странно. Например, предприятия Уркарта были разделены на три разных концессионных объекта, причем все они принадлежали разным отраслям советской промышленности. Так началась свалка между будущими концессионерами».

На этом урок, преподнесенный будущим концессионерам, не кончился. Красин на одном из заседаний конференции прочитал популярную лекцию на тему о невозможности восстановления

частной собственности в Советской России. Лекция эта длилась сорок минут и произвела огромное впечатление. Красин и Литвинов пояснили, что концессии в принципе будут предоставлены, но на условиях, выгодных Советской России. Взбешенный Лесли Уркарт внес проект резолюции, в которой указывалось, что ни один капиталист не должен брать концессии в Советской России до тех пор, пока не будет возвращена частная собственность. А о кредитах и вообще не может быть речи.

Следуя указаниям Ленина, советские дипломаты проявили большую гибкость с целью получить кредиты от капиталистических стран. Если в Генуе советская делегация просила правительственные займы, то в Гааге Литвинов поставил вопрос иначе. Он предложил, чтобы промышленники капиталистических стран предоставили Советской России гарантированные своими правительствами товарные кредиты.

За действиями советских дипломатов с тревогой следило американское правительство, опасавшееся, что кто-нибудь из участников конференции может пойти на соглашение с Россией. 15 июля посол США в Гааге Сассдорф без обиняков предупредил западных участников конференции, что Соединенные Штаты не допустят какого-либо соглашения с Россией.

18 июля, когда уже окончательно выяснилось, что получение кредитов невозможно, Литвинов изложил в письме в НКИД обстановку, сложившуюся в Гааге. Он писал: «При данном составе иностранных делегаций, в особенности английской, при явном стремлении французов и бельгийцев во что бы то ни стало сорвать конференцию ожидать каких-либо результатов от Гааги было трудно. Более глубокой причиной является внезапно выдвинувшаяся во всей своей катастрофичности германская проблема, поглотившая все внимание английского правительству. Для решения этой проблемы Ллойд Джорджу требуется на время сблизиться с Францией, и, как раньше бывало в подобных случаях, первой уступкой со стороны Ллойд Джорджа является русский вопрос».

И хотя ясно, что не удастся получить кредиты, как не удастся решить и другие вопросы, рвать с западными партнерами Литвинов не спешит. Он как бы прокладывает мостик в будущее, предлагает продолжить диалог в дальнейшем. На заседании конференции 19 июля он выступает с речью, в которой подводит итоги проделанной работы. Советская Россия, говорит Литвинов, готова идти на известные уступки, если западные страны согласятся на кредиты. Но представители союзников заявили, что они кредитов не дадут. Таким образом, они сорвали базу для переговоров, созданную в Генуе.

22 июля «Правда» посвятила речи Литвинова статью, в которой писала, что «выступление тов. Литвинова сорвало маски с союзных экспертов, занятых сдиранием шкуры… Советская делегация сделала хорошо, что установила, кто против мира между Советской Россией и капиталистическими странами. Эта правда послужит делу Советской России в разоблачении хищнической политики держав, которые „собрались восстанавливать русское и мировое хозяйство“, сдирая шкуру с русского крестьянина и рабочего».

Советская Россия внимательно следила за борьбой своих дипломатов в Гааге. 23 июля Демьян Бедный опубликовал на первой полосе «Правды» басню «Антантовская лиса и советский журавль». В доходчивой форме баснописец нарисовал обстановку в Гааге:

…Литвинов, честь ему и слава,
Смышленый парень и не трус:
Вокруг него шумит облава,
А он сидит, не дует в ус…
Журавль советский осторожен,
Но прям (зачем ему хитрить?)
С лисою, правду говорить,
Не ищет дружбы он интимной.
Но при любезности *взаимной*
Все ж можно кашу с ним сварить.
Лиса ж в «гаагской» заворошке
На ложной топчется дорожке,
Валяя просто дурака:
К советской тянется окрошке,
Нам… не суля… и молока!!!

После принятия резолюции Уркарта конференция в Гааге фактически закончила свою работу. Капиталистическая Европа не пожелала предоставить кредиты. Советская Россия не признала долги, отказалась вернуть капиталистам фабрики и заводы. Казалось бы, никакого прогресса в отношениях с Западом. Но на деле Гаага, как и Генуя, была серьезной победой Советской России и ее дипломатии. Капиталистический мир понял, что частная собственность никогда не будет возвращена бывшим владельцам и есть только один путь, сулящий взаимную выгоду: мирное сосуществование с социалистической Россией. Это вынуждены были признать наиболее трезвые представители Запада. Английский еженедельник «Обсервер» писал после Гаагской конференции: «Россия и западные державы могут ждать,

но в конце концов когда-нибудь нужно же будет устранить все существующие разногласия. Упорство, с которым Запад настаивает на осуществлении отвлеченной справедливости, должно будет склониться перед более важным интересом, связанным с восстановлением отношений с Россией».

Еще до отъезда из Гааги Литвинов, Красин и Крестинский послали Совету Народных Комиссаров доклад о ходе переговоров и результатах Гаагской конференции. В этом документе делался следующий вывод: «Российская делегация констатирует, что в гаагских переговорах были две различные стадии. Первая стадия характеризуется тем, что российская делегация представляла запрашиваемые у нее информационные сведения. В этой стадии работа шла спокойно, деловым образом, без каких-либо осложнений и толчков извне. Во второй стадии, когда перешли к обсуждению взаимных конкретных предложений и требований, при обсуждении начало обнаруживаться различие интересов отдельных участников Нерусской комиссии. Тогда вдруг началось форсирование работ конференции с определенной тенденцией в сторону ее срыва. Было совершенно ясно, что некоторые участники Нерусской комиссии, наиболее возражавшие в Генуе против созыва Гаагской конференции, пытавшиеся в промежутке между Генуей и Гаагой сорвать конференцию, наиболее заинтересованные в продлении финансово-экономической блокады России и являющиеся главным препятствием к хозяйственному восстановлению Европы, стремятся возможно скорее ликвидировать конференцию, опасаясь, в случае ее продления, распада своего антирусского фронта. Это им удалось, конференция прервана преждевременно, не закончив своей работы и не выполнив стоявших перед ней задач. Но российская делегация твердо убеждена, что эти задачи в ближайшем будущем найдут свое разрешение иным, не менее, если не более удобным для Советской России путем».

Жизнь подтвердила правоту советской политики. Через полтора месяца после Гаагской конференции Уркарт, автор резолюции, призвавшей не иметь дела с большевиками, попытался получить в концессию Ленские и Кыштымские рудники. Совнарком по предложению Ленина отклонил договор с Уркартом, отметив его экономическую невыгодность для РСФСР, но предоставил концессии другим фирмам. Экономические отношения с Западом стали развиваться.

25 июля 1922 года советская делегация выехала из Гааги и в тот же день прибыла в германскую столицу. Литвинов решил сделать остановку в Берлине и провести там большую пресс-конференцию для иностранных журналистов.

Литвинов не случайно выбрал для этой цели Берлин. Еще до подписания Рапалльского договора сестра последнего российского императора Николая II Ксения Александровна учинила иск германскому правительству, требуя, чтобы ей в судебном порядке возвратили здание бывшего царского посольства в Берлине на Унтерден-Линден. Свой иск великая княгиня мотивировала, в частности, тем, что это здание Николай I еще в 1837 году приобрел у герцогини Курляндской. Имперский суд тянул с решением вопроса. Немецкие государственные деятели, заинтересованные в установлении отношений с Советской Россией, не склонны были удовлетворить иск сестры свергнутого царя. Сразу же после подписания Рапалльского договора ей в иске отказали. Немецкие монархисты и белогвардейская русская эмиграция подняли вой. И вот тогда-то Литвинов решил провести пресс-конференцию советской делегации именно в Берлине, и не где-нибудь, а в здании полпредства – на суверенной советской территории.

25 июля в здании на Унтерден-Линден, 7, собрались представители крупнейших немецких газет и журналов, иностранные корреспонденты, аккредитованные в германской столице. В знак уважения к немецкому народу Литвинов начал пресс-конференцию на немецком, затем перешел на английский, а на вопросы отвечал на том и другом языке.

Литвинов дал общую оценку Гаагской конференции. Теперь, после Гааги, сказал он, принцип коллективного соглашения уступает место принципу индивидуального соглашения. Отныне Советское правительство будет говорить с каждым правительством отдельно, так сказать, индивидуально. Другого пути нет. Литвинов не скрыл, что Россия по-прежнему нуждается в иностранных кредитах. Но если господ журналистов интересует вопрос о долгах, то пусть они сообщат мировому общественному мнению и всем правительствам, что точного срока возврата долгов определить нельзя.

Из здания полпредства в Москву была передана информация о пресс-конференции. «Известия» 27 июля 1922 года писали: «Тов. Литвинов закончил категорическим заявлением, что соглашения между Россией и Европой возможны лишь в том случае, если каждое из европейских правительств предъявит свои требования отдельно, ибо единение между державами возможно лишь на почве максимальных франко-бельгийских требований, которые Россией не будут приняты ни теперь, ни через пятьдесят лет».

Литвинов был прав. Но потребовалось не полстолетия, а куда меньше времени, чтобы крупнейшие капиталистические государства поняли, насколько безнадежны их планы

восстановления капитализма в России. Попытка навязать колониальный режим рухнула. Произошло то, что предсказал Литвинов в своей записке в Политбюро. Через полтора года после Гаагской конференции английское правительство признало Советский Союз и возобновило с ним нормальные дипломатические отношения. Через неделю этому примеру последовала Италия, а в октябре того же 1924 года Советскую страну признала и наиболее враждебно настроенная тогда к СССР держава Европы – Франция. Началась эра признания Советского государства. Гаагская конференция, как и Генуэзская, сыграла свою роль разрушителя буржуазных иллюзий.

Партия и правительство дали высокую оценку деятельности советской дипломатии в Генуе и Гааге. В августе 1922 года XII Всероссийская конференция РКП(б) одобрила линию ЦК в области внешней политики и выразила удовлетворение позицией советских дипломатов в Генуе и Гааге. 31 октября 1922 года в своей речи на IV сессии ВЦИК Ленин подчеркнул, что советская внешняя политика обеспечила себе успех перед государствами всего мира.

Вскоре после Генуэзской и Гаагской конференций были произведены кадровые перемещения в Наркоминделе. Это объяснялось необходимостью укрепления дипломатического аппарата, а Генуя и Гаага с наибольшей отчетливостью выявили способности и деловые качества руководящих советских дипломатов, их диапазон. 14 ноября 1922 года этот вопрос решался на заседании Совета Народных Комиссаров. Снова, как и в тот день, когда Литвинова утверждали заместителем наркома, на заседании председательствовал Ленин. Первый пункт повестки дня гласил: «Об утверждении т. Литвинова первым заместителем наркома иностранных дел, т. Карахана – вторым». (К этому времени Карахан вернулся из Варшавы.)

На том же заседании Литвинов получил еще одно назначение. Совнарком включил Дзержинского и его в состав Главного концессионного комитета при СНК «индивидуально», как было сказано в решении. Ведомства, которые возглавляли Дзержинский и Литвинов, уже были представлены в Главконцесскоме до них. Но Владимир Ильич счел необходимым, чтобы оба они были персонально введены в руководство этой важнейшей тогда государственной организации, подчинявшейся непосредственно Председателю Совнаркома.

Не упуская текущих дел, которые лавиной надвинулись на него, Максим Максимович начал готовиться к выполнению нового ответственного поручения. Еще до Гаагской конференции Советское правительство обратилось к ряду стран с

предложением созвать осенью 1922 года в Москве международную конференцию по разоружению. Предложение встретило положительный отклик.

Глава шестая
На подъеме

Восьмилетний период – с 1922 года, после возвращения из Гааги, до 1930 года, когда Литвинов был назначен народным комиссаром иностранных дел, – на фоне всей его предшествующей и последующей динамичной деятельности может показаться более спокойным.

На первый взгляд для такого вывода как будто есть все основания: отошли в прошлое интервенция, блокада и гражданская война, позади остались опасные задания, сложные поручения и миссии.

Но время идет вперед, и возникают новые проблемы. Советская страна залечивает раны, ликвидирует разруху, приступает к мирному строительству. И сразу же исполинская задача встает перед советскими дипломатами. В Генуе был осуществлен внешнеполитический прорыв. Теперь страну надо вывести на широкую международную арену, обеспечить ей подобающие первому социалистическому государству место и уважение. И, конечно, в первую очередь – максимально продолжительную мирную передышку, дать возможность рабочему классу, крестьянам, интеллигенции превратить свою родину в могучее государство, способное отразить любые атаки врагов социализма.

Большую работу по проведению в жизнь ленинских указаний в области внешней политики провел Г. В. Чичерин, возглавлявший в это время советское дипломатическое ведомство. И вместе с ним у руля советской дипломатии был Литвинов.

Рассматривая деятельность Литвинова в эти годы, можно очертить два довольно ясных этапа. Первый – с 1922 по 1927 год. В этот период он под руководством ЦК партии вместе с Чичериным проводит работу по созданию, перестройке и совершенствованию дипломатического аппарата. Этот аппарат блестяще оправдал себя в годы гражданской войны и интервенции. Но тогда он, если так можно выразиться, был «на колесах».

Теперь надо было смотреть далеко вперед, устраиваться поосновательней, готовиться к работе на многие годы. Надо подбирать новые кадры, совершенствовать стиль работы центрального аппарата и полпредств. Не только разрабатывать задачи, но и решать их, приучать аппарат к дипломатической

технике, дисциплине внешнеполитического ведомства.

Чичерин и Литвинов вместе с другими руководящими работниками Наркоминдела продумывали структуру отделов в соответствии с задачами внешней политики и создали после гражданской войны новую стройную систему наркоминдельского аппарата в СССР и за рубежом, систему курсов для обучения дипломатических работников.

Трудно было подобрать лучшего человека для решения этой задачи. Литвинов сочетал в себе идейную твердость революционера со знанием заграницы, владением иностранными языками и той образованностью, которая дается не только высшим образованием, а накапливается на протяжении всей жизни.

Литвинов довольно часто выезжает в советские полпредства за рубежом. Тогда их было очень мало, и круг таких поездок Литвинова весьма ограничен. Много он сделал для организации работы советского полпредства в Берлине, куда ездил осенью 1922 года.

Во время пребывания Максима Максимовича в Берлине имел место интересный факт, который еще раз показывает, как Ленин ценил хладнокровие Литвинова, его аналитический подход к возникающим проблемам.

В то время в Москве стало известно, что Уркарт, которому Советское правительство отказало в концессии, намеревается нанести своими действиями серьезный ущерб Советской России. И тогда, 10 октября 1922 года, Владимир Ильич шлет в Берлин следующую шифрованную телеграмму:

«Срочно

Шифром

Полпредство, Литвинову

Нас пугают Красин и Чичерин потерей в Англии всех наших капиталов (до пятидесяти миллионов рублей золотом) из-за недовольства Уркарта и возможности решения палаты лордов против нас. Сообщите Ваше мнение и примите все возможные меры. Ждем ответа.

Ленин».

12 октября Литвинов из Берлина послал Чичерину подробное письмо, копию которого направил в Политбюро. Максим Максимович сообщил, что, по его мнению, нет никаких оснований опасаться, что английское правительство в нынешней неблагоприятной для него внутренней и международной обстановке пойдет на открытые враждебные действия против Советской России, заявит о конфискации имущества и капиталов,

принадлежащих РСФСР. «Ввиду этого, – писал Литвинов, – я решил никаких мер не принимать для спасения имущества». Прогноз Литвинова оправдался.

Но участие в формировании аппарата Наркоминдела было лишь частью той большой работы, которой занимался Литвинов в те годы. В 1924.году начинается триумфальный выход Советского Союза на мировую арену. СССР устанавливает дипломатические отношения со всеми крупнейшими странами мира, кроме Соединенных Штатов Америки. Чичерин вместе с Литвиновым, другими советскими дипломатами ведет и направляет эти переговоры, зорко следит, чтобы СССР не был ущемлен, получил максимальную выгоду при складывающихся политических и экономических связях.

Второй этап деятельности Литвинова начинается в 1927 году, когда он неизменно представляет Советский Союз на международных конференциях в качестве главы делегации.

В 1928 году в связи с болезнью и отъездом Чичерина на длительное лечение в Германию Литвинов фактически возглавляет Народный комиссариат иностранных дел.

Такова в общих чертах характеристика деятельности Литвинова после Генуэзской и Гаагской конференций до 1930 года. Этот период открывает Международная конференция по разоружению.

Еще 12 июня 1922 года по поручению Советского правительства Литвинов предложил Эстонии, Латвии, Польше и Финляндии «делегировать своих полномочных представителей на конференцию для совместного обсуждения с представителями России вопроса о пропорциональном сокращении вооруженных сил представляемых ими стран». В ходе дипломатической переписки это предложение приняла также Литва, Румыния фактически отклонила приглашение на конференцию.

Советская Россия соответствующим образом подготовилась к конференции и знала, что сказать на ней. Сразу же после гражданской войны и интервенции численность Красной Армии была сокращена в шесть раз, и в стране осталось под ружьем 800 тысяч человек. О соответствующем сокращении вооруженных сил предстояло договориться с другими странами-участницами.

Конференция открылась утром 2 декабря в здании Наркоминдела на Кузнецком мосту. Был хмурый зимний день, и в зале заседаний зажгли свечи. За длинным столом, покрытым зеленым сукном, сидели делегации и сопровождавшие их эксперты.

Обстановка на конференции была нелегкой. Прибалтийские

страны послали в Москву своих опытнейших дипломатов отнюдь не для того, чтобы пойти навстречу пожеланиям Советской России. Польшу представлял крупнейший помещик и друг Пилсудского князь Радзивилл, Финляндию – министр иностранных дел Энкель, Эстонию – Сельяма, Латвию – Весманис, Литву – Заунюс. Все они были связаны с аграрными и промышленными кругами в своих странах.

Сразу после открытия конференции Литвинов выступил с заявлением советской делегации. «Российское правительство, – заявил Литвинов, – отдает себе ясный отчет в том, что при нынешнем социально-экономическом строе большинства стран, основанном на эксплуатации человека человеком и одних народов другими, не может быть придумано такого средства, которое полностью устраняло бы возможность вооруженных международных конфликтов. Делавшиеся и ныне делаемые великими державами попытки урегулирования международных отношений, устранив некоторые из прежде существовавших между народами несправедливостей, создали ряд новых и более вопиющих несправедливостей и новых возможных источников войны в будущем. В то же время Российское правительство вполне убеждено в том, что не только полное, но даже частичное разоружение в значительной мере уменьшило бы шансы вооруженных столкновений и к тому же дало бы непосредственные осязательные результаты в виде сокращения налоговых финансовых тягот. Этой цели и служат вносимые Российским правительством предложения. Эти предложения, по мнению Российского правительства, вполне конкретны, осуществимы и не могут быть заменены никакими разговорами о так называемом „моральном разоружении“, о котором так часто приходится слышать на международных конференциях, когда их участники желают под благовидным предлогом уйти от действительного осуществления популярного лозунга разоружения».

Литвинов изложил конкретную программу Советской России: план взаимного сокращения сухопутных вооруженных сил, основанный на уменьшении в течение ближайших полутора-двух лет наличного состава российской армии до одной четверти его нынешних размеров, то есть до 200 тысяч человек, и на соответствующем понижении численного состава сухопутных армий государств, граничащих с Россией на западе.

Это предложение Литвинов подкрепил следующими конкретными предложениями: договаривающиеся государства ограничивают свои военные бюджеты. Нейтрализуют пограничные зоны. Ликвидируют иррегулярные воинские части, в

данном случае речь шла об остатках белогвардейских армий, нашедших пристанище в прибалтийских государствах.

И. М. Майский, участвовавший в работе конференции, писал: «М. М. Литвинов говорил веско, твердо, выразительно. Речь его, несомненно, произвела сильное впечатление на участников конференции. Однако я с некоторым беспокойством заметил, что на губах князя Радзивилла играла ехидная улыбка, когда советский делегат говорил о сокращении армий на 75 процентов. Очень скоро выяснилось, что мое беспокойство оказалось небезосновательным».

Литвинов, выражаясь военным языком, упредил партнеров по переговорам и заявил, что задача конференции состоит в том, чтобы конкретно решать важную для народов проблему, а не заниматься суесловием о «моральном разоружении». Но именно в этом направлении и начали атаку партнеры. Первым это сделал эстонский делегат Сельяма, заявивший в своей речи, что «разоружение материальное должно быть предшествуемо и сопровождаемо разоружением политическим». Он действовал вполне по английской и французской инструкции. Сельяму подкрепил князь Радзивилл, а затем и остальные делегаты.

Литвинову не впервые пришлось столкнуться с подобной тактикой противников. В сущности, этот метод применял и О'Греди во время копенгагенских переговоров, а затем такие опытные и ловкие противники, с какими советские дипломаты сошлись лицом к лицу в Генуе, а затем и в Гааге. Их надо было заставить принять бой, пустив в ход конкретные предложения. Так именно и поступил Литвинов 5 декабря, когда окончательно прояснилась тактика западных дипломатов.

4 декабря польская делегация выдвинула проект, предусматривавший моральное разоружение как основу материального разоружения. Тем самым прибалтийские дипломаты намеревались отделаться разговорами, а практические мероприятия, связанные с подлинным уменьшением армий и сокращением вооружения, отложить на неопределенный срок.

Литвинов готовил свое заявление накануне вечером. У него не было времени, да и возможности согласовать его с кем бы то ни было. Владимир Ильич был занят на конгрессе Коммунистического Интернационала. Чичерин находился в Лозанне… Но Литвинова это не смущает: директивы ЦК и правительства получены, основные установки согласованы. И Литвинов не боится взять на себя ответственность. «Российское правительство считало и считает, – заявил он, – что увеличение вооруженных сил или даже сохранение их на нынешнем уровне

является выражением именно того недоверия, о котором так много здесь говорилось представителями других делегаций… По мнению Российского правительства, доверие может проявиться лишь в готовности всех заинтересованных государств сократить вооружение… Первым условием морального разоружения является разоружение материальное, потому что в первом случае, при моральном разоружении, мы ограничимся словами, ограничимся бумажками, а во втором случае мы докажем свою готовность на деле».

В закулисных интригах польский делегат призывает отвергнуть все советские предложения, сообщает партнерам, что Советская Россия «готовит нападение на лимитрофы». Литвинову становятся известны интриги князя, и он заявляет на заседании: в качестве председателя российской делегации и руководителя Народного комиссариата по иностранным делам считаю долгом от имени Советского правительства сделать категорическое заявление, что «у Российского правительства нет никаких намерений нападать на территорию своих соседей, близких или отдаленных, или разрешать какие бы то ни было споры с ними силой оружия. Это заявление будет занесено в протоколы и стенограмму настоящего заседания. Если нужна моя подпись, я могу подписать это».

5 декабря Литвинов еще раз сформулировал позицию Советской России: опасность войны находится в пропорциональной зависимости от количества штыков и винтовок, сокращение их даст неизмеримо большие гарантии от войны, чем подписание любых мирных резолюций.

Советская Россия не будет создавать никаких иллюзий и обманывать народы, сказал Литвинов.

Дискуссия продолжалась, и с каждым днем становилось все яснее, что прибалтийские дипломаты хотят завести конференцию в тупик. Наконец они заявили, что не могут сократить армии на 75 процентов. Вот на меньшее сокращение они пошли бы. Литвинов сразу же сманеврировал, заявив, что Советская Россия согласна сократить армию на 25 процентов и одновременно предлагает заключить соглашение о ненападении.

Тогда представители Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии пошли на открытый срыв конференции, огласив 11 декабря совместную декларацию, в которой признали неприемлемым взаимное разоружение на основе пропорционального сокращения вооружений, и, кроме того, представили фальсифицированные данные о численности своих армий. Литвинов сделал еще одну попытку перевести конференцию на практические рельсы, выступил с декларацией, где с цифрами в руках доказал, «что

пропорциональное сокращение вооруженных сил России и ее западных соседей, в особенности в столь скромных размерах, как это предполагалось на настоящей конференции, не только не изменило бы соотношения сил в пользу России, а, наоборот, ввиду обширности ее территории и протяженности ее восточных и юго-восточных границ, только ухудшило бы это соотношение с точки зрения России». Русская делегация пошла на ряд уступок. Но и это не помогло. Партнеры по переговорам продолжают свою линию торпедирования переговоров. Они хотят до конца потопить разоружение в многословных дебатах о «моральном разоружении». Если российская делегация должна будет считать заявление делегаций прибалтийских стран о прекращении работы комиссии военных экспертов окончательным, то она должна рассматривать действия партнеров как «отказ от принятия предложений Российского правительства о фактическом разоружении и спокойно предоставить общественному мнению народных масс всего мира, а прежде всего представленных на конференции стран, сделать из этого факта надлежащие выводы».

Теперь задача заключалась в том, чтобы приковать внимание мировой общественности к подлинным целям Советского правительства на этой конференции. Литвинов собрал пресс-конференцию советских и иностранных журналистов. Кратко подвел итоги, сказал, что Россия хочет мира и только мир даст ей возможность энергично взяться за социалистическое строительство. Конечно, конференция не приняла решений, которых от нее ждали. Но пользу она принесла. «Если в результате конференции у соседних с нами народов, – сказал Литвинов, – исчезнут навязываемые им правительствами предубеждения о нашей агрессивности, если эти народы убедятся в полном абсолютном миролюбии нашего рабоче-крестьянского правительства, посвящающего всю свою энергию на дело экономического восстановления России, то этим самым конференция оправдает свое назначение».

Западные дипломаты уехали из Москвы, гадая, выиграли они или проиграли. На этот вопрос недвусмысленно ответили многие органы мировой прессы: начиная с призыва большевиков к миру в октябре 1917 года, они прочно держат эту инициативу в своих руках.

Это было лучшее доказательство полезности Московской конференции по разоружению.

После Генуи и Гааги еще более монолитным и слаженным стал руководящий костяк Наркоминдела. Руководя Наркоминделом, Чичерин много внимания в эти годы уделяет

Востоку. Литвинов больше занимается Западом, но и Восток не выпадает из поля его зрения. Стиль работы у них по-прежнему разный. Чичерин в своей квартире в доме Наркоминдела любил работать по ночам. Когда очень устанет, садится за рояль, и мелодии Моцарта плывут куда-то вдаль, уносят его далеко-далеко. Все уже свыклись с ночными бдениями Чичерина. Он встает около одиннадцати часов, работает, успевает сделать массу дел, после обеда отдыхает, потом снова работает: быстро, энергично, умно. Иногда случались и курьезы. Вскоре после революции из Лондона в Москву приехала известный скульптор Клэр Шеридан, она намеревалась сделать портреты руководителей Советского государства. Обратилась к Чичерину, чтобы договориться о встрече. Георгий Васильевич ответил: «Приходите в четыре часа ночи. Это самое удобное время». Англичанка изумленно посмотрела на Чичерина: «Я тоже считаю это время самым удобным, но только для сна». Свидание с Чичериным не состоялось.

У Литвинова другой режим. Лишь при крайней необходимости он работает вечерами в своей квартире на Софийской набережной. После Гаагской конференции по его просьбе комендант выделил ему еще одну комнатку для работы. Теперь у Литвинова квартира из трех крохотных комнат. В одной сын и дочь, в другой Литвинов с женой. В третьей – кабинет.

Утром, точно в установленное время, он уже в Наркоминделе. Часовщик как-то не без основания сказал, что если его подведет старинный брегет, доставшийся от бабушки, то он «по Литвинову» будет устанавливать точное время. Обычно два раза в неделю заседает коллегия Наркоминдела, решаются самые серьезные вопросы. Нередко спорят. Чины здесь ни при чем. Важно обоснование мнения. Большая роль отводилась заведующим отделами. Если решался очень важный вопрос, а заведующий нужным отделом отсутствовал, то Чичерин говорил: «Подождем и послушаем, что скажет заведующий отделом».

Случалось, что на коллегии возникали принципиальные разногласия. Если принималось предложение, с которым Чичерин был не согласен, Георгий Васильевич просил своего секретаря Б. И. Короткина записать «особое мнение». И излагал его в письме в ЦК. Если был не согласен Литвинов, то он в обычной своей манере буркнет секретарю: «Запишите в протокол мое особое мнение». И затем тоже излагал его в письме в ЦК. На Политбюро принималось решение, которое и считалось окончательным. Если решение принято руководящей инстанцией партии и государства, оно выполняется с железной последовательностью. Очень часто бывало, что именно противник того или иного решения сам и

проводил его в жизнь.

Уже на этом этапе деятельности Литвинова в Наркоминделе четко определились стиль работы, взаимоотношения с сотрудниками. Его стиль – это прежде всего точность, аккуратность, предельное осмысление поставленной задачи. Этот стиль был присущ Литвинову всю жизнь.

Ю. М. Козловский, долгие годы работавший с Литвиновым, свидетельствует: «У Максима Максимовича было точное расписание работы. Он все делал вовремя. Утром разбирал шифровки, почту. В точно назначенное время принимал сотрудников и других посетителей. Вовремя завтракал, вовремя обедал. Литвинов считал, что человек, не могущий укладываться в рабочее время, – плохой организатор. Как-то, уже в более поздние годы, произошел такой случай. В приемную вошел Николай Николаевич Крестинский, первый заместитель наркома, и хотел пройти к Литвинову, но у самой двери взглянул на часы – было пять минут седьмого – и остановился: „Ах да, его уже нет“. Литвинова действительно не было в кабинете. Рабочий день кончился, ничего срочного не было, и он, как всегда, уехал».

Вот свидетельство другого ответственного сотрудника Наркоминдела – однофамильца секретаря Литвинова – Б. И. Козловского, многие годы проработавшего генеральным консулом СССР в Китае и на других руководящих дипломатических постах: «Литвинов – это образец организованности. Он никогда ни у кого не отнимал минуты, не заставлял ждать, но не разрешал и у себя „воровать“ минуты. Принимал точно в назначенное время, укладывался в него. В конце беседы извинялся, смотрел на часы: меня ждут следующие».

Много внимания Максим Максимович уделял воспитанию молодых сотрудников. Но это не было назойливое менторство и поучения. Он предпочитал, чтобы опыт и знания накапливались в непосредственной, живой работе, поощрял молодежь. Как-то Литвинов с группой сотрудников обсуждал вопрос о назначении одного молодого человека. Один из присутствовавших сказал Литвинову, что тот карьерист. Литвинов ответил: «Какой же молодой человек не хочет сделать карьеру?» И утвердил назначение.

Однако он резко отрицательно относился к людям, а особенно к дипломатам, которые стремились выдвинуться любой ценой. О таких сотрудниках в Наркоминделе тогда говорили, что они больны «полпредитом». Литвинов совершенно не терпел ябедников и доносчиков. Воспитывал их, если они поддавались воспитанию, по-своему. Однажды молодой сотрудник настрочил Литвинову большое письмо, в котором необоснованно упрекал

заведующего отделом в целом ряде «прегрешений». Литвинов собрал производственное совещание, на котором поставил вопрос о стиле и этике работы наркоминдельцев. Дал всем высказаться, а потом изложил свои замечания. После совещания Литвинов в присутствии подателя письма передал его заведующему отделом, сказав, что там имеются кое-какие полезные замечания.

Недопустимым пороком для сотрудника дипломатического аппарата Литвинов считал болтливость. Как-то выяснилось, что этим пороком страдает один ответственный работник Наркоминдела, в силу служебного положения почти всегда присутствовавший на заседаниях коллегии. Литвинов решил проучить его. На заседании коллегии сказал ему:

– Прошу вас выйти на несколько минут. Мне необходимо поговорить с товарищами по сугубо секретному делу…

Тот вышел. Вскоре Литвинов оформил перевод этого сотрудника на другую работу.

Провал интервенции отрезвил капиталистические страны, но каждый день приносил новые «сюрпризы» Советскому Союзу. Вот лишь некоторые из «мелких» проблем, которыми приходилось заниматься Литвинову в течение нескольких месяцев 1923 года.

Норвежское правительство в одностороннем порядке прекращает экономические связи Шпицбергена с Советским Союзом. Это может серьезно отразиться на северных и северо-западных областях СССР, которые снабжаются углем Шпицбергена. Литвинов ведет сложную переписку с министром иностранных дел Норвегии Мовинкелем, улаживает этот вопрос.

В Мексике обнаруживается самозванец. Некий барон Вейндхаузен-Розенберг выполняет в этой далекой стране функции российского консула и знать того не желает, что в России шесть лет назад произошла революция.

Литвинов добивается изгнания самозванца. В Мексику полпредом едет Александра Михайловна Коллонтай.

Врангель во время бегства из Крыма захватил эвакуированное туда имущество Петроградской ссудной кассы, в которой хранились не только частные, но и государственные ценности, перевез это добро в Каттаро и там ведет торговлишку, намерен продать все ценности югославскому королевскому правительству. Литвинов занимается вызволением этого добра.

В Болгарии застряли русские. Обманутые белогвардейской пропагандой, шантажом, они оказались в очень тяжелых условиях. Их надо вернуть на родину.

Литвинов находит выход. Он обращается к человеку, которого знает и уважает весь мир, Фритьофу Нансену, пишет ему

письмо: «Дело огромного гуманного значения, как репатриация русских граждан, налаженное при вашем самоотверженном содействии, погибает, и многие тысячи российских граждан, введенные в заблуждение контрреволюционными генералами, подвергавшиеся в течение ряда лет неимоверным лишениям и жаждавшие вернуться на родину и зажить новой честной жизнью, обречены теперь… на дальнейшие невзгоды и лишения на чужбине».

Французское правительство тоже задерживает репатриацию русских граждан. Наркоминдел посылает во Францию миссию Красного Креста, чтобы ускорить возвращение репатриантов. Но миссия прибывает в Берлин и дальше ехать на может – французское посольство в Берлине не дает ей визы для въезда во Францию. Литвинов ведет телеграфную переписку с министром иностранных дел Франции Пуанкаре. Тот изворачивается. Парламент, дескать, не отпустил кредитов на репатриацию, поэтому якобы и не выданы охранные грамоты русской миссии Красного Креста. Пуанкаре клянется в любви и симпатиях к русскому народу.

Литвинов отвечает, что все заверения в любви к русскому народу не стоят и ломаного гроша, а недостойная политика французского правительства вызывает «громадное разочарование среди заинтересованных, с нетерпением ожидающих прибытия российской делегации и своего возвращения на родину». Вскоре началась репатриация.

Руководство Наркоминдела ведет борьбу за возвращение судов русского морского торгового флота, захваченных во время империалистической и гражданской войн.

«Мелкие» заботы чередуются с более крупными, сложными. Весной 1923 года происходит резкое обострение англо-советских отношений. События начинаются с провокации.

Английские суда пытаются хозяйничать в северных водах России. Советские власти задерживают английское рыболовное судно «Джеймс Джонсон». Английский Форин офис нервничает. Литвинов ведет дело спокойно. Впечатление такое, что он проявляет английскую выдержку и хладнокровие, а не англичане. Английский агент в Москве Ходж-сон выходит из себя, угрожает, но факты против него. Никто не имеет права вторгаться в советские территориальные воды. «…Российское Правительство, – пишет Литвинов Ходжсону, – всю проблему о территориальных водах рассматривало и будет рассматривать, исходя из того духа миролюбия, которым оно всегда руководится в своей внешней политике».

В Лондоне продолжают обострять отношения, задето

самолюбие «владычицы морей». Английское правительство отдает приказ о посылке канонерки к мурманским берегам, угрожает применением силы. Керзон шлет «ультиматум». Лидер лейбористской партии Макдональд телеграфирует в Москву, что он и его партия взирают «с тревогой на всякую возможность разрыва, раньше чем будут использованы все способы решения вопроса путем арбитража и переговоров». Литвинов отвечает Макдональду 11 мая 1923 года: «Считаю нужным заверить Вас, что Советское Правительство, хотя не может подчиняться ультиматумам и угрозам, готово все русско-британские споры разрешить в миролюбивом духе, как это доказывает его решение освободить захваченные траулеры».

В тот же день Литвинов по поручению Советского правительства ответил на «ультиматум Керзона». Он писал, что «шаг Великобританского Правительства вызван, по-видимому, в корне неправильной оценкой состояния Советских республик под явным влиянием белой эмиграции, которая никогда еще не искажала действительности так, как теперь». И Литвинов снова предлагает уладить конфликт мирным путем «в интересах всеобщего мира, в интересах экономического восстановления разрушенной Европы, в интересах как народов Советского Союза, так и английского народа». Вскоре конфликт был улажен.

Чтобы вполне оценить хладнокровие, выдержку Литвинова, надо вспомнить, в каких условиях приходилось работать советской дипломатии.

В те дни в Лозанне убили Вацлава Вацлавовича Воровского, товарища по революционной борьбе, агента «Искры», близкого друга. 11 мая 1924 года на открытии памятника Воровскому в Москве Литвинов произнесет пламенную речь, в которой скажет о двух выстрелах: «…лорд Керзон выстрелил ультиматумом в сердце нарождающегося нового мира – Советской республики. Два дня спустя… белогвардеец Конради выстрелил в представителя Советских республик товарища Воровского.

Оба выстрела явились следствием одних и тех же причин и преследовали одну и ту же цель. Эти выстрелы были проявлением отчаяния международной буржуазии, потерпевшей позорное поражение в своей первой интервенции и блокаде Советских республик…

Выстрелы Керзона и Конради, можно сказать, являются арьергардными выстрелами. То была арьергардная стычка позорно отступившей международной буржуазии после первой интервенции…»

Международная обстановка требовала не только бдительности, но и чрезвычайной гибкости, осторожности,

умения не поддаваться на провокации. На каждый арест иностранца заграница отвечала скандалами, нотами протеста. Иногда и чекисты в пылу борьбы совершали ошибки. Однажды Литвинов вынужден был даже обратиться к Дзержинскому:

– Феликс Эдмундович, вы мешаете работать дипломатам.

– В чем дело, Максим Максимович? – спросил Дзержинский.

– Арестовываете иногда без серьезных оснований. А потом нам приходится отдуваться. Получаем ноты протеста.

Дзержинский на секунду задумался, потеребил свою бородку клинышком, походил по комнате:

– Максим Максимович, все эти господа иностранцы сидят в одной тюрьме. Вот вам пропуск, идите в тюрьму, посмотрите всех, кого мы вынуждены были арестовать. Познакомьтесь с их делами. И если вы найдете, что мы поступили неправильно, опрометчиво, освобождайте из тюрьмы.

После этого разговора с Дзержинским кое-кто из иностранцев был выпущен из тюрьмы и выслан из Советской страны.

Вечерами дома Литвинов преображался, отрешался от забот, отдыхал. Семья вела спартанский образ жизни. Зимой комнаты еле отапливались, как это делают в Англии. Каждый имел свои обязанности и поручения. Вечера, если у Литвинова не было срочных дел, проходили весело, дружно. Литвинов проявлял неистощимый юмор, устраивал представления. «Эти вечера смеха, – вспоминала Татьяна Литвинова, – были очень любимы в нашей семье. Очень часто отец любил тренировать свою память и мою с братом. Скажет слово и просит, чтобы составили новое на последнюю букву предыдущего. Страстно любил стихи, особенно Пушкина, читал наизусть, всегда с восхищением находил новые краски и оттенки в творениях поэта.

Утром часто можно было слышать, как отец ведет во время завтрака беседу с мамой. Собственно говоря, беседы эти всегда бывали односторонние. Мама говорила без умолку, а отец молчал. Но чтобы как-то участвовать в разговоре, он то подвинет тарелку, то переставит чашку, издав при этом какой-нибудь звук одобрения или отрицания, хмыкнет. Мама задавала тысячи вопросов, говорила о необходимости расширить преподавание английского языка в школах, о всякой всячине. В ответ раздавалось сакраментальное «хм» и слышался звон тарелок и чашек».

Шли месяцы, годы, заполненные большими, важными делами, размышлениями о будущем.

Литвинову уже под пятьдесят. Доволен ли он прожитыми

годами? Ему некогда задумываться о прошлом. Лишь друзья из Истпарта возвращают его к былым временам: «Максим Максимович, напишите воспоминания. Ведь это так важно для истории нашей партии. Найдите время, очень просим вас. И Лондон не забудьте, и Цюрих, „Искру“…» А Литвинову все некогда. Да и не любит он писать о себе. Лишь два-три раза удалось уговорить его написать о прошлом.

Вот разве съездить в Киев, посмотреть Лукьяновку, ту тюремную камеру, где он сидел. Или в Клинцы, побывать на пеньковой фабрике, там наверняка можно найти людей, с которыми он работал. Или в Питер махнуть на недельку, побродить по городу, посмотреть знакомые места. А может быть, в Самару или в Бежицу, ведь Крупская слала ему туда шифрованные письма. Или поехать на Кавказ, в Тифлис. Как жаль, что погиб Камо. Вот собраться бы и вспомнить прошлое!

Но работа, очень много работы. И никуда он не поехал.

Наступил 1924 год. Январь, день 21-й.

Для Литвинова смерть Ленина была большой личной драмой. Он потерял близкого человека, великого наставника и мудрого советчика, под руководством которого десятилетия работал в партии.

Вот что вспоминает А. В. Литвинова. «Максим Максимович не ложился спать, всю ночь ходил по комнате. В Лондоне он не посвящал меня в свои партийные дела, я даже не знала о его переписке с Лениным. Он тщательно скрывал свои партийные связи. Но в ту ночь он предался воспоминаниям. Это были даже не воспоминания, а штрихи к портрету Владимира Ильича, детали о встречах с ним. Вот один из таких штрихов.

…Это было в 1920 году. Не помню, почему я не пошла с мужем в Большой театр. Кажется, не очень хорошо себя чувствовала, болела. Максим Максимович пошел один. Давали «Севильского цирюльника». Литвинов уединился в боковой ложе. Он не мог знать, что в это время к нему в Наркоминдел позвонил Ленин. Как позже выяснилось, у Владимира Ильича был срочный вопрос к Литвинову. Секретарь сказал Ленину, что Максим Максимович в Большом театре, спросил, надо ли его немедленно вызвать оттуда.

– Ни в коем случае, – ответил Ленин.

Когда после второго антракта Литвинов вошел в комнатку перед ложей, он увидел там Владимира Ильича. Он точно рассчитал время и ждал Литвинова. Они переговорили о срочном деле, и Владимир Ильич уехал».

Наступила середина 20-х годов, эра признания Советского Союза. Советскую дипломатию не устраивало просто признание капиталистических стран, своей политикой она стремилась приблизить нормализацию отношений с ними. Договоры, конвенции, соглашения, и нигде не прогадать и ничего не упустить, обеспечить стране максимальную выгоду.

История переговоров с Италией позволяет особенно ярко увидеть дипломатические методы Литвинова, его тактику.

Итальянский дуче, кокетничавший в былые времена своими «социалистическими» взглядами, не раз заявлял, что Италия признает СССР. Еще 30 ноября 1923 года Муссолини сделал такое заявление в палате депутатов, но этим и ограничился. Все пытался выторговать условия повыгоднее, а потому тянул с дипломатическим признанием.

Тем временем лейбористское правительство Макдональда опередило Муссолини, признав 2 февраля 1924 года СССР де-юре.

И вот тогда-то Литвинов прибегает к своему излюбленному приему. 6 февраля он беседует с корреспондентом «Известий» и дает оценку происшедшему. Литвинов заявляет, что навязывание любых условий Советскому Союзу обречено на неудачу. Это лишь осложняет и замедляет признание. Это относится к любой стране, которая желает установления дипломатических отношений с Советским Союзом. А что касается Италии, то «г. Муссолини, явно желавший приписать себе „смелость“ первого признания, дал себя опередить Англии именно потому, что у него не хватило смелости сделать тот шаг, на который решился Макдональд, и заявить о возобновлении дипломатических отношений с Советскими республиками, независимо от окончательного исхода переговоров по тому или иному пункту торгового трактата».

Муссолини отказаться от своих намерений не мог – итальянская экономика крайне нуждалась в развитии отношений с Советским Союзом, и это в Москве было хорошо известно. Пришлось отвечать на заявление Литвинова. 7 февраля Италия признала СССР де-юре. И здесь Муссолини решил взять «реванш». Англия назначила в Москву не посла, а поверенного в делах, итальянское правительство сразу же назначило посла.

Что означал этот шаг со стороны Англии? Уловку, маневр? В любом случае надо было внести ясность. И Литвинов снова дает интервью корреспонденту «Известий». Пусть знает советская и мировая общественность, что в Москве отлично разбираются в тонкостях дипломатической практики и не дадут себя провести. «Я хотел бы рассеять одно недоумение, связанное с английской нотой о признании, – заявляет Литвинов. – Упоминание о временном назначении поверенных в делах вместо послов,

согласно полученной из Лондона информации, отнюдь не означает намерения со стороны английского правительства установить промежуточную форму представительства. Для назначения послов требуется, согласно установленным международным обычаям, предварительное одобрение кандидатур, вследствие чего пришлось временно ограничиться назначением поверенных в делах… Будущим историкам придется решать вопрос о том, кто первый нас признал – Англия или Италия… Для нас же признание со стороны Италии будет достаточно ценно даже в том случае, если оно явится на несколько дней позже».

Какая спокойная уверенность в правоте своего дела, сколько тонкой иронии в этих заявлениях.

Но Литвинов мог быть, когда того требовали обстоятельства, беспощаден и в соответствующих условиях действовал с космической скоростью, как боксер на ринге нокаутировал противника, не давая ему опомниться. Эти его качества хорошо проявились во время происшедшего инцидента в советском торгпредстве в Берлине.

Буржуазный мир все же не мог примириться с Рапалльским договором. Германию всячески подталкивали на провокации и конфликты с Советским Союзом. 3 мая 1924 года отряд берлинской полиции вторгся в здание советского торгпредства на Линденштрассе. Они якобы искали там бежавшего преступника и на этом основании учинили обыск и погром, арестовали нескольких сотрудников торгпредства. Полицейские чиновники действовали по всем правилам, которые получили всего лишь через девять лет столь широкое распространение в «третьем рейхе». Это был предлог для того, чтобы порвать отношения с Советским Союзом.

Действовать следовало немедленно, и Советское правительство поручило Наркоминделу разработать соответствующие мероприятия. Их надо было провести решительно и быстро, ибо германское правительство и его министр иностранных дел Штреземан всячески изворачивались, не давая оценку происшедшему, и не желали признать свою вину.

Наркоминдел превратился в командный пункт, откуда направлялись все указания и куда поступала необходимая информация из Берлина и других мест. Факты, отраженные в дипломатических документах, напоминают сводки с поля боя. Это и впрямь была дипломатическая битва, цель которой состояла в том, чтобы показать всем, кто пойдет по пути берлинских налетчиков, что Советский Союз не намерен безнаказанно спускать нанесенное ему оскорбление.

События разворачивались с необычайной стремительностью. СССР решил применить к Германии экономические санкции. С 5 мая была окончательно приостановлена продажа ей зерна. С этой целью всем советским пароходам запретили заходить в германские порты, а продовольственные грузы из СССР в Германию были задержаны. Транспорт яиц, шедший с Украины в Берлин, был переотправлен в Лондон. Туда же были перенаряжены все другие продовольственные транспорты.

3 мая должны были открыться отделения Резинотреста в Германии. Открытие было отменено, а советских сотрудников, прибывших в Берлин, немедленно отозвали на родину. Были закрыты отделения торгпредства в Берлине, Лейпциге и Гамбурге и отделения советских экономических организаций в Германии. К 3 мая в Берлин прибыла закупочная комиссия Госмедторга. Она получила указание никаких медикаментов не покупать, а начать переговоры о закупках в других странах. Все торговые сделки с германскими фирмами приостановили. Были аннулированы заказы одних только наиболее крупных советских хозяйственных органов на 8 миллионов 140 тысяч золотых долларов, что по тем временам было значительной суммой. Заключительным аккордом этой акции был отказ СССР участвовать в лейпцигском аукционе щетины.

В Берлине, Гамбурге, Лейпциге, Франкфурте-на-Майне и других крупных экономических центрах Германии началось нечто невообразимое, что можно было сравнить с паникой на бирже. Экстренные выпуски газет возвещали о катастрофических последствиях для германской экономики предпринятых Советским Союзом мер.

Литвинов каждый час получал сводки, анализирующие сообщения германской прессы. Читал их, издавая свое сакраментальное «хм». Заходил к Чичерину, советовался о дальнейших шагах, звонил в ЦК, сообщал о ходе акции. Когда, по его мнению, события достигли кульминации, Литвинов вызвал к себе корреспондента «Известий» и дал интервью для печати, в котором вскрыл суть событий. Он предельно лаконичен и краток в оценке фактов: «Неожиданное и бессмысленное нападение берлинской полиции на торгпредство является не только формальным нарушением экстерриториальности и оскорблением Советского правительства, но и действием, лишающим наше торгпредство необходимых условий для спокойной работы. Экстерриториальность торгпредства вытекает из советско-германского соглашения 1921 года, которое Рапалльским договором не было отменено».

В Берлине утверждают что-то невразумительное по поводу

действий полиции; что ж, он выскажет свое мнение и по этому вопросу. Кому-кому, а ему хорошо известны нравы и методы берлинской полиции. Он испытал их на себе. И Литвинов подвергает уничтожающей критике действия германских властей: «Объяснение, которое германское министерство иностранных дел пытается дать действиям полиции, несомненно, отдает веселым водевилем и вряд ли может быть принято всерьез. Так все просто и понятно. Вюртембергские полицейские сопровождают тяжкого преступника через Берлин. Опоздав к поезду и пожелав освежиться, они не могут найти возле вокзала или на близлежащих улицах подходящего пивного заведения или ресторана и наивно отдаются в распоряжение арестанта, который ведет их за несколько верст, как раз на ту улицу, где находится торгпредство, чтобы достать кружку пива. Вюртембергские полицейские никогда не видали, вероятно, пивного заведения и принимают за таковое солидное здание советского торгпредства. Не прочитав надписи на дверях, они, ничтоже сумняшеся, по приглашению арестанта в поисках кружки пива входят в незнакомый им дом, а там арестант проваливается и над самими полицейскими учиняется насилие. Вздорность и неправдоподобность подобного объяснения совершенно очевидны».

Дав оценку действиям полиции, Литвинов, что называется, берет быка за рога. Ведь всего лишь два года назад был подписан Рапалльский договор. Он был справедливо расценен как крупная победа советской внешней политики. Так, может быть, эта победа уже сведена на нет. Может быть, и договор этот был нежизненным. Ведь это и есть главный вопрос, который волнует широкие массы в Советском Союзе и Германии. На него надо ответить. И Литвинов это делает: «Общность экономических и политических интересов, которая вызвала к жизни Рапалльский договор и установленные им отношения, еще сохраняет и сохранит свою силу надолго. Я не допускаю ни на одну минуту мысли, чтобы Германское правительство сознательно стремилось к изменению существующих между Советскими республиками и Германией отношений».

Через несколько дней германский посол граф Брокдорф-Рантцау попросил приема. Был принят. Чичерин и Литвинов предъявили требования: германское правительство должно принести извинения. Виновные – наказаны. Ущерб – возмещен.

Граф откланялся, но через три дня снова явился. Литвинов повторил требования. В Берлине поняли, что Советское правительство твердо стоит на своем.

События развивались в соответствии с планами советских

дипломатов. И закончились полной победой. 29 июля 1924 года был подписан Протокол об урегулировании инцидента. Германское правительство выразило свое сожаление по поводу происшедшего. Руководитель выступления полиции отстранен от должности, все виновные наказаны. Третий пункт протокола гласил: «Германское правительство заявляет о своей готовности возместить произведенный германскими должностными лицами в здании Торгового представительства материальный ущерб, выказывая при этом предупредительное отношение».

Впервые в истории крупная держава принесла извинение Советскому Союзу. Инцидент был исчерпан. Жизненность Рапалльского договора еще раз доказана. Авторитет Советского правительства еще больше вырос в глазах трудящихся СССР. И в глазах всего мира.

Буржуазная печать отметила исключительно корректный тон советской дипломатии, ее выдержку и высокое чувство собственного достоинства.

Был ли доволен достигнутым результатом Литвинов? Максим Максимович был человеком сдержанным. Никогда не выказывал восторга, не проявлял излишней торопливости в оценке событий. Он умел ждать и заглядывать в будущее. Еще внимательнее стал присматриваться к Германии.

Тот факт, что с первых дней работы в Наркоминделе Чичерин большое внимание уделял странам Востока, породил мнение, что Литвинов Востоком не занимался. И даже позже, когда Литвинов уже был народным комиссаром иностранных дел, считалось, что к Востоку он относится «прохладнее», занимается этими проблемами Карахан, а затем Стомоняков.

Была ли действительно присуща Литвинову недооценка Востока? Есть неоспоримые доказательства, свидетельствующие о том, что Литвинов не обходил вниманием страны Востока уже в первые годы своей дипломатической деятельности и у него выработалась своя концепция. Пожалуй, достаточно ясно она была выражена в том же письме в Политбюро, в котором он в начале февраля 1922 года изложил свою позицию по поводу Генуэзской конференции. В письме есть такая фраза: «Нынешние правительства восточных стран не являются выразителями национально-освободительных стремлений, готовы продать себя, интересы своих стран, а нас и подавно. Охлаждение к нам правящих сфер не помещает, а, наоборот, поможет нам поддерживать демократическое движение, поскольку таковое имеется на Востоке».

В этих последних словах – ключ к пониманию тогдашней

точки зрения Литвинова. Разумеется, уже в то время были страны Востока – и Турция тому первый пример, – в которых правительства в определенной мере отражали национально-освободительные стремления. Но подавляющее большинство восточных стран были тогда колониями или полуколониями, находились в полной или частичной зависимости от колониальных держав. В этих странах, даже в таких крупных, как Китай, Индия, рабочий класс – главный носитель революционных тенденций – не был развит. Государства Востока справедливо видели в Советском Союзе своего защитника в борьбе против колониального гнета, что создавало основу для развития отношений с ними. И советская дипломатия, безусловно, стремилась к налаживанию этих отношений. Литвинов много занимается взаимоотношениями с Афганистаном, Китаем, Персией, Турцией, особенно активно после того, как 18 октября 1924 года II сессия ЦИК заслушала доклад Чичерина и одобрила деятельность НКИД, «направленную на упрочение мира и укрепление международного положения Союза ССР, и в частности по оформлению нормальных отношений с государствами Запада и Востока».

С. И. Аралов свидетельствует: «Чичерин был тем дипломатом, который острее и шире других развивал мысли В. И. Ленина по вопросам Востока, решал эти вопросы, посоветовавшись с Литвиновым. Максим Максимович был великолепным знатоком политических ситуаций, проникал в их сущность».

Связи со странами Востока становились шире, разностороннее. В 1928 году Москву посетил король, или, как он тогда был титулован, эмир, Афганистана 36-летний Аманулла-хан. Еще в 1919 году эмир установил дипломатические отношения с Советской Россией.

Аманулла-хан поселился в доме на Софийской набережной. Гостю отвели целый флигель, оказывали всяческое внимание. В Кремле был устроен большой прием. Известно было пристрастие афганского владыки к лошадям. В Москву привезли отличных скакунов арабских кровей, их водили показывать эмиру. В Москве тогда было наводнение, по Софийской набережной плавали на лодках. Ворота в дом Наркоминдела пришлось засмолить, и выход оттуда был на Болотную площадь, куда и водили скакунов. Эмир был большим знатоком лошадей, внимательно осматривал их, восхищался, отобрал великолепные экземпляры.

С Амануллой-ханом шли переговоры, в которых обсуждались вопросы дальнейшего развития политических и экономических связей. Литвинов принимал участие в этих переговорах. Дружественные отношения, установленные в 1919 году и

закрепленные договором с Афганистаном, подписанным от имени РСФСР Чичериным и Караханом 28 февраля 1921 года, стали еще прочнее.

Не раз Литвинов вел переговоры с дипломатами разных стран Востока.

Осенью 1926 года Георгий Васильевич Чичерин уехал на полгода лечиться за границу. Его замещал Литвинов.

После отъезда Георгия Васильевича произошли события, осложнившие международное положение Советского Союза. Особенно серьезная обстановка складывалась на Дальнем Востоке. После конфликта на КВЖД в январе 1926 года последовала целая серия провокаций, инспирированных антисоветскими силами. 6 апреля 1927 года вооруженная полиция и солдаты ворвались в здание советского полпредства в Пекине, учинили погром, арестовали некоторых сотрудников. В Шанхае советские дипломаты с пистолетами в руках оборонялись от озверевших налетчиков.

Налеты на советские представительства были организованы реакционными кругами Англии. Советник английского посольства О'Малли вел переговоры с кантонским правительством, которое требовало вывода английских войск из Китая. Переговоры провалились. Англия, ссылаясь на сфабрикованные «документы», начала злобную антисоветскую кампанию, утверждая, что виновниками срыва англо-китайских переговоров являются «советские агенты».

Нелегко было в ту горячую пору без Чичерина. Может быть, чаще обычного Литвинов поддерживал связь с Центральным Комитетом партии, вносил в правительство предложения, рекомендации. Никогда не применял в своих письмах в Совнарком такие выражения, как «НКИД настоятельно просит» или «НКИД настаивает». Писал просто: «НКИД просит», «НКИД рекомендует или предлагает». Предложения Литвинова, одобренные правительством, воплощались в конкретные дипломатические акции.

19 февраля 1927 года двадцать девять членов ЦИК обратились с запросом в Президиум ЦИК по поводу злостных нападок на Советский Союз со стороны некоторых членов английского правительства и консервативных кругов. 21 февраля Литвинов выступил на сессии ЦИК с заявлением по этому вопросу. «В Англии, – сообщает Литвинов членам ЦИК, – действительно имеет сейчас место новая вспышка антисоветской кампании, которая датируется, однако, не со вчерашнего дня. Эта кампания систематически проводилась и до восстановления

дипломатических отношений и никогда не прекращалась, то затихая, то вновь вспыхивая с большей или меньшей силой в моменты переживания Великобританией внутренних и внешних затруднений».

Литвинов называет инспираторов и организаторов новой антисоветской кампании. «Это, во-первых, русские эмигранты, монархисты, бывшие царские чиновники, засевшие в Лондоне, пользующиеся там своими старыми связями и покровительством английского чиновничества и даже некоторых членов нынешнего английского правительства, а во-вторых, немногочисленная, но располагающая большими денежными ресурсами группа так называемых кредиторов России, т. е. иностранных собственников национализированной Октябрьской революцией промышленности, и крупных спекулянтов, скупивших акции бежавших за границу бывших российских промышленников с нефтяниками во главе. Именно эти группы в первую очередь до сих пор продолжают наивно думать, несмотря на неудачный опыт интервенции, предпринятой Англией в свое время по их наущению и в их интересах, и других устрашительных мер, что они могут запугать 150-миллионное население Советского государства и продиктовать ему условия соглашения».

Литвинов говорит, что Советский Союз не скрывал и не скрывает своего искреннего сочувствия китайскому народу в его освободительной борьбе за независимость, но это не должно помешать установлению совершенно нормальных отношений с Англией. «Выполняя волю к миру… трудящихся масс Советского Союза в полном соответствии с такими же стремлениями широких народных масс Великобритании, Советское правительство будет и впредь следовать своей миролюбивой политике, исключающей всякую агрессивность в отношении других стран».

Жаркая весна выдалась в 1927 году. Китайские милитаристы, подстрекаемые Англией, продолжали провокации, обыски в квартирах, ограбление, избиение советских граждан. 12 мая с новой силой вспыхнул очаг беспокойства в Лондоне. Полицейские устроили налет на дом № 49 по улице Мургейт, где находился АРКОС – учрежденное в 1920 году англо-русское кооперативное общество, созданное для ведения торговых операций. И здесь обыск, грубейший полицейский произвол, а за этим – разрыв дипломатических отношений с Советским Союзом. 7 июня приходит печальное сообщение из Варшавы: убит советский полпред Петр Лазаревич Войков.

По всей стране прокатились митинги, на которых трудящиеся заклеймили позором убийцу и его покровителей. Необычайное

волнение царило и в самом Наркоминделе. Комсомольцы НКИД собрались на митинг, а члены бюро комсомольской ячейки решили пойти к Литвинову за советом. Пусть он, старый член партии, скажет им, что они должны делать.

Литвинова комсомольцы застали в кабинете. Он молча выслушал взволнованные вопросы, внимательно, изучая, смотрел на их возбужденные лица. Думал, что им ответить. Вчера убили Вацлава Вацлавовича Воровского, сегодня Петра Лазаревича Войкова. Кто падет завтра от руки убийцы. Комсомольцы понимали, что творится в душе старого партийца и дипломата. Ждали ответа. И он сказал им:

– Вы дипломаты и обязаны об этом всегда помнить. Но вы и комсомольцы и не имеете права это забывать… Подумайте сами.

Комсомольцы взяли красные знамена и пошли к зданию посольства буржуазной Польши. Они шли через Охотный ряд, затем по Никитской улице и пели: «Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой». У здания посольства они стояли молча, и ветер играл красными полотнищами над их головами. Все же они были дипломаты…

29 июля 1927 года собрался объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), обсудивший международное положение. В резолюции пленума указывалось, что «настоящее международное положение характеризуется, в первую голову, крайне напряженным отношением между империалистической Англией и пролетарским СССР, с одной стороны, военной интервенцией империализма в Китае – с другой. Опасность контрреволюционной войны против СССР есть самая острая проблема текущего периода. Обострение противоречий между СССР и его капиталистическим окружением является главной тенденцией настоящего периода, что, разумеется, не исключает той или другой полосы некоторого улучшения отношений на том или другом фронте борьбы».

Стремлению империалистических держав создать единый антисоветский фронт была противопоставлена миролюбивая дипломатическая деятельность Советского Союза. В Женеве должна была открыться IV сессия Подготовительной комиссии к конференции по разоружению, и СССР заявил о своем желании участвовать в ней. Руководить работой советской дипломатии в Женеве Советское правительство поручило Максиму Максимовичу Литвинову.

Подготовительная комиссия была создана в конце 1925 года, СССР был вынужден отказаться от участия в трех предыдущих сессиях комиссии, проходивших в Швейцарии, поскольку

правительство этой страны не дало оценку факту убийства Воровского. Теперь извинение принесено, и Советское правительство посылает свою делегацию. Глава делегации – Литвинов, член делегации – Луначарский.

Обстановка в Женеве необычайно сложная. Там находится штаб-квартира Лиги наций. Там плетутся сети интриг против СССР.

Накануне отъезда Литвинов пригласил корреспондентов, изложил нашу позицию: «Советская делегация явится в Женеву со своей собственной программой. Она будет считать своими союзниками в Женеве тех делегатов, которые либо присоединятся к этой программе, либо выступят с предложениями, идущими в том же направлении. Она будет считать одной из своих задач фиксирование внимания комиссии, а затем конференции на необходимости создания действительно прочных и наиболее эффективных гарантий мира и будет бороться против попыток отвлекаться в сторону третьестепенных вопросов и бесплодных резолюций или же превращать комиссию или конференцию в орудие политики того или иного государства или группы государств».

23 ноября 1927 года советская делегация выехала в Женеву. Мировая печать уделила советским дипломатам много внимания. Французская «Тан» писала, что заявление Литвинова является «изумительно смелым». Немецкая «Дойче альгемайне цайтунг» констатировала, что некоторые английские и французские газеты крайне недовольны составом советской делегации и опасаются двух вещей: неприятной для Англии и Франции принципиальной советской программы разоружения и попытки возобновления отношений между СССР и Англией. Орган немецких националистов «Крейц цайтунг» писала, что «в лице СССР на сцену в вопросе разоружения выступает новый игрок, ожидаемый всеми с большим напряжением, а противниками разоружения – с известной опаской».

Особое место в газетных публикациях отводилось лично Литвинову. Вспомнили его работу в Англии, переговоры с англичанами и союзниками в Копенгагене, миссию в Швеции, его роль в Генуе, Гааге и на Московской конференции по разоружению, гадали, какую тактику он применит в Женеве. Немецкая газета «Дер таг» писала: «Вопреки планам тех, кто созвал теперешнюю сессию комиссии, Литвинов потребует открытия общих прений по вопросу о разоружении. Ему, вероятно, удастся осуществить это требование, конечно, не без некоторых предварительных дипломатических переговоров… Едва ли можно будет избежать контакта между Литвиновым и

Чемберленом… Во всяком случае, в Женеве предстоят интересные дипломатические переговоры, если Литвинов будет иметь успех со своей тактикой, а пока не видно, каким путем можно решительно обороняться против этой тактики».

Небезопасной была поездка в Швейцарию. Так называемая «Фрейбургская группа швейцарцев» – белогвардейские эмигранты – грозила убить Литвинова и Луначарского, если они появятся в Женеве. Но все обошлось благополучно. Правда, на границе салон-вагон, в котором ехали советские дипломаты, буквально облепили полицейские агенты в штатском. Время прибытия советской делегации в Женеву держали в строгом секрете, однако к приходу поезда на перроне собралась большая толпа… с цветами. Но «сюрприз» все же был подготовлен. Пресса сообщила, что к приезду Литвинова в Женеве начала выходить антисоветская газета, редактором которой является белогвардеец Кубалов.

В первый же вечер Литвинов и Луначарский исчезли, ушли, ничего никому не сказав. Ушли порознь. Без охраны, потому что ее не было, да если бы она и была, то они ускользнули бы. Вся крохотная советская колония очень волновалась в тот вечер, ибо никто не знал, где они.

А они ушли бродить по тем местам, которые так живо напоминали им годы эмигрантской жизни. Литвинов побывал у дома, где он жил. Хотел зайти туда, но уже было поздно. И он ушел на улицу Кулувреньер, к дому № 27, где находилась типография «Искры». Дом был все такой же, не тронутый временем. Литвинов все никак не мог уйти и долго стоял там, пока чьи-то шаги не заставили его оглянуться.

Подошел Луначарский.

– Я не сомневался, что вы сюда придете, – тихо сказал Литвинов.

– И я не сомневался, что вас здесь увижу, – ответил Анатолий Васильевич.

И они еще долго стояли у старого дома. А потом пошли вдоль берега Роны по дороге, ведущей в горы. Была ночь. Вдали угадывались глетчеры Валисских Альп. Луначарский декламировал: «Горные вершины, я вас вижу вновь». Потом читал по-немецки «Фауста».

Литвинов взял его под руку:

– Пойдемте, Анатолий Васильевич…

30 ноября состоялось первое заседание сессии, первое сражение с опытнейшими противниками из лагеря буржуазной дипломатии.

Луначарский в «Правде» дал мастерскую зарисовку основных персонажей женевского форума: «Вот председатель Лоудон, голландский посланник в Париже, красивый пожилой человек с лицом англосаксонского типа, опирающийся с некоторым нетерпением на свой председательский деревянный молоток.

Вот рядом с ним характерная голова и худое лицо секретаря Мадарьяги, ни дать ни взять похожего на аскетических монахов испанского художника Сурбарана». Любопытная деталь: Мадарьяга, с которым Литвинову не раз придется скрещивать шпаги в Женеве, ученик Максима Максимовича. Когда-то в Лондоне Литвинов учил испанца русскому языку.

Но вернемся к зарисовке Луначарского: «Вот лицо совершенно иного порядка: улыбающееся „костромское“ лицо Альбера Тома. Другой француз, другой социалист приблизительно такого же колорита и калибра – Поль Бонкур, первый тенор Лиги наций, сидит за столом с лицом актера под синеватыми вьющимися густыми сединами.

Вот маленький и невзрачный Бенеш, а вот представительный Политис – хороший юрист, грек, донесший до Лиги наций утонченное плутовство афинских софистов.

Вот одна из оригинальнейших фигур совещания: довольно грузный старик, всем обликом своим… живо напоминающий джентльменов диккенсовской эпохи. Это лютый враг Советской России господин Мак-Нейль, ныне лорд Кашендэн, руководитель английской делегации».

Выступление главы советской делегации, безусловно, ожидалось с большим интересом.

Для Литвинова его первейшая задача предельно ясна: необходимо, чтобы народы узнали о советской декларации, охватывающей все вопросы, связанные с проблемой разоружения. Здесь сотни корреспондентов крупнейших газет мира, в которых будут напечатаны конкретные мирные предложения Советского Союза.

Но сразу же возникла серьезная проблема. Процедурой предусмотрено, что делегация, впервые участвующая в сессии, получает первое слово. Но Литвинову стало известно, что председатель конференции Лоудон по требованию лорда Кашендэна и его сторонников решил ни в коем случае не давать советскому дипломату слова, а с места в карьер приступить к обсуждению прошлогодней конвенции, предложенной тем же Кашендэном.

Как быть, на чью поддержку Литвинов может рассчитывать? Разве только на германского делегата. Ведь жив дух Рапалло. И Литвинов встречается с главой германской делегации графом

Бернсторфом, битый час беседует с ним с глазу на глаз и убеждает графа выступить с предложением дать первое слово представителю СССР. Граф обещал, но в последний момент изменил своему слову. Лоудон, открыв заседание, заявил, что граф Бернсторф предлагает сразу же перейти ко второму чтению старой конвенции по разоружению.

Возникла угроза, что советская декларация не будет доведена до сведения мировой общественности. Надо было действовать. Литвинов спросил у Лоудона, почему он нарушает процедуру. Как впервые присутствующий на конференции, он, Литвинов, имеет право выступить.

Лоудон повторил, что Бернсторф внес предложение начать заседание конференции с чтения конвенции. Литвинов повернулся к графу и в упор спросил у него:

– Вы это предлагали?

Растерявшийся Бернсторф ответил, что он такого предложения не вносил.

– Тогда я имею слово, – заявил Литвинов и пошел к трибуне.

Лоудон смешался, хотел что-то возразить, но вынужден был объявить, что слово имеет глава советской делегации Максим Литвинов.

Анатолий Васильевич Луначарский и вся советская делегация напряженно наблюдали за происходящим. А Литвинов уже стоял на трибуне и зачитывал советскую декларацию. Трюк Лоудона и его единомышленников не удался «благодаря энергичному выступлению Литвинова», – писала «Правда» 1 декабря 1927 года.

Десятилетия прошли с тех пор, но слова декларации поразительно актуальны и ныне, в конце XX столетия. «Правительство СССР считает, как считало и всегда, – заявил Литвинов, – что в условиях капиталистического строя нет основания рассчитывать на устранение причин, порождающих вооруженные конфликты.

Милитаризм и маринизм являются, по существу, естественным следствием капиталистической системы. Самим фактом своего собственного роста они углубляют существующие противоречия, гигантски ускоряют потенциально скрытые конфликты и неизбежно превращают их в вооруженные столкновения».

Литвинов подвергает уничтожающей критике всю многолетнюю болтовню о разоружении, которой занимается капиталистический мир. Советское правительство видит, что народы жаждут мира, и именно поэтому оно приняло предложение участвовать в работе Подготовительной комиссии. Поступая так, оно демонстрирует свою волю к миру между

народами и хочет выявить действительные стремления и истинные желания других государств по вопросу о разоружении. Литвинов заявляет притихшему залу: «Мы живем в эпоху, когда угроза возникновения новых войн уже не является теоретической. Это не только наше мнение. Такие же опасения были недавно высказаны многими авторитетными государственными деятелями капиталистических стран. Дыхание грядущей войны чувствуется всюду. Если война должна быть предотвращена, то необходимо действовать». Эти его слова обойдут весь мир.

В зале аплодисменты, растерянные возгласы. Теперь никому не удастся скрыть декларацию мира. «Правда» сообщит 2 декабря: «Речь Литвинова была выслушана с чрезвычайным вниманием… По общему мнению, допущение речи Литвинова в самом начале конференции явилось победой советской тактики».

Западные делегации оказались перед необходимостью обсуждать советскую декларацию. Как быть, что отвечать Советам? На трибуне Кашендэн. Он заявляет, что Англия уже разоружилась. На скамьях советской делегации взрыв хохота. Не могут удержаться от улыбки и другие делегации.

Кашендэн мобилизовал все силы, чтобы сорвать обсуждение декларации. В результате закулисных переговоров было решено начать дискуссию относительно срока созыва следующей сессии комиссии по безопасности. Литвинов несколько раз выступал, комментировал положения советской декларации, предложил созвать следующую сессию Подготовительной комиссии по разоружению 10 января 1928 года. И снова начинаются закулисные совещания. Лорд Кашендэн признает правомочность постановки вопроса Литвиновым и даже готов его поддержать. Но он предлагает не спешить. И снова были дискуссии… V сессию Подготовительной комиссии решили созвать 15 марта. Литвинов заявил, что при таком темпе работы нынешнее поколение никогда не дождется начала разоружения. Но он, конечно, приедет и 15 марта.

5 декабря 1927 года салон-вагон, сопровождаемый полицейскими, ушел из Женевы. Теперь пресса на все лады комментировала итоги. Японская «Джапан тайме» раздраженно писала: «Весь мир откликнется на декларацию Литвинова, которая произведет наиболее сильное впечатление в таких странах, как, например, Индия». Французские газеты меланхолично резюмировали: в Женеве не удалось отвергнуть предложения Литвинова, а лишь отсрочить их обсуждение.

А поезд мчится в Москву. Там уже заседает XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, и Литвинову предстоит выступить с докладом об итогах женевской

сессии.

Выступление Литвинова назначено на 14 декабря. В тот день на утреннем заседании обсуждался доклад председателя Совнаркома о первой пятилетке. Литвинову дали слово в конце заседания. В своем взволнованном обращении к съезду Литвинов сказал: «Товарищи, я счастлив, что свой первый информационный доклад о работе советской делегации в Подготовительной комиссии по разоружению я, благодаря удачному стечению обстоятельств, делаю перед высшим органом партии – перед ее съездом».

Литвинов подробно изложил историю вопроса о разоружении, рассказал об отношении разных стран к этому вопросу, о закулисных течениях. Сообщение, полное искрящегося юмора и сарказма, то и дело прерывалось одобрительными возгласами, взрывами смеха, аплодисментами: «Мы отлично знаем, что кое-кому желательно было бы не общее разоружение, а просто обезоружение единственного в мире Советского государства для того, чтобы взять его голыми руками. Но этот номер не пройдет. Мы заявили и заявляем, что мы готовы полностью осуществить нашу программу при согласии на это других стран. Если капиталистические государства сомневаются в нашей искренности, то у них есть средство проверить нашу искренность. Это средство есть их присоединение к нашей программе. Пусть они решатся на это. Если же они этого не сделают… то они перед всем миром, помимо своей воли, засвидетельствуют, что предложение о полном разоружении и прекращении войн может исходить лишь от Советского государства…»

До марта 1928 года Литвинов оставался в Москве. Он все еще жил на Софийской набережной. У Красных ворот в Хоромном тупике уже строили дом для сотрудников Наркоминдела, и Литвинов туда намеревался переехать. Дом на Софийской предполагалось передать одному из иностранных посольств.

Максим Максимович с нетерпением ждал этого переезда. Дети подрастали, пошли в школу. На Софийской набережной было не очень удобно жить, то и дело там устраивали дипломатические приемы, это мешало нормальной жизни. Непрерывные приезды и отъезды иностранных и советских дипломатов и вся атмосфера гостиницы отвлекали детей от занятий.

Как-то во время приема высокопоставленного иностранного государственного деятеля из-под стола вылез сын Литвинова и сказал изумленным дипломатам:

– Не бойтесь, это я, Миша.

Оказалось, что десятилетний Миша вместе со своим приятелем-одноклассником до начала приема спрятались под столом, замаскировались скатертью и просидели там несколько часов, потом мальчики решили «удивить публику».

– А ты уроки сделал? – задал Литвинов сыну свой излюбленный вопрос.

– Да, – ответил Миша.

– Тогда иди спать.

Дипломатический прием продолжался…

Вечера Литвинов, как обычно, проводил с семьей. Часто ходил в кинотеатры, на концерты, посещал выставки. В эти годы Литвинов сдружился с актерами Московского Художественного театра. Театр старался создать новый репертуар, искал пьесы, отражающие жизнь Советской России. Иногда после спектакля Немирович-Данченко спрашивал у Литвинова, что он думает о пьесе. Литвинов отмалчивался или отвечал, что ему лично нравится спектакль, – боялся, что его мнение могут навязать другим. Зима 1928 года прошла быстро, заполненная множеством забот. Начало индустриализации вызвало дополнительные хлопоты. Из-за границы приехало много специалистов. Они работали на стройках, помогали реконструировать заводы и фабрики. В Москву зачастили иностранные туристы. Наркоминдел предложил создать в СССР организацию по торговле с иностранцами – Торгсин. Предложение это было принято правительством. В 1929 году появились специальные магазины. Таким образом был получен новый источник валюты.

V сессия Подготовительной комиссии по разоружению должна была открыться 15 марта. Предполагалось, что на этот раз советская делегация задержится дольше, чем в декабре 1927 года, Литвинов и Луначарский взяли с собой на этот раз более значительную группу экспертов. Дипломатическим советником делегации был назначен Б. Е. Штейн, прекрасно зарекомендовавший себя в Генуе и Гааге, а военным советником – А. А. Ланговой, в прошлом офицер царской армии, человек больших знаний и культуры. Юрисконсультом делегации числился В. В. Егорьев, один из опытнейших работников Наркоминдела. Включен был в делегацию и однофамилец юрисконсульта В. Е. Егорьев, эксперт по военно-морским делам. Технический персонал делегации был очень небольшой: две стенографистки, машинистка, секретарь и шифровальщик. Вместе с делегацией в Женеву выехал корреспондент ТАСС К. А. Уманский. Литвинов ценил его не только за журналистские, но и дипломатические способности. Вскоре Уманский был назначен

заведующим отделом печати Наркоминдела.

Как обычно, делегация поселилась в скромной гостинице, но каждый член делегации и технические сотрудники имели по комнатке. Питались все вместе в общей столовой. Меню для всех – от Литвинова до технического секретаря – было одинаковым.

Обстановка в Швейцарии по-прежнему была малоблагоприятной, ожидались провокации. Литвинов вышел из положения так же, как в свое время в Копенгагене, – договорился с швейцарскими друзьями. Они круглые сутки несли «караульную службу» на этаже, где жила советская делегация, раздобыли для нее автомобиль.

В свободное от заседаний время, иногда вечерами, если Литвинов не занимался подготовкой к очередному выступлению, в его комнате собиралась вся крошечная советская колония. Вот когда начиналось веселье, открывались настоящие диспуты. Больше всего спорили на литературные темы. В середине 20-х годов в Советском Союзе вышли в свет первые крупные литературные произведения: «Цемент» Гладкова, «Чапаев» и «Мятеж» Фурманова, «Лесозавод» Караваевой, появились произведения Булгакова. Все это вызывало пристальный интерес.

В субботу, когда наступал традиционный уик-энд, советская колония выезжала на пикник. Швейцарские друзья неизменно сопровождали русских дипломатов. Возвращались обычно вечером в воскресенье и устраивали литературные вечера в крохотной гостиной.

Еще до отъезда советской делегации в Женеву Литвинов по поручению Советского правительства направил генеральному секретарю Лиги наций «Проект конвенции о немедленном, полном и всеобщем разоружении», полностью основанный на тех принципиальных положениях, которые были выдвинуты советской делегацией на предыдущей сессии Подготовительной комиссии в ноябре 1927 года.

19 марта Литвинов выступил с первой речью по поводу советского проекта. За прошедшие месяцы советская делегация получила сотни писем из всех стран мира, поддерживающих идею разоружения. Он сообщил, что только одно полученное уже в Женеве обращение подписали 124 международные организации, поддерживающие советский проект. Теперь пора перейти от слов к делу. Лига наций уже провела за время своего существования 120 сессий, посвященных разоружению, предложила на обсуждение 111 резолюций, а воз и ныне там. Если болтовня будет продолжаться, то сама идея разоружения будет дискредитирована. «Не для такого рода работы, – заявил Литвинов, – Советское правительство послало свою делегацию в

Женеву. Поглощенное колоссальной задачей построения на совершенно новых началах огромного государства… оно не стало бы отвлекаться в сторону от этой работы, если бы не относилось самым серьезным, деловым и искренним образом к проблеме мира, осуществление которого является краеугольным камнем всей его политики».

Литвинов прекрасно понимал, что он не может надеяться на поддержку какой-либо делегации. Глава английской делегации лорд Кашендэн чувствует себя полным хозяином в Женеве и не даст пройти советскому проекту. Делегат буржуазной Польши немедленно выступит с нападками на него, и это же самое сделают итальянец и делегат США, да и другие не отстанут.

И Литвинов не ошибся: на сессии разгорелась баталия по поводу советского проекта. Атаку возглавил лорд Кашендэн, сгруппировавший вокруг себя все антисоветские силы на сессии. Он выступил с критикой советского проекта, стараясь выполнить полученную из Лондона директиву. Луначарский писал: «Пот под конец градом катил с массивного лба и увесистых щек сановника, так что один товарищ из советской делегации не без благородства сказал: „Не все же заставлять пролетариев лить пот, вот и пролетарии заставили попотеть лорда“.

Кашендэну надо было отвечать. И снова свидетельство Луначарского: «Первый делегат Советов т. Литвинов сочинял свою ответную речь, переводил ее на английский язык, проверял текст французского перевода, наши эксперты наводили справки, чтобы ни одно, даже второстепенное, замечание лорда Кашендэна, главного оратора противников, не осталось без ответа. Весь технический персонал, не покладая рук, приготовлял копию речи на обоих языках для своевременной раздачи делегатам и журналистам.

Веселая работа при всей своей напряженности, веселые ночи, полные до зари кипучей дружной работой… По мере того, как т. Литвинов читал сотрудникам новые и новые страницы своего ответа, по мере того, как строились бастионы советских доводов, росло веселое настроение делегации и всех ее работников.

И эффект оказался полностью отвечающим ожиданиям.

Когда после незначительных ораторов и их незначительных и почтительных заявлений, что они вполне согласны, конечно, с британским делегатом, слово получил наконец т. Литвинов, по залу пронесся шум, волнение и ожидание, и он сейчас же замер…

Слушал весь зал: президиум делегации, персонал комиссии, журналисты и гости…

Во многих местах враждебная аудитория не могла удержаться то от смеха, то от движения удивления. Интерес рос все больше.

Любопытно было следить за тем, против кого направлялись главным образом меткие стрелы речи: лорд с лицом, принявшим какое-то детское выражение, слегка открыл рот и не отрываясь смотрел на Литвинова, время от времени загораясь ярким румянцем.

После окончания речи Литвинова поднялся такой шум, что в течение многих минут переводчик не мог приступить к французскому переводу. Советская делегация наслушалась многих поздравлений, иногда самых неожиданных людей».

Утром Литвинов получил из Москвы шифрованную телеграмму. Она была очень лаконичной: «Инстанция считает, что Ваша речь была образцовой». Телеграмма была направлена по решению Политбюро.

В конце марта сессия Подготовительной комиссии закрылась. Литвинов выехал в Москву. 21 апреля он выступил на III сессии ЦИК СССР с докладом о деятельности советской делегации в Женеве.

Это был большой отчет. Не упомянул он только о своих пикировках с лордом Кашендэном и его единомышленниками. Рассказал о расстановке сил в мире, о бесплодной работе Лиги наций и ее органов, которые стали ширмой для новой гонки вооружений. И, может быть, на этой сессии ЦИК он впервые с такой ясностью сказал, что идет подготовка к новой войне, призвал к усилению обороноспособности СССР. Этот призыв особенно набатно прозвучал в заключительной части доклада Литвинова.

«…Мы должны отметить во всем мире усиление за последнее время тех самых дипломатических и милитаристских тенденций, которые привели в 1914 году к мировой войне. То, что произошло на V сессии Подготовительной комиссии, является не чем иным, как торжеством того самого милитаризма, который предшествовал этой войне и сопутствовал ей. Под прикрытием пацифистской фразеологии о гарантиях безопасности, о пактах о ненападении опять совершаются такого же рода политические комбинации, какие являлись плодом упражнений довоенной дипломатии…

Мирной политики Советского правительства такого рода средства борьбы изменить не могут. Пока другие государства занимают столь непримиримую позицию в вопросе о разоружении, мы, конечно… будем зорко следить за всеми движениями наших многочисленных врагов. В то же время мы заявляем, как заявляли и раньше, что основной целью советской политики, советской дипломатии является стремление

обеспечить мирные условия для нашей созидательной внутренней работы, не задевая национальных интересов никаких других государств… Пусть Лига наций считает полное разоружение недостижимым идеалом или таким, к которому человечество должно стремиться черепашьим шагом в течение столетий или тысячелетий… но Советское правительство будет по-прежнему стремиться к включению этого идеала в порядок наших дней, в порядок текущей политики и к скорейшему осуществлению этого идеала, так же как оно стремится осуществить и осуществляет другие идеалы трудящихся всего мира».

Сессия ЦИК постановила: «Заслушав отчет председателя советской делегации на Подготовительной комиссии к конференции по разоружению М. М. Литвинова, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР выражает одобрение действиям советской делегации».

В мае 1928 года исполнилось десять лет деятельности Чичерина на посту народного комиссара по иностранным делам. В этот день «Правда» отмечала, что его работа является «неотъемлемой частью истории борьбы нашего Советского Союза с империалистическим окружением».

В сентябре здоровье Георгия Васильевича резко ухудшилось, и ему пришлось подчиниться требованиям врачей и уехать на лечение в Германию. Никто тогда не мог себе представить, что фактически Г. В. Чичерин уже навсегда отойдет от дипломатической деятельности.

Литвинова назначили исполняющим обязанности народного комиссара по иностранным делам.

Еще до отъезда Георгия Васильевича Литвинов по поручению ЦК партии и правительства начал осуществлять важную дипломатическую акцию – присоединение Советского Союза к пакту Бриана – Келлога (по именам его инициаторов – министра иностранных дел Франции и госсекретаря США).

Это была сложная задача. Пакт Бриана – Келлога, или многосторонний договор об отказе от войны как орудия национальной политики, оказался в центре дипломатической деятельности западных держав еще с конца 1927 года. Но они не пригласили Советский Союз присоединиться к пакту. Оценку этим замыслам дал Чичерин 5 августа 1928 года в своем интервью представителям печати. «Устранение Советского правительства из числа участников этих переговоров, – заявил тогда Георгий Васильевич, – наводит нас прежде всего на мысль, что в действительные цели инициаторов этого пакта, очевидно, входило и входит стремление сделать из него орудие изоляции и

борьбы против СССР».

Советская дипломатия внимательно присматривалась к закулисным переговорам. Однако к осени 1928 года произошли важные события. В Германии, Франции и США многие органы печати выступили за приглашение СССР к пакту. Чичерин дал понять, что если со стороны западных держав последует приглашение, то СССР рассмотрит его. Понимая, что без СССР ни один международный договор не может быть прочным и авторитетным, Франция 27 августа официально пригласила Советский Союз присоединиться к пакту Бриана – Келлога.

Можно было ответить формальным согласием и присоединиться к договору. Советская дипломатия сумела превратить присоединение к пакту в событие мирового значения и еще раз доказать общественному мнению, что СССР готов действенно решать любую проблему, если это способствует укреплению мира.

Уже через три дня после получения французской ноты Литвинов изложил мнение Советского правительства о пакте. Конечно, он далек от совершенства. Его формулировки о запрещении войны недостаточно ясны и допускают различные толкования. В пакте отсутствует обязательство стран о разоружении. «Тем не менее, поскольку Парижский пакт объективно накладывает известные обязательства на державы перед общественным мнением и дает Советскому Правительству новую возможность поставить перед всеми участниками пакта важнейший для дела мира вопрос – вопрос о разоружении, разрешение которого является единственной гарантией предотвращения войны, Советское Правительство изъявляет свое согласие на подписание Парижского пакта».

6 сентября Литвинов вручил французскому послу подписанную им декларацию о присоединении СССР к пакту Бриана – Келлога. Но это было лишь начало дипломатической акции. Дело в том, что вступление пакта в силу было обусловлено, согласно статье 3, сдачей на хранение всех ратификационных грамот. К концу 1928 года выяснилось, что ни одно из государств-участников пакт не ратифицировало. Таким образом, возникла опасность, что договор вообще превратится в документ, ни для кого не обязательный. И вот тогда-то Литвинов от имени Советского правительства предложил Польше, Прибалтийским странам и Румынии ускорить введение в действие пакта Бриана – Келлога. В результате дипломатических переговоров между Литвиновым и министрами иностранных дел этих государств 9 февраля 1929 года на свет появился знаменитый Московский протокол, или протокол Литвинова, как

его стали называть, о ратификации пакта Бриана – Келлога. А затем к нему присоединились Турция, Персия и Литва. Это был серьезный успех советской дипломатии.

После успешного подписания Московского протокола Наркоминдел занялся восстановлением дипломатических отношений с Англией.

В Лондоне все больше убеждались в том, что разрыв отношений с Советским Союзом приносит Англии большой ущерб. Влиятельная группа английских консерваторов – представителей делового мира предложила послать в Москву делегацию промышленников. 2 марта 1929 года московский корреспондент телеграфного агентства «Ассошиэйтед пресс» обратился к Литвинову с просьбой дать интервью по этому вопросу. Литвинов ответил, что Советское правительство не откажется обсудить с английскими промышленниками вопрос о наиболее целесообразных средствах оживления торговых отношений между двумя странами. Делегация прибыла в начале апреля и провела в Советском Союзе двадцать дней. С ней были обсуждены важные вопросы торгового обмена.

Во второй декаде апреля Литвинов выехал в Женеву на VI сессию комиссии по разоружению, где оставался до середины мая.

Начало переговоров с Англией о нормализации отношений было положено, и теперь надо было выждать, пока события приведут к своему логическому завершению. До начала мая 1929 года в Женеве длилась дискуссия. Комиссия отвергла принцип одинакового сокращения всех видов вооружений и перешла ко второму чтению своего собственного проекта конвенции от 1927 года. На этой сессии Литвинов произнес 22 речи. Он выступал иногда по два-три раза в день, призывая сократить все виды вооружения, добиваться их количественного и качественного уменьшения.

Лорд Кашендэн вызвал из Лондона дополнительный штат экспертов и советников, которые помогали ему готовить ответы советской делегации.

На VI сессии выступил представитель США Гибсон, который демагогическими выступлениями в поддержку принципа разоружения пытался прикрыть стремление воспрепятствовать принятию конкретных предложений советской делегации. В конце концов заседание VI сессии Подготовительной комиссии было перенесено на следующий год, и Литвинов возвратился в Москву.

Неспокойно было в мире. На Дальнем Востоке начались новые провокации на КВЖД. Последовал разрыв дипломатических отношений между СССР и Китаем. Длительные

переговоры с китайскими властями, осуществляемые через посредников, и добрая воля Советского правительства, проявленная во время конфликта, не остановили китайских милитаристов. Провокации продолжались.

26 ноября 1929 года Литвинов телеграфировал председателю мукденского правительства, что СССР требует официального согласия китайской стороны на восстановление положения на КВЖД, существовавшего до конфликта, на основе пекинского и мукденского договоров 1924 года. Китайской стороной условия были приняты, и временно положение на Дальнем Востоке стабилизировалось. 22 декабря был подписан Хабаровский протокол об урегулировании конфликта на КВЖД.

В декабре Наркоминдел завершил переговоры с Англией, дипломатические отношения были восстановлены.

Однако новый год принес новые заботы. Подстрекаемая внешними силами, разорвала дипломатические отношения с Советским Союзом Мексика. Неспокойно было вдоль границы с Финляндией, то и дело возникали новые провокации на Дальнем Востоке. В Варшаве белогвардейцы пытались взорвать здание советского полпредства. Уже шел тринадцатый год Советской власти, а все никак не мог успокоиться капиталистический мир.

В январе возвратился из Германии Чичерин. Длительное лечение и отдых немного восстановили силы Георгия Васильевича, но он по-прежнему чувствовал себя неважно, и это очень удручало его, привыкшего всего себя отдавать делу. 21 июля 1930 года ЦИК СССР удовлетворил просьбу Георгия Васильевича Чичерина об освобождении его от обязанностей народного комиссара по иностранным делам.

С политической арены сошел блестящий дипломат и государственный деятель, сыгравший выдающуюся роль в истории Советского государства.

Вскоре решился вопрос о назначении нового наркома. В середине июля – это было днем – Литвинов проводил заседание коллегии Наркоминдела. Присутствовали Крестинский, Карахан, Стомоняков и некоторые другие ведущие дипломаты. В разгар заседания Литвинова вызвали в Кремль. Он уехал, сказал, что скоро вернется. Часа через полтора Литвинов возвратился. Сообщил членам коллегии:

– Ну вот, меня вызывали на заседание Политбюро. Там состоялось решение о назначении наркома.

– Кого назначили? – спросил Стомоняков.

– Меня назначили, – ответил Литвинов.

Члены коллегии поздравили Максима Максимовича. Потом все вместе сфотографировались.

22 июля газеты опубликовали постановление Президиума ЦИК СССР о назначении М. М. Литвинова народным комиссаром по иностранным делам. Была утверждена коллегия НКИД, в составе первого замнаркома Н. Н. Кре-стинского, второго заместителя Л. М. Карахана и члена коллегии Б. С. Стомонякова.

Литвинова поздравляли друзья и товарищи по партии, дипломаты, соотечественники. Особенно много было писем и телеграмм от рабочих и деятелей искусства. Артист МХАТа В. В. Лужский писал Литвинову в те дни: «Многоуважаемый Максим Максимович! Разрешите мне небольшими строками от души поздравить Вас с назначением на важный и ответственный пост народного комиссара по иностранным делам! Я приветствую Вас как одного из любимых артистов – мастеров своего дела, я приветствую Вас и как одного из внимательнейших и отзывчивых людей, занимающих ответственные посты в нашем Союзе. Мои искренние пожелания Вам самых больших и плодотворных успехов».

В этот же день Литвинов провел свою первую пресс-конференцию с представителями иностранной печати. Незадолго до назначения наркомом Литвиновы переехали из Хоромного тупика в особняк Наркоминдела на Спиридоновке, в три небольшие комнаты над гаражом.

Был теплый июльский день. Иностранные корреспонденты разместились в саду на траве, кое-кто устроился на крыльце. Литвинов сел здесь же, на крыльце, спросил, какие к нему есть вопросы. Много было американских и английских журналистов, и беседу Литвинов вел по-английски.

– Вы довольны своим назначением, господин Литвинов? – был задан первый вопрос.

– Доволен, очень доволен, – усмехнулся Максим Максимович, – хотя дело нелегкое. Хочу подчеркнуть, что богатейший опыт моего выдающегося предшественника Георгия Васильевича Чичерина – блестящего дипломата и государственного деятеля – будет служить для меня постоянным примером.

– Господин Литвинов, не приведет ли новое назначение к изменению советской внешней политики? – обеспокоенно спросил корреспондент.

– Постановление ЦИК Союза ССР о назначении меня народным комиссаром не может ни в какой мере означать каких-либо изменений во внешней политике Союза. Не только потому, что я и раньше в течение десяти лет работал в Комиссариате по иностранным делам в тесном сотрудничестве с Чичериным,

совместно с ним активно участвовал в разработке и проведении в жизнь внешнеполитических проблем, но прежде всего потому, что смена руководителей ведомств в Советском государстве не может иметь такого значения, как в капиталистических странах. В этих странах смена членов правительства, и в частности руководителей внешней политики, является в большинстве случаев результатом борьбы политических партий и представляемых ими классовых интересов, а иногда приспособлением к изменившейся внешнеполитической конъюнктуре и даже к внешним влияниям. В стране же диктатуры пролетариата, где рабочие и крестьяне полностью и нераздельно осуществляют свою власть, внешняя политика целиком определяется волей рабоче-крестьянских масс, находящей свое выражение в решениях Советского правительства.

– Как вы рассматриваете дальнейшие отношения с западными странами?

– Советский Союз будет стремиться торговать и жить в мире со всеми странами. В общем, мы будем продолжать нашу старую, испытанную внешнюю политику в сознании ее правильности, ее соответствия интересам всех народов, а также в сознании растущего могущества Советского Союза.

За неделю до назначения народным комиссаром по иностранным делам Литвинову исполнилось 54 года. Он был в расцвете сил. Ему предстояло еще многое свершить. И многое испытать.

Глава седьмая
Новые задачи

Литвинов был, несомненно, прав, когда сказал иностранным журналистам, что его назначение ничего не меняет во внешней политике страны. Но менялась международная обстановка.

На XVI съезде ВКП(б) в Политическом отчете ЦК был дан анализ положения в мире. Съезд отметил, что оно «характеризуется дальнейшим и усиленным расшатыванием частичной стабилизации капитализма, обострением всех противоречий империалистической системы, ростом опасности новых империалистических войн…».

Никто тогда, конечно, не мог точно предсказать, что через девять лет начнется вторая мировая война, но уже было ясно, что 30-е годы будут отмечены цепью трагических событий.

Нинего кардинально не изменилось в Наркоминделе после назначения Литвинова народным комиссаром по иностранным делам. Он только несколько сократил личный штат наркома, распределил освободившихся сотрудников в зависимости от склонности в соответствующие отделы.

Как и при Чичерине, Литвинов приходил на работу ровно в девять, уходил в шесть вечера. Иногда задерживались на работе Крестинский и Стомоняков, реже – Карахан.

Утро Литвинов, как всегда, начинал с просмотра почты, которую ему подготавливал секретарь. Читал письма не только служебные, но и от советских граждан. В начале 30-х годов таких писем становилось все больше. Народ внимательно следил за внешней политикой своей страны, радовался ее успехам, росту авторитета Советского Союза. Авторы писем предлагали свои варианты решения внешнеполитических проблем, выражали благодарность, желали здоровья и успеха. Литвинов отвечал на письма сам или поручал секретарю подготовить ответ, но обязательно просматривал его.

После разбора утренней почты Литвинов принимал заведующих отделами. Каждого в отдельности, точно в назначенное время. В определенные дни заседала коллегия.

Рассказ бывшего посла СССР в Бельгии Е. В. Рубинина позволяет увидеть и другие важные черты литвиновского характера. «В работе Литвинова отличала поразительная скрупулезность. Он как бы переворачивал дело, которым занимался, на все стороны, изучая его глубоко и вдумчиво. Это-то и внушало к нему уважение со стороны всех, кто знал его. Его

иностранные коллеги могли с ним не соглашаться, но никто не мог относиться к Литвинову без уважения. Он доказывал правоту своей точки зрения. Литвинов был творческой, думающей, ищущей личностью. Его действия неизменно способствовали росту авторитета СССР. На конференциях он оказывался в центре внимания. Литвинов вызывал ярость у немецких и итальянских фашистов, но они неизменно вынуждены были относиться со всей серьезностью ко всему, что он говорил…

Литвинову не были чужды человеческие страсти и слабости. Это можно было наблюдать в разных сферах его жизни. Вместе с тем он был на редкость дисциплинированный человек, собранный, четкий в своих действиях. Он мог самым решительным образом спорить даже на заседаниях Политбюро, защищая ту или иную точку зрения, что часто и происходило, но уж если решение принято, то он выполнял его как свое собственное и самым решительным образом требовал этого от сотрудников Наркоминдела. Слово «дисциплина» в Наркоминделе никогда не произносилось, но там была та дисциплина, которая по-настоящему свидетельствовала о большевистском воспитании аппарата.

Интересны были доклады заведующих отделами Литвинову. Они проходили по утрам, и каждому отводилось десять минут. Литвинов слушал и реагировал своим сакраментальным «хм», причем трудно было понять, означает ли это «хм» одобрение или негативное отношение. Он буквально заставлял сотрудников выпотрошиться, выложить все аргументы и уж обязательно сразу же внести свое предложение по данному вопросу. На следующий день заведующий отделом получал копию письма Сталину. Литвинов улыбался, как бы давая понять: вот видите, ваше предложение принято».

Один из старейших советских дипломатов А. А. Рощин вспоминает: «Мои встречи и работа с М. М. Литвиновым дают мне право высказать некоторые соображения о личности этого незаурядного государственного деятеля. Немногословный, организованный, умеющий ценить свое и чужое время, М. М. Литвинов обладал завидным трудолюбием и твердым характером. Он не имел систематического образования, не кончал высшей школы. Познавал тонкости дипломатической работы в процессе своей неутомимой практической деятельности. От работников НКИД он требовал знания иностранных языков. Как-то один из моих знакомых пришел к Литвинову по направлению Московского комитета ВКП(б) на собеседование на предмет поступления на работу в НКИД. Нарком приветствовал его поочередно на английском, французском и немецком языках.

Посетитель трижды ответил: „Не понимаю“. Тогда Литвинов по-русски сказал ему: „До свидания“, объяснив, что без знания западных языков он для работы не подходит.

У М. М. Литвинова был авторитет государственного деятеля, способного нести непростой груз руководителя внешнеполитического ведомства страны. Свою высокую ответственность он хорошо осознавал, был искренне предан делу защиты интересов Советского государства. В течение двух десятилетий работы в Наркоминделе М. М. Литвинов активно осуществлял на практике внешнеполитический курс, который в наибольшей степени отвечал интересам Советского Союза».

В начале ноября 1930 года Литвинову снова пришлось выехать в Женеву на VI сессию Подготовительной комиссии по разоружению. В состав делегации вновь был включен Луначарский. Их духовная близость становилась все более тесной. Друг друга они понимали с полуслова.

Прошло полтора года после того, как весной 1929 года закончилась первая половина VI сессии. Что теперь принесет Женева?

Анатолий Васильевич писал об атмосфере, царившей на сессии: «Как будто и не прошло 18 тяжелых месяцев. По тем же улицам и коридорам идет советская делегация в тот же стеклянный зал, и там почти тот же порядок, почти все те же лица.

Впрочем, только «почти».

Столы расположены иначе, и, чтобы никому не было обидно, все делегации посажены по алфавиту.

У поляков вместо Сокаля первым делегатом будет какой-то генерал, у турок вместо Тевфика Рюштю-бея – парижский посол Мунир-бей и т. д.

Бернсторф с умным, бритым лицом и старым дипломатическим пробором; маленький, хитрый Сато с лукавыми глазенками; Массигли с жестами старшего приказчика, предлагающего обольстительные образчики мануфактуры; косолапый и грузный, но себе на уме генерал де Маринис; афинский софист Политис обвязан шарфом…

А вот и самая главная новая фигура – лорд Роберт Сесиль, виконт Чельвуд. Сесиль желт и морщинист… не по-английски жив и даже нервен. С виду добродушный, он похож на большую птицу. Спина горбом и большой нос. Весь – крюком. Прибавьте к этому длиннопалые руки, которые постоянно собираются птичьей повадкой в хватающие когти. Этими когтями Сесиль довольно часто берется за нос, словно острит клюв. Я видел такой жест у

старых ворон… Он либерал, гуманист и неохристианин…

Появляется наш незадачливый председатель Лоудон. При нем состоит грек Агнидас».

События развертывались, как на предыдущих сессиях. Лоудон высказывает свое живейшее удовольствие по поводу успехов прошлых сессий. Он признает, что время нынче «тревожное, как никогда», но дискуссий не будет. Это значит, что советское предложение не подлежит обсуждению. Литвинов отверг такую постановку вопроса, выступил с речью, дал характеристику событий, происшедших за полтора года с момента перерыва VI сессии. Предложил обсудить вопросы разоружения.

Лоудон не выдержал, прервал Литвинова, заявил, что он говорит не на тему. Литвинов не обратил внимания на замечание Лоудона, продолжал свою речь. Тогда Лоудон решил «наказать» советского дипломата, запретил переводить его речь на французский язык (Литвинов произнес свою речь по-английски). В зале поднялся шум, свидетельствует Анатолий Васильевич. Журналисты в знак протеста вышли. На следующий день Литвинов «отчитал» Лоудона. «Я благодарю председателя, – сказал он, – за то, что он повысил интерес к моей речи, запретив ее перевод. Но почему он покарал делегатов именно французского языка? Неужели он считает, что именно они не доросли до того, чтобы слушать подобные речи?» В зале раздался смех.

Луначарский писал об этом заседании: «Центром всего заседания в этой дискуссии была, конечно, речь т. Литвинова… Результат заседания хороший. Возможность требовать пересмотра трех основных пунктов открыта, произнесена яркая большевистская речь. Даже симпатия зала, временно хотя бы, завоевана. Буржуазные журналисты и те подходили поздравлять Максима Максимовича с победою».

До 9 декабря 1930 года продолжалась вторая половина VI сессии Подготовительной комиссии конференции по разоружению. Проходившие дискуссии показали, что расстановка сил не изменилась. Западные державы упорно стремились утопить конкретные предложения советской делегации в ничего не значащих разговорах о разоружении.

Литвинов решил покинуть Женеву. Отправился в Милан, где встретился с итальянским министром иностранных дел. Там предстояло обсудить вопросы советско-итальянских отношений. Луначарский остался в Женеве, где 4 декабря вручил Лоудону письмо и меморандум советской делегации, поясняющий точку зрения советской делегации на отдельные разделы проекта конвенции. Лоудон отказался приобщить к докладу комиссии

текст письма и меморандум. Советские предложения не были включены в принятый проект конвенции. На этом VI сессия Подготовительной комиссии закончила свою работу.

Миллионы людей задавались вопросом: стоит ли тратить время и силы на все эти сессии и на саму конференцию, которая должна открыться через два года? Луначарский дал исчерпывающий ответ на эти сомнения: «Не правы и те, кто говорит: „Ах, какая канитель эта конференция, ах, какая это скука!“ Мы не можем требовать, чтобы каждому из нас давали забавное занятие. Каждая работа требует усидчивости и терпения. А в Женеве делается очень серьезное дело: борьба за общественное мнение трудящихся всего мира против буржуазной политики всякого цвета и всякого калибра. И очень показательно, что полторы тысячи пацифистских обществ впервые в истории английской палаты петицией высказались за наше предложение и взяли при том всю аргументацию т. Литвинова. Это значит, что мы уже создали левый пацифизм.

Наша делегация в Женеве является авангардной группой великого пролетарского мира и изо дня в день ведет борьбу за то дело, которому мы все служим».

Оценка мировой ситуации, данная XVI съездом ВКП (б), полностью подтверждалась событиями в различных районах земного шара. В 1931 году вновь обострилась обстановка на Дальнем Востоке. Японская военщина усилила антисоветскую кампанию.

Эта кампания встречала поддержку в реакционных кругах Соединенных Штатов Америки, которые стремились вбить клин между СССР и Японией.

События, однако, разворачивались не совсем так, как хотели в Вашингтоне. 19 сентября 1931 года в государственный департамент США начали поступать телеграммы с Дальнего Востока: японские вооруженные силы напали на Маньчжурию, заняли ее столицу Шэньян (Мукден).

Наиболее дальновидные американские политики расценили события на Дальнем Востоке как начало японской экспансии в другие районы Азии, представляющие «особый интерес» для американского бизнеса. Однако правящие круги США и Англии не стремились принять действенные меры против агрессии, веря, что Япония завязнет в войне против Китая и неизбежно, как полагали на Западе, вступит в вооруженный конфликт с Советским Союзом. США не предъявили Японии обвинение в нарушении пакта Бриана – Келлога. Агрессор – Япония и его жертва – Китай были поставлены на одну доску. Бездействовала и

Лига наций, призвавшая стороны, то есть агрессора и его жертву, не расширять конфликта. 10 декабря 1931 года Лига наций приняла решение создать комиссию, которой было поручено изучить обстановку на месте. Возглавил комиссию англичанин лорд Литтон, бывший вице-король Индии.

Тем временем Япония оккупировала всю Маньчжурию. Продвижение японских войск к советским границам создавало угрозу безопасности СССР, и это потребовало от советской дипломатии решительных и быстрых действий.

Нарком по иностранным делам Литвинов много времени отдает дальневосточным проблемам. По поручению ЦК и правительства разрабатывается целая группа мероприятий, которые должны способствовать укреплению позиций Советского Союза на Дальнем Востоке. Политика СССР подбодрила освободительные силы, подтолкнула Китай к восстановлению дипломатических отношений с СССР и заключению пакта о ненападении. Договоренность об этом была достигнута уже в июне 1932 года, после переговоров Литвинова с китайским представителем на Международной конференции по разоружению в Женеве.

Однако еще до восстановления отношений с Китаем советская дипломатия, зорко наблюдавшая за деятельностью комиссии Литтона, сделала ряд шагов, которые расстроили антисоветские планы на Дальнем Востоке, разрушили надежды западных держав канализировать японскую агрессию в сторону Советского Союза.

Комиссия Литтона направилась не на место событий в Китай, а в Соединенные Штаты и Японию. Не исключено, что там была сделана попытка подтолкнуть Японию к новым провокациям против Советского Союза. Только в марте 1932 года комиссия прибывает в Китай, а в апреле – в Маньчжурию. Япония уже давно находится в зоне КВЖД. Конфликты там участились и чреваты опасными последствиями.

В те дни Литвинов вносит в ЦК партии ряд предложений о политике СССР на Дальнем Востоке, беседует с членами Политбюро.

После одной из таких бесед весной 1933 года, длившейся несколько часов, Литвинов вернулся в Наркоминдел, вызвал Б. И. Козловского, бывшего генерального консула в Китае, ведавшего дальневосточными проблемами, сказал ему, как всегда, лаконично:

– Ну, товарищ Козловский, готовьте документы. Будем предлагать Японии выкупить КВЖД.[37]

Военный конфликт с Японией, на который так надеялись в

западных странах, был предотвращен. Политическое положение СССР на Дальнем Востоке укрепилось. В 1935 году в Токио было подписано соглашение о продаже КВЖД.

Начало 30-х годов ознаменовалось такими важными событиями, как Международная конференция по разоружению и Мировая экономическая конференция.

Не было большой надежды на то, что даже теперь, после многолетней подготовки, конференция увенчается успехом. Но Советский Союз, верный своей политике мира, продолжал борьбу за разоружение. Через несколько лет Литвинов при вручении ему ордена Ленина скажет о значении этого важнейшего принципа ленинской внешней политики: «Мы предлагали всеобщее разоружение на первой же международной конференции, в которой мы приняли участие. Мы повторяли и повторяем это предложение каждый раз, когда к этому представляется случай… Мы вооружаемся не для того, чтобы меряться силами с кем-либо, а для того, чтобы другие не соблазнялись надеждой безнаказанно померяться силами с нами. С этой же целью мы делали другим государствам предложение за предложением касательно наилучшей системы организации всеобщего мира. Я говорю всеобщего потому, что мы хотим мира не только для себя, но и для всех народов».

Вот с этой целью Литвинов в феврале 1932 года снова поехал в Женеву. И снова с Луначарским и небольшой группой экспертов и технических сотрудников.

Агнесса Эммануиловна Ромм, стенографистка Наркоминдела, многие годы ездившая с Литвиновым в Женеву, рассказывает: «Жили мы все в одном пансионате. Литвинов и Луначарский занимали такие же комнаты, как и мы, рядовые сотрудники. Питались все вместе в одной столовой за общим столом, меню для всех было одинаковое. Весело, единым коллективом, дружно жила наша крошечная советская колония.

Во время Международной конференции по разоружению нам всем пришлось основательно потрудиться. Литвинов, как обычно, был спокоен, уравновешен в отношениях с сотрудниками. Вечерами он принимался за газеты и журналы. Следил за прессой Литвинов сам, референтов у него не было. Максим Максимович читал газеты на английском, немецком, французском языках, просматривал итальянские и испанские издания.

Вечером, если предстояло заседание комиссии или ассамблеи, Максим Максимович диктовал проект выступления. Делал это очень тщательно. Если предстояло выступление на английском языке, то он перевод делал сам.

Вечерами мы иногда все вместе отправлялись в кино. Максим

Максимович очень любил смотреть фильмы и мог после просмотра одной картины сразу же пойти в другой кинотеатр.

На приемы, устраиваемые в Женеве, мы, рядовые сотрудники, не ходили. Не было хороших костюмов. Скромные командировочные старались использовать для покупки нескольких баночек кофе или других деликатесов, которых тогда в Москве не было».

Женева встретила советскую делегацию с большим интересом. Капиталистический мир потрясал жестокий кризис. Советский Союз развивал свою экономику, строил заводы и фабрики, была ликвидирована безработица. Это повысило авторитет Советского государства. К Литвинову шли письма из многих стран. Были и просьбы предоставить советское гражданство. Множество коммерческих фирм обращались с предложениями закупить текстиль, машины, продовольствие и другие товары. Все эти письма и предложения отправлялись в соответствующие организации.

Популярность советской делегации не устраивала белогвардейское охвостье. Литвинову стало известно, что возможны провокации и даже террористические акты. Пришлось издать специальный «Приказ по делегации СССР на конференции по разоружению», которым запрещалось членам делегации и сотрудникам отлучаться из Женевы для ночевок в других городах. Власти швейцарские нелояльны, констатирует Литвинов. На приказе сбоку написано: «Читал: А. Луначарский», а затем следуют подписи всех других членов и сотрудников делегации. Нелегкое было время!

На конференцию собрались представители почти всех стран мира, чтобы договориться о разоружении, а за кулисами шла подготовка к новой войне. Продолжалась война в Китае, Муссолини готовился к нападению на Эфиопию. Все сложнее становилась обстановка в Германии. Фюрер нацистской партии Адольф Гитлер вел на виллах финансовых и промышленных магнатов тайные переговоры о передаче ему власти.

Но как относилась к возрождающейся милитаристской Германии Европа? По словам государственного секретаря США Стимсона, «в мире господствовал дух пораженчества». Дух пораженчества перед надвигающимся фашизмом, добавим мы. Франция боялась германского милитаризма, но поощряла его. Англия вела такую же политику. Политическая неразбериха, министерская чехарда – вот что было характерно для политического климата Европы.

Тем временем Германия готовилась к выполнению огромной программы вооружения. Перед самой конференцией все

буржуазные партии этой страны провели объединенную кампанию «в пользу равенства Германии в вооружениях».

2 февраля Международная конференция начала свою работу. Наряду с необъятно большим количеством частных предложений предстояло рассмотреть проект Подготовительной комиссии, французский «план Тардье» и советские предложения о полном разоружении или о существенном пропорционально прогрессивном сокращении вооружений, незначительно измененные советской делегацией в свете имевших место дискуссий. Вот за эти-то предложения и предстояло воевать советской делегации.

Но уже начало конференции, речь ее председателя Артура Гендерсона насторожили весь мир. Как признала тогда английская печать, эта речь «не содержала ни одного намека на созидательную или продуманную политику». Сразу же стало ясно, что не о разоружении думают буржуазные делегации, а о росте вооружений. Этим, конечно, воспользовалась Германия. Канцлер Брюнинг заявил на конференции, что Германия «требует равенства прав и равенства безопасности всех народов». Иными словами, германский канцлер требовал равенства в вооружениях, а на деле вооружения Германии.

11 февраля выступил Литвинов. Он напомнил, что конференция проходит под аккомпанемент пушек и разрывающихся бомб. Всякая проволочка с разоружением приблизит мировую войну. Литвинов дал оценку «плану Тардье», который предусматривал создание лиганационной армии. Он заявил, что такая армия будет игрушкой в руках Запада, и добавил: «Я оставлю в стороне вопрос о том, насколько можно ожидать от Советского государства, чтобы оно доверило свою безопасность и часть своих собственных войск международной организации, состоящей в подавляющем большинстве из государств, явно враждебных ему и из враждебности не поддерживающих с ним никаких отношений. Можно скорее ожидать, что рабочие и крестьяне Советского Союза усмотрят в создании международной армии в этих условиях угрозу своему государству».

Шаг за шагом Литвинов разрушал прожектерские планы западных дипломатов. Цель Советского Союза он изложил предельно ясно: надо создать безопасность от войны!

По свидетельству Луначарского, конференция «с огромным напряжением слушала речь Литвинова… она отбросила ряд световых бликов и теней вокруг себя. В общем „пресса“ Литвинова на этот раз просто изумительно благоприятна. Немецкие газеты преисполнены похвалами силе критики,

благоразумной сдержанности и политической глубине его речи. Итальянская пресса, минуя то, что для фашистов в речи т. Литвинова совершенно неудобоваримо, восхваляет ее, в особенности за решительность и действенность его критики французского проекта. Приблизительно так же звучит и английская печать.

Французская печать в своей официальной части рвет и мечет. Очень характерно, что, не имея никакой возможности возразить на речь т. Литвинова по существу, кроме повторения разной клеветы о советском милитаризме, некоторые французские газеты устремились по легкому пути критики английского языка т. Литвинова. Однако и английский язык критиковали именно французы, отнюдь не англичане; напротив, газета «Дейли геральд» сочла нужным особенно подчеркнуть «превосходный английский язык мистера Литвинова».

Но и французская пресса не была единодушной. Так, например, очень интересно замечание газеты «Энтрансижан»: «Надо сказать правду, – пишет женевский корреспондент этой газеты, – ясная, категоричная, порой, правда, наглая, издевательская речь московского делегата произвела громадное впечатление. Эту речь называют булыжником, брошенным в застоявшееся болото».

Литвинов трижды выступал на конференции по основному пункту повестки дня. Об одной из этих речей, произнесенной 25 февраля, Луначарский писал: «Литвинов в короткой, крепкой как сталь речи при мрачном и сосредоточенном молчании всей аудитории еще раз сокрушительно мотивировал правильность основной точки зрения СССР». Три речи Литвинова «представляют собой на самом деле огромные центры притяжения общего внимания и подлинные симптомы той фактической перегруппировки сил, которая пока намечается лишь медленно, но которая когда-нибудь пойдет вперед с революционной стремительностью».

Позиция Советского Союза вызвала широкий отклик во всем мире. Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел, другие крупнейшие ученые прислали в Женеву телеграммы, выражающие восхищение позицией Советской страны. Подобное письмо прислала и секретарь Международной лиги женщин для защиты мира и свободы Камилла Дрэве. Литвинов ответил ей: «Мое правительство, от имени которого я имею честь защищать проект всеобщего разоружения в продолжение пяти лет, твердо убеждено и имеет доказательства в том, что эта идея встречает сочувствие в широких массах человечества, независимо от различия полов. В Вашем письме я получил новое доказательство того, что эта идея

особенно близка женской половине человечества, страдающей от ужасов войны не только непосредственно, но и за своих мужей, сыновей и братьев. Несмотря на то что наше предложение о всеобщем и полном разоружении до сих пор не было принято и встречает сопротивление со стороны других правительств, мы, осуществляя мирную политику нашего государства, не намерены складывать оружия и будем продолжать борьбу за единственное и действительное средство избавления человечества от бича войны и бремени милитаризма».

Тысячи писем из всех стран мира до сих пор хранятся в стеклянных шкафах специального архивного корпуса в Женеве.

Западные державы сделали все возможное, чтобы отвергнуть советские предложения. В июне 1932 года на повестке дня появился американский план. Его автором был президент США Гувер, кокетничавший перед выборами своим миролюбием. Формально американский проект предусматривал сокращение всех видов вооружения на 33 процента, что в случае принятия значительно ослабляло Францию, Англию и Японию и совершенно не затрагивало армию США. Литвинов выступил с конкретными поправками к американскому проекту, содержащими и элементы плана Гувера. Советская делегация считала справедливым и политически целесообразным сокращение вооружений могущественных государств на 50 процентов. Однако советские предложения были отклонены. В результате длительных переговоров и появился новый проект резолюции, который также не отличался определенностью и конкретностью в вопросах разоружения. Проект был поставлен на голосование. И тогда Литвинов внес предложение, о котором долго говорили в кулуарах конференции и писала мировая пресса. Он отверг принцип общего голосования. «В конце концов, об окончательном отношении всех делегаций к резолюции будут судить не на основании речей и разъяснений, а на основании того, голосовали ли они „за“ или „против“ резолюции. Было бы действительно прискорбно, если бы голосованием создалось впечатление, что конференция единогласно принимает данную резолюцию как предел воли всех народов к разоружению». Предложение было принято. Началось поименное голосование. Когда дошла очередь до Литвинова, он заявил: «Выступаю за разоружение, против резолюции».

Деятельность советской дипломатии нашла поддержку общественности многих стран. Например, 1500 различных обществ передали английскому правительству резолюции, фактически повторяющие предложения советской делегации о немедленном и полном разоружении. Именно в те годы началась

консолидация миролюбивых сил, способствовавшая созданию общественно-политической базы, на которой через семь лет возникло антифашистское движение Сопротивления. Симпатии к Советскому Союзу, накапливавшиеся благодаря этой деятельности, стали той гигантской пружиной, которая сработала во время второй мировой войны. На собственном горьком опыте народы оккупированных Гитлером стран с необычайной ясностью увидели, насколько был прав Советский Союз, решительно выступавший против подготовки новой войны, против фашизма.

В Женеве Литвинов предпринял две важные политические акции. 20 февраля Американский клуб устроил в честь его завтрак. Зал вмещал 250 человек. Принять участие в этом завтраке выразили желание 800 человек. Хозяевами были американские журналисты. Вот это-то и решил использовать Литвинов, для того чтобы проложить мостик в будущее с целью нормализации отношений с Америкой. Ведь Ленин еще на заре Советской власти выступал за нормальные отношения с Соединенными Штатами Америки. Все последующие годы Советский Союз стремился к достижению этой цели. И вот теперь в Женеве представляется возможность сделать еще один шажок в этом направлении.

Анатолий Васильевич Луначарский, присутствовавший на завтраке в Международном клубе, констатировал: «Спокойная юмористическая речь Максима Максимовича… была в своем роде шедевром».

Эта речь раскрывает не только дипломатический диапазон Литвинова, но и некоторые грани его характера.

«Благодарю вас за честь, оказанную мне приглашением на этот завтрак, и предоставление возможности побеседовать с гражданами Америки, за удовольствие, в котором я часто вынужден отказывать себе. Инициатива Американского комитета лишний раз напоминает мне о том, как далеки бывают от действительности официальные штампы и выражения. Официально между нашими странами не существует отношений, а между тем мы знаем, с каким огромным интересом в вашей стране следят за всем тем, что происходит в Советском Союзе… С большим интересом и народы Советского Союза следят за жизнью Америки, за ее литературой, за ее духовной жизнью…

Мне кажется, что вряд ли можно сейчас говорить на иные темы, кроме тех, которые занимают Женеву, то есть интернациональную Женеву. Мы здесь все наполовину слушаем речи о разоружении, а наполовину – голос войны, звуки оружия в действии. Мы делаем вид, будто речи о будущем мире заглушают

голос войны сегодняшнего дня. Когда здесь люди спрашивают друг друга о впечатлениях, вынесенных из первых недель конференции, принято отвечать в духе оптимизма с указанием на хорошее начало и даже на поражение пессимистов, встретивших конференцию скептическим качанием головы. Если бы я мог верить и думать, что оптимизмом действительно можно помочь успеху конференции, оказать услугу делу разоружения и мира, то, верьте мне, вы услышали бы от меня самую сангвинистическую, полную самых розовых предсказаний речь.

Существует известная система лечения болезней, система покойного профессора Куэ, согласно которой человек может вылечиться от любой болезни, если он будет повторять сам себе изо дня в день, что ему становится лучше и лучше и что он вовсе не болен. Я был бы готов по этой системе ежеминутно повторять себе и другим, что на конференции уже все обстоит благополучно, что мы с каждым днем разоружаемся все больше и больше, что на Дальнем Востоке воцарились мир и тишина, что политическая независимость Китая не нарушена, что сообщение об отделении Маньчжурии от Китая лишь совершенно случайно совпало с оккупацией Маньчжурии иностранными войсками и что моральное разоружение притупило японские и китайские штыки и превратило пули, снаряды, гранаты и бомбы в безобидный фейерверк.

Я не хочу наносить ущерба репутации покойного Куэ и его последователям в области медицины. Но я должен сказать, что в области социально-политической я в эту систему не верю… Мне кажется, что с исторической меркой в руках мы должны признать, что не спокойствие, довольство и удовлетворенность являются движущими силами прогресса, а, наоборот, приукрашивание фактов часто влечет за собой большие опасности. Обращаясь к действительности, к фактам, я, к сожалению, не вижу причин, которые настраивали бы нас теперь более оптимистично, чем мы были настроены до конференции. Правда, конференция в чрезвычайно мучительных и длительных муках родов только что увидела свет, еще не облеклась плотью и кровью, не обрела еще речи, но в тех звуках, которые она издает, в движениях, которые она делает, мы еще не можем различить признаков ее будущей силы, ее способностей и дарований…

Если вы при этом примете во внимание, что, с моей точки зрения, с точки зрения советской делегации, не только ограничение, но и сокращение вооружений являются слабыми паллиативными средствами, нисколько не приближающими нас к той цели, которая единственно могла бы оправдать международную конференцию, созываемую в нынешних условиях

после долгой, мучительной тринадцатилетней подготовки, что этой целью должно быть установление безопасности от войны, то вы легко поймете, что меньше всего можно ожидать от меня оптимистических ноток. Пока что наш призыв к полному всеобщему разоружению, к созданию этой единственной гарантии против войны, никакого отклика на конференции еще не нашел.

Внесенные же на конференции новые предложения внушают опасения, как бы сама конференция не была совлечена со своего прямого пути на боковые тропинки. Нам всегда казалось, что под разоружением можно понимать только либо упразднение, либо сокращение вооружений и что, во всяком случае, конференция должна заниматься вопросом только о вооружениях. Но, очевидно, не все так понимают задачу конференции. Уже в Подготовительной комиссии были сделаны попытки подмены вопроса о вооружениях вопросом о безопасности… Против безопасности вряд ли кто может возражать, не возражает против нее и советская делегация, но мы говорим, что при социально-экономических условиях, существующих в большинстве стран, в безопасности будут находиться народы и государства только тогда, когда никто не сможет нападать на них, когда нечем будет нападать, нечем будет оккупировать чужие территории, нечем будет порабощать Другие народы. Сторонники противной концепции видят безопасность лишь в большем или меньшем уравнивании шансов на выигрыш войны, путем перераспределения вооружений или даже их увеличения. Такого рода безопасность знала и довоенная история.

К чему, в конце концов, сводится этого рода безопасность, если не к старому традиционному принципу равновесия сил, руководившему довоенной дипломатией. Этот принцип не спас мир от ужаснейшей из войн, в лучшем случае увеличил безопасность одних народов за счет других, а в общем оставил по себе во всем мире меньшую уверенность в безопасности, чем ее знали до войны. Нужно ли было пережить все ужасы и бедствия мировой войны, готовиться к конференции в течение тринадцати лет, вырабатывать и заключать всевозможные пакты и международные соглашения, чтобы в конце концов прийти к старым принципам международной дипломатии, лишь несколько видоизмененным и приправленным новыми лозунгами.

Мы еще ничего не сделали для физического разоружения. Мы не уменьшили еще существующих войсковых соединений ни на одну единицу, а нам предлагают заниматься моральным разоружением. Опять-таки, кто может возражать против морального разоружения, против уничтожения проповеди шовинизма и джингоизма в печати и литературе, кинематографе,

учебниках, игрушках, против фальшивых документов и т. д.? Меньше всего советская делегация может возражать против таких предложений, ибо вряд ли против какой-либо страны пускалось в ход столько морального яда в печати, в речах, в официальных даже документах, чем против Советского Союза, чему в качестве свидетелей я мог бы призвать вас, граждане Америки. Вам лучше, чем кому бы то ни было, известно, как морально отравляются отношения между нашими странами путем организованных кампаний – лжи, клеветы и фальшивых документов, – поощряемых заинтересованными коммерческими и банковскими кругами, политическими авантюристами, контрреволюционной эмиграцией, готовой продаться сегодня Китаю, завтра – Японии, а послезавтра – кому угодно. Нам ли возражать против мер, имеющих целью борьбу с такого рода разбойниками пера и слова. Но все это хорошо обсуждать в свое время и на своем месте. Эта проблема была поставлена недавно на международной конференции, созванной датским правительством, и Советский Союз охотно принял в ней участие, играл в ней весьма активную роль. Но все это имеет лишь самое небольшое отношение к упразднению или сокращению вооружений. Я утверждаю, что как раз наличие вооружений, и больших вооружений, надежды на возможность ведения этими вооружениями и при помощи союзов и соглашений удачных войн и создает тот самый шовинизм, эту отраву умов, которые нам предлагают упразднить только административными мерами.

Нельзя ведь отрицать, что между капиталистическими государствами существуют глубокие противоречия – экономические, политические и территориальные. Есть страны, которые считают, что соседние государства неправильно и незаконно оккупируют земли, им принадлежащие, отсюда агитация за восстановление нарушенных прав, за исправление границ и т. д. Но этих противоречий не устранить тем, что счастливые обладатели спорных земель скажут своим соседям: «Простите нам наши обиды, как мы прощаем вам ваши». Так история не делается, так международные отношения не меняются. Чего мы должны добиваться, это, чтобы эти обиды, эти недовольства не вели к попыткам изменения положения военной силой.

Мимоходом я хотел бы еще указать, что отсутствие безопасности не всегда видят там, где следует… Если же искать вне вооружений факторов, создающих атмосферу политической тревоги, неуверенности и нестабильности, то мы их скорее найдем в существующей отчужденности между множеством государств, с одной стороны, и народом в 160 миллионов,

расположенным на двух материках, с другой. Достаточно вспомнить при этом о событиях, происходящих ныне в бассейне Тихого океана. Три из крупнейших тихоокеанских стран, а именно: СССР, Китай и США, не имеют между собой отношений. Мне кажется, что не требуется много воображения и политической прозорливости, чтобы понять, в какой мере это обстоятельство содействовало нынешним дальневосточным событиям, если прямо не вызвало их, чтобы понять, что если бы этого обстоятельства не было, то либо печальные события не произошли бы вовсе, либо протекали совсем иначе.

Но я, кажется, вступаю на скользкую почву и несколько удаляюсь от своей темы…»

Английская газета «Манчестер гардиан» дала следующую оценку речи Литвинова: «Атмосфера конференции напоминает собою воздух фабрики по изготовлению варенья на патоке, и чрезвычайно благотворным было дуновение свежего и резкого московского ветра, который принесла с собой речь советского министра иностранных дел Литвинова на завтраке в Международном клубе».

Но, прокладывая еще один мостик к сердцам американских граждан и избирателей, которые менее чем через год привели в Белый дом Франклина Делано Рузвельта, СССР не упускал из виду и другое направление, озабоченно следил за развитием событий в Германии.

Обстановка в этой стране не предвещала ничего хорошего. Один из самых близких сподвижников Гитлера, Геринг, стал председателем рейхстага. Германия шла к господству фашизма, продолжала добиваться «равенства в вооружениях», находя поддержку реакционных кругов на Западе.

В этой обстановке Литвинов решил апеллировать к германскому общественному мнению, напомнить ему о Рапалло, о большой роли этого договора, который в свое время вывел обе страны из политической изоляции и принес им значительные выгоды.

16 апреля 1932 года, в десятую годовщину Рапалльского договора, в Женеве Литвинов принял немецких и советских журналистов и сделал следующее заявление: «Сегодня исполняется ровно десять лет со дня подписания Советским Союзом и Германией Рапалльского договора. Эта годовщина примечательна во многих отношениях, ибо международное значение этого договора не исчерпывается отношениями между его участниками и сохраняется полностью и по настоящее время.

Чтобы оценить значение Рапалльского договора, необходимо принять во внимание момент его заключения. Это событие имело

место через четыре года после окончания мировой войны, когда, несмотря на формальное заключение мира, нельзя было еще говорить об установлении действительно мирных и нормальных отношений, с одной стороны, между Советским Союзом, Германией и, с другой, другими государствами. Как Советский Союз, так и Германия находились тогда в особо изолированном положении и под чувствительным давлением со всех сторон. Могло казаться, что каждое из этих двух государств могло быть тогда вовлечено в общий враждебный фронт против другого, но они предпочли дружески протянуть друг другу руки и заявить о своем желании забыть недавнее тяжелое прошлое, зачеркнуть все взаимные претензии и положить начало новым, действительно мирным и нормальным отношениям и международному сотрудничеству…

Рапалльский договор лишний раз доказал, что мужественное, решительное и радикальное разрешение международных вопросов есть в то же время самое простое и самое практическое. Это особенно полезно осознать здесь, в Женеве, когда мы вновь, как десять лет тому назад, находимся на Международной конференции, исход которой предопределит международные отношения, более того, вопрос мира и войны на ближайший период времени. Над проблемой, которую конференция должна разрешить, Женева бьется вот уже больше десяти лет, но она не только не нашла разрешения, но и даже не приблизилась к нему. Сама нынешняя конференция в течение двух месяцев не разрешила еще ни одного вопроса порядка дня, и это отчасти потому, что есть вопросы, которые, если они вообще разрешимы, не могут быть разрешены при помощи боязливых и нерешительных шагов, а лишь мужественными, радикальными мероприятиями. Работа конференции по разоружению значительно выиграла бы, если бы делегации инспирировались такими идеями, которые были положены десять лет тому назад в основу Рапалльского договора. Вот почему я считаю, что Рапалльский договор имеет не только значение двустороннего документа, но и международного акта, который должен служить уроком и образцом, достойным подражания».

Апелляция Литвинова к германскому общественному мнению в связи с десятилетием Рапалльского договора была не только важной политической акцией. Она опровергла измышления западных дипломатов, и в частности бывшего германского посла в Москве Герберта фон Дирксена, утверждавших, что Литвинов якобы не был убежденным сторонником политики Рапалло, а признавал ее только на словах. Правда, тот же Дирксен был автором и другого варианта версии, согласно которой «Литвинов

фактически не отклонялся от прогерманской ориентации до тех пор, пока захват власти нацистами не предоставил ему повод, о котором он возможно мечтал, – одним из первых покинуть систему Рапалло».

Заявление Литвинова 16 апреля 1932 года в Женеве камня на камне не оставляет от легенд, созданных Дирксеном и другими историками из бывшего ведомства Риббентропа.

Летом 1932 года после многомесячных дебатов закрылась Международная конференция. Было решено перенести обсуждение вопроса о разоружении на следующую сессию. Литвинов уехал в Москву.

Тучи над Европой сгущались. Все явственнее обозначался эпицентр новой войны. В Германии вскипала волна реваншизма и шовинизма. На выборах в рейхстаг разнузданная шовинистическая кампания, поощряемая германским и иностранным капиталом, дала свои ядовитые плоды: гитлеровцы получили прирост голосов. Германию все лихорадочнее превращали в главный центр мирового антикоммунизма, готовя оттуда нападение на Советский Союз. В декабре 1932 года вооружению Германии был дан новый толчок. В Женеве было созвано совещание пяти держав – США, Англии, Франции, Италии и Германии, – на котором за Германией было признано «право на равенство в вооружениях».

Теперь Германия получила «зеленую улицу» для милитаризации всей страны. События развивались с необычайной стремительностью: 30 января 1933 года канцлером Германской империи стал главарь национал-социалистской партии политический проходимец Адольф Гитлер. Рапалльский договор, один из важнейших устоев европейского мира, как его справедливо назвал Литвинов, оказался под смертельной угрозой.

Что будет дальше? Проходя по лабиринтам истории, мы видим, что Советское правительство делает все новые и новые дипломатические шаги, чтобы максимально продлить мирную передышку, так необходимую нашей стране для развития экономики, сельского хозяйства. И, конечно, для укрепления обороноспособности. Как много еще надо сделать, а история дает, в сущности, минуты.

Твердо придерживаясь ленинских принципов мирного сосуществования, СССР ищет новых контактов с Америкой. Соединенные Штаты не меньше заинтересованы в нормализации отношений с СССР. Пока Гувер находился в Белом доме, об этом не могло быть и речи. Но после выборов в ноябре 1932 года обстановка могла измениться. Уже сам приход Рузвельта к руководству страной давал определенные надежды на это. В

предвыборных речах нового президента проскальзывала мысль о необходимости нормализовать отношения с Советским Союзом.

Еще до прихода Рузвельта к власти по предложению Литвинова в Соединенные Штаты Америки был послан опытнейший советский публицист Павел Людвигович Лапинский в качестве корреспондента «Известий». Старый коммунист, деятель польской социал-демократии и международного рабочего движения, участник Циммервальдской конференции – Лапинский был образованнейшим человеком, одним из крупнейших знатоков мировой политики.

В 20-х годах Лапинский был направлен на дипломатическую работу, с 1924 по 1928 год заведовал отделом дипломатической информации советского полпредства в Берлине. Эти отделы в советских полпредствах в свое время создал Чичерин, и они принесли большую пользу.

В Соединенных Штатах Лапинский наладил широкие контакты с различными кругами американского общества, установил знакомство с Элеонорой Рузвельт. Все это способствовало росту симпатий к Советскому Союзу, приближало признание его официальными кругами США.

Но не только Америка занимает мысли Литвинова. Большую озабоченность вызывает деятельность Лиги наций. В своем нынешнем виде она не пользуется уважением в мире. Но если в нее вступит Советский Союз, эта всемирная организация может сыграть свою положительную роль в деле предотвращения войны. Советское правительство поручает Литвинову установить более тесные контакты с политическими деятелями Франции, Чехословакии, Скандинавских стран.

6 февраля 1933 года в Женеве, где собралась на свою вторую сессию Международная конференция по разоружению, Литвинов от имени Советского правительства выступил с проектом декларации об определении агрессии. В ней с исчерпывающей для того времени ясностью говорится, что является агрессией и какие меры должны быть приняты против агрессора. Пункт первый декларации гласит: «Нападающей стороной в международном конфликте будет считаться государство, совершившее первым одно из следующих действий». Перечисление их настолько точно и ясно, настолько исключает ошибки и двусмысленные толкования, что это признают все. Мировая общественность с удовлетворением встречает советское предложение. Делегации западных держав по указанию своих правительств отклоняют советский проект. Но советский дипломат все же добивается успеха. 19 апреля 1933 года в беседе с польским послом в Москве Лукасевичем Литвинов высказал

предложение созвать конференцию сопричастных и сопредельных с Советским Союзом стран, на которой обсудить проект декларации об определении нападающей стороны. Переговоры по этому вопросу велись и с другими соседними странами.

12 июня в Лондоне открылась Мировая экономическая конференция. И вот там-то Литвинов вновь спутал карты западной дипломатии. От имени Советского правительства Литвинов предложил государственным деятелям, собравшимся в Лондоне, подписать конвенцию об определении агрессии. Доводы Литвинова были настолько убедительны, что западные страны в случае отклонения советского предложения будут окончательно разоблачены в глазах народов, которые очень встревожены политикой нацистской Германии. Всех убедить не удается. Но начало положено. В июле 1933 года советское предложение принимают Афганистан, Эстония, Латвия, Персия, Польша, Румыния, Турция, Чехословакия, Югославия, Литва и Финляндия. Это был громадный успех советской дипломатии. «Правда» в те дни характеризовала подписание конвенции как великую победу советской внешней политики.

С тех пор прошли десятилетия, но та борьба Советского Союза за мир, которую он вел в предвоенные годы, до сих пор вызывает большой интерес. Даже буржуазные историки, то и дело возвращаясь к этой проблеме, столь актуальной и в наше время, отдают дань советской дипломатии.

На лондонской экономической конференции советская дипломатия одержала еще одну победу. В итоге переговоров Литвинова с английскими государственными деятелями правительство Великобритании заявило, что оно решило начать торговые отношения с Советским Союзом. Это подтолкнуло других.

Сразу же после очередного заседания конференции представители Соединенных Штатов Америки Р. Молли и У. Буллит приехали в отель к Литвинову, изложили по поручению американского правительства свои планы будущих экономических отношений с Россией. Американские дипломаты сообщили, что Соединенные Штаты готовы вести переговоры о признании Советского Союза.

Глава восьмая
Вашингтонская миссия

7 ноября 1933 года, примерно в те часы, когда на Красную площадь в Москве вступали колонны демонстрантов, на внешнем рейде нью-йоркской гавани бросил якорь океанский лайнер «Беренгария». К лайнеру подошел катер военно-морских сил, и на него спустился полный, среднего роста человек в темном осеннем пальто, модной по тем временам широкополой шляпе и белом кашне. В руках у него были палка и большой портфель. Это был Максим Максимович Литвинов.

Катер, набирая скорость, направился в гавань, и через несколько минут Литвинов сошел на набережную Нью-Йорка. Его сопровождали секретарь коллегии НКИД Иван Анатольевич Дивильковский и заведующий отделом печати Наркоминдела Константин Александрович Уманский.

Так началась вашингтонская миссия Литвинова. Но прежде чем она оказалась возможной, должно было пройти немало времени, а международный авторитет Советского Союза убедительно возрасти.

Владимир Ильич Ленин с первых дней Советской власти пристально наблюдал за политическим курсом Соединенных Штатов, настроениями американцев. 20 августа 1918 года в «Письме к американским рабочим» он писал: «В американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам».

В сентябре 1919 года Ленин заявляет, что Советская Россия готова вести самые тесные торговые отношения с Америкой. В чрезвычайно трудные дни, когда Юденич наступал на Петроград, а Деникин подходил к Туле, Владимир Ильич находит время, чтобы ответить на вопросы корреспондента «Чикаго дейли ньюс» И. Левина: «Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой, – со всеми странами, но *особенно* с Америкой».

После того как Литвинов по поручению Ленина обратился из Стокгольма с письмом к Вильсону, Советское правительство сделало следующий шаг для установления контакта с Америкой – направило в Нью-Йорк Людвигу Карловичу Мартенсу документы о назначении его официальным представителем РСФСР в Соединенных Штатах Америки и поручило ему вести переговоры с тамошним правительством.

Один из старейших российских революционеров, в прошлом член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Мартене эмигрировал за границу задолго до Октября. Жил в Германии, в Англии, в 1916 году уехал в Америку. Он сделал все, чтобы выполнить поручение: встречался с государственными деятелями, промышленниками, юристами, конгрессменами, апеллировал к рабочим. В марте 1919 года Мартене обратился с меморандумом к государственному департаменту США: «Я уполномочен моим Правительством, – писал Мартене, – вести переговоры о возобновлении в ближайшем будущем торговых отношений, взаимно выгодных для России и Америки…»

Мартенсу не ответили. Он начал издавать журнал «Совьет Раша», в котором печатались статьи Ленина и декреты Советской власти. Журнал закрыли, а против Мартенса затеяли судебное дело, и он вынужден был скрываться у друзей в Вашингтоне.

В те трудные для Мартенса дни Наркоминдел шлет Людвигу Карловичу официальное письмо с советами и указаниями о его дипломатической деятельности в Соединенных Штатах Америки. На этом письме есть приписка Литвинова: «Держитесь, мой друг. Наши дела будут все лучше и лучше. Будущее у нас. Мы укрепимся, и дело пойдет».

Провокация против Мартенса была организована кругами, которые снабжали оружием и деньгами русскую контрреволюцию. Но разгром интервентов и внутренней контрреволюции отрезвил Европу, заставил задуматься и Америку. И все же США продолжали политику непризнания. Правящие круги не хотели даже понять, что же произошло в России? Информацию о революции они получали от своего посла при царском дворе банкира Фрэнсиса, а он не был самым проницательным дипломатом Америки. Если Ллойд Джордж всерьез думал, что Харьков – это фамилия русского генерала, то и Фрэнсис, находившийся в центре событий в Петрограде, знал о России не больше. После Октябрьской революции он совершенно серьезно доносил по дипломатическим каналам в Вашингтон: «Большевики убивают всякого, кто носит белый воротничок, кто получил образование, кто не большевик».

Правительство Вильсона страшил тот факт, что уже в первые месяцы революции миллионы американцев приветствовали рождение нового государства. Русские революционные эмигранты, оказавшиеся во время войны в Соединенных Штатах Америки, установили тесный контакт с американским рабочим движением и способствовали распространению правды о Советской России.

В ноябре 1919 года Джон Рид составил для Ленина информационную записку о коммунистическом движении в Америке, в которой писал: «Ход русской революции, укрепление власти Советов и, наконец, Октябрьская революция и распространение коммунистического учения по всей Европе породили в Американской социалистической партии широкое движение за пересмотр ее целей и тактики…

Конечно, русские товарищи особенно сильно ощутили первые толчки начавшейся в Европе революции. Именно они и члены других социалистических федераций, объединявших выходцев из России, возглавили работу по пропаганде в партии новых принципов, тактики и методов организации и составили основное ядро левого крыла в [Американской социалистической] партии».

Правящая Америка продолжала тешить себя надеждами на неизбежную гибель большевиков. Вот заголовки газеты «Нью-Йорк тайме» второй половины 20-х годов: 1925 год, 15 ноября – «В России можно свободно воровать, голодать, убивать и умирать»; 1925 год, 26 ноября – «Сибирь пытается стряхнуть гнет Москвы»; 1925 год, 10 февраля – «Россия продает драгоценности, чтобы спасти советский режим»; 1926 год, 30 июля – «Коммунисты в хаосе»; 1926 год, 9 августа – «Войска в Одессе подняли мятеж против московского режима»; 1927 год, 23 ноября – «Промышленность России накануне катастрофы».

В разгар очередной антисоветской кампании в капиталистическом мире разразился тяжелый экономический кризис. Он захватил все страны и все сферы производства, но наиболее страшный удар нанес самой богатой стране капиталистического мира – Соединенным Штатам Америки. 17 миллионов человек оказались за воротами заводов и фабрик. Возле американских городов с их небоскребами выросли трущобы из жести и фанеры. Американцы окрестили их «гуверовскими городками» в честь президента Гувера, который заверял, что справится с кризисом. Он оказался бессильным.

Кризис заставил деловые круги Америки более трезво взглянуть на Советский Союз. В Москву устремились бизнесмены, ученые-экономисты, политические наблюдатели. В июне 1929 года в советской столице появился известный в те времена общественный деятель и публицист Джонсон. Он уже бывал в Москве, опубликовал в американских газетах и журналах серию доброжелательных статей о Советском Союзе и теперь приехал, чтобы встретиться с государственными деятелями. Джонсон беседовал с Калининым о положении советского сельского хозяйства и возможностях советско-американского сближения, об общих проблемах жизни СССР, с Куйбышевым он говорил о

советской индустрии, а с Микояном – о советско-американских коммерческих отношениях.

В Америке, особенно в среде ее интеллигенции, растет интерес к Советскому Союзу. Все большими симпатиями пользуется небольшая, но сильная духом американская компартия. Писатели, особенно Драйзер своей «Американской трагедией», ускорили процесс политического прозрения Америки.

В Советский Союз устремляется поток писем. Пишут рабочие и фермеры, писатели и бизнесмены… Почти все эти послания направляются в два адреса: Председателю ЦИК Михаилу Ивановичу Калинину и народному комиссару по иностранным делам Максиму Максимовичу Литвинову. Письма подчас наивные, но в них – сама Америка во всем ее многообразии и сложности. Авторы сообщают, что они требуют от правительства США признания Советской страны.

Роблей Д. Стивенс из штата Пенсильвания писал Калинину, что он симпатизирует Советскому Союзу, будет польщен, если после признания СССР он получит звание почетного консула Советского Союза в Филадельфии, обещает честно служить и, конечно, просит прислать фотографию Калинина с автографом. Брат Стивенса сообщил Калинину, что он окончил Морскую академию американских вооруженных сил, и великодушно предлагал свои услуги в качестве консультанта по морским делам. Писатель Глен Уолтен Блоджет сообщал, что делает все возможное для распространения правды об СССР. И, конечно, тоже просит автограф, ибо у него есть только три русских автографа: Льва Толстого, Максима Горького и Максима Литвинова.

Из секретариатов ЦИК и Наркоминдела неизменно шли доброжелательные ответы всем адресатам. Литвинов проблему автографов решил очень просто: посылал их только конгрессменам, министрам и детям. Для автографов Литвинов заготовил небольшие изящные картонки, вроде визитных карточек, а свою подпись на них ставил вверху, под самым обрезом или слева наискосок. Подпись нельзя было использовать в неблаговидных целях.

Письма американцев отражали настроения широких народных масс. Но сдвиги произошли и в правящих сферах. В июне 1929 года из Соединенных Штатов Америки в Москву приехала представительная делегация во главе с сенатором Тайдингзом. Американцы остановились в гостинице «Националь». Их гидом и переводчиком от Наркоминдела был А. А. Чумак. Юношеские годы он провел со своим отцом в США, там кончил колледж, хорошо знал язык и особенности Америки. Когда Чумак

пришел в гостиницу, Тайдингз сказал ему: «Вот уже второй день, как мы находимся в Москве, а восстания все нет». В этих словах было выражено саркастическое отношение к американской прессе, которая ежедневно писала о голоде и восстаниях в советской столице.

Сенаторы были приняты Председателем СНК А. И. Рыковым, председателем ВСНХ В. В. Куйбышевым, наркомом внешней торговли А. И. Микояном и наркомом по иностранным делам М. М. Литвиновым. Сенатор Фэй вел с наркомом путей сообщения Рудзутаком переговоры о концессии на вагоностроительный завод. Ян Эрнестович объяснил ему, что вывоз валюты из СССР невозможен. Тогда Фэй попросил концессию на обувную фабрику, сказал, что «обует всю Россию». Ему вежливо отказали.

Американцы поняли, что Россия далеко ушла вперед и дело теперь не в концессиях, а во взаимно выгодной торговле. Тогда они выразили желание посмотреть страну, сказали, что мечтают увидеть Крым, Кавказ и некоторые другие районы. Наркоминдел ответил согласием, и сенаторы, сопровождаемые Александром Чумаком, начали вояж по Республике Советов.

Летели на маленьком самолете К-4, до Минеральных Вод с остановками добирались целый день. Из окон самолета внимательно рассматривали ландшафт, строящиеся заводы, фабрики, огромные зеленые поля. Все записывали. Из Минеральных Вод уже на другом самолете полетели в Баку вдоль побережья Каспийского моря. Внизу расстилались бескрайние прикаспийские степи, а потом полетели вдоль пляжа, усеянного желтым песком. Сенаторы были в восторге от гигантских просторов, просили пилота сделать фигуры высшего пилотажа. Пилот выполнил просьбу. Они еще больше развеселились, сказали, что в Советской России есть опытные пилоты.

Потом гостей повезли в Гагры, Тбилиси, Сочи, Батуми, Сухуми. Затем в Крым. Они осмотрели Ялту, побывали в Севастополе и вернулись в Москву. Литвинов снова принял американцев, спросил, довольны ли они поездкой. Сенаторы заявили, что в восторге от Советской России. Но если им дадут концессии, то будет совсем хорошо. Литвинов ответил, что концессии СССР больше предоставлять не будет. Надо торговать на основе взаимной выгоды. И надо признать Советский Союз.

В ноябре 1929 года из Америки приехал еще один посланец – знаменитый инженер Хью Л. Купер. Он принимал участие в строительстве грандиозной гидростанции Америки Гранд-Кули. Тогда это была уникальная постройка. Купер приехал консультировать строительство Днепрогэса и посмотреть, на что способны русские. С его мнением считалась официальная

Америка.

Американского инженера приняли в Главконцесскоме, договаривались об условиях работы. Потом Купера принял Литвинов. Небольшого роста, веселый сангвиник, американец производил хорошее впечатление. Литвинов поговорил с ним о делах, задал много вопросов о политическом положении Соединенных Штатов, настроениях в стране. Разговор был легкий, непринужденный. Решили все вопросы, связанные с будущей работой Купера в Советском Союзе, а он все не уходит, мнется, чувствуется, что еще что-то хочет сказать. Литвинов это заметил:

– У вас есть ко мне еще какие-нибудь вопросы, господин Купер? Говорите, не стесняйтесь.

Купер несколько смутился, потом сказал:

– С разрешения вашего правительства мне показали Алмазный фонд. На меня он произвел громадное впечатление. Что и говорить, ваше дворянство и цари могли копить драгоценности… Там я видел один портсигар голубого цвета с сапфирами, а в середине алмаз. Это очень красивый портсигар, принадлежал он одному русскому князю… Я буду очень честно работать на Днепрострое и все сделаю очень хорошо. Но когда я закончу строительство, я хочу попросить, чтобы мне подарили этот портсигар. Как вы к этому отнесетесь?

Литвинов хмыкнул:

– Такие вопросы я не решаю. Доложу правительству. От себя могу только сказать, что поддержу вашу просьбу.

Когда Днепрогэс был построен, Купера наградили орденом Ленина и подарили портсигар из Алмазного фонда.

Так постепенно ширились контакты. Америка узнавала Советскую Россию, проникалась к ней симпатией и уважением. Уже нельзя было обойти молчанием успехи Советского Союза. СССР становился могучей державой, и это следовало признать. В Соединенных Штатах заговорили о потенциальных возможностях Советской страны, ее достижениях.

Буржуазный журнал «Нейшн» писал: «Четыре года пятилетнего плана принесли с собой поистине замечательные достижения. Советский Союз работал с интенсивностью военного времени над созидательной задачей построения основ новой жизни. Лицо страны меняется буквально до неузнаваемости… Это верно относительно Москвы с ее сотнями заново асфальтированных улиц, скверами, новыми зданиями, с новыми пригородами и кордоном новых фабрик на ее окраинах. Это верно и относительно менее значительных городов. Новые города возникли в степях и пустынях, не каких-нибудь несколько городов, а по меньшей мере 50, с населением от 50 до 250 тысяч

человек. Все они возникли в последние четыре года, каждый из них является центром нового предприятия или ряда предприятий, построенных для разработки естественных ресурсов. Сотни новых районных электростанций и целый ряд гигантов, подобно Днепрогэсу, воплощают в жизнь формулу Ленина: „Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация…“ Россия начинает „мыслить машинами“. Россия быстро переходит от века дерева к веку железа, стали, бетона и моторов».

В конце апреля 1932 года крупный американский журналист Ральф Барнес, на информацию которого вполне могли положиться официальные и деловые круги Соединенных Штатов, обратился к Сталину с рядом вопросов. 3 мая Сталин ответил на вопросы Барнеса:

«1. *Вопрос.* В некоторых кругах Америки в настоящее время усиленно обсуждается возможность посылки в Москву неофициального американского торгового представителя в сопровождении штата специалистов для содействия установлению более тесных торговых связей между Соединенными Штатами и СССР. Как отнеслось бы Советское правительство к такой предпосылке?

Сталин. СССР вообще охотно принимает торговых представителей и специалистов других стран, имеющих нормальные отношения с ним… Думаю, что Советское правительство отнеслось бы положительно и к подобному начинанию.

2. Вопрос. …Каков мог бы быть приблизительный размер заказов, который СССР был бы в состоянии разместить в Америке?

Сталин. Трудно назвать заранее цифру, не рискуя впасть в ошибку. Во всяком случае, растущие потребности СССР и громадные возможности промышленности САСШ дают все основания к тому, чтобы размеры заказов увеличились в несколько раз.

3. *Вопрос.* В некоторых ответственных кругах Америки существует… впечатление, что реагирование советского и американского правительств на дальневосточные события в течение последних семи месяцев обнаружило явное сходство… Каково Ваше мнение по этому поводу?

Сталин. Нет возможности сказать что-то определенное, так как, к сожалению, очень трудно уловить существо дальневосточной политики САСШ. Что касается Советского Союза, то он придерживается и будет придерживаться твердой политики сохранения мира как с Японией, так и с Маньчжурией и вообще – Китаем.

4. *Вопрос.* Между вашей и моей странами имеется большое различие, но есть и явное сходство… Несмотря на все очевидное различие между американским и советским народами, без сомнения, имеется глубокая симпатия. Ввиду этих фактов нельзя ли было бы создать в умах обоих народов убеждения, что вооруженное столкновение между обеими странами никогда и ни при каких обстоятельствах не должно произойти?

Сталин. Нет ничего легче, как убедить народы обеих стран во вреде и преступности взаимного истребления. Но, к сожалению, не всегда вопросы мира и войны решаются народами… Что касается СССР, то едва ли нужно еще доказывать, что народы СССР, как и правительство СССР, хотят, чтобы «вооруженное столкновение между обеими странами никогда и ни при каких обстоятельствах» не могло иметь места».

Стоял май 1932 года. Мир находился накануне больших и сложных политических событий. Их предвидели уже многие, и особенно один человек, который не только внимательно следил за происходящими переменами, но умел прекрасно их анализировать и делать выводы. Этим человеком был Георгий Васильевич Чичерин.

Георгий Васильевич жил тогда на тихой московской улице, в доме, который когда-то принадлежал банкиру Второву. Как-то вечером Чичерин пригласил к себе бывшего своего секретаря Короткина, который теперь работал в Секретариате ЦИК.

– Знаете, Борис Ильич, – сказал Чичерин, – надо готовиться к переезду.

– Почему? – спросил Короткий.

– Скоро здесь, в этом доме, будет американское посольство, – ответил Чичерин.

– О чем вы говорите, Георгий Васильевич? Ведь мы не имеем дипломатических отношений с Соединенными Штатами.

– Не имеем, но скоро будем иметь.

На следующий день Короткий рассказал Калинину о разговоре с Чичериным.

– А что же, – ответил Михаил Иванович, – Чичерин прав. К этому идет дело. Думаю, что особняк понадобится для американского посольства. Но Георгию Васильевичу не о чем беспокоиться. О нем мы позаботимся сами.

Вскоре после отъезда Ральфа Барнеса в Москву прибыла американская торговая делегация. Бизнесмены внимательно осматривали Москву. Проехали по Охотному ряду с его низенькими, приземистыми домиками. На Воздвиженке, у

приемной Председателя ЦИК, прямо на улице, прислонившись к стенке, сидели крестьяне в лаптях, женщины с плачущими худыми детьми. Неподалеку от Пречистенских ворот только что снесли храм Христа Спасителя, и на площадке близ Москвы-реки через забор виднелись огромные черные ямы, кучи мусора. Американцы задали много вопросов сотрудникам протокольного отдела Наркоминдела, все хотели знать, попросили, чтобы им показали строящиеся заводы. Они изумленно смотрели на пришедших из деревни крестьян, которые тележками вывозили землю из котлована. Спросили, где механизация, машины. Им ответили, что пока механизации нет, но она будет.

В Москве делегацию приняли весьма дружески, не проявляя, однако, излишней торопливости, не делая поспешных выводов относительно ее намерений. Наркоминдел устроил в честь американцев прием.

Делегация возвратилась в Соединенные Штаты, и вскоре в комитет по иностранным делам палаты представителей был внесен проект резолюции: «Поскольку Советское правительство является устойчивым, и поскольку все нации признали и установили дипломатические и торговые отношения с Советским правительством России, и поскольку Советское правительство России неоднократно выражало свое желание установить дружественные отношения с Соединенными Штатами, и поскольку в результате отсутствия дружественных отношений Соединенных Штатов с Советским правительством России граждане Соединенных Штатов отстранены от прибыльного торгового обмена, в котором преуспевают правительства и народы других стран, будет решено сенатом и палатой представителей просить президента США дать указание государственному секретарю вступить в переговоры с Советским правительством России по вопросу об установлении дружественных дипломатических и торговых отношений между США и Россией».

Так утверждения о крахе большевистского режима завершились признанием успехов Страны Советов. Но в Белом доме еще сидел Гувер. Резолюция была отклонена.

В 1933 году президентом стал Рузвельт.

Рузвельту шел пятьдесят первый год. Выходец из аристократической семьи, он рано занялся политикой. В двадцать восемь лет был членом сената штата Нью-Йорк, в первую мировую войну – помощником военного министра. В 1929 году Рузвельт – губернатор штата Нью-Йорк и один из лидеров Демократической партии.

Ему приписывали все лучшие человеческие качества и

обвиняли во всех смертных грехах. Его почитали и ненавидели. А когда он умер, его оплакивали не только соотечественники.

Председатель Коммунистической партии США Уильям Фостер писал: «Президент Рузвельт являлся представителем либеральных кругов буржуазии и сам был состоятельным человеком. Он был убежденным защитником капитализма, и вся его политика была направлена на сохранение этой системы. Враги Рузвельта среди капиталистов называли его социалистом, но эти утверждения нелепы. Рузвельт просто пытался спасти капитализм, устранив его некоторые наиболее нетерпимые пороки. Он, безусловно, был против всего того, что могло бы привести к ослаблению экономической и политической власти монополий».

Широта взглядов, здравый подход к решению важнейших проблем мировой политики – эти качества поставили Рузвельта в ряд выдающихся политических деятелей XX века. В США последствия кризиса еще и во второй половине 1933 года давали себя знать. Рузвельт прекрасно видел, что только одна страна избежала дикого хаоса, который захватил весь мир, вызвал голод, самоубийства, рост преступности, отчаяние и страх перед будущим. Он не симпатизировал советскому строю, но внимательно приглядывался к стране, которая сумела избежать несчастий века, следил за развитием советской экономики и политическим курсом СССР. Рузвельт понимал, что страна, занятая мирным строительством, не желает войны, нуждается в кредитах, товарах, специалистах. Установление дипломатических отношений с Советским Союзом завоюет симпатии большинства простых американцев, даст заказы Америке, поможет снизить безработицу.

Осенью вопрос о дипломатическом признании Советского Союза был передан в сенат. Из девяноста шести сенаторов только два выступили против признания.

10 октября Рузвельт обнародовал свое послание на имя Калинина с предложением установить дипломатические отношения. В нем говорилось: «С начала вступления моего в администрацию я считал желательным сделать попытку покончить с теперешними ненормальными отношениями между 125-миллионным населением Соединенных Штатов и 160-миллионным населением России. Достойно большого сожаления, что эти два великих народа, между которыми существовала свыше столетия выгодная для обеих сторон и счастливая традиция дружбы, находятся теперь без практического метода прямого сношения друг с другом. Трудности, создавшие это ненормальное положение, серьезны, но, по моему мнению, не

неразрешимы, а трудности между двумя великими народами могут быть устранены только откровенными, дружественными разговорами. Если Вы такого же мнения, я был бы рад принять любых представителей, указанных Вами, для обсуждения со мной всех вопросов, существующих между обеими странами. Участие в таком обсуждении не свяжет, конечно, ни одну из сторон в отношении будущего направления действий, но оно указало бы на искреннее желание прийти к удовлетворительному разрешению соответствующих проблем. Я надеюсь, что такие разговоры могли бы в результате принести пользу народам обеих сторон».

В советских газетах послание Рузвельта появилось 21 октября вместе с ответом Калинина: «Получил Ваше послание от 10 октября с. г. Я всегда считал крайне ненормальным и достойным сожаления существующее в течение шестнадцати лет положение, при котором две великие республики – Союз ССР и Соединенные Штаты Америки – не имеют обычных методов сношений и лишаются тех выгод, которые эти сношения могли бы им дать. Я рад отметить, что и Вы пришли к такому заключению. Не подлежит сомнению, что трудности, если они имеются или возникают между двумя народами, могут быть разрешены только при наличии между ними непосредственных отношений, а с другой стороны, не имеют никаких шансов быть разрешенными при отсутствии таких отношений. Позволю себе еще высказать мнение, что ненормальное положение, на которое Вы справедливо указываете в своем послании, неблагоприятно отражается не только на интересах заинтересованных двух государств, но и на общем международном положении, увеличивая элементы беспокойства, усложняя процесс упрочения всеобщего мира. В соответствии с вышеизложенным я охотно принимаю Ваше предложение о посылке в Соединенные Штаты Америки представителя Советского правительства для обсуждения с Вами вопросов, интересующих наши страны.

Представителем Советского правительства поедет народный комиссар по иностранным делам Литвинов, который прибудет в Вашингтон к сроку/имеющему быть согласованным».

Уже через несколько дней из Вашингтона пришла телеграмма, в которой сообщалось, что президент Соединенных Штатов Америки готов встретиться с советским дипломатом в первых числах ноября, и Литвинов сразу же начал готовиться к отъезду. Решено было ехать через Варшаву, Берлин, Париж, а в Гавре сесть на океанский лайнер. По дороге Литвинову предстояли две встречи, одна из них крайне неприятная. В Берлине были арестованы корреспонденты «Известий» и ТАСС Л.

М. Кайт и И. М. Беспалов, которые должны были присутствовать на Лейпцигском процессе Георгия Димитрова и его товарищей. В советских корреспондентских пунктах гестаповцы устроили погром, и Литвинову предстоял разговор с гитлеровским министром иностранных дел Нейратом. В Париже Литвинов должен был встретиться с французским министром иностранных дел Полем Бонкуром и обсудить вопросы европейской безопасности, прозондировать почву относительно позиции Франции в связи с предстоящим вступлением Советского Союза в Лигу наций.

Было много и других больших и малых забот. Методичный, спокойный, Литвинов не забыл и о личном подарке президенту. Выяснив, что Рузвельт коллекционирует модели яхт и особенно марки, он подготовил для него альбом марок, вышедших в СССР за все годы Советской власти.

27 октября Литвинов со своими спутниками выехал из Москвы в Вашингтон через Берлин. Встреча в германской столице на Вильгельмштрассе была короткой. Литвинов предупредил, что Советское правительство ответит контрмерами, если советские корреспонденты не будут незамедлительно освобождены из тюрьмы.

Через несколько часов после беседы советские журналисты были на свободе.

Семь дней шла «Беренгария» через Атлантический океан. Литвинов отдыхал, отрешившись от приемов, встреч, переговоров. Он устроил шахматный турнир, обыграл Дивильковского и был очень доволен.

Как часто ему хотелось забыть вечную настороженность, уехать куда-нибудь в горы, валяться на лужайке, бродить по лесным чащобам. В сущности, ведь ему в жизни так никогда и не удавалось подумать о себе.

Часто вечерами дома он раскладывал на широком диване географические карты, путеводители и отправлялся с сыном в далекие путешествия.

– Ну, – говорил он сыну, – поехали на Занзибар! – И они плыли через Черное море, проливы, Мраморное и Красное моря, ловили рыбу в Баб-эль-Мандебском проливе, знакомились с местными племенами Африки. Потом, забыв обо всем на свете, продирались сквозь джунгли Амазонки или путешествовали по каменистым тропам Сицилии. Иногда низкий, басовитый звонок из кабинета прерывал «путешествие». На этот звонок отвечал сам Литвинов. Возвращался из кабинета, где только что побывал в другом, сложном мире, вновь озабоченный, с трудом стряхивал с

себя тяжелые мысли, возвращаясь к игре:

– Ну, Миша, отправились в Стокгольм. Как ты проедешь туда из Москвы?

Один раз он все же совершил такое незапланированное путешествие. После очередного заседания в Женеве услал своего «ангела-хранителя», сказал, что собирается в отель, а сам приказал шоферу ехать в обратную сторону и умчался через горы в Италию.

На границе случилось неизбежное: итальянцы задержали Литвинова. У него не была оформлена виза. Пограничники посовещались, потом тут же набрали букет горных цветов и преподнесли Литвинову. Отдав честь, сказали: «Счастливого пути, синьор министр». И он оказался в Италии.

Три дня он мчался по дорогам, останавливался в тавернах, пил пиво, ел свою любикую чечевицу, бродил по горным деревушкам, смотрел фильмы…

Когда стало известно, что Литвинов приедет в Вашингтон вести переговоры с президентом Рузвельтом, мировая печать оценила предстоящее событие как самое важное за многие годы. В прессе Соединенных Штатов эта тема была одной из ведущих. Газеты много статей посвящали внешней политике Советского Союза, пытались анализировать экономическое положение страны, обращались к истории государства, его политическим деятелям. Печатались материалы, посвященные лично Литвинову.

Еще в октябре из Нью-Йорка в Европу отправилась группа корреспондентов ведущих американских газет, и среди них Уолтер Дюранти, ас американской и мировой буржуазной журналистики 30-х и 40-х годов. По телеграфу на «Беренгарии» были забронированы каюты. Американские корреспонденты прибыли в Гавр, где уже собрались журналисты из других стран, решившие сопровождать советского дипломата в его поездке в Америку.

Литвинов обычно охотно встречался с журналистами, когда возникала настоятельная необходимость довести до сведения мировой общественности важную внешнеполитическую акцию Советского правительства, но всегда помнил о существовании желтой прессы, способной извратить любое слово, любую информацию. Предстоящие переговоры в Вашингтоне – это был как раз тот случай, когда требовалась особая осторожность, а потому он был не очень склонен давать интервью на «Беренгарии».

Дюранти не раз встречался с Литвиновым в Женеве и в других центрах европейской политики и имел возможность

узнать особенности его характера: если Литвинов скажет «нет», то уже никакая сила не заставит его изменить решение. Дюранти попытался действовать через Уманского и Дивильковсхого, но те сказали, что народный комиссар не предполагал беседовать на борту лайнера с журналистами. Тогда Дюранти решил обратиться прямо к Литвинову. Он как бы невзначай встретился с Максимом Максимовичем, когда тот вечером в полном одиночестве прогуливался по палубе, сказал, что журналистский корпус, сопровождающий советского дипломата, просит побеседовать с представителями прессы. Литвинов ответил, что предпочитает это сделать позже, в Америке. Тогда Дюранти вынул пригласительный билет на пресс-конференцию советского дипломата: в честь советской делегации журналисты устраивают ленч. Литвинов хмыкнул и взял билет…

4 ноября пресс-конференция состоялась. Океан в тот день был сравнительно спокоен, волны медленно накатывали на «Беренгарию», и мелкая водяная пыль летела на палубу.

Все собрались в салоне за длинным овальным столом. Дюранти проявил неплохое знание русской кухни. В меню значились кулебяка, пожарские котлеты и прочие национальные блюда. После ленча Литвинов отвечал на вопросы журналистов:

– Господин народный комиссар, что вы можете сказать об исходе вашей миссии?

– На этот вопрос я предпочел бы ответить совместно с президентом Рузвельтом. Надеюсь, что в установлении дипломатических отношений заинтересованы и Советский Союз и Соединенные Штаты.

– Какова позиция вашей страны в связи с действиями Японии на Дальнем Востоке?

– Советский Союз – решительный противник всякой агрессии. Этим определяется его отношение к событиям в Маньчжурии.

– Вступит ли Советская Россия в Лигу наций?

– Если СССР пригласят в эту всемирную организацию, то полагаю, что СССР примет это предложение.

– Верно ли, господин народный комиссар, что вы устранили киевского генерал-губернатора, когда в 1917 году бежали из киевской тюрьмы?

– Из Лукьяновской тюрьмы я бежал не в 1917-м, а в 1903 году. Побег был организован группой искровцев, сторонников Ленина, с помощью друзей, находившихся на воле. Мне было тогда двадцать семь лет, физически я был довольно сильный, поэтому меня избрали «атаманом». На киевского генерал-губернатора никто из нас не покушался. Он же поклялся, что всех российских революционеров повесит.

– Что произойдет, если ваши переговоры не увенчаются успехом?

– Советский Союз будет жить дальше, как он жил и предыдущие шестнадцать лет. Соединенные Штаты тоже будут жить дальше, как они жили эти годы. Но отсутствие нормальных отношений между нашими странами наносит большой вред Америке, ее торговле. Это понимают многие американцы, особенно деловые люди. Нельзя забывать о нашей общей ответственности за сохранение мира, господа.

Вопросы сыпятся дождем, каждый старается опередить другого. Дюранти и его коллеги еще в США заказали радиотелефонный разговор со своими редакциями, заплатив за это крупные суммы. Уманский пытается навести порядок, просит задавать вопросы по очереди. Напрасно, все спешат:

– Что вы думаете о Рузвельте? Как здоровье Сталина, верно ли, что он тяжко болен? Как вы представляете торговлю России с Америкой, что вы можете ей предложить? Верно ли, что Советская Россия согласилась продать картины из Эрмитажа в обмен на станки, которые ей поставит Америка? Если США признают Советский Союз, кто будет назначен послом в Вашингтон?

Литвинов не обходит молчанием ни один вопрос, отвечает спокойно, насмешливая улыбка трогает его губы, когда он отвечает на нелепые домыслы. Но он отвечает, и атмосфера на пресс-конференции становится все более дружелюбной, как того требуют интересы, которые преследует советский дипломат.

Пресс-конференция окончена. Дюранти поблагодарил советского наркома. Присутствующие журналисты расписались на пригласительном билете. Литвинов заверил его своей подписью в знак того, что пресс-конференция состоялась. И этот документ остался свидетелем тех давно ушедших дней.

Рейс «Беренгарии» подходил к концу. У берегов Америки Литвинов сделал заявление для прессы: «Я вступаю сегодня на территорию великой Американской республики, сознавая выпавшую на мою долю честь первым принести привет американскому народу от народов Советского Союза в качестве их официального представителя, сознавая, что я в известном смысле пробиваю первую брешь в той искусственной преграде, которая в течение шестнадцати лет мешала нормальному общению между народами наших двух государств. Цель моего приезда известна из опубликованного обмена посланиями между г. Рузвельтом и т. Калининым. Отныне ненормальность положения, существующая в течение шестнадцати лет, признана

обеими сторонами, которые встали на путь практического устранения этого положения. Мы все знаем, что это положение не приносило пользы ни той, ни другой стороне, и, чем скорее оно отойдет в область прошлого, тем лучше для всех».

Отвечая на вопросы настойчивых журналистов, Литвинов обронил фразу, которую те моментально подхватили. «В полчаса мы можем подписать соглашение», – заявил он. Это, конечно, было очень оптимистичное заявление, однако советский дипломат считал его уместным и даже необходимым. Оно должно было соответственно настроить американских граждан, ждавших этого соглашения.

В те минуты, когда Литвинов входил в Белый дом, чтобы наконец встретиться с Рузвельтом, в Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго, Сан-Франциско, во всех бесчисленных больших и малых городах вышли экстренные выпуски газет, возвещавших об «исторической встрече Рузвельта и Литвинова, которая кладет конец отчужденности». Пресса Херста утверждала, что прибытие советского дипломата в Вашингтон «вносит изменение в мировую историю».

Рузвельт принял Литвинова приветливо, но с некоторой сдержанностью. В большом, неуютном, плохо освещенном кабинете находились также супруга президента и государственный секретарь Хэлл. Рузвельт сидел в кресле, слегка откинув большую седую голову. Он сделал попытку подняться навстречу гостю. Литвинов, зная, что Рузвельт подняться не в состоянии, быстро подошел к нему. Президент крепко пожал ему руку, спросил, как он доехал, и сказал, что очень рад видеть представителя Советской страны в Вашингтоне. Справился о здоровье Калинина. Литвинов ответил, что Калинин вполне здоров, просил передать сердечные приветствия президенту.

Когда кратковременный визит подходил к концу, Литвинов вручил Рузвельту подарок – альбом с марками. Рузвельт, листая альбом, не мог сдержать своей радости.

На следующий день «Правда» писала, что встреча в «Белом доме была кратковременным торжественным актом вежливости, и, хотя подробности не сообщаются, печать указывает, что встреча имела наиболее сердечный характер».

Через несколько дней, а именно 13 ноября 1933 года, Дивильковский отправил из Вашингтона в Москву письмо своей жене Елене Васильевне Голубевой, в котором подробно обрисовал события тех дней: «…в Нью-Йорке атака журналистов и фотографов на Папашу еще на борту парохода произошла по всем правилам и традициям – нас (нас с Уманским) совершенно оттерли, и целый час творился несусветный тарарам.

Происходило это еще у карантина, т. е. острова в устье залива Гудзона со скверными портовыми постройками. Утро было туманное, дождливое. Нью-Йорка оттуда мы не видели… Уже потом, когда нас везли на паровом катере, мы проехали мимо статуи Свободы (у меня есть с нее хорошие снимки), и затем на другом берегу залива мы видели небоскребы, но издали и в тумане особенного впечатления не получилось…

Начиная с парохода Папашу оцепили восемь человек полицейских в штатском, ростом с колокольню, косая сажень в плечах, все одеты в толстые спортивные пальто, и все жуют резинку, или так кажется, потому что, по литературным источникам, им резинку жевать полагается. «Пресса» не отставала от нас и на катере – несколько журналистов туда пробралось, а камерамены, т. е. кинематографщики какой-то компании, вообще сняли второй катер и все время шли рядом с нами и закрывали нам вид на город; снимали Папашу не переставая.

Катер нас довез до пристани в торговых доках Нью-Джерси, это пригород Нью-Йорка, но каждый из этих пригородов величиной с хороший европейский город. К самой пристани был подан специальный поезд, который тут же отошел в Вашингтон, но для этого ему пришлось прорвать сплошную цепь журналистов. Некоторые фотографы прямо забрались на крыши вагонов. Обращение самое американское – бросаются на Папашу жать ему руку, лезут, орут, требуют, чтобы он снял шляпу, улыбался, кланялся, говорил приветствия и т. д. Здесь все этому подчиняются, даже министры, как мы убедились дальше. Таким образом, из Нью-Йорка мы видели до сих пор только несколько небоскребов в тумане и те пригороды, через которые нас везли. Все это скверно, серо, мелко, деревянно, но среди домишек, веревок с бельем и пустырей все время возникают и до самого неба возвышаются невиданные громадины – заводы, мосты, резервуары, дамбы для автомобилей, бесконечные железнодорожные станции. Ничего «принципиально» нового, ничего после Европы неожиданного, но все раздуто, преувеличено, напихано в колоссальных количествах, грубо, наспех, небрежно, некрасиво, но солидно и – главное – богато. Чувствуется, что в этой стране были еще недавно большие деньги и тратить их умели широко, по-американски…

Ну, в Вашингтоне при приезде был опять большой тарарам: фотографы, встречающие и проезд города на машинах под конвоем полицейских мотоциклетов вместо кавалерии. А с тех пор идет работа, и мы города как следует не осмотрели. Ходили пешком только два раза…

Живем мы у Сквирского[38] в доме, он освободил для нас три

комнаты: свою собственную, канцелярию и библиотеку, здесь же едим, здесь же и работаем. Выезжаем только «официально» – в министерство и т. д. Папаша весь день проводит на заседаниях, то в министерстве, то в Белом доме (у президента); в министерство я его обычно сопровождаю, а в Белом доме мы были все только на парадном завтраке, но об этом рассказать надо не в письме. Дом Сквирского спервоначала был оцеплен невероятным количеством полиции, не то для почета, не то для охраны, так как были всякие слухи о покушениях, даже одного белого арестовали в Нью-Йорке. Теперь по нашей просьбе сильно сократили. Все же с нами всюду ездит один человек, и внизу в передней Сквирского тоже сидит. Все это очень «мило» – дежурный всячески помогает отправить телеграммы и т. п…»

До отъезда Литвинова в Америку в Москве были определены принципы советской позиции во время будущих переговоров с правительством Соединенных Штатов Америки. Было ясно, что не сразу удастся обо всем договориться с правительством Рузвельта. Противники признания Советского Союза не теряли времени, всячески старались застопорить переговоры. Еще 27 мая 1933 года руководитель восточноевропейского отдела государственного департамента Роберт Келли передал в госдепартамент, а через него Рузвельту памятную записку. В ней он выдвинул три условия, выполнение которых обязательно для Советского Союза. СССР должен возвратить Америке царские долги, уплатить громадную сумму за национализированную после революции собственность, принадлежавшую американцам, и, наконец, прекратить «революционную пропаганду».

Советский Союз не мог пойти на уплату долгов, не мог пойти на возмещение конфискованной собственности американских капиталистов. Советская страна имела серьезные материальные контрпретензии в связи с американской интервенцией в Россию.

Решить все вопросы претензий и контрпретензий можно было только с Рузвельтом. Он был тем государственным деятелем, который способен заглянуть в будущее, а это будущее настоятельно требовало нормализации отношений с Советским Союзом.

Но сразу же возникал вопрос: кто будет вести переговоры с Литвиновым – государственный секретарь или президент? Рузвельт вполне мог поручить эту миссию Хэллу. Но тогда переговоры могли затянуться. В Белом доме чувствовалась очень нервозная обстановка. Это Литвинов заметил уже во время первого официального визита. Было ясно, что там все подчиняются воле и интеллекту Рузвельта. Но нервозность

свидетельствовала о том, что Рузвельту нелегко держать в своих руках всю огромную сложную машину государственной власти и справляться с явным и тайным противодействием своей политике.

А противодействие это усиливалось с каждым днем. Просматривая ежедневно крупнейшие вашингтонские и нью-йоркские газеты, Литвинов видел, как активизировались не только американские противники признания Советского государства, но и многочисленная белогвардейская эмиграция. Вся контрреволюционная нечисть, выметенная Октябрем и нашедшая пристанище в Америке, тогда еще чувствовала себя весьма сильной и лелеяла надежду на реставрацию в России если не монархии, то уж капитализма наверняка. В газетах наряду с позитивными материалами публиковались и дикие небылицы, клевета о Советской стране и ее дипломатах.

В таких условиях начались вашингтонские переговоры.

Каждое утро по заранее определенной программе Литвинов приезжал в государственный департамент или в Белый дом. У подъезда все эти дни ждали журналисты. Сотрудники госдепартамента и секретной полиции решительно осаживали слишком назойливых корреспондентов. Выйдя из машины, Литвинов дружески здоровался с журналистами, советовал им быть терпеливыми и, улыбаясь, проходил к главному входу.

Рузвельт с живым интересом присматривался к советскому дипломату, к его манере держаться, искал в нем какие-то особые черты, которые, по мнению многих, должны быть присущи русским революционерам, и никак не находил их. Полноватый человек в очках, одет в строгий костюм, спокоен, методичен, говорит на хорошем английском языке. Надо полагать, что Рузвельт при его проницательности за две недели общения сумел оценить и внутренний мир советского наркома. Ведь не случайно же, когда Литвинов через восемь лет снова приехал в Вашингтон, между ними установились вполне дружеские отношения.

В чем же дело? В могучей внутренней силе и идейной убежденности Литвинова. В его интеллекте, богатом жизненном опыте. Он принадлежал к тем людям, которые могли даже противников заставить себя уважать. Эти качества были присущи ленинской гвардии. Несколько десятилетий назад Борис Спиридонович Стомоняков писал: «Историки нашей эпохи будут с особым интересом изучать личность и международную роль человека, который из старого, заслуженного профессионального революционера-подпольщика превратился в выдающегося дипломата своего времени. Они будут искать объяснения этого поразительного превращения и блестящих успехов т. Литвинова на международном поприще в его биографии, в его личных

качествах. Эти поиски будут, конечно, плодотворными, ибо т. Литвинов является богато одаренной и сильной личностью, человеком крупнейшего масштаба».

Да, он был таким. Он был одним из тех деятелей партии, для которых школой жизни была революция. Формально он получил образование в реальном училище. Уже будучи народным комиссаром по иностранным делам, всемирно признанным дипломатом, он иногда не без горечи говорил друзьям: «Человек должен иметь специальность. Человек должен иметь образование. А у меня нет даже специальности».

Так говорил не только Литвинов. Как-то в кругу близких друзей Красин заметил: «Ну кто мы, советские дипломаты, такие? Я – инженер, Крестинский – учитель. Какие мы дипломаты!» А они заставили отступить изощренных, многоопытных буржуазных дипломатов.

Рузвельт, проницательный политик, оценил реалистический ум Литвинова, понял, что перед ним безгранично уверенный в правоте своего дела человек, достойно представляющий новый, неведомый Рузвельту мир. Мир, идеи и интересы которого он будет защищать до конца.

Это импонировало Рузвельту. Он увидел в советском дипломате достойного партнера и взял переговоры в свои руки, что было очень непросто и небезопасно для него. Даже мать Рузвельта использовали для того, чтобы не допустить установления дипломатических отношений с Советским Союзом. Вся Америка знала, как Рузвельт любит свою мать и как Элеонора Рузвельт не ладит со свекровью. Была сделана попытка, впрочем безуспешная, заручиться поддержкой жены президента.

В тот день, когда Рузвельт сам начал вести переговоры с Литвиновым, в кабинете президента неожиданно появилась Элеонора Рузвельт. В присутствии советского дипломата сказала мужу:

– Франклин, почему бы тебе не рассказать о переговорах с мистером Литвиновым твоей матери? Представь себе, что в один прекрасный день твоя мать просыпается и узнает, что между Соединенными Штатами и Советской Россией установлены дипломатические отношения. Как она воспримет все это, ты подумал об этом? Ведь с ней может случиться шок!

– Ну что ж, – ответил Рузвельт. – Пусть она об этом узнает неожиданно. Пусть будет шок. Этот шок неопасен…

Уже в первый день государственный секретарь Хэлл изложил американские претензии, обстоятельно перечислил суммы, предоставленные правительству Керенского: тогда-то – столько-то миллионов долларов, а тогда-то – столько-то.

Литвинов сказал, что он может дополнить этот список. Кредиты, предоставленные Керенскому, расходовались также на покупку оружия для Юденича, Врангеля и других царских генералов. Это финансирование контрреволюции причинило большие страдания народам России. Оно противоречило стремлениям и американского народа, который не желал такой политики. Это легко доказать. Он, Литвинов, уверен, что если бы тогда у власти в Америке находилось правительство, которое преследует те же цели, что нынешняя американская администрация, то Керенский и царские генералы не получили бы этих средств. Как можно заставить русский народ платить за пушки и карабины, из которых расстреливали русских! Противоестественно было бы, например, заставить американцев платить деньги Англии, которые она расходовала на войну в Америке, когда американцы боролись за независимость своей страны. Кстати, народ России иначе относился к борьбе американцев за свою свободу. В ту трудную для России пору ее передовые люди с большой симпатией наблюдали за борьбой американцев. Даже Екатерина II высказывала свои симпатии Америке. В архивах царского министерства иностранных дел сохранились интересные документы по этому поводу.

Литвинов говорил, тщательно подбирая и взвешивая каждое слово. Рузвельт слушал с интересом, изредка бросая взгляды на Хэлла, который явно считал выступление Литвинова «красной пропагандой».

После длительного обсуждения первого вопроса, убедившись в том, что Литвинов не уступит и что так решено в Москве, Рузвельт предложил обсудить второй вопрос, заметив, что к первому вопросу еще можно будет вернуться.

Хэлл предъявил заготовленный список претензий американских собственников, чье имущество было национализировано в России после революции. Сказал, что правительство Соединенных Штатов настаивает на компенсации.

Переговоры по этому вопросу продолжались несколько дней. Литвинов заявил, что Советское правительство предъявляет контрпретензию. Во время гражданской войны в России Соединенные Штаты Америки послали в Сибирь экспедиционный корпус под командованием генерала Грэвса. Ущерб, нанесенный американской интервенцией, значительно больше того, что американцы потеряли в России. Хэлл напомнил, что корпус Грэвса был выведен из Сибири. Литвинов сделал уточнение: Грэвс вынужден был вывести корпус, убедившись в безнадежности интервенции.

Обсуждение следующей проблемы шло быстрее и легче.

Рузвельт сказал, что Советский Союз «должен воздержаться от вмешательства в какой бы то ни было форме во внутренние дела Соединенных Штатов». Спросил Литвинова, будет ли американцам – сотрудникам посольства в Москве гарантирована свобода религии, сумеют ли они ходить в церковь, костел или синагогу, в зависимости от их религиозной принадлежности.

Литвинов посвятил Рузвельта в сущность советской конституции, привел ее статьи, гарантирующие свободу вероисповедания, сказал, что все посольства, аккредитованные в Москве, пользуются этими правами, президент может в этом легко убедиться.

Хэлл и тут был придирчив. После того как Литвинов удостоверил в письменной форме, что американским дипломатам гарантируется свобода вероисповедания, Хэлл неожиданно потребовал, чтобы американцам предоставили право владения или аренды помещения для религиозных служб. Литвинов отвел требование, сказав, что никаких привилегий в этом вопросе американцы не получат. Он принял лишь то, что не противоречило интересам Советского государства.

В канун завершения переговоров Рузвельт объявил, что он решил назначить Уильяма Буллита послом Соединенных Штатов Америки в Советском Союзе.

После поездки в Москву в 1919 году Буллит рекламировал себя как сторонника сближения с Советской Россией. Рузвельт считал его подходящей кандидатурой. Но в Москве очень хорошо знали, что представляет собой этот американский дипломат.

Буллит, присутствовавший на переговорах в Белом доме, был очень оживлен.

– После 20 ноября я собираюсь ненадолго поехать в Москву, – радостно сообщил он присутствующим. – Скажите, господин Литвинов, какой район вашей столицы самый высокий?

– Ленинские горы, оттуда Москва видна как на ладони, – сказал Литвинов.

– О'кей, это великолепно! Именно там надо построить здание американского посольства. У меня даже есть план – это будет копия дома Джорджа Вашингтона. Представляете, как эффектно он будет доминировать над Москвой, – и Буллит победоносно улыбнулся, ища одобрения.

Литвинов хмыкнул.

– Я буду рад видеть вас в Москве. Думаю, что нам придется немало поработать, чтобы наладить дружеские отношения на благо наших народов, – сдержанно ответил советский дипломат.

Оставшиеся дни были заполнены переговорами и беседами. Не все детали этих переговоров сохранились в архивных сейфах.

Бесспорно, были нюансы, которые уже никогда не станут известны, ибо давно нет в живых главных участников переговоров. Но не так уж важны отдельные детали – они не больше чем виньетки к великому полотну. Важен конечный результат.

Литвинов сумел убедить Рузвельта, что нет ничего важнее для двух стран, чем признать друг друга. И Рузвельт понял, что не признать Советский Союз он уже не может. 16 ноября 1933 года дипломатические отношения были установлены. Вся огромная работа завершилась двумя короткими письмами, которыми обменялись президент и советский нарком.

Рузвельт писал: «Мой дорогой господин Литвинов, я весьма счастлив известить Вас, что в результате наших с Вами бесед правительство США решило установить нормальные дипломатические отношения с правительством СССР и обменяться с ним послами.

Надеюсь, что отношения, ныне устанавливаемые между нашими народами, смогут навсегда оставаться нормальными и дружественными и что наши народы впредь смогут сотрудничать ради своей взаимной пользы и ради сохранения мира во всем мире».

Литвинов по поручению Советского правительства вручил Рузвельту ответ: «Мой дорогой господин Президент, я весьма рад известить Вас, что правительство СССР охотно готово установить нормальные дипломатические отношения с правительством США и обменяться послами.

Я также разделяю надежды, что отношения, ныне установленные между нашими народами, смогут навсегда оставаться нормальными и дружественными и что наши народы впредь смогут сотрудничать ради своей взаимной пользы и ради сохранения мира во всем мире».

Рузвельт поздравил Литвинова, сказал несколько приятных слов по адресу Советской страны и ее дипломатов. Литвинов поблагодарил, ответил той же любезностью. И они продолжили тот деловой разговор, который вели все эти Дни, обсудили детали будущих взаимоотношений, деятельность американского посольства в Москве и советского – в Вашингтоне, говорили о возможностях будущей торговли, о том, как это скажется на положении обеих стран. И, конечно, о положении в мире, о событиях в Германии. Рузвельт явно не желал уделять Германии больше внимания, чем другим странам и проблемам, но Литвинов возвращал его к этой теме, подчеркивая мысль, что самый опасный очаг напряженности в мире – это гитлеровская Германия и что если не удастся ее изолировать, то мир будет

нарушен, Америка не сумеет остаться в стороне.

Рузвельт успокоительно заметил, что, по мнению специалистов, занимающихся изучением общественного мнения, 92 процента населения земного шара желает мира и лишь 8 процентов стремится к нарушению его. Литвинов ответил, что неправильно включать в эти 8 процентов все население стран, лидеры которых готовятся к войне. Войну готовит кучка преступников, и, если их не остановить, в мире разразится пожар.

Во время одной из последних бесед Рузвельту доложили, что министерство связи Соединенных Штатов Америки наладило радиотелефонную связь с Москвой, подготовив прямой разговор Вашингтона с советской столицей. Рузвельт решил сделать сюрприз Литвинову, предложив ему осуществить этот первый в истории разговор Вашингтон – Москва. Литвинов спустился на нижний этаж, где был установлен телефон прямой связи.

В Москве на Центральном телеграфе тоже готовились к важному событию. Когда стало известно, что у аппарата будет Литвинов, известили его семью. По просьбе Рузвельта пригласили к телефону супругу советского дипломата.

В Вашингтоне и Москве технические службы сделали все возможное для наилучшей слышимости. Но, как это часто бывает при телефонных переговорах, супруги несколько раз повторяли: «Алло! Ты меня слышишь? Я тебя слышу!» Разговор был записан в американской столице на специальную пластинку, затем передавался по радио на Соединенные Штаты Америки и остался еще одним свидетельством тех уже далеких событий.

«Комиссар Литвинов. Алло!

Айви Литвинова. Алло, дорогой, алло! Я прекрасно слышу тебя. Как ты себя чувствуешь?

Комиссар Литвинов. Пожалуйста, говори медленнее. *Айви Литвинова.* Хорошо.

Комиссар Литвинов. Я нахожусь сейчас в Белом доме. *Айви Литвинова.* Да, я это знаю.

Комиссар Литвинов. Я только что беседовал с президентом. Он просил передать тебе привет.

Айви Литвинова. Большое спасибо, я все поняла.

Комиссар Литвинов. Сквирский тоже передает тебе привет.

Айви Литвинова. Большое спасибо.

Комиссар Литвинов. Все здесь сожалеют, что ты не приехала сюда вместе со мной.

Айви Литвинова. О!

Комиссар Литвинов. Президент и госпожа Рузвельт также выразили сожаление по поводу того, что ты не приехала со мной.

Айви Литвинова. Это очень любезно с их стороны.

Комиссар Литвинов. Мне тоже жаль, что так получилось.

Айви Литвинова. Я надеюсь, что еще смогу приехать в Америку в следующий раз.

Комиссар Литвинов. Как ты себя чувствуешь?

Айви Литвинова. Очень хорошо. А как твое самочувствие?

Комиссар Литвинов. Все в порядке. Как здоровье детей?

Айви Литвинова. Дети здоровы. Здесь со мной Миша. Он хочет сказать тебе несколько слов.

Комиссар Литвинов. Алло, Миша!

Миша. Алло!

Комиссар Литвинов. Как твои школьные дела? Уроки готовишь?

Миша. Все в порядке.

Комиссар Литвинов. Миша! Миша, ты меня слышишь?

Миша. Да, слышу!

Комиссар Литвинов. У тебя все в порядке?

Миша. Да!

Комиссар Литвинов. С учебой у тебя все в порядке?

Миша. Да, в полном порядке.

Комиссар Литвинов. Таня тоже пришла на переговорный пункт?

Миша. Нет.

Комиссар Львиное. Тани с вами нет?

Миша. Я же тебе сказал: здесь только мама и я. Как ты себя чувствуешь, папа?

Комиссар Литвинов. Я пробуду здесь еще целую неделю.

Миша. Папа, у тебя зубы болели. Сейчас тоже болят?

Комиссар Литвинов (смеется). Все прошло.

Айви Литвинова. Миша только что пришел из школы. он очень хотел поговорить с тобой. А Таня еще в школе и поэтому не смогла прийти. Ты слышишь меня?

Комиссар Литвинов. Да, слышу.

Айви Литвинова. Как там настроение, хорошее? У всех хорошее?

Комиссар Литвинов. Да. Какая в Москве погода?

Айви Литвинова. У нас погода чудесная. Идет пушистый снег… Который час теперь в Вашингтоне? Десять часов утра, не так ли?…»

Где-то над океаном бушевала гроза… Литвинов с сожалением положил трубку на рычаг. Поднялся к Рузвельту. Президент сидел в кресле, откинувшись на спинку, спросил:

– Как прошел разговор?

– Говорил с женой и сыном. Слышимость отличная, – ответил Литвинов.

Рузвельт улыбнулся:

– Господин Литвинов, такой разговор – лучшая пропаганда за ваш строй. Когда американец узнает, что у большевистского комиссара есть жена и дети, что он семьянин, американец проникнется уважением к самому комиссару и к его стране.

Во время беседы Литвинова с Рузвельтом в Белый дом пришел чиновник государственного департамента и в присутствии президента передал Литвинову ключи от здания российского посольства, бывшего дома американского миллионера Пульмана, который когда-то купило царское правительство. Когда Литвинов принял ключи, Рузвельт, улыбаясь, поздравил советского дипломата.

Литвинов и Сквирский в сопровождении американки Джессики Смит, сотрудницы Советского информационного центра, отправились в здание посольства. Мрачную картину являл собой особняк. Совсем недавно оттуда выехал «посол» Временного правительства Бахметьев. Здание казалось мертвым. Мраморные полы были расколоты, кое-где в углублениях стояли лужи. На окнах и дверях висели обветшалые портьеры, с потолков свисала паутина. Литвинов долго молча смотрел на это запустение. Потом спросил у Джессики Смит:

– Кто является лучшим архитектором Соединенных Штатов?

– Шорн, – ответила Смит.

– Вот его и надо привлечь, – сказал Литвинов. – Пусть приведет в порядок особняк, сделает его радостным, солнечным…

Несмотря на старания противников переговоров и злобствования желтой прессы, тысячи людей стремились высказать свои симпатии Советскому Союзу. В адрес Литвинова шли письма, телеграммы. Люди дежурили у Белого дома и на улице, где жил Литвинов. Приходили на квартиру к Сквирскому, чтобы пожать руку советскому дипломату, передать привет русским рабочим. Многие охотились за автографами.

Случались и курьезы. Однажды явился зубной врач, выходец из России. Он слушал речь Литвинова по радио, и ему показалось, что тот шепелявит.

– Я предлагаю вам сделать новые зубы, – сказал врач несколько озадаченному Максиму Максимовичу. – Будете говорить, как лорд. Как земляку сделаю бесплатно. От рабоче-крестьянского наркома не хочу брать даже цента. Вы же не буржуй. Я лучше потом три раза сдеру с буржуя.

Литвинов привык к самым невероятным просьбам и предложениям, с которыми к нему довольно часто обращались. Иногда это были фантастические планы переустройства мира. А иногда… Как-то перед очередной поездкой в Женеву Максим

Максимович получил письмо от московского часовщика: «Вы едете в страну часов, – писал тот. – Купите мне детали. Я вам всю жизнь буду чинить часы бесплатно».

Литвинов всегда отвечал на все письма, просьбы и предложения. Автору фантастических планов переустройства мира он объяснил нереальность его замыслов. Московскому часовщику привез из Женевы детали. Не хотел он обижать и зубного врача из Вашингтона: отказал ему очень мягко.

После обмена письмами с Рузвельтом Литвинов выступил в Национальном пресс-клубе перед представителями всех крупнейших газет и агентств Соединенных Штатов. Американцы писали, что это была самая многолюдная пресс-конференция за последние десятилетия.

Советский дипломат сделал заявление о ходе переговоров с президентом. Сказал, что народы Советского Союза примут известие о восстановлении дипломатических отношений с самым искренним удовлетворением, подчеркнул, что открываются возможности для подлинно дружественных отношений и мирного сотрудничества двух крупнейших государств. Все честные, миролюбивые люди, все, кто против культивирования недоброжелательства, недоверия, враждебных действий и других аномалий в отношениях между народами, будут обрадованы.

Журналисты аплодировали, потом задавали вопросы, и Литвинов снова спокойно и доброжелательно отвечал.

– Каким образом установление дипломатических отношений между Америкой и Советским Союзом может повлиять на судьбу III Интернационала?

– III Интернационал не упоминался в документах, – парировал Литвинов. – Не следует приписывать документам того, что в них не содержится.

– Не занимаются ли русские распространением пропаганды в Соединенных Штатах Америки?

– Я прошу журналиста, задавшего этот вопрос, при всех присутствующих дать мне адреса советских граждан, которые занимаются распространением советской пропаганды в Соединенных Штатах Америки.

Это был нокаут. К столу председателя пресс-конференции никто не подошел.

23 ноября советский дипломат завершил свои дела в Вашингтоне. Рузвельт сердечно попрощался с ним, подарил Литвинову портативный радиоприемник – тогда это было редкостью. Высказал надежду, что они еще когда-нибудь увидятся. Но ни Рузвельт, ни Литвинов тогда, разумеется, не

могли знать, что через восемь лет весь мир уже будет охвачен войной.

На 24 ноября в Нью-Йорке был назначен большой банкет в честь советского наркома. По приезде в Нью-Йорк 7 ноября Литвинов сразу же поездом выехал в Вашингтон, не успев даже бегло осмотреть город. Теперь он решил наверстать упущенное и вместе с Дивильковским поехал осматривать достопримечательности Нью-Йорка – его улицы, мосты, памятники. Побывал Литвинов и в 102-этажном «Эмпайр стейт билдинг», поднялся на обзорную площадку. Ничем не выдал своего отношения к великолепному инженерному сооружению. Но когда спустился вниз, сказал Дивильковскому:

– Интересно знать, если в Америке произойдет революция и в это здание назначат управдома, на следующий день будет здесь работать канализация? Или тем, кто находится на 102-м этаже, придется бегать вниз?

Не раз гневался Литвинов на безрукость иных наших хозяйственников, на их неумение использовать те громадные возможности, которые дала революция, и удивительную способность любой пустяк превращать в проблему…

Банкет, который готовила Американо-Русская торговая палата, был назначен на вторую половину дня. Все, кто имел хоть малейшее отношение к деловому и политическому миру, старались туда попасть, ибо участие в таком банкете в какой-то степени определяло вес человека в нью-йоркском обществе. Все национальности города-гиганта были представлены на банкете. Это была всеамериканская ярмарка драгоценностей и тщеславия. И там Литвинову предстояло произнести свою последнюю речь на американской земле. Литвинов, агент ленинской «Искры», профессиональный российский революционер, прошедший через тюрьмы, ниспровергатель капитализма, а теперь всемирно признанный дипломат, должен был сказать, что он думает о положении дел в мире. Говорил по-английски. Без бумажек. Он беседовал с этой огромной многоликой аудиторией как представитель нового мира, уверенного в своем моральном превосходстве и в своем будущем.

Он рассказал о беседах с президентом. «Мы оба как будто не торопились с окончанием. Я думаю, что мы оба, чувствуя приближение момента, когда будут приняты взаимные обязательства, пытались использовать остающийся период свободы, чтобы повести между собой немного пропаганды. Президент обратился ко мне со своего рода религиозной пропагандой. Хотя нам едва ли удалось убедить друг друга, мне понравились методы президента при обсуждении вопросов. Я

никогда не сомневался в результатах. С тех пор как президент охарактеризовал отсутствие взаимоотношений как ненормальное положение, я был уверен, что он сделает все от него зависящее, чтобы устранить эту ненормальность.

Потрясения, вызванные мировой войной в политическом, экономическом и социальном строе капиталистического мира, не прекратились, а продолжают расширять свое разрушительное действие… Подготовка к новым войнам ведется совершенно открыто. Не только возобновилась и усилилась враждебная гонка вооружений, но – и это, быть может, еще более серьезно – подрастающее поколение воспитывается на идеализации войны. Характерным для такого милитаристского воспитания является провозглашение средневековых лженаучных теорий о превосходстве одних народов над другими и права некоторых народов господствовать над другими и даже истреблять их. Песни, музыка, литература, наука – все это подчиняется интересам милитаристского воспитания молодежи».

Он говорил о провале конференции по разоружению, о продолжающемся свертывании международной торговли, десятках миллионов безработных, продолжающемся кризисе и бросил в притихший зал: «…все это не позволяет питать розовые надежды на улучшение экономического положения. На этом мрачном фоне моя страна выделяется, как луч света».

Литвинов объяснил американским бизнесменам, как Советский Союз добился промышленного, технического, научного прогресса, роста культуры, развития здравоохранения, ликвидации неграмотности. Он говорил долго. И миллионеры Нью-Йорка слушали и записывали…

Быстроходный итальянский пароход «Конте ди Савойя», на котором Литвинов должен был отправиться в Европу, готовился к отплытию. В честь Советского Союза над лайнером взвился Красный флаг.

С раннего утра в нью-йоркской гавани собралась огромная толпа. Литвинов, сопровождаемый сотрудниками американской секретной полиции, с трудом протиснулся к трапу и поднялся на палубу. Тысячи людей приветливо махали руками, скандировали: «Да здравствует Советская Россия!» На палубе находился министр почт Соединенных Штатов Джеймс Фарли, отправляющийся этим же пароходом в Европу, и дипломаты, приехавшие из Вашингтона, чтобы проводить советского наркома.

Литвинов подошел к микрофону. Он поблагодарил за теплые проводы, за симпатию граждан Нью-Йорка к его стране. Корреспонденты настойчиво требовали, чтобы Литвинов дал свое

последнее интервью. Литвинов коротко ответил, что он доволен своим визитом в Америку.

Наконец стрелки часов, на которые нетерпеливо поглядывали полицейские, показали пять минут первого. Над гаванью поплыли гудки, и «Конте ди Савойя» покинул порт. «Нью-Йорк сан» писала в тот день: «Из-за общего волнения, связанного с отъездом Литвинова, толпа оттеснила министра почт Джеймса Фарли и всех официальных лиц. Их все забыли, кроме группы полицейских… Когда пароход оторвался от причала, все еще раздавались шумные приветствия…»

И снова был Атлантический океан, свинцовый в ту зимнюю пору. На пятые сутки на горизонте мелькнули Азорские острова, а потом прошли через Гибралтар…

О событиях тех дней, о том, что происходило в Нью-Йорке на банкете, и путешествии через океан в Европу подробно написал в письме жене Дивильковский:

«Написано на борту парохода „Конте ди Савойя“ в виду Азорских островов, опущено в почтовый ящик в Гибралтаре.

29 ноября 1933 года. Азоры – Гибралтар.

Собственно говоря, и дата и место неверны. В Нью-Йорке сейчас 7 часов вечера 29-го числа, здесь примерно 11–12 часов ночи, а у Вас уже 3 часа ночи 30 ноября; что касается места, то Азорских островов мы и не видели, только смутно различали вчера вечером маяки на юге. В Гибралтаре будем только завтра вечером, а сейчас плывем где-то милях в 300 от берегов Португалии, на юго-восток; кстати, тут я высчитал, что никогда еще в жизни не спускался так далеко на юг; все-таки сокрушаюсь, что на этот раз Южного Креста не придется увидеть…

Из Нью-Йорка послал Вам только пару открыток, написанных наспех. Всего провели там две ночи и один день. Ночи спали, вечерами – первый день осматривали новую рокфеллеровскую Радио-Сити – это большой комбинат небоскребов, радиостудий и кино: видели там самый большой кинотеатр в мире, на 6000 зрителей, полным-полнехонький. Водили нас по нему и вдоль и поперек, затем смотрели хронику с нами самими, но главный фильм видели только кусок: шли «Маленькие женщины» по Алькотту – наверное, в детстве Вы читали это. Во второй вечер был в новой гостинице «Вальдорф-Астория» (65 этажей) грандиозный обед в честь Папаши – 1600 присутствующих. Играли американский гимн и «Интернационал» – уж конечно, в «Вальдорф-Астории» это было впервые, а большинство гостей вообще не знало, что это такое. Папаша сказал очень хорошую речь…

Днем (наш единственный день в Нью-Йорке) ездили смотреть

город. Папаша успел осмотреть очень много, а я был только на сеансе телевидения, затем лазил на верхушку «Эмпайр стейт билдинга» (102 этажа), выше Эйфелевой башни – послал Вам оттуда открытку, был туман, и с этой высоты ничего не было видно. Затем мы со Сквирским отправились покупать мне чемодан, а затем «за покупками», кончились «покупки», конечно, ничем, за отсутствием основного – денег.

Кстати, о деньгах. На банкете в пятницу вечером моим соседом за столом был председатель правления величайшего банка в мире «Чейз нэшнл бэнк». Человек лет 45, стопроцентный американец, с нами дела ведет давно, но о нашей стране имеет такое же представление, как какой-нибудь среднего образования морж с земли Франца-Иосифа. Ставил мне залпом самые чудовищные вопросы. Наконец, спросил, сколько я получаю. Я говорю. Сколько это долларов? Я – 200. Он (с довольным видом): а я 10 000. Хотелось мне сказать ему, что я бы не поменялся, но уж удержался. Дальше: где вы живете? какая квартира? жена? дети? прислуга? Я на все отвечаю. Он очень заинтересовался Вами, установил, что вы одних лет с его женой и детей у них столько же, стал расспрашивать про Вас, что Вы в жизни делаете, какое платье носите, могли бы носить дорогие платья, если бы они у Вас были, и т. д. Я терпеливо на все отвечаю, он все время извинялся за свои вопросы, но говорил, что это все ему страшно интересно. Наконец, получив все сведения и все пережевав, он вдруг ко мне обращается: «Надеюсь, вы не обидитесь, мне очень хотелось бы доставить удовольствие Вашей жене. Член нашего правления такой-то – владелец самых крупных универсальных магазинов в Нью-Йорке. Разрешите мне завтра утром познакомить вас с ним. Вы обойдете его магазины, купите все самое лучшее и самое дорогое, что только вам понравится для вашей жены, и „Чейз бэнк“ за все заплатит».

Весь разговор у меня с ним был непосредственно по-английски. Но тут я обратился к другому его соседу, члену правления Амторга Розенштейну, и попросил за меня ответить, что моя жена будет страшно благодарна, если мистер такой-то от ее имени внесет деньги, которые у него, очевидно, есть лишние, в какой-нибудь фонд помощи нью-йоркским безработным. Поручение было передано, к этой теме мы больше не возвращались. В конце вечера, прощаясь со мной, он что-то пробормотал насчет моей «остроумной шутки». Боюсь, что безработные от Вашего имени ничего не получат. Думаю, что Вы не будете жалеть об утерянной возможности получить все «самое лучшее и самое дорогое» в Нью-Йорке.

Вот. На следующее утро, в субботу, мы еще объехали на

машине некоторые районы в центре города (в общей сложности, конечно, я не видел и сотой доли Нью-Йорка), заехали в Амторг, где был летучий митинг, и с представителями МИДа[39] отправились на пароход. Там была опять толпа людей, журналисты, кинематографщики, вопли, аплодисменты, суетня, но все кончилось очень быстро. Надо сказать правду – вся эта поездка была для Папаши (т. е. для СССР) сплошным триумфальным шествием.

Теперь плывем уже пятые сутки. Завтра, в четверг, отправлю это письмо из Гибралтара, а в субботу в 12 часов дня (2-го декабря) будем в Неаполе и в тот же вечер в Риме. Надеюсь в Риме найти письма от Вас. В Берлине мы, возможно, будем 7-го и 8-го, в Москве – 10-го.

Плавание опять удачное, слишком даже – совсем нет настоящей океанской качки, так мне ее, видно, и не суждено изведать. Погода все время до того теплая, что при всех открытых иллюминаторах в каюте приходится спать без одеял и простынь. А у Вас сейчас снег лежит!

Пароход огромный и один из самых современных в мире («Конте ди Савойя» построен в Триесте в 1932 году), масса усовершенствований… Отделка всяческих салонов первого класса – верх роскоши и квалифицированного итальянского дурного вкуса – мрамор, позолота, картины, статуи и т. д. Во втором и третьем классах – сверх ожидания – чисто и нетесно, правда, пассажиров меньше половины нормы. Нечего Вам говорить, что я и утром и вечером наслаждаюсь итальянской кухней, особенно налегая на спагетти во всех видах, и даже позволяю себе кианти (с водой). Эта роскошь мне простительна – вообще я за границей веду себя очень и очень скромно.

Боюсь растягивать письмо, и вообще обо всех событиях нашей жизни нельзя распространяться в письме, но очень хочется мне еще рассказать Вам один случай. Уже на пути в Америку была у нас масса забавных встреч – например, к Уманскому подъезжал «чемпион спорта», который вместо спорта предлагал ему взять на откуп монополию ввоза виски в СССР. Но самая, пожалуй, потрясающая встреча была у меня здесь (кстати, писал ли я Вам, что Уманский остался в Вашингтоне с острым ревматическим воспалением после гриппа и что мы с Папашей едем одни, если не считать спутников-журналистов). Я получил через администрацию парохода записку, что меня хочет видеть едущая во втором классе венгерская журналистка. Назначил ей время. Явилась девица лет 22 – накрашенная, со стрижеными бровями. Показала бумажку от какой-то подозрительной венгерской редакции и стала объяснять, что она, собственно, еще не

настоящая журналистка, но что если ей удастся получить интервью Максима Максимовича, то ее карьера будет сделана. Я выразил сожаление и отказал.

Тогда она заявила, что страшно интересуется моей страной, и просила меня назначить отдельно время, чтобы расспросить меня. Я времени не назначил. Тем не менее она опять явилась после обеда и стала «задавать вопросы», например, обязаны ли все женщины в СССР носить одинаковые платья? Затем заявила, что ей Европа и Америка не нравятся и она желает получить визу, чтобы поселиться в СССР. Я ей популярно объяснил, что ее-то там и недоставало. Тогда она объявила, что выйдет замуж за какого-нибудь инженера, едущего в СССР на работу, и обязательно поселится, и тут же спросила меня, какой мой московский адрес и нельзя ли нам еще встретиться в Риме. Я заявил, что я не инженер и не холост, и спасся от нее бегством. Тем не менее в тот же вечер она уже танцевала в дансинге и посылала мне убийственные улыбки, так что мне пришлось спасаться и из дансинга. Возможны, конечно, разные теории – подослана и т. п. Но вернее всего – просто дура».

Еще через два дня Дивильковский написал на борту теплохода короткую открытку:

«1. XII 1933 г.

Подъезжая к Неаполю.

В Неаполе будем завтра. Погода испортилась, солнца нет, и по морю идут волны, меньше, конечно, чем в океане. Средиземное море на себя не похоже. Жаль, конечно, и то, что в Неаполь не приедем при синем небе».

В Неаполе Литвинов задержался, чтобы осмотреть развалины Помпеи, побывал в Сорренто. В Риме, в палаццо Венеция, он беседовал с Муссолини, были банкеты и проводы. Быстро промелькнула маленькая Австрия, Берлин с гестаповцами на перроне.

В Берлине сотрудники полпредства принесли к поезду газеты, и Литвинов прочитал, какой отклик во всем мире получила вашингтонская миссия.

Еще в ходе переговоров, а особенно после их завершения американская пресса посвящала этому событию целые полосы. Отклики были противоречивыми. Пресса изоляционистов, пытаясь принизить успех советской дипломатии, обрушивалась на Рузвельта, упрекая его в том, что Литвинов обвел его вокруг пальца. Но больше было трезвых оценок. Крупнейший американский журналист Уолтер Дюранти хотя и писал в «Нью-Йорк тайме», что достигнутые соглашения носят характер

купеческой сделки, напоминающей «торговлю лошадьми на ярмарках янки», однако признал, что Литвинов был «очень сильным противником». «Нельзя забывать, – писал Дюранти, – что в жилах Франклина Рузвельта течет кровь голландских купцов и коммерсантов Новой Англии, а Максим Литвинов принадлежит к национальности, стяжавшей себе славу на коммерческой арене… Подводя итоги… я сказал бы, что Максим Литвинов возвращается домой с очень жирной рождественской индюшкой».

Об успехе советской дипломатии писали газеты Парижа, Лондона, Стокгольма, Токио, Варшавы, Мадрида и других столиц. Многие органы печати пытались осмыслить происшедшее. Тогда, разумеется, никто не знал, что во время переговоров был заложен фундамент будущей антигитлеровской коалиции и в мировой схватке американский народ окажется в одном лагере с Советским Союзом. Но все понимали, что в Вашингтоне не просто подписан важный дипломатический документ, а произошло большое историческое событие, и Советский Союз одержал еще одну значительную победу.

Даже пресса гитлеровской Германии вынуждена была дать оценку происшедшему событию. Газета деловых кругов «Франкфуртер цайтунг» констатировала: «Советский Союз действительно пробился через последнюю окружающую его блокаду».

9 декабря Литвинов возвратился в Москву. На перроне Белорусского вокзала собрались сотрудники Наркоминдела, иностранные дипломаты, журналисты. На следующий день «Правда» вышла с рисунком Дени на первой полосе. Художник нарисовал улыбающегося Литвинова с папкой под мышкой. На папке надпись: «Мирная политика СССР», а рядом сникший милитарист у пушки.

В канун нового, 1934 года открылась IV сессия Центрального Исполнительного Комитета СССР. В первый день сессии Калинин предоставил слово народному комиссару по иностранным делам.

Члены ЦИК тепло встретили Литвинова. Он говорил долго. Целый час. Это была одна из его самых важных речей за тридцать лет дипломатической деятельности. Он охарактеризовал положение, сложившееся в мире, объяснил, почему Соединенные Штаты Америки вынуждены были признать Советский Союз. «В течение пятнадцати лет, – сказал Литвинов, – эта республика, единственная из крупных держав, упорно отказывалась не только признать формальные отношения с Советским Союзом, но и признать его существование. Она, таким образом, формально не хотела признать факт Октябрьской революции и вызванных ею на протяжении [существования] нашего Союза изменений, и для нее

продолжало еще существовать где-то вне пространства Временное правительство Керенского, с агентами которого она продолжала сноситься официально до самого последнего времени. Упорствовала она не потому, что у нее были большие государственные споры с нами, чем у других стран, или что она больше других пострадала от революционного законодательства. Нет, она, по существу, продолжала борьбу, провозглашенную всем капиталистическим миром после Октябрьской революции против новой, советской системы государства, поставившей себе целью создание социалистического общества. То была борьба против мирного сосуществования двух систем. Наблюдая, как ее соратники по этой борьбе – другие капиталистические государства – один за другим покидали фронт, Америка как будто говорила им: я вас понимаю, вы слабы, вы расшатаны, вы несете большие жертвы и должны поэтому борьбу покинуть, но я достаточно сильна, чтобы одна продолжать борьбу за вас всех. Пятнадцать лет она стойко держалась на своей позиции, но в конце концов теперь борьбу прекратила. Вот почему, товарищи, в моем обмене с президентом Рузвельтом письмами от 16 ноября должно видеть не просто еще одно признание нас великой державой, но падение последней позиции, последнего форта в том наступлении на нас капиталистического мира, который принял после Октября форму непризнания и бойкота».

Литвинов не был митинговым оратором. Живи Литвинов две тысячи лет назад в Риме, он вряд ли собрал бы и горстку слушателей на площади перед Форумом. Он поражал не тембром и модуляциями голоса, а логикой, силой внутренней убежденности, которая передавалась слушателям и рождала прочную связь с аудиторией. Как всегда, ему внимали с доверием и уважением.

А Литвинов еще долго стоял на трибуне. Он говорил о процессах, происходящих в буржуазном обществе, сказал, что капиталистический мир снова готовит войну, ее зачинщиками выступают гитлеровская Германия и императорская Япония. Нарушение мира будет в первую очередь направлено против Советского государства, и к этому надо готовить армию и весь народ.

Когда Литвинов, забрав свои листочки с записями, уходил с трибуны, сессия ЦИК устроила ему овацию.

В начале января Литвинова вызвал Сталин. Интересовался подробностями миссии в Вашингтоне. Максим Максимович подробно рассказал о переговорах с президентом Рузвельтом, другими американскими политическими деятелями, в частности, о возможностях налаживания торговых отношений с

Соединенными Штатами Америки. Эта тема особенно интересовала Сталина.

После беседы Сталин неожиданно для Литвинова, явно желая подчеркнуть свое расположение, сказал Максиму Максимовичу, что просит его отныне пользоваться государственной дачей близ подмосковного поселка Фирсановка. Эта дача Сталина отныне будет дачей Литвинова.

Так начался для Максима Максимовича 1934год – семнадцатый год Советской власти.

Глава девятая
Лига Наций и Монтрё

Вернувшись в Москву, Литвинов сразу же с головой окунулся в работу. Среди множества накопившихся бумаг была телеграмма от Александры Михайловны Коллонтай из Стокгольма. Она поздравляла с успешным завершением вашингтонских переговоров, просила решить некоторые служебные вопросы. 20 декабря 1933 года Литвинов послал Коллонтай, как всегда, не обычное служебное, а дружеское письмо. «Дорогая Александра Михайловна! – писал он. – Поглощен делами по горло. Наша дипломатическая работа… только… начинается. Она никогда не была столь ответственна, как теперь, а тут еще Буллит, которому приходится уделять внимание, ибо он считает себя не только послом, но и моим личным другом. Спасибо за поздравительную телеграмму. Жму руку. *Ваш Литвинов».*

Замечание Литвинова о дипломатической работе, которая только начинается, было, разумеется, некоторой гиперболой. За плечами у советской дипломатии были значительные победы. Тем не менее эти его слова имели глубокий смысл. На мировую арену выполз гитлеровский нацизм, Германия все громче заявляла о своем стремлении «переиграть» войну. Еще незрим был военный союз, который вскоре стал называться осью «Берлин – Рим – Токио», но опытный глаз дипломата уже видел возможность его возникновения.

В конце января 1934 года должен был состояться XVII съезд партии, шла большая подготовительная работа. Литвинова избрали делегатом на партийную конференцию Дзержинского района, а затем на Московскую конференцию, которая послала его делегатом на партийный съезд, где Литвинова избрали членом ЦК ВКП(б).

Потом Литвинов выступил на собрании партийного актива Наркоминдела с докладом о съезде.

Перед советской дипломатией возникла одна из самых сложных задач за всю ее историю – противостоять усилению гитлеровской Германии путем создания средств международной безопасности. На повестку дня встал вопрос о вступлении Советского Союза в Лигу наций.

Эта международная организация, созданная на Парижской мирной конференции в 1919–1920 годах, играла немалую роль в жизни народов. Верховодили в Лиге Франция и Англия, что придало ее деятельности явно выраженный антисоветский

характер.

Приход Гитлера к власти заставил многих буржуазных политических деятелей другими глазами взглянуть на Советский Союз. Гитлеровская дипломатия начала разрушать Лигу наций, стремясь устранить со своего пути даже это слабое препятствие, расчистить дорогу к агрессии. Из Женевы отозвали немецких дипломатов старой школы. Представитель Германии на конференции по разоружению На-дольный, назначенный затем послом в Москве, был практически отстранен от дел. В Международную организацию труда из Берлина прибыл нацистский бонза, фюрер гитлеровского «Трудового фронта» Роберт Лей.

Свою дипломатическую деятельность вечно пьяный Лей начал с того, что избил портье Дворца наций и отобрал у Надольного его автомобиль, заявив ошарашенному шоферу: «Передайте послу Надольному, что он может поцеловать меня в задницу».

Другим дипломатическим представителем Германии в Женеве, выступающим в качестве эксперта по так называемым организациям, схожим с военными, был назначен группенфюрер СС Рейнхард Гейдрих, впоследствии палач Праги, в 1942 году казненный чешскими патриотами.

Весной 1933 года из Лиги вышла Япония, а осенью того же года – Германия. Гитлер и японское правительство были твердо убеждены, что Лига наций после их выхода окончательно развалится.

В тайных дипломатических канцеляриях и генеральных штабах империалистических государств уже готовили новую войну, а в Лиге наций властвовало преступное благодушие. Немецкий дипломат барон Путлиц писал: «В Женеве… царила своеобразная атмосфера чего-то искусственного и нереального. Космополитическая ярмарка тщеславия и хитросплетенных интриг находилась в странном контрасте к своему фону, которым служил старинный город Кальвина с его швейцарско-буржуазным уютом и трезвыми, строгими, пуританскими нравами… Дипломаты и делегаты со всего света чувствовали себя здесь великолепно, особенно в теплое время года, и вели себя как отдыхающие на первоклассном курорте, тем более что пребывание в Женеве оплачивалось щедрыми суточными. На бульваре у озера, где превосходительства и иные сановники со всех стран мира совершали свой гигиенический моцион, часто можно было наблюдать сцены, казалось заимствованные из венской оперетки… Здесь осведомлялись о здоровье мадам или о результатах последнего курса лечения от ожирения,

обменивались сведениями относительно ассортимента вин и кулинарных тонкостей парижских или карлсбадских ресторанов, обсуждали последние скандалы в Каннах или Сан-Себастьяне, причем каждый из собеседников со всей мыслимой деликатностью избегал разговоров на какую-либо серьезную тему, которая могла бы быть неприятна для другого».

И вот в это время Советский Союз, который не раз резко высказывался о деятельности Лиги наций, решил поддержать ее, вдохнуть в нее свежие силы, заставить служить делу сохранения мира. Это был поворот, свойственный гибкой советской дипломатии, действовавшей не прямолинейно, а диалектически, сообразуясь с мировой обстановкой.

В конце мая 1934 года Литвинов выступил на заседании Генеральной комиссии Конференции по разоружению в Женеве. Речь советского дипломата, в которой была изложена ясная программа мира, вызвала широкие отклики. Известный еженедельник «Журналь де насьон» писал: «Ничто не может так продемонстрировать глубокую эволюцию европейской политики, как то нетерпеливое ожидание, которое предшествовало выступлению Литвинова… Конференция по разоружению и общественное мнение рассчитывают на советскую делегацию, чтобы найти выход из того тупика, в котором конференция находится». Автор татьи назвал речь Литвинова «актом величайшей важности», писал, что она «явилась кандидатской речью Советского Союза перед Лигой наций. Лига наций может спокойно заявить: „Дигнус эст энтраре!“ – „Достоин войти“.

Но не столько Советский Союз нуждался в этой организации, сколько сама Лига была кровно заинтересована в том, чтобы СССР поддержал ее своим авторитетом.

По уставу государство, пожелавшее вступить в Лигу наций, должно было подать заявление – просьбу о приеме, ответить на вопросы, поставленные Лигой, обязаться принять ее устав. Затем просьба поступала в Шестую, или Политическую, комиссию, которая решала, достойно или недостойно то или иное государство быть принятым. При голосовании минимум две трети голосов должно было быть подано за вступление, в противном случае в приеме отказывали.

Советский Союз не мог позволить себе пройти все эти процедуры. В случае отказа престижу Советского Союза был бы нанесен удар. Врагов у СССР было немало, а их силы, приведенные тогда в действие, многолики и значительны. В этих условиях советская дипломатия должна была проявить максимум гибкости и изобретательности.

Многие государственные и политические деятели на Западе

понимали, что в сложившихся условиях укрепление авторитета Лиги наций необходимо. К ним в первую очередь принадлежали Луи Барту – министр иностранных дел Франции и его чехословацкий коллега Эдуард Бенеш.

Литвинову и до 1934 года не раз доводилось встречаться с Бенешем и Барту. Максим Максимович мог рассчитывать на министра иностранных дел славянской страны. Бенеш при всей своей непоследовательности уже реально представлял, какую угрозу для Чехословакии представляет нацистская Германия.

Отношения с Барту были сложнее. В Советском Союзе не забыли его резко отрицательную роль в Генуе, его антисоветские комбинации, которые немало способствовали политической изоляции нашей страны. Но меняются времена, а обстоятельства заставляют пересматривать свои взгляды. После 1933 года Барту стал одним из самых последовательных сторонников сближения с Советским Союзом. Литвинов поверил в способность Барту послужить делу укрепления Лиги наций, спасения ее от окончательного развала. Не случайно гитлеровская разведка при помощи иностранных наемников вскоре организовала убийство Барту. Он погиб в Марселе вместе с югославским королем Александром I.

Литвинов прямо высказал Барту и Бенешу позицию Советского Союза:

– Мы не будем просить Лигу наций принять нас. Если вы считаете, что это необходимо для укрепления Лиги, проделайте всю необходимую работу. Пусть Советский Союз попросят о вступлении. И мы пойдем вам навстречу.

В Лигу наций входило пятьдесят одно государство. За страну, вступающую в Лигу, должны были проголосовать не менее двух третей ее членов, то есть тридцать четыре государства. Среди тех, кто особенно противился приему СССР, были такие страны, как Швейцария, Португалия, Аргентина, Нидерланды, Бельгия. О «серьезности» их доводов можно судить по аргументам, которыми пользовался, например, представитель Аргентины. В период октябрьских событий 1917 года в Петрограде какие-то уголовники украли у третьего секретаря аргентинского посольства два чемодана. Аргентинский дипломат примчался в Смольный, заявил о пропаже, но в те дни были дела поважнее, чем личные пожитки дипломата. Чемоданов не нашли. Аргентинец страшно возмутился. И вот теперь в Лиге наций его соотечественник выступил в Политической комиссии с заявлением, что будет голосовать против, ибо в этой стране не умеют защищать частную собственность.

Правительство Финляндии, проводившее тогда

антисоветскою политику, заявило, что Финляндия будет голосовать против принятия Советского Союза. Советский полпред в Хельсинки Штейн получил указание протестовать против такой политики финляндского правительства и заявить, что «финны держат камень за пазухой». Видимо, Штейн передал эти слова в несколько смягченной форме. Крестинский, замещавший тогда Литвинова в Москве, послал Штейну указание дословно передать мнение Советского правительства, дал понять, что фраза о «камне за пазухой» принадлежит высшему руководству Советского Союза, и просил полпреда доложить об исполнении. Демарш советской дипломатии помог, финны сняли свои возражения.

15 сентября 1934 года тридцать делегатов Лиги наций обратились к Советскому правительству с телеграммой, в которой содержалось приглашение СССР вступить в Лигу и «принести свое ценное сотрудничество». Делегаты еще четырех стран обычным дипломатическим путем сообщили о своем решении голосовать за принятие Советского Союза. В тот же день Советское правительство ответило письмом на имя председателя Ассамблеи. СССР, гласил ответ, никогда не оставался глухим к предложениям международного сотрудничества в интересах мира и готов стать членом Лиги.

И вот 18 сентября советская делегация должна была предстать перед Лигой наций и пройти формальную процедуру приема. Делегация состояла из трех членов: Максима Максимовича Литвинова, Владимира Петровича Потемкина, полпреда в Италии, и Бориса Ефимовича Штейна полпреда в Финляндии.

Литвинов решил, что советская делегация явится в Женеву перед самым голосованием. Но как сделать так, чтобы быть в Женеве и вместе с тем не быть? Решению этой сложной проблемы помог географический фактор. Женева – город швейцарский, но он со всех сторон окружен французской территорией, и лишь узкая полоска земли соединяет его со Швейцарией. На другом берегу Женевского озера находится французский курорт Эвиан. Вот туда-то и уехал Литвинов вместе с Потемкиным. Штейну в Хельсинки была дана телеграмма с указанием выехать в Женеву. Но в Берлине Штейн получил вторую телеграмму с предложением не появляться в Женеве до 18 сентября.

Положение, однако, осложнялось тем, что поезд из Берлина в Женеву прибывал в двенадцать часов дня, а голосование в Лиге наций было назначено на шесть часов вечера. Штейна хорошо знали в Женеве, где он не раз бывал членом советской делегации на конференциях по разоружению. Штейн весьма остроумно

вышел из положения. Дежурившие на вокзале в Женеве журналисты, конечно, узнали его. Но когда они явились к нему в номер гостиницы, Борис Ефимович твердо заявил: «Советский делегат Штейн, к величайшему сожалению, еще не приехал». Опешившие журналисты ретировались.

О том, что происходило в это время в Эвиане, рассказывает жена Максима Максимовича Айви Вальтеровна Литвинова: «В тот день, 18 сентября, Максим Максимович был весь в напряжении, но тщательно скрывал это. Один раз только ему изменило спокойствие, когда в Эвиане неожиданно появился временный поверенный в делах СССР во Франции опытный дипломат Марсель Розенберг, полагавший, что он может быть полезен.

– Зачем вы приехали? – спросил Литвинов. – Я вас не вызывал.

Такая реакция на приезд Розенберга объяснялась не только тем, что он без разрешения приехал в Эвиан. Незадолго до описываемых событий в Париже скончался советский полпред Валериан Савельевич Довгалевский, пользовавшийся большим уважением Литвинова. Розенберг, оставшийся в Париже поверенным в делах, послал Максиму Максимовичу следующую шифрованную телеграмму: «В газетах муссируются слухи о моем назначении полпредом. Надо ли эти слухи опровергать?» Литвинов ответил кратко: «Такие слухи и опровергать не следует».

Розенберг былотправлен обратно в Париж.

Максим Максимович просматривал газеты, задумчиво расхаживал по комнате, потом предложил пойти в кино, чтобы скоротать время. Мы ушли смотреть какой-то очередной боевик.

На обратном пути из кинотеатра мы зашли в Луна-парк, Литвинов, как бы про себя, сказал: «Неужели Бенеш подведет меня?» Когда настало время ехать в Женеву, казалось, что Максим Максимович уже совсем успокоился».

Эвиан находится в десяти минутах езды от Женевы. В точно назначенное время у подъезда отеля Литвинова ждал автомобиль. В женевском отеле ровно в пять часов к нему должен был явиться церемониймейстер Лиги и пригласить во Дворец наций. Штейн вспоминал: «По дороге из отеля церемониймейстер рассказал нам о ритуале, который сопровождается прием в Лигу наций. Мы войдем в салон,который ведет непосредственно в зал, где происходит заседание. После голосования счетчики огласят результаты, а затем председатель заявит, что на основании такого-то параграфа устава Советский Союз вступает в Лигу наций. Затем председатель скажет, что он приветствует вступление такого могучего государства, как Советский Союз, в

Лигу наций, произнесет соответствующую речь и закончит ее следующими словами: „И я приглашаю господ советских делегатов занять в Лиге наций их места“. Именно в этот момент распахнутся двери, и три советских делегата войдут в зал.

Мы приехали в назначенное время, нас провели в круглый зал, а затем подвели к двери зала заседаний. Церемониймейстер очень волновался, несколько раз открывал дверь. Когда он еще раз открыл дверь, Максим Максимович, Потемкин и я вошли в зал заседания. Литвинов спокойно прошел через весь зал и занял свое место. Вся Лига наций смотрела в нашу сторону. Нам приветственно кивали головами. Это было эффектное зрелище. Когда мы уселись на свои места, председатель уже огласил результаты голосования, но свою речь еще не успел закончить. Он не сообразил, что ему не следует зачитывать последнюю фразу речи, и провозгласил: «Я приглашаю господ советских делегатов занять свои места». А мы уже сидели на своих местах».

Один из журналистов не преминул воспользоваться этим фактом. Он сказал, что большевики и на этот раз себя показали. Не дожидаясь приглашения, они вошли в зал.

Но это заявление отражало лишь разочарование и растерянность тех кругов, которые не желали вступления Советского Союза в Лигу наций. Авторитет социалистической страны был уже настолько высок, что подавляющее большинство стран проголосовало за ее вступление в Лигу. Это был еще один триумф миролюбивой внешней политики Советского государства, еще одно свидетельство его непрерывно возрастающего влияния на ход мировых событий.

После завершения торжественного ритуала выступил Литвинов. Он с благодарностью отметил инициативу французского правительства, предложившего пригласить Советский Союз в Лигу наций, сказал теплые слова по адресу Барту, поблагодарил Бенеша за искренние усилия. Литвинов сразу же предупредил, что откровенно скажет, почему лишь на пятнадцатом году существования Лиги наций в нее принят Советский Союз. Те, кто создавал Лигу наций, призванную стать инструментом мира, не желали, чтобы этот мир был распространен на новое, Советское государство. Они желали гибели этого государства. Жизнь, однако, показала незыблемую прочность Советского Союза.

Литвинов не скрыл, что СССР не может солидаризироваться со всеми решениями Лиги наций и считает ее устав далеко не совершенным. В частности, 12-я и 15-я статьи в некоторых случаях легализуют войну, а 23-я не предусматривает расового равноправия всех народов. Он сказал, что Советскому Союзу

вполне понятна идея объединения наций, ибо СССР сам по себе – Лига наций, в нем проживает 185 народностей. «Я беру на себя смелость утверждать, что никогда и нигде народности не сосуществовали так мирно в рамках единого государства, не развивались так свободно в культурном отношении, не пользовались такой свободой национальной культуры вообще и языка в частности. Ни в одной другой стране не преследуется и не искореняется так решительно проявление расовых и национальных предрассудков, как это имеет место в Советском Союзе. В смысле равенства прав в Союзе нет ни национальных большинств, ни национальных меньшинств, ибо ни одна народность ни в теории, ни на практике не имеет меньших прав и меньших возможностей развития культурного и экономического, чем другая».

Литвинов изложил ленинские принципы мирного сосуществования, сказал о грозных тенденциях в мировой обстановке: силы войны мобилизуются и готовят новую мировую бойню. Пусть никто не думает, что Советский Союз переоценивает Лигу наций и ее возможности в этой сложной ситуации.

«Господа! – заявил Литвинов. – Я далек от преувеличения возможностей и средств Лиги наций по организации мира. Я, может быть, больше, чем кто-либо из вас, сознаю ограниченность этих средств. Я знаю, что Лига наций не имеет в своем распоряжении средств полного упразднения войн. Я убежден, однако, в том, что при твердой воле и дружном сотрудничестве всех ее членов весьма многое может быть сделано, и в каждый данный момент, для максимального уменьшения шансов войны. Но это является достаточно почетной и благородной задачей, осуществление которой принесет неисчислимые блага человечеству».

Вступление СССР в Лигу наций вызвало большой отклик во всем мире. Письма и телеграммы в Москву, в адрес советской делегации в Женеве еще раз показали, что трудящиеся всех стран связывали с Советским Союзом свои надежды на сохранение мира. Вот лишь некоторые из этих многочисленных посланий.

От имени 16 тысяч членов организации друзей СССР в Нидерландах секретарь этой организации Винтер телеграфировал Литвинову: «По поручению широких кругов нидерландской общественности, массовых митингов в Амстердаме, Роттердаме и в других городах мы выражаем свое возмущение позицией представителя нидерландского правительства, который голосовал против принятия СССР в Лигу наций».

Телеграмма из Цюриха: «Цюрихские рабочие шлют испытанному борцу за мир во всем мире и разоружение горячие

братские приветы. Решительно клеймим воинственную позицию реакционного швейцарского правительства».

Всемирный женский комитет с радостью приветствовал вступление нашей страны в Лигу наций: «Советский Союз – величайший фактор в борьбе за мир».

Телеграммы прислали Бернард Шоу, Генрих Манн, Альберт Эйнштейн, министр иностранных дел Румынии Титулеску, американские политические деятели полковник Хауз и Генри Стимсон, английский деятель Филипп Ноэль-Бекер, Эдуард Эррио и другие государственные деятели Франции.

Множество телеграмм и писем было направлено лично Литвинову. Одно из них стоит привести полностью, ибо оно принадлежит замечательному русскому гуманисту, снискавшему широкую известность далеко за пределами своей родины. Речь идет о письме Николая Александровича Рубакина, который в те годы был директором Международного института психологии в Лозанне:

«Многоуважаемый Максим Максимович, позвольте мне в Вашем лице горячо приветствовать вхождение СССР в Лигу наций.

Как старый социалист, как убежденный сторонник мира между народами, я не могу не радоваться этому вхождению, и не потому, что считаю Лигу наций каким-то порогом рая, а потому, что в приглашении ею СССР вижу крупнейшую победу мирной политики Советского Союза над империалистической политикой государств капиталистических.

Приглашение СССР в Лигу наций показывает и то, до какой степени выросла мощь того государства, в котором при сознательной поддержке трудящихся строится культура социалистическая…

Крепко жму Вам руку.

Николай Рубакин».

Сразу же после вступления в Лигу наций представителю Советского Союза предоставили пост заместителя генерального секретаря Лиги.

Тогда Советский Союз был единственной социалистической страной. Два мира были представлены во Дворце наций: пятьдесят одно буржуазное государство и одно социалистическое. – Да и техника была не столь совершенна, как сейчас. Далеко не всегда можно было надеяться на немедленное получение инструкций своего правительства, большей частью требовалось принимать решение на месте, незамедлительно.

Один из крупнейших буржуазных историков, американский ученый Генри Роберте, писал о Литвинове: «На международных конференциях Лиги наций его плотная непролетарская фигура излучала здравый смысл и деловитость».

Максим Максимович своим внешним видом и впрямь мог сойти за вполне респектабельного буржуазного дипломата. Кстати, в свое время Литвинов вынужден был публично разъяснить, почему советский дипломат должен хорошо одеваться. В середине 20-х годов в Наркоминдел приходили письма, в которых выражалось недоумение по поводу того, что советские дипломаты на приемах появляются во фраках. «Не обуржуазивание ли это?» – спрашивали авторы писем. Максим Максимович выступил со статьей в «Вечерней Москве», объяснил, что дипломат, представляющий социалистическое государство и общающийся с иностранными государственными деятелями, должен носить фрак. Его мировоззрение от этого не изменится.

Литвинов доказал это в полной мере. Буржуазные исследователи истории Лиги наций немало писали о наступательной силе советской дипломатии. Ф. Р. Уолтерс следующим образом характеризует советского наркома: «Длинную серию его заявлений и речей в Ассамблее, Совете, на конференциях и в комитетах Лиги наций едва ли можно сегодня читать без удивленного восхищения. Ничто в анналах Лиги не сравнится с ними по откровенности… и точной оценке каждой ситуации. Ни одно современное заявление не достигает степени столь оправданного критицизма и совершенного предвидения».

Выступления Литвинова в Лиге наций всегда были событием, и недруги Советского Союза боялись советского дипломата. Если какой-нибудь оратор начинал клеветать на СССР, Литвинов тут же просил слова и давал беспощадный отпор, своим сарказмом, железной логикой фактов уничтожая противника. Многие просто не рисковали выступать при Литвинове, ждали, пока он уедет из Женевы, оставив вместо себя второго делегата.

Сила Литвинова, разумеется, объясняется не только его личными качествами. Он с такой уверенностью вел смелый и беспощадный поединок с буржуазными дипломатами именно потому, что представлял социалистическое государство, неизменной целью которого было обеспечить мир всем народам. Когда же трудящиеся Советской страны превратили отсталую Россию в мощное социалистическое государство, фундамент, на котором советская дипломатия строила свои внешнеполитические концепции, стал еще более прочным.

Характеризуя деятельность Литвинова в Лиге наций, А. И. Микоян говорил:[40] «На европейской арене в Лиге наций

Литвинов превосходил крупнейших буржуазных дипломатов. В сущности, он опрокинул корифеев буржуазной дипломатии. Лига наций была новым этапом нашей Дипломатии. Мы выступили на равных с крупнейшими буржуазными странами, которые незадолго до нашего вступления в Лигу наций вообще не хотели признавать нас. Формула определения агрессора, созданная Литвиновым, – это классическая формула».

Пятилетие, с 1934 года до сентября 1939 года, когда гитлеровская Германия развязала вторую мировую войну, было насыщено полными драматизма событиями, отмечено сложнейшими ситуациями и проблемами, решение которых требовало исключительной мобильности, твердости, умения проникать в коварные замыслы противника и разоблачать его, маневрируя и наступая.

В те годы Литвинов часто бывал в Женеве. Путь туда лежал через Берлин. Когда возникала в том крайняя необходимость, он задерживался в германской столице ровно столько, сколько было нужно для официальных бесед. На вокзале его встречали сотрудники советского полпредства, иностранные журналисты, аккредитованные в Берлине, просили интервью. Литвинов отшучивался, вежливо улыбался, но интервью давал редко. Гестаповцы и эсэсовцы, заполнявшие перрон, торчали там, пока не отойдет поезд. Примерно с конца 1935 года Литвинов предпочитал ездить в Женеву не через Берлин, а через Вену, иногда во время этих поездок заезжал в Карловы Вары, вызывал туда советских дипломатов на совещание.

Образ жизни Литвинова в Женеве не изменился. Он останавливался, правда, не в «Бритиш пансионат», а в отеле «Ричмонд», который стал резиденцией советских дипломатов. В остальном все осталось по-старому. Вечера, как обычно, проходили в подготовке к выступлениям. Свои выступления Литвинов давал просматривать Эндрю Ротштейну, английскому коммунисту, в те годы корреспонденту ТАСС в Женеве. Ротштейн вспоминает: «Передав мне свою речь, Максим Максимович говорил: „Если найдете неудачное место, если вам что-нибудь режет слух, если вы считаете, что какое-либо положение в речи надо улучшить, изменить или вычеркнуть, скажите“.

Литвинов установил тесный контакт с главой журналистского корпуса в Женеве английским журналистом Дэллом, в прошлом крупным деятелем английского рабочего движения, о чем упоминается в одном из писем Энгельса к Зорге, и редактором «Пиплс пресс» – газеты профсоюза неквалифицированных рабочих. Дэлл был подлинным социалистом, очень симпатизировал Советскому Союзу. Приезжая в Женеву,

Литвинов приглашал к себе Дэлла, подробно с ним беседовал, получал у него массу полезных сведений о настроениях делегатов, узнавал кулуарные новости.

Перед заседаниями, на которых предстояла особенно острая баталия по важнейшим вопросам мировой политики, Литвинов гулял по тихим вечерним улицам Женевы. Как-то во время прогулки встретил Локкарта, бывшего английского контрразведчика, на которого он был обменен в1918 году. Поговорили о погоде, о настроениях в Женеве.

– Вы знаете, господин Литвинов, что, когда я сидел в тюрьме ВЧК, меня допрашивал лично Дзержинский, – с улыбкой сказал Локкарт.

– Ну и что же? – спросил Литвинов.

– Я не представлял себе, сколь гуманны большевики. В тюрьме я имел возможность в этом убедиться, со мной обращались по-джентльменски, – ответил Локкарт, явно стараясь польстить собеседнику.

– Должен вам заметить, что лондонская тюрьма «Брикстон» не оставила у меня столь приятных воспоминаний. Правда, другие европейские тюрьмы, в которых я сидел, были еще хуже, – вежливо сказал Максим Максимович.

Обменявшись впечатлениями, Литвинов и Локкарт расстались.

Надвигались грозные события. В ночь на 3 октября 1935 года Италия напала на Эфиопию. В сентябре 1931 года во время вторжения Японии в Маньчжурию Лига наций осталась бездейственной, не констатировала нарушение устава. Англия, Франция и США уговорили тогда Китай не заявлять о состоянии войны с Японией, объяснив, что это облегчит им успешное ведение переговоров и поиски компромисса с Японией. Теперь Советский Союз был членом Лиги наций, и этот метод умиротворения агрессора применить не удалось. Лига наций вынуждена была принять решение, устанавливающее, что один из ее членов нарушил устав и начал военные действия против другого члена Лиги. В таких случаях устав автоматически вводил в действие статью 16-ю, предусматривающую санкции против государства-агрессора.

В Советском Союзе итальянская агрессия вызывала сочувствие народа к далекой африканской стране. Газеты печатали статьи о сопротивлении эфиопского народа агрессорам, обзоры военных действий. Советский академик Николай Иванович Вавилов в 1927 году организовал экспедицию в Эфиопию, провел там четыре месяца, прошел с караваном две

тысячи километров, собрав свыше шести тысяч образцов культурных растений. У озера Тан его свалила тифозная лихорадка. Претерпев невероятные трудности, академик Вавилов возвратился на Родину. В «Известиях» появилась серия его статей, которые он закончил следующими словами: «Вместе со всей Советской страной мы говорим: „Пусть живет свободная и независимая Эфиопия, пусть сама всемерно использует свои природные богатства!“

Советская дипломатия начала борьбу за обуздание агрессора. Англия, напротив, старалась, чтобы Италия как можно глубже увязла в Эфиопии, и вместе с Францией вела политику затяжки конфликта. Санкции, которые намечалось применить против Италии, были недостаточными и недейственными. В сентябре 1935 года Литвинов трижды выступал по этому вопросу в Лиге наций. В тихую, безмятежную атмосферу Лиги ворвался голос народов Советского Союза и их глашатая. 5 сентября Литвинов заявил в Совете Лиги: «Мне, как и многим моим коллегам, приходится в данном случае выступать по вопросу, который непосредственно не задевает интересы наших стран, но который при том или ином решении может иметь самые грозные последствия для всей международной жизни, для судьбы Лиги наций, для дела всеобщего мира, а следовательно – рано или поздно – и для наших стран».

Эти же мысли еще более решительно и откровенно прозвучали и в других выступлениях Литвинова в связи с итальянской агрессией в Эфиопии. Внимательно перечитывая его речи, мы видим, что Литвинов говорит не только об агрессии против Эфиопии, в них заложен более глубокий смысл. Помыслы советского дипломата устремлены вперед, он пытается заглянуть в события ближайших лет, видит грозную опасность для всех народов. Литвинов говорит о гитлеровской Германии, еще не называя эту страну по причине чисто дипломатического такта. 14 сентября 1935 года Литвинов, выступая на Ассамблее Лиги наций, разоблачил подоплеку агрессии, медлительность Лиги, ее нежелание решать проблемы, в частности проблему разоружения. Советский дипломат использовал трибуну Лиги наций, чтобы приковать внимание всех народов к событиям, которые происходили в Африке, а завтра могут произойти в Европе. Он говорит о безопасности и о тех, кто пытается ее подорвать. О региональных пактах, которые заключил Советский Союз и которые значительно содействовали укреплению безопасности в Европе. «Подобные пакты никому, кроме возможных нарушителей мира, не угрожают, ничьих интересов не задевают и служат исключительно делу мира, а следовательно, и делу всего

человечества».

Но существуют концепции, противостоящие идее коллективной безопасности. Не всякий пакт о ненападении имеет целью укрепление всеобщего мира. «В то время как пакты о ненападении, заключенные Советским Союзом со своими соседями, имеют особую оговорку о недействительности пактов в случае совершения агрессии одной из сторон против любого третьего государства, мы знаем и другие пакты, отнюдь не случайно такой оговорки лишенные. Это значит, что государства, обеспечившие себе тыл или фланг подобным пактом о ненападении, резервируют себе возможность безнаказанного нападения на третьи государства».

Значение этих слов тогда поняли далеко не все. Чтобы их провидческий смысл стал ясен, человечество должно было пройти через тяжкие годы кровавых испытаний.

В те месяцы и годы советская дипломатия использует любую возможность, чтобы заставить Лигу наций погасить в зародыше даже самый малый конфликт в любом районе земного шара. Когда летом 1932 года вспыхнула война между Боливией и Парагваем из-за нефтяной области Чако, в ходе которой в конце 1934 года боливийская армия потерпела поражение, Литвинов выступил на пленарном заседании Лиги наций. «Большое расстояние, – сказал он, – отделяющее нас от театра военных действий, и сравнительно незначительное число участвующих в них вооруженных сил не должны умалять в наших глазах важности проблемы. Решения, которые мы здесь примем, могут иметь весьма важные последствия в разбирательстве более серьезных конфликтов, и все мы должны это помнить. Со своей стороны, советская делегация настаивает на том, чтобы решения Ассамблеи по этому вопросу носили решительный и твердый характер и чтобы Ассамблея проявила твердость в деле их проведения в жизнь».

Выступления Литвинова в Женеве и на других международных форумах способствовали росту его популярности. В те годы он получал много писем от рабочих, военных, интеллигенции. Их авторы просили, чтобы Литвинов был осторожен. Враг не дремлет. Убили Воровского, убили Войкова, могут убить и его, Литвинова, а он нужен партии и рабочему классу. Максим Максимович отвечал, что случиться, конечно, может всякое, но пусть товарищи не волнуются. Он верит больше в силу слова, чем в силу пули. Возрос поток писем от избирателей, пославших его в ЦИК СССР, а потом в Верховный Совет. Некоторые авторы писем искали у Литвинова защиты,

жаловались ему, старому большевику, на нарушения законности. Но давно уже не было в живых Феликса Эдмундовича Дзержинского, с которым был дружен Литвинов. Недавно умер Вячеслав Рудольфович Менжинский. По поводу этих писем Литвинов советовался с давним знакомым, одним из старых большевиков, занимавшим тогда крупный пост в НКВД.

Несмотря на уйму дел, он часто встречался с молодежью. Как-то комсомольцы Дзержинского района задали Максиму Максимовичу вопрос, как он изучал иностранные языки. Встреча проходила в конференц-зале Наркоминдела. Литвинов сказал: «У меня было много свободного времени для изучения иностранных языков. Я это делал в тюрьмах».

Приезжали к нему пионеры из столицы Армении. Литвинов сфотографировался с ними, написал теплое, дружеское приветствие, напомнил слова Владимира Ильича о необходимости овладевать знаниями.

В 1933 году Дзержинский райком партии Москвы поручил Наркоминделу взять шефство над колхозом деревни Чудцево Ново-Петровского района Московской области. Наркоминдел послал туда своего представителя опытного партийца Семена Максимовича Мирного, поручил ему ознакомиться с положением дел в колхозе. Он застал в Чудцеве неприглядную картину. Отощавшие коровы были подвешены на ремнях, колхозники ничего на трудодни не получали, кругом царила бесхозяйственность. Мирный остался на несколько месяцев в колхозе, чтобы помочь наладить дело. Приехал он в Чудцево в феврале, мобилизовал партийную организацию. Многое удалось сделать. Хорошо развернулся сев. А тут приближались майские праздники, и колхоз по совету Мирного решил направить делегатов к шефам в Москву.

В самый канун праздников чудцевские колхозники прибыли в столицу, явились в Народный комиссариат иностранных дел. Об их приезде сообщили Литвинову. Накануне Максим Максимович назначил прием послу одной крупной страны. Узнав, что прибыли колхозники, Литвинов поручил секретарю немедленно связаться с послом, передать ему, что просит прибыть на два часа позже назначенного срока, ибо он, Литвинов, еще не имеет решения правительства по вопросу, интересующему посла.

Прием дипломата был перенесен, а утром Литвинов принял колхозников. Расспросил о делах, выяснил их нужды. Стало ясно, что без механизированного транспорта колхоз не выйдет из тупика. Литвинов распорядился передать чудцевскому колхозу грузовые автомашины Наркоминдела, помочь другими возможными средствами.

В конце беседы колхозники сказали Литвинову, что перед самым их отъездом из деревни на общем собрании колхоза было принято решение присвоить чудцевскому колхозу имя Максима Максимовича Литвинова. Крестьяне поручили передать, что просят согласия Литвинова.

Максим Максимович задумался. Сидел расстроенный, не зная, что ответить колхозникам. Быть может, впервые он оказался перед проблемой, которую не мог решить. Уже истекли два часа. Вошел секретарь, сообщил, что посол ждет. Литвинов ответил:

– Скажите, что очень занят.

Наконец обратился к своим гостям:

– Передайте товарищам колхозникам, пусть поступают, как знают. Если им это так нужно, пусть присваивают мое имя.

Колхозники, довольные, вышли из кабинета Литвинова и, проходя мимо иностранного дипломата, вежливо распрощались:

– До свиданьичка.

Дипломат холодно поклонился, потом ехидно спросил у секретаря:

– Это дипломатическая миссия какой державы?

– Колхозной, – ответил секретарь.

Вечером в клубе Наркоминдела было праздничное собрание. Колхозников как почетных гостей посадили в президиум рядом с Литвиновым. Вручая им билеты на трибуны Красной площади, чтобы они посмотрели военный парад, он сказал:

– Вы хозяева, вы должны знать, что ваши деньги расходуются не зря.

В свободные часы Литвинов уезжал на дачу под Москву. Бродил по дорожкам парка, зимой ходил на лыжах, старался выполнять предписания врача.

В прошлом Литвинов тяжело болел, у него развилась тахикардия. Профессор Краузе, исследовавший его в 1923 году в Берлине, сказал с грубоватой откровенностью, что Литвинову осталось жить не очень долго. Максим Максимович пробурчал в ответ, что если он сумел пережить режим берлинской тюрьмы в 1907 году, то ему ничто не страшно, он постарается как можно дольше не отправляться на тот свет.

Все же болезнь иногда давала себя знать. Литвинов соблюдал диету, старался урвать двадцать минут, чтобы заехать в кабинет физкультуры, где изо всех сил крутил педали велосипеда. Семен Михайлович Буденный посоветовал Литвинову заняться верховой ездой, приказал выделить для него в конюшнях на Хамовническом плацу хорошо объезженную лошадь. Литвинов аккуратно два месяца являлся на плац, ездил верхом. Потом перестал. Не мог выдержать кутерьмы, которая поднималась на

плацу при его появлении. Командир, завидев Литвинова, кричал: «Смирно!» Отдавал честь и рапортовал: «Конь готов!»

В мае 1935 года отмечалась тридцатая годовщина III съезда партии. Литвинову позвонила Татьяна Федоровна Людвинская:

– Максим, ты не забыл, что ты докладчик? Так вот, завтра в переулке Стопани, в Обществе старых большевиков, соберутся товарищи. Как делегат III съезда, поделишься воспоминаниями, расскажешь и о делах международных, немножко больше, чем нам сообщают газеты.

– Ну вот видишь, ты мне все же напоминаешь, что я дипломат, – ответил Литвинов.

На следующий день точно в назначенное время Литвинов был в переулке Стопани.

– Как приятно видеть вас всех вместе, – взволнованно сказал он, встретив там Ленгника, Ярославского, Федора Никитича Самойлова, Софью Николаевну Смидович, других старых друзей.

Слово дали Литвинову. Он рассказал о своих встречах с Лениным, о его работе «Две тактики», в которой Владимир Ильич определил как главную задачу подготовку вооруженного восстания. Литвинов говорил о II Интернационале. Сказал, что его лидеры по-прежнему остались верны себе. В воздухе снова пахнет грозой, а они обманывают народы. Говорил Литвинов и о делах международных – «немножко больше, чем сообщают газеты».

На политическом горизонте появились новые грозные тучи. 16 марта 1935 года Германия в одностороннем порядке отменила военные ограничения Версальского мирного договора.

Ни Ленин, ни другие государственные деятели Советской страны никогда не рассматривали Версальский договор как справедливый. Наоборот, они считали его архинесправедливым и не раз заявляли об этом. Но когда этот договор был нарушен во имя вооружения фашистской Германии, Советский Союз не мог остаться безучастным. Произошло то, о чем советская дипломатия не раз предупреждала западных государственных деятелей, говоря им об опасности, исходящей из Германии. Тогда они отмалчивались или отвечали, что СССР преувеличивает роль Гитлера и его возможности. Выступая по этому поводу, Литвинов ясно выразил позицию Советского Союза: «Я говорю… от имени страны, которая не только не ответственна за Версальский договор, но и никогда не скрывала своего отрицательного отношения к этому договору в целом…» И тут же со всей резкостью ставит вопрос: «Как быть, если государство, требующее

или берущее себе право на вооружение, находится под исключительным руководством людей, которые объявили во всеуслышание программу своей внешней политики, состоящую в политике не только реванша, но и безграничного завоевания чужих территорий и уничтожения независимости целых государств, – под руководством людей, которые открыто провозгласили эту программу и не только не отрекаются от нее, но непрестанно распространяют эту программу, воспитывая на ней свой народ? Как быть в тех случаях, когда государство, имея такую программу своих вождей, отказывается давать какие бы то ни было гарантии неосуществления этой программы, гарантии безопасности своих соседей дальних или близких, – гарантии, которые готовы дать другие государства, даже свободные от всяких подозрений в агрессивности? Можно ли закрывать глаза на подобные факты?» Выступления Литвинова получили большой резонанс, они приковали внимание к политике гитлеровской Германии, способствовали мобилизации общественного мнения всех стран для борьбы с фашизмом. Много лет спустя эта деятельность Литвинова была отмечена в справке «Фальсификаторы истории»: «Всем известна настойчивая и длительная борьба Советского Союза и его делегации в Лиге наций под председательством М. М. Литвинова за сохранение и Укрепление коллективной безопасности. В течение всего предвоенного периода отстаивала советская делегация в Лиге наций принцип коллективной безопасности, поднимая свои голос в защиту этого принципа на каждом заседании Лиги наций, почти в каждой комиссии Лиги наций».

28 марта в Москву по приглашению Советского правительства прибыл Антони Идеи. Англия проводила политику Уступок Германии, однако стремилась сохранить видимость борца за укрепление мира. В беседе с ним Литвинов по поручению Советского правительства решительно подчеркнул опасность, исходящую со стороны нацистской Германии не только для Советского Союза, но и для западных стран, обратил внимание Идена на тот факт, что, развивая свою программу экспансии против СССР, нацистский главарь лелеет планы похода и против западных демократий. «Гитлер, выдвигая в настоящее время на первый план восточную экспансию, – сказал Литвинов, – хочет поймать на удочку западные государства и добиться от них санкций его вооружения. Когда эти вооружения достигнут желательного для Гитлера уровня, пушки могут начать стрелять совсем в другом направлении».

Не прошло и четырех лет, как жизнь подтвердила, сколь мудры и справедливы были эти предупреждения. Бомбы и

снаряды градом обрушились на Лондон и другие города Англии.

Советский нарком дал в честь Идена обед на своей даче возле Сходни под Москвой. Уже были широко известны слова Литвинова: «Мир неделим». Их повторяли и дипломаты, и докладчики, и те, кого иногда называют «простыми людьми». Повар на даче у Литвинова тоже решил блеснуть дипломатическими познаниями. На масле, которое подали к столу, было выведено по-латыни: «Мир неделим». Повар до этого всех расспрашивал, как написать эти слова. Когда сели за стол, Идеи шутя заметил, что масло нельзя трогать, ибо будет нарушен принцип неделимости.

Положительных результатов визит Идена, однако, не принес, сотрудничество между Англией и СССР не было достигнуто.

Приезды министров и других государственных деятелей еще раз показали всему миру, что нет ни одного международного вопроса, который может быть решен без участия Советского Союза.

Настойчивая борьба Советской страны за мир, работа, проделанная на международных конференциях и в Лиге наций, вызвали к СССР нарастающую волну симпатий. Расширялись контакты между СССР и Францией. Еще в мае 1934 года в СССР прибыла французская научная миссия во главе с профессором Жаном Перреном, а затем в Москву приехал французский министр воздухоплавания Пьер Кот. Францию посетила делегация советских летчиков, в Париже побывали советские писатели, Ансамбль песни и пляски Красной Армии и другие художественные коллективы. Оценивая все эти факты, французский историк М. Мурэн отмечает в своей книге «Франко-советские отношения (1917–1967)», что «все это наряду с переговорами между Барту и Литвиновым содействовало дальнейшей популяризации во Франции идеи сближения между Парижем и Москвой».

Французское правительство под нажимом общественного мнения решило подписать с Советским Союзом пакт о взаимной помощи. 2 мая 1935 года в Париже этот договор был подписан. Статья 1 договора гласила: «В случае, если СССР или Франция явились бы предметом угрозы или опасности нападения со стороны какого-либо европейского государства, Франция и соответственно СССР обязуются приступить обоюдно к немедленной консультации в целях принятия мер для соблюдения постановлений статьи 10 статута Лиги наций».

Вскоре после подписания договора в Москву прибыл министр иностранных дел Франции Пьер Лаваль. В течение трех дней, которые Лаваль провел в Москве, он был принят руководителями

Советского государства, что свидетельствовало о том, что СССР придавал большое значение улучшению советско-французских отношений. Однако вскоре выяснилось подлинное отношение Лаваля к франко-советскому договору. Вот что сказано об этом в третьем томе «Истории дипломатии»: «По возвращении из Москвы Лаваль остановился в Польше. Здесь он разъяснил министру иностранных дел Беку, что франко-советский пакт имеет целью не столько привлечь помощь Советского Союза или помогать ему против возможной агрессии, сколько предупредить сближение между Германией и Советским Союзом. Советско-французский договор о взаимной помощи Лаваль рассматривал как орудие в своей политике сделки с гитлеровской Германией. В те дни он доверительно говорил своему другу Грумбаху: „Я подписываю франко-русский пакт для того, чтобы иметь больше преимуществ, когда я буду договариваться с Берлином!“

Впоследствии Лаваль оказался предателем, пошел на сговор с Гитлером. После войны по приговору французского Верховного суда он был казнен.

Договор оказал громадную помощь антифашистским силам в Европе, а особенно во Франции, способствовал консолидации Народного фронта. Грандиозный митинг на стадионе Буффало в Париже 14 июля 1935 года перерос в невиданные по масштабам антифашистские выступления во всех городах страны. Лозунг Французской коммунистически партии «Проводить политику мира в тесном союзе с СССР» стал лозунгом всего народа. На стадионе Буффало была принята клятва: «Мы даем торжественный обет хранить единство, чтобы отстаивать демократию, добиваться разоружения и роспуска мятежных лиг, оградить наши свободы от посягательства фашизма».

Под прямым влиянием советской политики мира и франко-советского договора Народный фронт принял программу, которая предусматривала «международное сотрудничество в рамках Лиги наций, с целью обеспечить коллективную безопасность посредством определения агрессора и автоматического и солидарного применения санкций в случае агрессии». Седьмой параграф программы требовал «распространения, в особенности в Восточной и Центральной Европе, системы пактов, открытых для всех согласно принципам франко-советского договора».

Во французской и советской печати появились статьи, напоминавшие о традиционной дружбе двух великих народов. Литвинов опубликовал серию редакционных статей в «Журналь де Моску» о дружбе с Францией, но не считал, что следует забывать прошлое, знал, что Лаваль и его единомышленники попытаются взять реванш.

Через три недели после отъезда Лаваля в Москву прибыл Эдуард Бенеш. Еще до визита, 16 мая, в Праге был подписан договор о взаимопомощи между СССР и Чехословакией. Бенеш посетил Ленинград и Киев, побывал в одном украинском колхозе.

К концу 1935 года уже четко определились итоги усилий, которые предпринимала советская дипломатия для сохранения мира, необходимого для продолжения строительства социализма в СССР.

Заключение пактов о взаимной помощи с Францией и Чехословакией, подписание в 1933 году договоров с рядом стран Европы и Азии «об определении агрессии», других договоров, конвенций и протоколов – все это создало серьезные препятствия агрессивным устремлениям гитлеровской Германии. Установление дипломатических отношений с Соединенными Штатами Америки заложило основы будущего союза против гитлеровской Германии на случай агрессии с ее стороны и создавало предпосылки для укрепления положения Советского Союза на Дальнем Востоке.

Однако западные державы не в состоянии были отказаться от тайных планов и попыток канализировать германскую угрозу в восточном направлении, против Советского Союза. Ненависть к стране социализма туманила разум многих государственных деятелей. Они продолжали политику подрыва коллективной безопасности в Европе, политику поощрения агрессивных действий фашистских государств. Общественное мнение всего мира было возмущено продолжающейся агрессией Италии в Африке. Советский Союз потребовал применения к Италии статьи 16 устава Лиги – санкций против агрессора. Предложение приняли. Однако и здесь покровители Муссолини остались верны себе: самый важный вид стратегического товара, необходимого для ведения войны, – нефть не была включена в список товаров, запрещенных для ввоза в Италию. Англия отказалась закрыть находившийся тогда полностью в ее руках Суэцкий канал, по которому Италия перевозила в Эфиопию войска и вооружения. Позже Англия и Франция добились в Лиге наций отмены санкций против фашистской Италии.

В связи с этими действиями Англии и Франции Литвинов несколько раз выступал в Лиге наций, изложил советские предложения, направленные на укрепление коллективной безопасности. Предложения сводились к тому, что всякое государство, совершившее агрессию против одного из членов Лиги наций, считается находящимся в состоянии войны со всеми остальными членами Лиги. Для рассмотрения предложений СССР была создана комиссия, она проработала два года. Саботаж

английской и французской дипломатии затормозил принятие этих предложений.

1 июля 1936 года Литвинов произнес в Лиге наций речь, которую мировая пресса назвала одной из самых впечатляющих. Он назвал действия Лиги наций в связи с агрессией против Эфиопии одними из самых неудачных в истории этой организации. «…Я говорю, – сказал Литвинов, – что нам не нужно Лиги, безопасной для агрессоров… ибо такая Лига из орудия мира превратится в его противоположность».

В 1936 году эпицентр приближающейся всемирной бури все больше перемещался в гитлеровскую Германию. 7 марта Гитлер ввел войска в демилитаризованную Рейнскую зону. Был нарушен не только Версальский договор, но и Локарнские соглашения.

Теперь уже и слепцы должны были понять, куда идет Германия. Но европейская дипломатия продолжала вести политику поощрения нацистов. Англичане начали переговоры с Германией, предложили созвать Совет Лиги наций в Лондоне, пригласить туда гитлеровских дипломатов. В результате переговоров была принята резолюция, которая ограничилась признанием факта нарушения Версальского и Локарнского договоров. Таким образом, западные державы отказались считать действия Германии угрозой миру. А между тем это был тот случай, когда Гитлера можно было заставить немедленно отступить. Как позже стало известно, командиры дивизий вермахта, вступивших в Рейнскую зону, имели секретный приказ Гитлера, который предписывал им немедленно отвести войска в случае, если выступит французская армия.

Как завороженная удавом, притихла капиталистическая Европа, с апатией и безнадежностью взирая на агрессора. Лишь Советский Союз, его дипломаты продолжали настойчиво действовать. Но в Женеве их превосходительства по-прежнему совершали по утрам свой моцион, на террасах шикарных отелей дипломаты угощались аперитивами и расточали друг другу комплименты…

В 1936 году советская дипломатия приняла меры для укрепления позиций Советского Союза в одном из важнейших для обороны страны районе – в бассейне Черного моря. Отношения Советского Союза с Турцией были хорошими. Основатель Турецкой Республики Кемаль Ататюрк ценил бескорыстную помощь, оказанную Советской Россией его стране как в годы вооруженной борьбы против империалистической интервенции, так и позднее, после завоевания независимости. В начале 30-х годов Советский Союз предоставил Турции беспроцентный кредит

и техническую помощь для постройки текстильных комбинатов, помогал возрождающейся стране создавать новые отрасли промышленности. Турецкий народ отвечал симпатией и благодарностью. Почти одновременно с поездкой Литвинова в Вашингтон другая советская делегация выехала в Турцию. Делегацию возглавил Ворошилов. Его избрали почетным гражданином города Измира.

Дружба Советского Союза с Турцией крайне беспокоила врагов СССР. Англия вела непрерывные интриги в Анкаре, пытаясь вбить клин в советско-турецкие отношения. Резко активизировала свою деятельность в этом районе и гитлеровская дипломатия. В самом турецком правительстве постепенно усиливались прозападные тенденции.

В таких условиях 22 июня 1936 года в швейцарском городе Монтрё открылась международная конференция о режиме черноморских проливов. Перед советской дипломатией стояла цель: поддержать Турцию в восстановлении ее полного суверенитета в зоне проливов, обеспечить интересы СССР и других черноморских стран, добиться ограничения тоннажа военного флота нечерноморских держав, допускаемого в Черное море в мирное время.

Литвинов, как обычно, сформировал очень маленькую делегацию. Максим Максимович вызвал в Монтрё главного секретаря Наркоминдела, одного эксперта по общим вопросам, крупнейшего специалиста по Турции Анатолия Филипповича Миллера и трех экспертов по военным вопросам. Ни переводчика, ни референта Литвинов на конференцию на взял. Он считал, что сотрудник Наркоминдела должен свободно владеть иностранными языками и быть референтом в своей области. Секретарь-стенографистка и технический канцелярский работник дополняли советскую делегацию.

Кроме Советского Союза и Турции в конференции участвовали Англия, Франция, Япония, Болгария, Румыния, Югославия, Греция и даже Австралия, приглашенная англичанами. Англия прислала в Монтрё своих лучших дипломатов, в том числе постоянного заместителя министра иностранных дел Кадогана, но «душой» и фактическим руководителем делегации был Рэндэл, заведовавший отделом Востока во внешнеполитическом ведомстве Англии. Позже, во время второй мировой войны, Рэндэл возглавлял английскую секретную службу на Балканах.

Колоритной фигурой был глава турецкой делегации Тевфик Рюштю Арас. Человек гибкий, блестяще владеющий приемами восточной дипломатии, Тевфик Рюштю Арас хотел замаскировать

намечавшееся сближение Турции с Англией и заявлял, что хочет «удовлетворить все делегации». Однако больше всего турецкая делегация заигрывала с Англией, считая, что только от нее зависит принятие выгодного для Турции решения. Доходило до того, что Арас вел за спиной Литвинова тайные переговоры с англичанами, которые добивались срыва советского плана.

Во время очередного заседания, когда обсуждался вопрос о проходе советских военных кораблей крупного тоннажа через проливы, Арас предложил добавить слова «существующего флота».

– Как понять ваше заявление? – спросил Литвинов. – А если мы построим новые военные корабли, вы их не будете пропускать?

Турецкий дипломат замялся:

– Я хотел сказать, что слово «существующего» не следует понимать как «нынешнего».

– Значит, – продолжал Литвинов, – вы снимаете слово «существующего»?

– Снимаю, – неуверенно заявил Арас.

В этот момент со своего места поднялся Рэндэл. Обращаясь к турецкому министру иностранных дел, он раздраженно спросил:

– Как это вы снимаете свою формулировку? Ведь мы с вами договорились, что она обязательно будет в тексте соглашения.

Турецкий дипломат смешался, пытаясь что-то объяснить, но все это выглядело невразумительно. Дело кончилось тем, что Арасу пришлось извиниться и перед Литвиновым, и перед Рэндэлом и попросить председателя исключить всю эту дискуссию из протокола заседания.

Конференция в Монтрё затянулась. Литвинов уехал в Женеву, а на конференции осталась так называемая Рабочая комиссия. Когда Литвинов в середине июля возвратился в Монтрё, ему стало окончательно ясно, что английская дипломатия может провалить конференцию.

В эти критические дни Литвинов пригласил корреспондента ТАСС Эндрю Ротштейна и сказал ему:

– Пойдите к вашим журналистам и сообщите им, что Литвинов упаковывает чемодан. Я уезжаю из Монтрё и больше сюда не вернусь.

На следующий день во всех газетах появилось сообщение, что Литвинов уезжает, конференция под угрозой срыва. Литвинов выбрал удачный момент для «пробного шара». Из Германии продолжали поступать грозные вести. Папен в Вене подписал соглашение, фактически предрешившее аншлюс. Обстановка в Европе все больше накалялась. В итоге Англия вынуждена была в

Монтрё пойти на попятный. Получив инструкцию из Анкары, отступила и турецкая делегация. Основные советские предложения были приняты, и 20 июля конференция благополучно завершила свою работу подписанием новой конвенции о проливах. Мировая печать много писала об успехе Советского Союза. Даже корреспондент белогвардейской парижской газеты «Последние новости» Незнамов отметил, что такого блестящего успеха не знала история русской дипломатии.

17 июля 1936 года Литвинову исполнилось шестьдесят лет. Он был решительным противником всяких юбилеев. Но сотрудники решили хоть как-нибудь отметить 60-летие Максима Максимовича. Повару «Монтрёпалас», где жили советские дипломаты, тайком заказали любимый Литвиновым чечевичный суп. Владелец отеля, узнав о юбилее, был потрясен и все повторял: «Господину министру шестьдесят лет – и к обеду только чечевица. Это невозможно!»

За столом собрались сотрудники Литвинова, «монтрёйцы», как он их называл. Литвинова поздравили. Он коротко ответил: «Спасибо, товарищи!» И на этом юбилей был завершен.

В тот день Максим Максимович получил из Москвы приветственное письмо: «В день Вашего шестидесятилетия Совет Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) приветствует Вас, старейшего деятеля большевистской партии, руководителя советской дипломатии, неустанного борца против войны и за дело мира в интересах всех трудящихся. Желаем Вам здоровья и дальнейших успехов…»

За выдающиеся заслуги в борьбе за мир на посту наркома по иностранным делам ЦИК наградил Литвинова орденом Ленина. А потом пришло еще много телеграмм из Советского Союза. Литвинова приветствовали государственные деятели, дипломаты, военные, рабочие, писатели, колхозники и пионерские организации. Наркоминдел сообщил, что дружеских приветствий столько, что передать их все просто невозможно, они будут ждать Литвинова в Москве.

Максим Максимович позвонил Ротштейну и сказал, что хочет ответить соотечественникам, попросил через ТАСС передать в Москву его письмо.

«Дорогие друзья и товарищи, – писал Литвинов. – Я глубоко тронут выраженными вами чувствами и добрыми пожеланиями. Многие из вас знают, как я не люблю юбилеи и чествования. Юбилейные заметки в печати мне даже иногда кажутся проектами некрологов, но живой юбиляр, конечно, лучше воспримет их, нежели покойник, и может дать ответ на них. Конечно, неособенно приятно в день 60-летия, измеряя

жизненный путь, лишний раз убедиться в том, что остающийся путь значительно короче пройденного. Но если верно изречение Оскара Уайльда, что человек имеет столько лет, сколько он их чувствует, то ваши поздравления по поводу моего 60-летия весьма преждевременны. К тому же энтузиазм работы, которым мы все охвачены при строительстве социализма на нашей родине, молодит всех нас и гонит всякие мысли о конце жизни, ибо наша личная жизнь целиком сливается с жизнью нашего великого коллектива страны трудящихся, а эта жизнь бесконечна…

В особенности это сознает человек, подобный мне, который 35 лет своей жизни, то есть почти всю сознательную жизнь, прожил большевиком и не может мыслить себя вне марксистско-большевистского миросозерцания. Чем дальше мы продвигаемся в осуществлении наших идеалов, тем содержательнее и полноценнее становятся проживаемые нами годы, которые должны измеряться не количеством, а качеством. По этим соображениям прошу скинуть мне половину годов и 60-летним не считать.

Еще раз благодарю вас за память обо мне в сегодняшний день и желаю вам всем встретить свой 60-летний и дальнейшие юбилеи с таким же чувством бодрости, молодости и веры в наше светлое будущее, какое испытываю я сегодня.

Жму вам всем руки.

Литвинов».

Вечером к Литвинову примчался Дэлл, уговорил его поехать в городок Вильнев. Туда приехали и некоторые другие журналисты, дружески относившиеся к Советскому Союзу. Заказали легкое вино. Дэлл все порывался произнести речь, но Литвинов отшучивался, говорил, что не нужно никаких речей, рассказывал о Москве, о чарующей русской природе…

На следующий день, 18 июля, Литвинову принесли экстренные выпуски газет. Они сообщали, что в Испании вспыхнул мятеж против республиканского правительства.

Литвинов помрачнел и сказал «монтрёйцам»: «Грядут трудные времена…»

Глава десятая
Трудные годы

Летом 1936 года Испания навсегда вошла в сердца советских людей. Повсюду проходили митинги солидарности, все хотели ехать в Испанию, быть рядом с Хосе Диасом и Пасионарией. «Но пасаран!» – с чисто испанским темпераментом скандировали на митингах в Рязани и Туле, следили по карте за маршрутом парохода «Комсомолец», который вез медикаменты в Испанию, и завидовали его матросам. Река Мансанарес стала такой же родной и близкой, как Нева или Волга, а когда итальянский корпус разгромили под Гвадалахарой, советский народ ликовал. На каждой улице появились доморощенные стратеги, предсказывавшие ход военных событий.

А потом в Москву, в Иваново и в другие города привезли черноглазых ребятишек из Мадрида, Валенсии, Аликанте и других испанских городов. Тысячи людей предложили взять их в свои семьи. Для испанских детей были созданы все условия для жизни и учебы, Советская страна стала для них матерью, согрела и одарила любовью. А когда юные испанцы появлялись на собраниях и митингах с поднятыми вверх крепко сжатыми маленькими смуглыми кулачками, поднимался лес рук в ответном приветствии.

Фашистский мятеж и последовавшая итало-германская интервенция в Испанию преследовали цель не только ликвидировать испанскую демократию, но и отрезать Англию и Францию от их колониальных владений, создать угрозу Франции с тыла. Вместе с тем Испания рассматривалась Гитлером и Муссолини как полигон для испытания оружия, необходимого в будущей большой войне.

В 1936 году эту войну можно было задушить в зародыше. Италия была основательно потрепана в эфиопской войне, переживала серьезные экономические трудности, в стране росло недовольство авантюрой Муссолини. Германия не была достаточно сильна, чтобы осмелиться противостоять фронту демократических стран. К концу 1936 года вермахт насчитывал четырнадцать армейских корпусов, в общей сложности миллион солдат. Германия не была готова к большой войне. Решительные действия Англии и Франции, которые обладали мощными военно-морскими флотами в Атлантике и Средиземном море, сразу же парализовали бы итало-германскую интервенцию в Испании.

Позиция СССР в этом вопросе была предельно ясной: Советское правительство призвало к решительным действиям против любых агрессоров и готово было поддержать санкции против фашистских держав.

Однако европейская трагедия началась не в ночь на 18 июля 1936 года. Она была заложена в антисоветизме европейских держав, которые не отказались от мысли любой ценой, любым путем если не уничтожить, то по крайней мере предельно ослабить Советский Союз, сделать его второстепенной державой. Этой цели и должна была послужить Германия.

Успехи демократических сил во Франции и Народного фронта в Испании, свергнувшего диктатуру Примо де Ривера, испугали реакционные круги во всем мире, активизировали антисоветские силы в Англии, Франции, США. За месяц до начала фашистского мятежа английская газета «Дейли мейл» писала: «Если зараза коммунизма, распространяющаяся сейчас в Испании и Франции, перекинется на другие страны, то самыми полезными друзьями Для нас оказались бы два правительства – германское и итальянское, уничтожившие эту заразу на своей земле».

Три года – с момента фашистского мятежа в Испании до начала второй мировой войны – отмечены последовательной борьбой Советского Союза и его дипломатии за мир, против происков агрессоров в различных районах земного шара. Литвинов был одним из активнейших участников этой борьбы.

27 ноября 1936 года республиканское правительство Испании поставило на Ассамблее Лиги наций вопрос об итало-германской интервенции. Советский Союз поддержал испанского делегата. На чрезвычайной сессии Совета Лиги наций в декабре 1936 года советский делегат потребовал принятия срочных мер против интервенции фашистских держав.

Усилия советской дипломатии сразу же натолкнулись на противодействие правящих кругов Англии и Франции. Вопрос об итало-германской интервенции был изъят из ведения Лиги наций и передан в специально созданный Комитет по невмешательству в испанские дела.

Советский Союз вошел в Комитет по невмешательству, чтобы хоть как-то влиять на политику западных держав, предотвратить расширение агрессии. Но Англия и Франция делали все возможное, чтобы превратить этот орган в ширму, прикрываясь которой можно было прекратить всякую помощь испанскому правительству.

В те дни Александра Михайловна Коллонтай, находившаяся в составе советской делегации в Лиге наций, писала в Стокгольм своему близкому другу и секретарю Эмми Лоренсон:

«Фаталистический» взгляд на мировую обстановку типичен для Женевы. Сердце обливается кровью, когда видишь, как здесь обращаются с Испанией… Страшно. Я просто несчастна и возмущена…»

Литвинов большую часть времени проводит в Женеве. Там идет сейчас сражение против главного врага – Гитлера. Он вдохновитель войны в Испании – прелюдии к мировому пожару, и с трибуны Лиги наций эту мысль надо донести до сознания всех народов.

Основные положения внешней политики Советского Союза определены правительством. В соответствии с этими положениями и действует Литвинов, мобилизует в этом направлении весь дипломатический аппарат, готовит свои речи здесь же, в Женеве.

Перед заседаниями он обычно прогуливается по набережной Женевского озера. Там он может сосредоточиться, подготовиться к очередному выступлению. Иногда уезжает в деревушку Грей возле Ниццы. В маленьком деревенском ресторанчике его хорошо знают. Он заказывает кружку пива и какое-нибудь острое блюдо. Перечитывает газеты, размышляет. Вокруг тишина: горы, внизу стелется долина. Повсюду безмятежная радость бытия. Но он знает, как обманчив покой: Европа и мир идут к большой войне. Английские и французские представители продолжали опасную игру, неизменно пытались доказать, что Литвинов преувеличивает опасность, исходящую из Германии, сгущает краски.

– Не следует опасаться рейха. Гитлер говорит, и только. Надо помнить, что лающие собаки не кусаются, – говорили ему.

– Я знаю, что лающие собаки не кусаются. Но я не уверен в том, что это знают собаки, – парировал Литвинов.

Советское правительство оказывало помощь испанскому народу, предоставило кредит на сумму в 85 миллионов долларов для закупки оружия, советские добровольцы сражались за республиканскую Испанию, военные советники оказали огромную помощь в создании регулярной Народной армии. В Испанию отправлялись пароходы, груженные медикаментами и продовольственными товарами. Италия и Германия начали пиратские нападения на торговые суда разных стран. Некоторые английские и французские корабли вместе со своими экипажами пошли на дно. Были потоплены советские пароходы «Тимирязев» и «Благоев».

Англия и Франция предложили созвать конференцию средиземноморских и черноморских держав и обсудить вопрос о мерах обеспечения безопасности мореплавания. Конференция

проходила в Нионе с 10 по 14 сентября 1937 года. Литвинов выехал в этот небольшой городок близ Женевы. Как всегда, добивался конкретных решений.

Телеграфируя в НКИД о начале работы, Литвинов информировал: «Сегодня делались попытки убедить меня отказаться от всякого выступления на конференции… Мотивировка – важно быстро провести конференцию и немедленно приступить к охране Средиземного моря. Я им ответил, что стою тоже за быстроту действий, но что если охрана Средиземного моря начнется на полчаса позже, то никто нас в этом упрекать не будет. Конференция была созвана без консультации с нами, и мы не можем, как статисты, молча выслушать речь председателя без определения отношения моего правительства к проблемам, связанным с конференцией…

Я раскритиковал пункт об уничтожении подводных лодок только в случае несоблюдения Лондонской конвенции, которая имела в виду военное, а не мирное время.

Я охарактеризовал это предложение как «гуманизацию войны в мирное время», ибо весь смысл в том, чтобы подлодки предоставляли возможность командам спасаться. Я также указал, что это путь подготовки легализации войны и признания прав воюющей стороны за Франко. Мои возражения вызвали сильную растерянность и смущение среди англичан, которые признали, что я затронул большой принципиальный вопрос».

Уже 11 сентября Литвинов телеграфировал: «Многие из моих возражений в тексте учтены, и особенно выпукло отмечено непризнание прав воюющих сторон».

Принятое на конференции соглашение обязало всех ее участников принять решительные меры против пиратских действий на Средиземном море.

Фашистская агрессия в Испании до предела обострила обстановку в Европе. Все больше накалялась атмосфера и в Азии. 25 ноября 1936 года в Берлине было подписано соглашение между Германией, Италией и Японией. Оформился «Антикоминтерновский пакт». Незадолго до этого один из главарей гитлеровской Германии, Геринг, заявил на заседании кабинета в Берлине, что «столкновение с Россией неизбежно». Летом 1937 года Япония начала новую войну против Китая. Усилилось итало-германское вмешательство в дела Испании, интервенты окончательно сбросили маску, теперь уже открыто посылали Франко войска и оружие.

Литвинов – в разъездах. Встречи с дипломатами, конференции, заседания Лиги наций следуют непрерывной

чередой. Он появляется в Москве на несколько дней и снова уезжает в Варшаву, Париж, Женеву, мобилизует аппарат полпредств. Майский в Лондоне действует не только по линии дипломатической, но и организует встречи с общественными деятелями, представителями творческой интеллигенции, которые начинают требовать от своего правительства энергичных действий против гитлеровской Германии. Во Франции советские дипломаты при помощи выдающихся ученых и общественных деятелей организуют нажим на правительство Блюма, заставляют его заявить, что Франция будет противиться германской агрессии.

В ноябре 1937 года в Брюсселе Лига наций созвала конференцию в связи с японской агрессией в Китае. Опасная игра западных держав была продолжена и в этом регионе. США, Англия и другие капиталистические страны показали, что они не намерены противодействовать агрессору в Азии, как они это делают в Европе. В декларации, принятой 24 ноября, конференция призвала Китай и Японию «прекратить враждебные действия и прибегнуть к мирным методам». И только.

Но при всей сложности положения на Дальнем Востоке Литвинов был убежден, что враг находится все же в Европе. В декабре 1937 года он дает интервью иностранному корреспонденту по поводу ситуации, сложившейся на Дальнем Востоке. Выдержка из этой беседы появилась в иностранной печати в канун войны. Литвинов сказал, что «Антикоминтерновский пакт» – это угроза отнюдь не только Советскому Союзу, а в первую очередь Франции и Англии. Идеология мало значит для фашистских разбойников. Гитлер милитаризировал рейх и встал на путь грубого гангстеризма Муссолини и японцы идут за ним, ибо надеются получить свою долю в награбленной добыче. Но жертвами этих завоеваний в первую очередь станут богатые капиталистические страны. Английский и французский народы бездействуют, а их лидеры ослеплены. Гитлеровская Германия в первую очередь нападет на Францию и Англию, ограбит эти страны. Советский Союз будет последней страной, на которую нападет гитлеровская Германия. Литвинов закончил свое интервью следующими словами: «У нас есть Красная Армия и огромная территория…»

Тем временем Япония все больше осложняет отношения с Соединенными Штатами Америки. Конфликт между ними становится неизбежным. Литвинов предупреждает об этом американского посла Дэвиса. Но тот отшучивается. У Дэвиса много других забот. Его жена, известная американская миллионерша, пригнала из Западного полушария в Одессу роскошную парусную яхту. Миссис Дэвис любит рекламу, и в

мировой печати появилось множество статей об этом вояже и яхте, экипаж которой насчитывает сорок матросов и офицеров. Об этом западные журналисты пишут больше, чем о вопросах европейской безопасности и положении на Дальнем Востоке. Литвинов обращает внимание Дэвиса на тот факт, что в сложнейшей ситуации в мире американская пресса занята пустяками. Дэвис успокаивает советского дипломата: Литвинов не должен так мрачно смотреть на вещи. Все как-нибудь уладится.

Каждый раз, возвращаясь в Москву из заграничной поездки, Литвинов пристально всматривался в окружавший его мир, от которого он все же был оторван по той причине, что, будучи «специалистом партии» по дипломатическим делам, много времени проводил за границей. Но тем глубже, конкретнее хотелось ему проникнуть в ту повседневную жизненную атмосферу, в которой жила страна, ее люди.

Как-то в очередной приезд из Женевы Литвинов был на приеме в Московском Совете. С живым интересом он слушал ораторов, расспрашивал о каждом выступавшем, интересовался его возрастом, профессией, служебным положением, пристально вглядывался в лица этих молодых людей, как он их называл, которые завтра должны были прийти на смену старшему поколению большевиков и стать у руля страны. В творческие силы народа он верил безгранично.

Но другое все больше беспокоило Литвинова в те годы. Он видел, какие чуждые духу ленинизма процессы начались в стране. Людьми начали овладевать страх, неуверенность, подозрительность. Эти явления становились все более ощутимыми, они сковывали, мешали работать и жить, отдавать сполна свои способности строительству нового общества, ради чего и была совершена революция.

Однажды Литвинов должен был пойти на прием в иностранное посольство. Он спросил у Крестинского, кто из сотрудников Наркоминдела приглашен на этот прием.

– Приглашены многие, но пойдут не все, – сказал Крестинский.

– Почему? – спросил Литвинов.

– Боятся, – ответил Крестинский.

С тех пор Литвинову пришлось в приказном порядке отправлять своих сотрудников на дипломатические приемы.

Положение Литвинова, руководителя советской дипломатии, казалось прочным и незыблемым, признание его заслуг всячески подчеркивалось. В 1936 году на VIII Чрезвычайном съезде Советов

Литвинов был избран в президиум съезда, вошел в редакционную комиссию для установления окончательного текста Конституции. Он выступил с большой речью, изложение которой «Правда» опубликовала на первой полосе. 6 декабря 1936 года «Правда» поместила фотографию, на которой Сталин, Молотов, Ворошилов, Буденный и Литвинов голосовали за окончательный текст Конституции Советского Союза.

Свои отношения со Сталиным Литвинов понимал как отношения двух коммунистов, связанных общей идеей. Признавая руководящее положение Сталина как Генерального секретаря партии, Литвинов никогда не лебезил перед ним Об этом свидетельствуют все, кто наблюдал их отношения.

В 1936 году в особняке Наркоминдела на Спиридоновке состоялся прием в связи с отъездом американского посла Буллита. В это время позвонил Сталин. К телефону подошел секретарь Литвинова Ю. М. Козловский.

– Где товарищ Литвинов? – спросил Сталин.

– Он дает завтрак в связи с отъездом Буллита.

– Можете вы с ним связаться?

– Постараюсь.

– Тогда передайте ему, что мы с ним условились встретиться. Я жду его до четырех часов, пусть он ко мне приедет. Позже я буду занят.

– Я все это передам товарищу Литвинову.

О звонке Сталина Козловский сообщил Литвинову. Тот ответил:

– Ну хорошо. Я, очевидно, успею закончить прием и поеду к Сталину.

В. Н. Барков, член партии с 1906 года, долгие годы работавший заведующим протокольным отделом Наркоминдела, свидетельствует: «Литвинов всегда держался с большим достоинством. Это была естественная, неделанная форма его поведения. Ему были совершенно чужды лесть и подхалимство, терпеть этого не мог у других. Было бы дико даже представить, что он может в поведении или в постановке вопроса отступить от партийных норм. На первых порах деятельности Литвинова, когда были так живы ленинские нормы в отношениях между людьми, просто исключалось, что Литвинов способен проявить подобострастие к кому-либо. Но и позже Литвинов остался таким, каким он был всегда. Вспоминаю такой случай – это было в 1935 году. Вместе с Максимом Максимовичем я шел по Кремлю, направляясь в правительственное здание. Неожиданно на дорожке показался Сталин, направлявшийся в нашу сторону. Литвинов не проявил ни малейшего волнения, ни на йоту не

изменилась его походка, скупые жесты. Подошел Сталин. Они поздоровались. Литвинов сказал Сталину: „Познакомьтесь, Иосиф Виссарионович, это Владимир Николаевич Барков, который недавно назначен заведующим протокольным отделом Наркоминдела“.

Сталин, у которого была очень хорошая память, поздоровался со мной, заметил: «А, помню, помню. Мы вас, товарищ Барков, быстро забрали из Китая».

Это замечание было сделано в связи с тем, что во время событий на КВЖД меня срочно отозвали из Китая, где я был консулом.

Обменявшись еще какими-то фразами, Сталин и Литвинов распрощались и пошли в разные стороны…»

Работать становилось все труднее. Настроения неуверенности и подозрительности все больше проникали в Наркоминдел. Из аппарата наркома вырывали то одного, то другого сотрудника. Им предъявлялись обвинения в антисоветской деятельности.

В 1937–1938 годах были арестованы почти все заместители Литвинова. Первый заместитель наркома Крестинский прошел по процессу так называемого «право-троцкистского блока» и был расстрелян. Такая же судьба постигла Карахана. Был арестован один из самых близких Литвинову товарищей – Борис Спиридонович Стомоняков.

В тот день, когда это произошло, Литвинов как раз вернулся из-за границы. Узнал, что Стомоняков стрелялся и находится в тюремной больнице. Литвинов бросил все дела, позвонил Сталину, попросил немедленной встречи. Сталин сказал:

– Приезжайте.

И вот их краткий, драматический разговор:

– Товарищ Сталин, я ручаюсь за Стомонякова. Я знаю его с начала века и вместе с ним выполнял сложнейшие поручения Ленина и ЦК. Я ручаюсь за Стомонякова, – повторил Литвинов.

Сталин молча, раскуривая трубку, медленно ходил по кабинету. Остановился возле Литвинова, смотрел прямо в глаза холодным, изучающим взглядом, потом сказал:

– Товарищ Литвинов, вы можете ручаться только за себя…[41]

Литвинов ушел. Что чувствовал он, старый большевик, вступивший в ленинскую партию в год ее основания? Об этом можно только догадываться.

Как повсюду в стране, в Наркоминделе проходили собрания, на которых осуждали «врагов народа». Ни на одно «проработочное» собрание Литвинов не явился. Ни единого заявления по поводу «врагов народа» не сделал. Заведующий отделом печати Наркоминдела Е. А. Гнедин вспоминал, что в

1937 году на одном из заседаний парткома НКИД В. П. Потемкин, назначенный первым заместителем наркома, настойчиво потребовал, чтобы Литвинов сказал, что он думает по поводу процесса Крестинского, ведь Крестинский был первым заместителем Литвинова. Литвинов ответил:

– Читайте газеты. Там все написано. Или вы хотите, чтобы я сказал больше, чем сказано в газетах? Разве вы газетам не верите?

Потемкин больше вопросов не задавал.

В те годы Литвинов лишь при крайней необходимости вызывал из-за границы полпредов и других дипломатических сотрудников. Знал, что обратно из Москвы они уже могут и не уехать. Полпред в Венгрии Александр Артемьевич Бекзадян приехал в Москву без вызова Литвинова. Максим Максимович потребовал, чтобы он немедленно уехал. Бекзадян уехать не успел.

В начале 1937 года Литвинов приехал в Париж, где предстояла встреча с В. П. Потемкиным, он в то время был еще полпредом СССР во Франции. Необходимо было обсудить неотложные проблемы, связанные с англо-французской политикой в испанском вопросе. В Париж были вызваны и некоторые полпреды.

Во французскую столицу Литвинов прибыл из Женевы рано утром. Он заранее предупредил Потемкина, что встречать на вокзале его не надо. Париж еще спал. Максим Максимович заблаговременно отправил своего «ангела-хранителя» в полпредство и остался наедине с дипломатом, которого знал еще со времен гражданской войны. Они медленно шли по пустынным улицам. Литвинов угрюмо молчал. И вдруг его прорвало:

– Я больше не могу… эти аресты, славословия. Куда мы катимся, погибают соратники Владимира Ильича…

Вспышка кончилась так же внезапно, как и началась. Побагровевшее лицо постепенно бледнело, принимало обычное выражение.

Потемкин встретил Литвинова у ворот полпредства. Внимательно рассматривал его, стараясь понять, почему он проделал весь путь от вокзала пешком…

Тем временем европейская трагедия стремительно развивалась. Политика попустительства Гитлеру принесла новые горькие плоды. 12 марта 1938 года гитлеровские войска вторглись в Австрию. Произошел аншлюс. Австрия как самостоятельное государство больше не существует, она превращена в «немецкую землю», а во главе ее становится гитлеровский эмиссар Зейсс-Инкварт. Оценивая создавшуюся

обстановку, Литвинов в инструктивном письме советскому послу в США писал: «Рузвельт и Хэлл продолжают дарить мир своими проповедями, но в то же время палец о палец не ударяют в пользу мира».

Капиталистическая Европа покорно приняла этот новый акт разбоя. Лишь Советский Союз выступил против агрессивной политики Германии. 17 марта Литвинов устроил пресс-конференцию для советских и иностранных журналистов. По поручению Советского правительства он заявил, что СССР готов принять активное участие во всех мероприятиях, направленных на организацию коллективного отпора агрессору. Литвинов предупреждает, что завтра может быть поздно, но сегодня время для этого еще не ушло. Но Лига наций молчала. Не откликнулись на призыв Советского правительства и великие державы – Англия, Франция, США.

В апреле английский премьер-министр Чемберлен отправился в Рим и подписал с Муссолини соглашение, по которому между Англией и Италией устанавливались «добрососедские отношения». Англия признала захват Эфиопии, фактически легализовала итальянскую интервенцию в Испании. Франция нанесла удар с другой стороны, закрыв франко-испанскую границу.

Комитет по невмешательству практически уже прекратил свою деятельность. Но это не меняло положения дел. 19 апреля 1938 года министр иностранных дел республиканской Испании Альварес дель Вайо заявил, что продолжение политики «невмешательства» может теперь означать только решительное желание задушить народ, который борется за свою независимость, за мир и за будущее европейской свободы и демократии».

Еще в конце 1937 года началась подготовка к XVIII съезду партии. В этот период Литвинову чаще, чем обычно, приходилось встречаться со Сталиным, который в политическом отчете готовил большой раздел о международном положении Советского Союза. Обычно к участию в разработке этих разделов привлекались Д.З. Мануильский, ответственный работник Коминтерна, и Е. С. Варга, крупнейший знаток мировой экономики и политики, с которым Сталин очень считался. Сталин свои доклады готовил сам. Но прежде чем окончательно сформулировать основные идеи и положения доклада, обычно привлекал очень ограниченный круг советников. Сталин вызывал Литвинова, показывал ему отдельные места доклада, просил представить справки и документы по отдельным вопросам

мировой политики.

В первые месяцы 1938 года по всей стране прошли областные и республиканские партийные конференции. Ленинградская VIII областная и VI городская объединенная партийная конференция выдвинула Литвинова делегатом на съезд партии, который открылся 10 марта 1939 года в Москве. Большинства делегатов, которых Литвинов знал по предыдущему съезду, на этот раз не было. Почти все областные и республиканские партийные комитеты возглавлялись новыми людьми, почти во всех народных комиссариатах были новые руководители.

В политическом отчете Центрального Комитета ВКП (б) был дан анализ международного и внутреннего положения Советского Союза за пятилетие, истекшее со времени предыдущего съезда партии. В области международной за это время произошли громадные изменения. Капиталистические страны пережили серьезные потрясения в области политики и экономики. Пик экономического кризиса прошел, но его последствия еще дают себя знать. Обострилась борьба за передел мира, рухнула система послевоенных договоров, и война уже идет в различных районах земного шара. Империалистические государства не оставили надежды задушить единственное социалистическое государство силой оружия.

Для Советского Союза этот пятилетний период, несмотря на все трудности и сложности развития, был периодом дальнейшего роста экономики, культурного подъема, роста политической и военной мощи, периодом настойчивой и целеустремленной борьбы за мир.

На съезде был избран новый состав Центрального Комитета ВКП (б). Литвинов был одним из немногих членов ЦК, избранных на XVII съезде и вошедших в его новый состав.

К лету 1938 года стало ясно, что вряд ли удастся использовать Лигу наций для обуздания агрессоров, но советская дипломатия не пренебрегала любой возможностью для этой цели. 10 мая в Женеве открылась 101-я сессия Совета Лиги наций. Литвинов прибыл туда накануне сессии, сразу же принял министра иностранных дел Румынии Петреску-Комнена, а потом встретился с английским министром иностранных дел Галифаксом. Из бесед с английским дипломатом стало ясно, что Лондон намерен продолжать политику поддержки итало-германской интервенции. Галифакс заявил на сессии, что политика умиротворения встречает международную поддержку.

Сессия показала, что малые государства, подталкиваемые английской дипломатией, намерены уйти от обязательств,

всячески будут уклоняться от участия в санкциях против агрессора. Заявление по этому вопросу сделал представитель Швейцарии. Эту страну использовали в качестве острия клина, при помощи которого намеревались протолкнуть такие же заявления и других государств. Выступил Альварес дель Вайо, сказал, что Франция и Англия «постановили разрешить Германии и Италии свободно вмешаться в пользу испанских мятежников».

Потом выступал Литвинов. «Присутствующие здесь и находящиеся вне этих стен, – сказал Литвинов, – знают точку зрения Советского правительства. Они знают, что если бы зависело от взглядов и желаний Советского правительства, то Лига наций давно выполнила бы все свои обязательства в отношении государства, входящего в Лигу. Не Советское правительство было бы препятствием к выполнению Советом [Лиги] требований, сформулированных здесь представителем Испании».

Сделает ли что-нибудь в этой ситуации Лига наций? Нет. Она уже почти мертва. Александра Михайловна Коллонтай, находившаяся вместе с Литвиновым в Женеве, пишет в Стокгольм: «Международная обстановка чрезвычайно напряжена. Но не здесь, в Женеве, будет найдено решение». Советская дипломатия продолжает сражаться, делает все возможное для поддержки республиканской Испании.

Литвинов посоветовал Альваресу дель Вайо обратиться в Лигу наций с требованием осудить итало-германскую интервенцию и применить в соответствии со статьей 16 устава Лиги коллективные санкции против агрессоров. Три дня шла борьба за то, чтобы этот вопрос был поставлен на обсуждение. Французский журналист Андре Симон писал: «Это было зрелище, исполненное пафоса и трагизма. Наконец резолюция, предложенная Совету сеньором дель Вайо, была поставлена на голосование. „Нет“, произнесенное среди мертвой тишины лордом Галифаксом и Жоржем Боннэ, прозвучало как пощечина. Напряжение в зале становилось невыносимым. Один только советский представитель поддержал республиканскую Испанию. Рядом со мной послышались рыдания корреспондентки одной швейцарской газеты. Сеньор дель Вайо и его спутники вышли с заседания смертельно бледные, но с высоко поднятой головой. У входа в отель французского министра иностранных дел окружают журналисты, ему кричат: „Вы умертвили Испанию!“ Побледневший Боннэ удирает от журналистов».

Политика западных держав открыла Гитлеру путь к новым агрессивным действиям. В мае после ряда провокаций германские войска начали стягиваться к чехословацкой границе. Задача была

ясна: расчленить Чехословакию, оторвать от нее Судетскую область, ликвидировать союзнические связи этой страны с Советским государством.

СССР бдительно следил за этими шагами гитлеровской Германии. Еще 16 марта 1938 года Литвинов заявил в интервью иностранным журналистам, что в случае нападения на Чехословакию Советский Союз выполнит свои договорные обязательства. 25 апреля эту точку зрения Советского правительства высказал Калинин.

В первой половине 1938 года страна готовилась к выборам в Верховный Совет РСФСР. Литвинова выдвинули кандидатом в депутаты в том же Петроградском округе Ленинграда, где он баллотировался на выборах в Верховный Совет СССР, и Литвинов выехал для встречи со своими избирателями, решив использовать эту встречу для того, чтобы осветить жгучие международные проблемы. 23 июня в Народном доме состоялась эта встреча, на которую пришло более двух тысяч человек. По поручению избирателей инженер завода «Электрик» Фалин тепло приветствовал Литвинова. Потом выступали химики, машиностроители, партийные работники.

В своей речи Литвинов показал, как развивалась международная обстановка после мировой войны, как Англия и Франция не желали признавать Советский Союз. Он привлек внимание слушателей к угрозе со стороны фашистских государств – Германии и Италии. «Наши пакты с Францией и Чехословакией, – сказал Литвинов, – помимо оказания помощи в случае войны имеют также целью предотвращение или уменьшение самой опасности войны в определенных частях Европы. Перед лицом угрозы, нависшей теперь над Чехословакией, всему миру должно быть ясно, что советско-чехословацкий пакт эту свою функцию выполняет, что он является наиболее, если не единственно крупным фактором, разрежающим атмосферу вокруг Чехословакии… Чехословакия является обороняющейся стороной, и… ответственность за последствия во всяком случае будет нести сторона нападающая».

Огромный зал Народного дома ответил громом оваций, раздавались выкрики: «Смерть фашизму!» Литвинов продолжил: «От той грозной силы, которую должна была представлять собой Лига наций, осталась лишь бледная тень… Лига наций разбита параличом, и если не будет принято срочных мер к ее реставрации, то она к моменту начала конфликта окончательно рассыплется».

Все свои речи перед соотечественниками Литвинов

заканчивал одной мыслью, одним призывом: крепить оборонную мощь страны. Так он сделал и на этот раз в Ленинграде: «Если, однако, вопреки ожиданиям случится самое худшее и сохранить мир вопреки нашей политике не удастся, то мы знаем, что защита нашего государства находится в крепких, умелых руках нашей славной Красной Армии, нашего Красного Флота и Красной Авиации, вокруг которых объединится весь советский народ».

Советское правительство считает своей важной внешнеполитической задачей спасение Чехословакии от гитлеровского вторжения. Литвинов отдает этой цели всю свою энергию. 22 августа он принял германского посла Шуленбурга, который пытался выяснить настроения Чехословакии, Англии, Франции и СССР относительно действий Германии. Советский нарком заявил, что «чехословацкий народ, как один человек, будет бороться за свою независимость… Мы также выполним свои обязательства перед Чехословакией». Шуленбург в записи этой беседы отметил, что Литвинов выявил истинную цель, которую преследовало гитлеровское правительство. Шуленбург дословно записал слова Литвинова: «Германия не столько озабочена судьбами судетских немцев, сколько стремится к ликвидации Чехословакии в целом».

В сентябре Литвинов ведет беседы с французским поверенным в делах Пайяром. Он разъясняет ему, что Франция по договору обязана помочь Чехословакии в случае германского нападения.

По поручению правительства Литвинов выдвинул предложение созвать совещание военных экспертов трех стран для обсуждения вопросов военной помощи Чехословакии. «Трудно представить себе общую защиту Чехословакии тремя государствами без предварительного обсуждения практических мер их военными экспертами, – говорит он Пайяру. – Мы готовы участвовать в таком совещании».

Франция отвергла предложение. Англия продолжала интриги, готовилась к окончательной сделке с Гитлером. Когда Литвинов в конце сентября выехал в Женеву, судетский кризис уже был в полном разгаре. На границе с Чехословакией были сконцентрированы германские войска. Лига наций продолжала заниматься второстепенными вопросами. Литвинов снова сделал попытку повернуть ее к практическим делам европейской безопасности. Из-за интриг представителей Англии и Франции вопрос о Чехословакии не был внесен в повестку дня Ассамблеи Лиги наций. Тогда Литвинов, выполняя поручение Советского правительства, выступил по этому вопросу на заседании

Ассамблеи. Критическая обстановка, сложившаяся в Европе, позволила ему быть более резким, чем раньше. Он предупреждает, что не сегодня-завтра в Европе разразится война. «Избежать проблематической войны сегодня и получить верную и всеобъемлющую войну завтра, да еще ценою удовлетворения аппетитов ненасытных агрессоров и уничтожения и изуродования суверенных государств, – не значит действовать в духе пакта Лиги наций. Премировать бряцание оружием и обращение к оружию для разрешения международных проблем, иначе говоря, премировать и поощрять наступательный сверхимпериализм в до сих пор неслыханных формах – не значит действовать в духе пакта Келлога – Бриана».

Это было последнее выступление Литвинова в Лиге наций. Жизнь показала, что западные державы, и в первую очередь Англия и Франция, ослепленные ненавистью к Советскому Союзу, окончательно предают мир в Европе. Они намерены откупиться от Гитлера, отдав ему Чехословакию, а тем самым, как им казалось, направить германскую агрессию в сторону СССР. Теперь уже у Литвинова на этот счет нет никаких сомнений. Эндрю Ротштейн свидетельствует: «Когда Максим Максимович прибыл в сентябре в Женеву, я в тот же день задал ему вопрос: что будет с чехами? Литвинов ответил: англичане продадут чехов».

В Берлине были хорошо осведомлены об этих намерениях и планах английских и французских правящих кругов. 26 сентября Гитлер выступил в Берлине с очередными угрозами уничтожить Чехословакию. Судьба этой страны была окончательно решена. Пытаясь «умиротворить-, Гитлера, Чемберлен и Даладье прибыли в Мюнхен, где 29 и 30 сентября 1938 года состоялась конференция четырех держав – Англии, Франции, Германии и Италии. Произошел сговор с Гитлером за счет Чехословакии. 30 сентября было подписано Мюнхенское соглашение, расчленившее чехословацкое государство. Вернувшись в Англию, Чемберлен заявил встречавшим его на Крайдонском аэродроме журналистам, что мир спасен. В действительности мир сделал еще один шаг к самой кровопролитной войне в истории человечества. Это сразу же констатировали коммунисты Европы и Америки, обратившись 9 октября 1938 года с воззванием к народам, в котором указывалось, что „мюнхенское предательство не спасло мир, а лишь поставило его под угрозу, ибо оно нанесло удар союзу сил мира во всех странах и поощрило фашистов“.

Гитлеровцы были поощрены, как никогда раньше. После еще одной бескровной победы над западными демократиями они выжидающе смотрели в сторону Советского Союза. Как повернутся дела там? В германских документах, захваченных

после войны американцами, обнаружены письма советника германского посольства в Москве фон Типпельскирха. Он доносил в Берлин сразу же после мюнхенской сделки – 3 и 10 октября: «То, что политика пактов и союзов не удалась, а идея коллективной безопасности провалилась и что Лига наций разрушила надежды, которые на нее возлагали, не может, по-моему, остаться без последствий для советской политики… В свете нашего опыта мне представляется возможным, что Сталин сделает из провала советской политики выводы, касающиеся некоторых лиц. в этой связи я в первую очередь думаю о Литвинове…»

Это письмо гитлеровского дипломата достаточно ясно раскрывает затаенные замыслы, вынашивавшиеся в Берлине.

Теперь события развивались еще более стремительно. В Испании трагедия шла к своему финалу. Республиканская армия была задушена превосходящими силами германо-итальянских интервентов. 4 марта 1939 года в советских газетах было опубликовано сообщение: «В связи с тем, что лондонский Комитет по невмешательству уже давно перестал функционировать и потерял смысл своего существования, Совнарком СССР 1 марта с. г. постановил отозвать своего представителя из состава Комитета по невмешательству».

20 марта чехословацкий президент Гаха и министр иностранных дел Хвалковский прибыли в Берлин, и их сразу же доставили в имперскую канцелярию. Гитлер в присутствии Риббентропа и Геринга передал чехословацким деятелям документ, в котором говорилось, что чехословацкое правительство слагает с себя все полномочия и передает их Германии. Гитлер заявил, что утром Прага будет оккупирована вермахтом и любой, кто попытается оказать сопротивление, будет раздавлен.

Буржуазное правительство Чехословакии предпочло подчиниться империалистическому диктату, принеся в жертву национальные интересы своего народа, хотя СССР неоднократно заявлял о верности договору 1935 года, о готовности вместе с Францией и Чехословакией принять эффективные меры для обеспечения безопасности последней и пойти дальше своих договорных обязательств, оказав военную помощь и без участия Франции, если Чехословакия будет сама защищаться и попросит об этой помощи.

В эти трагические дни Советское правительство пытается сделать все возможное, чтобы предотвратить новые акты агрессии со стороны гитлеровской Германии, все же создать барьер на пути «третьего рейха». Еще активнее стала деятельность советских

дипломатов в Лондоне. Париже и других европейских столицах. Через советские полпредства мобилизуется общественное мнение, ведутся переговоры с министерствами иностранных дел.

В Женеве Литвинов больше не появляется. Были ли напрасны усилия, которые советская дипломатия предпринимала в этой международной организации? Конечно нет. Под давлением советской дипломатии Лига наций вынуждена была обсуждать все случаи нарушения мира в любом районе земного шара. Это сдерживало потенциальных агрессоров, заставляло их оглядываться на мировое общественное мнение. Лига почти не применяла экономических санкций к агрессорам, но обсуждение этих вопросов в Совете и на Ассамблее заставляло европейские и другие государства сдерживать свои экономические отношения с Германией и Италией, ограничивать туда экспорт своих товаров, в том числе стратегических. Но как международная организация Лига наций оказалась не в состоянии обеспечить мир.

Через три года после начала второй мировой войны английский министр иностранных дел Идеи сказал: «Старая Лига наций провалилась не потому, что ее аппарат был порочный, а потому, что в ней не были представлены силы и течения, поддерживающие ее». Еще более категоричную характеристику Лиге наций дал американский исследователь Луиджи Стурца. «Ошибка прошлого, – писал он, – заключалась в том, что в состав Лиги наций входили государства, которые не могли взять на себя ответственность, вытекающую из членства в Лиге наций: впоследствии они превратились во врагов Лиги и саботировали ее мероприятия».

Но, конечно, подлинные причины провала Лиги наций значительно глубже. В течение четырнадцати лет, с момента возникновения этой международной организации, она действовала как антисоветская сила. В этом направлении мобилизовались все ее силы и возможности. Вступление Советского Союза в Лигу наций затормозило процесс консолидации антисоветских сил. Но за пять лет эти антисоветские тенденции окончательно не могли быть преодолены. Тем более что главные капиталистические страны – участники Лиги, Англия и Франция, после возрождения германской угрозы главную свою цель видели в том, чтобы направить эту угрозу против Советского Союза.

С того момента, когда стало ясно, что вслед за захватом Австрии Германия уничтожит и самостоятельность Чехословакии, Советский Союз вел переговоры с Англией и Францией о создании «фронта мира» против гитлеровской агрессии.

Литвинов, непосредственно ведший эти переговоры, прекрасно понимал, что до тех пор, пока Чемберлен находится у власти, с Англией договориться не удастся. Но такие переговоры способствовали усилению антифашистских тенденций в этих странах.

Между тем Литвинову становилось все труднее работать. Он еще стоял во главе советской дипломатии, но стал замечать, что вокруг него постепенно образуется вакуум. Уже после XVIII съезда партии по поручению Сталина Потемкин публикует в «Большевике» и в других органах печати статьи по внешнеполитическим вопросам. Литвинов узнает об этих статьях лишь после их опубликования. В Наркоминдел приходят новые люди, назначенные без ведома Литвинова. Заведующих отделами начинают называть начальниками. Ему становится известно, что не все советские полпреды шлют ему информацию, без которой никакие дипломатические решения невозможны. Многие из них направляют свои донесения Молотову, минуя Литвинова. Выясняется, что дипломатические функции переданы некоторым советским торгпредам, а Д. Г. Канделаки, торгпред в Берлине, сравнительно давно имеет непосредственный контакт по дипломатическим вопросам с Молотовым. В сложных условиях могут возникнуть различные ситуации, требующие неоднозначных шагов, поисков, возможны и вероятны компромиссы. Но то, что происходило за спиной руководителя внешнеполитического ведомства Литвинова, не вписывается в принципы ленинской дипломатии.

Литвинов понял, что он уже не в силах изменить положение. И тогда он пишет в правительство заявление о немедленной отставке. Но когда заявление написано, начинается внутренняя борьба: подать или не подать? Не будет ли трусостью уход с поста в такое сложное и тревожное время? Достойно ли это? Но с другой стороны, этот проклятый вакуум. Ему уже не доверяют. Вероятно, за его спиной предпринимаются какие-то действия, за которые он отвечать не может и не должен. Значит, надо подавать заявление. Но что важнее – остаться до конца на посту или уйти, что достойнее и принципиальнее? Он размышляет… И не подает заявления, прячет его в сейф. Он остается на посту.

После выхода СССР из Комитета по невмешательству Литвинов из Москвы никуда не выезжал. Он ведет переговоры с англичанами. В конце марта в Москву прибыла японская делегация, с которой Литвинов ведет переговоры по вопросу о режиме рыболовства в дальневосточных водах. Японцы пытаются выторговать наиболее благоприятные условия, тайно надеясь усилить шпионаж против Советского Союза. Литвинов, выполняя

указания правительства, не идет ни на какие уступки, сводит на нет их условия.

Внешне он так же спокоен, методичен, подтянут, как всегда, от него ничего не ускользает, и он быстро реагирует на действия своих партнеров по переговорам. Не теряет самообладания, все так же ровен с окружающими, внимателен к родным и близким. 3 апреля 1939 года Литвинов пишет жене в Свердловск, где она вела курс английского языка: «Милая, получил твое письмо сегодня и спешу послать тебе несколько строк вместе с грелкой. Меня тревожит твой бронхит, ведь у тебя он уже был этой зимой, и я знаю, как это прилипчиво. Постарайся во что бы то ни стало от него отделаться и до тех пор не выходить из комнаты, иначе он может держаться месяцами. Помнишь тот год, когда у меня был бронхит целое лето, и только в Меране я от него отделался». Но накопившееся напряжение ищет выхода: «Только теперь, когда мы наконец подписали рыболовное соглашение, я почувствовал, как я устал – до изнеможения. Японцы меня измучили. Настоящая чума. Несколько раз мне приходилось брать себя в руки, чтобы не надавать им пощечин. Рад, что кончилось.

У нас здесь гостила четыре-пять дней британская делегация. Глава – типичный представитель государственных кругов нахального образца, его жена англизированная американка. Очень энергичная и жадная до развлечений. Каждый вечер ходила в театр… «Лебединое озеро» с Улановой привело их в настоящий восторг. Все они были очарованы сверх всякой меры. Но как я хотел бы отдохнуть несколько дней, хотя бы на даче – в особенности теперь, когда весна так быстро надвигается!»

Догадывался ли тогда Литвинов, что скоро ему придется отдохнуть, но только не несколько дней, а около двух лет? Домой он возвращается мрачным.

Апрель был заполнен напряженной работой. Литвинов принимал иностранных дипломатов, вел переговоры, совещался с членами коллегии, принял сотрудника, назначенного на дипломатическую работу в Монгольскую Народную Республику, подробно говорил с ним о его задачах, давал советы, пожелал счастливого пути.

В конце апреля произошел эпизод, приобретающий особый смысл в свете последовавших событий. Утром 27 апреля Литвинова вызвали к Сталину. Вызвали не одного, вместе с полпредом в Лондоне Майским, (который тогда находился в Москве. Обсуждался вопрос о переговорах с англичанами и французами. Майский свидетельствует: «Впервые я увидел, как сложились отношения между Литвиновым, Сталиным и Молотовым. Обстановка на заседании была накалена до предела.

Хотя Сталин выглядел внешне спокойным, попыхивал трубкой, чувствовалось, что он настроен к Литвинову чрезвычайно недружелюбно. А Молотов буйствовал, непрерывно наскакивал на Литвинова, обвинял его во всех смертных грехах».

Что же послужило поводом для недовольства? Дело в том, что, направляясь из английской столицы в Москву, Майский сделал остановку в Хельсинки, где нанес визит вежливости министру иностранных дел Финляндии Эркко, бывшему в 1929–1932 годах послом в Москве. Во время беседы Эркко спросил у Майского, что он думает о европейской ситуации. Майский в общей форме ответил на вопрос. Так он всегда поступал в Лондоне во время бесед с дипломатами. Содержание беседы Майского с Эркко проникло в печать, и этот факт был использован, чтобы упрекнуть Литвинова в том, что его сотрудники «распустились».

– Какое Майский имел право разговаривать с Эркко? – резко спросил Сталин.

– Товарищ Сталин, это обычный разговор двух дипломатов, и от такого разговора он не мог уйти, – ответил Литвинов.

Сталин промолчал. На следующий день Майский выехал в Лондон. Встреча со Сталиным и Молотовым оставила у него тяжкое чувство горечи и недоумения. Но он не мог предположить, что судьба Литвинова как народного комиссара уже решена. 3 мая в Лондоне Майский присутствовал на большом дипломатическом приеме. К нему подошел китайский посол в Лондоне.

– Вы уже знаете новость? Литвинов ушел в отставку! – сказал он.

«Я ошеломленно посмотрел на китайского дипломата», – свидетельствует Майский.

Вот что произошло в те дни в Москве.

В ночь с 3 на 4 мая здание Наркоминдела было оцеплено войсками НКВД – ожидался приезд Берии. Прибывшие утром Молотов, Маленков и Берия сообщили Литвинову о его снятии с поста народного комиссара.

Около десяти утра Литвинов уехал за город, на дачу. Там уже находился взвод охраны НКВД. Правительственный телефон был отключен. Литвинов по городскому телефону, связанному с Москвой, позвонил Берии, спросил:

– Зачем понадобилась эта комедия с охраной?

Берия, хохотнув, ответил:

– Максим Максимович, вы себе цены не знаете. Вас охранять надо.

Литвинов бросил трубку.

К двенадцати часам в здание Наркоминдела снова прибыли Молотов и Берия. Затем по вызову Берии прибыл Деканозов.

Сотрудников Наркоминдела в здание не пустили. Они топтались на лестничной площадке. Потом их позвали. Молотов сообщил, что отныне он является народным комиссаром по иностранным делам. Сказал, что наведет здесь кадровый порядок.

Берия через стеклышки пенсне буравил взглядом сотрудников. Остановил взгляд на Павле Назарове, исполнявшем обязанности помощника главного секретаря Наркоминдела, секретаре комсомольской организации. Незадолго до описываемых событий был арестован отец Павла, старый большевик Степан Иванович Назаров, член Центральной контрольной комиссии ВКП(б), делегат XVII съезда партии. Сразу же после ареста старшего Назарова Павел был исключен из партии, но Литвинов добился его восстановления в рядах ВКП(б).

– Назаров, за что посадили вашего отца? – спросил Берия.

– Лаврентий Павлович, вам, наверное, это известно лучше, чем мне.

Берия усмехнулся:

– Об этом мы с вами потом поговорим.

Жена Назарова Зинаида Абрамовна вспоминает: «4 мая Павлик с работы не вернулся. Утром он надел недавно сшитый новый костюм, только без жилета, он его не признавал. В то время не было для молодежи лучше одежды, чем юнгштурмовка. Около двенадцати часов ночи Павлик позвонил: „Не волнуйся, я приеду домой поздно“. Я собралась уже спать. Вдруг звонят в дверь. Открываю. Стоят трое в форме НКВД и двое штатских». Обыск шел всю ночь.

Через несколько дней в Наркоминделе состоялось общее собрание сотрудников. Новый народный комиссар Молотов сказал:

– В сердце Наркомата работал итальянский шпион. Вы его пригрели.

«Итальянским шпионом» Павел Назаров был назван потому, что родился в Генуе, куда бежали с сибирской каторги его родители – профессиональные революционеры. Павел прожил в Генуе три года и большевиком, направлявшимся в царскую Россию на подпольную работу, был привезен к родственникам Назаровых в Самару.

После отстранения Литвинова были арестованы многие сотрудники Наркоминдела. Их брали на улицах, вытаскивали из квартир, арестовывали в служебных кабинетах. Все арестованные сотрудники Литвинова погибли в лагерях. Уже тогда Федор Раскольников в письме Сталину скажет то, что не решился

сказать никто: «Зная, что при нашей бедности кадрами особенно ценен каждый опытный и культурный дипломат, вы заманили в Москву и уничтожили одного за другим почти всех советских полпредов. Вы разрушили дотла весь аппарат Народного комиссариата иностранных дел…» Все репрессированные сотрудники Наркоминдела посмертно реабилитированы, в том числе отец и сын Назаровы. Вот выписка из документов: «Приговор Военной коллегии по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено».

После возвращения из лагеря в 1956 году жену Назарова пригласили в районный комитет партии и зачитали постановление Московского городского комитета КПСС: «Павла Степановича Назарова считать членом КПСС с 1931 года…» Номер партийного билета был указан тот, который стоял в нем к моменту ареста Назарова 4 мая 1939 года.

Через несколько дней был опубликован указ об освобождении М. М. Литвинова от обязанностей народного комиссара иностранных дел под предлогом, что он занял «ошибочную позицию, в особенности в оценке политики Англии и Франции».

Отставка Литвинова вызвала большой резонанс. Правительства многих государств мира созывали совещания, чтобы обсудить положение. Предполагался какой-то резкий поворот советской внешней политики.

В те дни советский полпред в Стокгольме Коллонтай записала в своем дневнике: «Литвинов ушел с поста народного комиссара иностранных дел. В Швеции и во всем мире творится что-то невообразимое. Друзья звонят целый день, телефон не умолкает. Ко мне прибежала наш искренний друг доктор Ада Нильсон, чтобы выяснить, что произошло. Такой растерянной я ее никогда не видела…

В каждой стране по-своему излагают версию отставки Литвинова. Финны утверждают, что Литвинов отставлен, ибо не мог решить вопрос об Аландских островах. Англичане и французы утверждают, что отставка Литвинова вызвана тем, что он не мог достичь соглашения с бывшими союзниками по первой мировой войне…

В фашистской Германии праздник. В официальных кругах гитлеровской иерархии царит неописуемая радость. Ушел Литвинов, который все время ожесточенно боролся против немецкой политики вооружения. Враги Советского Союза кричат о расколе в правящих кругах СССР…

Что думает Литвинов? Ведь Литвинов – это целая эпоха. Его имя вписано в историю…»

Мировая печать много писала об отставке Литвинова. Выступали журналисты и дипломаты, писатели и государственные деятели разных стран, строились предположения Догадки. Эдуард Эррио, выражая беспокойство прогрессивных кругов Франции, заявил с трибуны парламента: «Ушел последний великий друг коллективной безопасности».

Несомненно, Сталин понимал, что отставка политического деятеля, с именем которого связана мирная внешняя политика Советского Союза, может и неизбежно приведет к нежелательной реакции, в том числе в кругах зарубежных друзей Советского Союза, а главным образом народов, которые перед растущей угрозой наглеющего германского нацизма особые надежды возлагали на Советский Союз. Понимал и не сразу решился сделать этот шаг. Слишком велик был авторитет Литвинова в стране и во всем мире.

Однако шаг был сделан, и теперь его требовалось оправдать. В своей речи 31 октября 1939 года Молотов заявил, что Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру.[42] Это вводящее в заблуждение и деморализующее народ заявление было сделано в то время, когда гитлеровская Германия уже развязала вторую мировую войну и вела военную, политическую и дипломатическую подготовку к нападению на Советский Союз.

Литвинов на время исчезает с политического горизонта. Он полностью уходит в частную жизнь, если так можно охарактеризовать этот период его первой отставки. Сначала Литвинов с семьей живет на даче под Москвой, потом ему дают квартиру на одной из Мещанских улиц. У него никто не бывает. Первым человеком, который навестил Литвинова, был Б. Е. Штейн. Потом пришла А. В. Петрова. Максим Максимович был очень рад им.

Литвинов продолжает внимательно следить за развитием событий. А события не радуют. Англо-французская дипломатия продолжала вести свою двойственную политику: подталкивала Германию к войне с СССР и вела сепаратные переговоры с Гитлером. В этой тревожной обстановке необходимы были решительные и быстрые действия. Надо во что бы то ни стало выиграть время для подготовки страны к обороне. Переговоры с Германией оказались неизбежными.

23 августа в Москву прилетел гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп, и в тот день с Германией был подписан пакт о ненападении.

Медленно тянулись тоскливые месяцы вынужденного простоя.

Литвинов большую часть времени проводит за городом. Изредка его навещают самые близкие друзья: Штейн, Суриц, Петрова. Говорят о погоде, литературе, о новых кинофильмах. Уманский не пришел ни разу.

В Большом театре давали «Лебединое озеро». Партию Одетты-Одиллии танцевала Галина Уланова. Литвинов решил пойти в театр. Это был его первый выход «в свет» после отставки. Зал был переполнен. Максим Максимович сидел с женой в третьем ряду. К нему никто не подходил, но в последнем антракте подошла их давняя знакомая Нина Ивановна Мирная, жена советского дипломата С. М. Мирного. Она поздоровалась. Литвинов заметил:

– О, вы храбрая женщина. Никого не боитесь.

Больше храбрецов не нашлось.

В 1940 году Литвинов написал Сталину письмо. Просил работу. Вызвал Литвинова не Сталин, а Жданов. Предложил пост председателя Комитета по вопросам культуры. Литвинов отказался, ответил, что это не его область деятельности. Вскоре Литвинова вывели из состава ЦК ВКП(б).

На пленуме ЦК Литвинов остался верен себе. Он взял слово:

– Мое более чем сорокалетнее пребывание в партии дает мне право и обязывает меня сказать здесь откровенно все, что я думаю по поводу происшедшего. Я не понимаю, почему обо мне стоит вопрос в той плоскости, в которой это было доложено.

Далее он говорил о необходимости и возможности если и не избежать войны, то оттянуть ее, изложил свои мысли о политике Советского Союза в отношении Англии и Франции. Сказал, что Германия нападет на Советский Союз. Он в этом глубоко убежден…

Речь Литвинова длилась десять минут в полной тишине. Лишь Молотов бросал реплики, пытался прервать Литвинова. Сталин, попыхивая трубкой, медленно прохаживался вдоль стола президиума.

Как только Литвинов умолк, начал говорить Сталин. Он резко отмел все, что сказал Литвинов.

Когда Сталин закончил свою речь, Литвинов прямо спросил у него:

– Так что же, вы считаете меня врагом народа?

Сталин остановился. Медленно, растягивая слова, сказал:

– Врагом народа не считаем, Папашу считаем честным революционером…

Вспомнил ли Литвинов в этот момент другое время, свою первую встречу со Сталиным в апреле 1907 года, перед V съездом партии. Литвинов находился по делам партии в Париже, жил на бульваре Понт-Ройяль, дом 85, в мансарде, и был занят

подготовкой съезда. Партия остро нуждалась в средствах, чтобы снять помещение и обеспечить прожиточный минимум делегатам. Помог Горький. Алексей Максимович обратился к одному английскому миллионеру и уговорил его субсидировать съезд. Англичанин согласился (бывало в истории и такое), но потребовал, чтобы все делегаты выдали ему расписки в получении денег. Литвинову, как кассиру партии, пришлось заниматься и этими делами.

После Октября, когда Литвинов был назначен полпредом в Англии, капиталист, предъявив расписки, потребовал от него вернуть долг. Тогда Максиму Максимовичу с трудом удалось уладить дело с кредитором.

В конце апреля в Париж приехали делегаты от Тифлисской организации РСДРП. Среди них был и Джугашвили (Сталин). Последние три месяца он находился в Берлине и теперь направлялся в Лондон, где должен был проходить съезд. Вот тогда-то и произошла эта встреча. Литвинову шел 31-й год, Сталину – 28-й. Литвинов был широко известен всей партии, Сталина знали по его деятельности в Закавказье. Сталин дружески почтительно называл Литвинова его партийной кличкой – Папаша. Это было созвучно грузинскому «батоно» – обращение младшего к старшему. Литвинов привел Сталина на Понт-Ройяль, 85, водил по Парижу, рассказывал о Лондоне, об английских обычаях…

И вот теперь он стоит лицом к лицу со Сталиным, и тот бросает в онемевший зал:

– Папашу считаем честным революционером.

Но Литвинов не знает, что за его спиной с ведома Сталина уже фабрикуются материалы против «врага народа» Литвинова…

В те дни в кабинете Берии допрашивали арестованного в 1939 году Евгения Александровича Гнедина, заведующего отделом печати Наркоминдела. Как рассказывал Гнедин, Берия и Кобулов посадили его на стул, сами сели по обе стороны и ударами кулаков по голове устроили игру в «маятник». Били смертным боем, требовали, чтобы Гнедин дал показания против Литвинова.

Гнедин терял сознание. Его продолжали истязать. Окровавленными губами, приходя в сознание, Гнедин повторял:

– Максим Максимович Литвинов – честнейший человек, верный сын Коммунистической партии и народа…[43]

После отставки Литвинова в мировой прессе, зарубежных правительственных и общественных кругах появилось много

догадок о будущей судьбе дипломата. Позже в зарубежной печати стал подниматься вопрос, почему он уцелел в годы репрессий.

Поскольку этот вопрос возник давно и до сих пор является предметом обсуждения, на него должен быть дан ответ, особенно сейчас, когда в условиях гласности и открытости одно за другим убираются белые пятна нашей истории.

Тот факт, что Литвинов пользовался большим авторитетом в стране, в самых широких кругах советского общества, при всей его справедливости не может служить единственным объяснением.

В годы культа личности Сталина репрессиям подверглись деятели Коммунистической партии и Советского государства, занимавшие более видное положение, чем Литвинов, члены Политбюро ЦК ВКП(б), а Литвинов, как известно, в Политбюро не входил. Следовательно, были и другие причины.

К 1939 году Литвинов играл весьма значительную роль в мировой политике. С его именем была связана миролюбивая деятельность советской дипломатии в Лиге наций и других международных форумах, борьба Советского Союза против фашизма.

Общеизвестно, что отставка Литвинова породила откровенную радость в высших эшелонах власти нацистской Германии и вызвала недоумение в правительственных кругах и общественном мнении многих стран мира. С этим Сталин вынужден был считаться.

Для Сталина, несомненно, был важен и тот факт, что за все годы своей политической, дипломатической и государственной деятельности Литвинов не входил ни в какую оппозиционную или фракционную группировку. Ведь именно это часто использовалось Сталиным для расправы с деятелями партии и государства.

Кроме того, есть еще одна важная причина, почему после отставки Литвинов не был подвергнут репрессии: Сталин держал его в своеобразном резерве. Это требует пояснения.

Сталин, будучи политиком необычайно подозрительным и недоверчивым, поверил в то, что пакт с Германией не будет нарушен, по крайней мере на протяжении длительного времени. Вспомним эпизод, описанный в мемуарах Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, а именно реакцию Сталина на сообщение о нападении гитлеровских армий на Советский Союз. Сталин впал в прострацию. Пошатнулась его вера в собственную гениальную прозорливость. Литвинов в кругу очень близких товарищей по партии как-то заметил по поводу Сталина: «Восточных правителей, всех этих шахов и прочих деспотов он еще обведет

вокруг пальца. Но западный мир, западная политика это не по нему. С этой политикой он не совладает».

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз приостановило тайную подготовку процесса против «врага народа» Литвинова. Война диктовала свои условия, в том числе и в дипломатической области. Тот авторитет, которым пользовался Литвинов в силу своей предвоенной деятельности, был необходим. Не кто иной, как Гарри Гопкинс, ближайший советник Рузвельта, передал Сталину намек президента, что возвращение Литвинова на высокий дипломатический пост и приезд его в Соединенные Штаты Америки крайне желательны.

Трагические события начального периода Великой Отечественной войны потребовали возвращения Литвинова в строй.

Глава одиннадцатая
Возвращение в строй

Все имеет свой конец, все движется вперед то медленно, то стремительно, грянут события, и перевернут жизнь. Подходил к концу вынужденный простой Литвинова. Утро 22 июня началось как обычно. Максим Максимович встал рано, читал газеты. В них сообщалось об открытии 22 июня в Киеве нового республиканского стадиона, где состоится матч на первенство СССР по футболу. О том, как советские люди отдыхают на курортах Крыма и Кавказа. Максим Максимович внимательно прочитал телеграммы из-за рубежа. Агентство «Гавас» сообщало, что французские войска эвакуировались из Дамаска, а английские вошли в этот город. Английское правительство призвало население экономно расходовать кокс, газ и электричество. Из Вашингтона и Нью-Йорка передавали, что представители компании «Форд мотор» подписали соглашение с профсоюзом автомобильных рабочих, президент Рузвельт отдал приказ о закрытии всех итальянских консульств в США \.

Изучив газеты, Литвинов пошел гулять в сопровождении охраны. Было десять часов утра 22 июня 1941 года. Прошло уже шесть часов с момента нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Пылали города, гибли люди…

Вернувшись с прогулки, Максим Максимович включил приемник. Взволнованный голос диктора сообщил, что будет передано важное правительственное сообщение. Литвинов и навестивший его Борис Ефимович Штейн стали строить предположения: что бы это могло быть? Через несколько секунд началось выступление Молотова. Война!

– Это конец Гитлера, – сказал Литвинов.

В тот же день он написал два письма. Одно Молотову – просил предоставить работу. Другое в донорский пункт – предлагал свою кровь для раненых бойцов.

Из донорского пункта ответили сразу, тепло поблагодарили за предложение, но сообщили, что кровь 65-летних людей пока не нужна и, если понадобится, ему напишут.

Молотов вызвал через несколько дней. Был сух, официален. Спросил, на какую должность Литвинов претендует. Литвинов ответил:

– Только на вашу.

Разговор не получился.

Вскоре позвонили из Кремля. Сталин просил приехать, будет

беседа с иностранными дипломатами.

Литвинов прибыл в своей обычной толстовке, которую носил эти последние годы.

В 1939–1941 годах, до начала Великой Отечественной войны, я работал в газете «Труд», где заведовал международным отделом. В ночь с 21 на 22 июня я дежурил в типографии газеты, которая помещалась тогда на Цветном бульваре. Телеграммы, приведенные выше, я сам принимал по телетайпу из ТАСС и заверстал их в рубрику «В последний час». В четыре часа утра я позвонил в ночную редакцию ТАСС, спросил: не ожидается ли чего-нибудь важного? Усталый голос ответил мне, что ничего важного не ожидается, и я подписал газету в печать.

Кремль был такой же, каким он его знал всегда, – строгий, величественный. Только теперь военных было больше. Литвинов медленно поднимался по дворцовой лестнице, внимательно всматриваясь в лица людей.

Уманский был первый знакомый, встреченный в коридоре Кремлевского дворца. Тот смущенно заулыбался, не знал, о чем говорить, потом спросил:

– Максим Максимович, может быть, я заслуживаю амнистии?

– Зачем амнистии, – ответил Литвинов. – Ведь вы не преступили закона.

Прием дипломатов начался сразу же. Сталин поздоровался с Литвиновым, покосился на толстовку, спросил:

– Почему не в черном костюме? Литвинов флегматично ответил:

– Моль съела.

На следующий день после вызова в Кремль Литвинова зачислили в Народный комиссариат иностранных дел.

Зарубежная пресса разнесла весть о том, что Литвинов был в Кремле, у Сталина. Начались разные догадки и предположения. Телеграфные агентства Америки и Англии, редакции газет запросили статьи, интервью. Литвинов начал писать. Его статьи появились в английских и американских газетах.

8 июля поздно вечером Литвинов пришел в Радиокомитет, располагавшийся в Путинковском переулке. По поручению Сталина он должен был выступить по радио с обращением к народам, говорящим на английском языке.

Бывший помощник Литвинова Ю. М. Козловский, перешедший в 1940 году на работу во французскую редакцию Радиокомитета, рассказывает: «Я находился в коридоре радиостудии, когда туда пришел Максим Максимович. Он был очень скромно одет, ходил с палочкой.

– Что вы здесь делаете, Максим Максимович? – спросил я его.

– Да вот пришел выступить по радио, – ответил Литвинов. Спросил меня, что я здесь делаю.

Как раз перед Литвиновым по радио выступил французский писатель Жан-Ришар Блок. Литвинов расспросил о нем и ушел в студию».

А через два часа телетайпы в редакциях московских газет выстучали короткое предупреждение: «Внимание! Важный материал». Говорил Литвинов по-английски, вобычной своей манере, спокойно, донося до слушателей каждую мысль. Охарактеризовал злодейские планы Гитлера, коварно нападающего на каждую страну в отдельности в целях осуществления своего господства над миром. Объяснил и показал, что расчет Гитлера на успех молниеносного удара на Востоке рухнул в результате героического сопротивления Красной Армии, проявляющей чудеса храбрости и упорства.

Через несколько часов зарубежные агентства сообщили, что Америка, Англия, Канада, Австралия слушают Литвинова. Подчеркнули то место в его выступлении, где он призвал все народы не давать Гитлеру ни минуты передышки, бить его сообща, без перерыва, без устали, с максимальной энергией. Информация, передававшая изложение речи Литвинова, заканчивалась словами: «…народы СССР, откликнувшись на призыв своего любимого вождя товарища Сталина, поднялись, как один человек, на Отечественную войну против гитлеризма и доведут ее вместе с другими свободолюбивыми народами до полного разгрома фашистского мракобесия и варварства».

Выступление Литвинова по радио было опубликовано во всех советских газетах. В течение лета Литвинов несколько раз выступал по радио. Работать приходилось в трудных условиях. 15 августа он писал жене в Куйбышев: «Получил на днях телеграмму от редактора „Рейнольде ньюс“, просившего прислать месседж. Послал, но имел затруднения с переводом. У меня ни стенографистки, ни машинистки английской нет, от руки писать не могу, а потому пришлось послать для перевода в Информбюро, но перевод меня не удовлетворил, пришлось внести много поправок, а переписывать некому, у меня нет даже пишущей машинки. Пишу это все, чтобы ты догадалась, как я вспоминал тебя.

Но я и без того вспоминаю и думаю о тебе постоянно. Чувствую иногда угрызения совести, что слишком рано отправил тебя и подвергаю неудобствам и неприятностям, но сроки трудно было точно предвидеть, а вообще это было правильно и неизбежно… У нас здесь ничего нового… на воздушные тревоги

не обращаем никакого внимания».

В те месяцы Литвинов жил за городом. Начальник охраны выходил из себя. Теперь ему было приказано не только устеречь, но и уберечь Литвинова, а тот не обращает никакого внимания на воздушные налеты. Охрана отрывала возле дома щели, но Литвинов ни за что не хотел прятаться там.

Литвинов продолжал работать в Радиокомитете, по-прежнему много писал для иностранной прессы. Сталин явно приветствовал эту его деятельность, понимая, что авторитет Литвинова будет способствовать росту симпатий к Советскому Союзу, особенно в Соединенных Штатах Америки и Англии.

Однако эта деятельность Литвинова, не успев развернуться, оборвалась самым неожиданным образом. К Литвинову часто обращались иностранные корреспонденты с просьбой высказать его отношение к советско-германскому пакту. Он отнекивался, но после долгих раздумий все же решил изложить свою точку зрения. Хотя он лично, сказал Литвинов, к пакту не имеет никакого отношения, однако он тоже подписал бы его, но сделал бы это иначе.

Литвинов, гибкий политик, полностью стоявший на ленинских позициях во всех вопросах, отлично понимал, что компромисс бывает необходим, когда того требуют государственные интересы. Длительная и настойчивая борьба Советского Союза за создание системы коллективной безопасности в Европе неизменно наталкивалась на сопротивление правящих кругов Англии и Франции. Империалистические силы этих стран «делали все от них зависящее, чтобы методами тайных сговоров и сделок, методами всевозможных провокаций натравить гитлеровскую Германию на Советский Союз… В этих условиях выбор, стоявший перед Советским Союзом, был таков: *либо* принять в целях самообороны сделанное Германией предложение о заключении договора о ненападении и тем самым обеспечить Советскому Союзу продление мира на известный срок, который мог быть использован Советским государством в целях лучшей подготовки своих сил для отпора возможному нападению агрессора, *либо* отклонить предложение Германии насчет пакта о ненападении и тем самым позволить провокаторам войны из лагеря западных держав немедленно втравить Советский Союз в вооруженный конфликт с Германией в совершенно невыгодной для Советского Союза обстановке, при условии полной его изоляции. В этой обстановке Советское правительство оказалось вынужденным сделать свой выбор…»[44]

Однако Литвинов подчеркнул, что следовало продолжить

переговоры с Англией и Францией. Текст выступления был направлен на визу Молотову, однако он запретил передачу. Литвинов был отстранен от работы в Радиокомитете под предлогом того, что дал интервью иностранным журналистам без согласования с руководством.

Снова потянулись тоскливые дни. Литвинов ни с кем не видится, большую часть времени проводит за городом, без устали расхаживая по лесным тропинкам.

Наступила первая осень войны. Немцы продвигались по всему фронту. На севере они вышли в район Мурманска, на юге захватили почти всю Украину и рвались к Кавказу, надеясь овладеть нефтяными районами и прорваться к Ближнему Востоку.

Особенно тяжелое положение сложилось под Москвой. Сосредоточив на московском направлении более семидесяти пехотных, танковых и моторизованных дивизий, Гитлер надеялся овладеть столицей еще до наступления зимних холодов. 2 октября после длительной подготовки немецкие армии, ведя наступление из района восточнее Смоленска, обтекая Калинин с севера, а Брянск с юго-востока, начали наносить бешеные удары по советским войскам Западного фронта.

Пала Вязьма, за ней Гжатск. Немцы подошли к «воротам» Москвы – Можайску и после ожесточенных боев овладели городом. «Крылья» германской армии, охватывая Москву, заняли Волоколамск и вышли к ближним рубежам столицы.

16 октября утром в Москве начали закрываться заводы и фабрики. Толпы людей потянулись на восток, запрудив Горьковское шоссе, без того забитое машинами, орудиями, повозками.

Однако сопротивление врагу росло с каждым днем, и темпы продвижения немецких дивизий непрерывно снижались. На помощь Москве, ее героическим защитникам уже шли сибирские и уральские дивизии, и стальная пружина, сжавшаяся на ближних подступах к столице, вскоре нанесет сокрушительный удар по гитлеровской армии. Бросая оружие, истекая кровью, устилая дороги трупами своих солдат и офицеров, немцы откатятся по всему фронту. Красная Армия похоронит бредовые планы Гитлера именно здесь, под Москвой, когда, казалось, он уже достиг своей Цели…

16 октября вечером начальник охраны предложил Литвинову немедленно выехать в Куйбышев. Он был очень растерян, торопил, говорил, что на сборы осталось только два-три часа, если поезд, который им определен, уйдет, то неизвестно, как они сумеют выбраться из Москвы.

Максим Максимович отнесся к сообщению безразлично,

сказал, что собирать ему, в сущности, нечего, ибо то, что на нем есть, и составляет все его имущество.

В нетопленом, заиндевевшем вагоне Литвинову отвели купе. Остальные места заняла охрана. Поезд тащился медленно, часто останавливался, часами торчал на станциях, пропуская воинские эшелоны. В Куйбышев прибыли на седьмые сутки. К концу октября туда уже было вывезено много наркоматов и других центральных учреждений. Город был забит эвакуированными. Семья Литвинова жила в крохотной квартирке. Там же поселилась и его секретарь А. В. Петрова.

После злополучной истории в Радиокомитете, вызвавшей гнев Молотова, Литвинов все же продолжал числиться советником Наркоминдела. За исключением небольшой оперативной группы, Наркоминдел тоже эвакуировался в Куйбышев, и Литвинову снова приказали являться на службу. Ходил он туда нехотя, как бы отбывая повинность, ибо пользы от этого не видел никакой, что его чрезвычайно огорчало.

Вечерами к Литвинову заходил кто-нибудь из знакомых. В доме через дорогу жили Эренбург, дипломаты Уманский и Рубинин. Уманского вызвали из Америки, но обратно почему-то не отправляли. Он тяготился своим положением и каждый день ждал приказа вылететь в Соединенные Штаты. Бывший полпред СССР в Бельгии Рубинин после оккупации Бельгии возвратился в Москву и тоже числился по дипломатическому ведомству. Этажом ниже Литвинова вскоре поселился и Шостакович, эвакуированный с женой и двумя детьми из осажденного Ленинграда. В доме стала звучать музыка: Дмитрий Дмитриевич заканчивал свою Седьмую симфонию.

В начале ноября 1941 года положение Литвинова круто изменилось…

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз руководящие деятели Англии и США публично заявили от имени своих стран о готовности оказывать ему поддержку. Однако внутри антигитлеровской коалиции сохранялось глубокое противоречие между социалистическим Советским Союзом и его империалистическими партнерами. В этих условиях особо важна была позиция Соединенных Штатов Америки – самой могущественной страны капиталистического мира. Надо было предпринять шаги для расширения связей между СССР и США, где особенно рьяно действовали противники Советского Союза, цинично призывавшие спокойно наблюдать, как Советский Союз истекает кровью в войне.

Центральный Комитет партии и Советское правительство

сочли необходимым направить в США на пост своего дипломатического представителя политического деятеля, не только обладавшего огромным авторитетом в мире, но и имевшего личный положительный контакт с президентом Рузвельтом.

Поздно вечером из Москвы позвонил Молотов. На звонок ответил дежурный сотрудник Наркоминдела. Молотов спросил:

– Знаете ли вы, где живет Литвинов?

– Знаю, – ответил тот.

– Слушайте меня внимательно. Немедленно отправляйтесь к Литвинову и сообщите ему следующее. Я это делаю по поручению товарища Сталина. Скажите Литвинову, что он назначен заместителем народного комиссара иностранных дел и послом Советского Союза в Соединенных Штатах Америки. Внимательно проследите, как Литвинов отреагирует на это, и немедленно доложите его ответ.

Сотрудник, человек молодой, хотел было сказать, что не знает, сумеет ли должным образом выполнить поручение, и спросить, не думает ли он, Молотов, что к Литвинову надо послать кого-либо посолиднее. Но Молотов положил трубку.

Через десять минут сотрудник Наркоминдела стоял в крохотной прихожей литвиновской квартиры. Максим Максимович вышел в старом, поношенном халате, выслушал, что-то пробормотал себе под нос, спросил:

– А нельзя было избрать другую форму, чтобы сообщить мне это решение правительства?

– Извините, товарищ Литвинов, но я обязан выполнить приказ и жду вашего ответа, – несколько смущенно ответил наркоминделец.

В коридорчике наступила тишина. Литвинов о чем-то сосредоточенно думал. Потом сказал:

– Ну что ж, обстановка такова, что есть только один выход. Идет война. Передайте, что готов выполнить любое поручение.

Товарищ Молотов просил узнать, когда вы можете вылететь?

– У меня сборы недолгие, – ответил Литвинов.

– Вас просят немедленно вылететь в Москву. Товарищ Сталин ждет. Самолет на аэродроме. Не нужна ли вам какая-нибудь помощь?

– Спасибо, но я ни в чем не нуждаюсь, – ответил Литвинов.

Наркоминделец возвратился к себе, немедленно связался с Москвой, доложил Молотову о разговоре с Литвиновым. Молотов попросил точно повторить все сказанное Литвиновым. Тот повторил.

– И это все? – спросил Молотов.

– Все.

В жизни каждого человека бывают минуты, когда он чувствует необыкновенный прилив энергии, его охватывает гордое сознание своей нужности, причастности к чему-то большому и главному в жизни народа, страны. В такие мгновения происходят необыкновенные свершения, круто меняющие жизнь, совершаются подвиги и открытия. Именно это чувство переживал Максим Максимович Литвинов в те вечерние часы в заснеженном Куйбышеве. Сдержанно взволнованный, сообщил семье, что снова призван, возвращен в строй. На следующий день вылетел в Москву.

Об этом полете из Куйбышева в Москву писал в своих воспоминаниях бывший заведующий отделом печати Наркоминдела, а затем генеральный директор ТАСС Николай Григорьевич Пальгунов:

«Из Куйбышева вылетели 9 ноября около одиннадцати часов утра. Машина шла с полной нагрузкой, была оборудована вращающейся турелью, у пулемета которой через два часа полета занял место стрелок-радист. Среди пассажиров – только что назначенный на пост посла в США Максим Максимович Литвинов, два генерала, мы с референтом отдела печати В. В. Кожемяко, несколько работников Совета Народных Комиссаров… Скоро Ногинск. Командиру самолета передают по радио:

– Над Ногинском германские самолеты. Сильная бомбежка! Возвращайтесь обратно!

Идем почти на бреющем полете, едва не касаясь верхушек деревьев.

Новое сообщение по радио:

– Задержитесь на несколько минут. Немцы, кажется, уходят!

Кружим в сумерках над лесом. Опять радио: вражеские самолеты бомбят шоссе Ногинск – Москва. Приказ: приземлиться в Ногинске.

Приземлились на изрытом воронками поле. Через четверть часа достаем автобус. Едем в Москву. Шоссе целехонько. Фашистские самолеты – над ним.

Совсем стемнело. Немцы зажгли осветительные ракеты, словно фонари. Где-то по сторонам шоссе бьют зенитки. Время от времени невдалеке разрываются немецкие авиационные бомбы.

Поздно вечером, в глубокой темноте, прибываем в Москву. Над городом ревут самолеты: воздушная тревога».

Город еще больше изменил свой облик, стал строже. Раньше в это время года московские бульвары заполняла розовощекая детвора, шумно радующаяся первому снегу. Теперь по улицам строем шли солдаты, ехали машины с аэростатами воздушного

заграждения. Москва посуровела, повзрослела, притихла. В цехах заводов и мастерских, на железнодорожных станциях, на шоссе, по которым передвигались войска, в блиндажах близ станции Перхушково, где разместился штаб генерала армии Жукова, ни на секунду не утихала трудная и сложная работа, объединяющая общие усилия в тот могучий и точный удар, который должен был отбросить гитлеровские орды от Москвы.

В Кремль Литвинов прибыл в назначенный час, и его сразу же принял Сталин. Первые месяцы войны, видимо, не легко дались Сталину. Лицо его, без того суровое, замкнутое, стало еще более сумрачным, под глазами обозначились темные круги. На Сталине был его обычный полувоенный костюм, Литвинов – в той самой толстовке, в которой он пришел на дипломатический прием в первые дни войны. На этот раз Сталин ничего не сказал, встретил Литвинова приветливо, тепло поздоровался.

Кроме Сталина в кабинете был Молотов, он сидел в стороне, молчал.

И вот Сталин и Литвинов сидят друг против друга. Сталин не вспоминает прошлое. Как будто не было той майской ночи 1939 года, не было вывода из ЦК. Сталин не привык объясняться с кем бы то ни было. Но не только поэтому он не говорит о прошлом: Сталин хорошо знает Литвинова. Давно. Почти сорок лет. И он сразу приступает к делу. Глуховатым голосом формулирует задачи дипломатической миссии Литвинова. Главное – это торопить американцев со вступлением в войну.

– Я знаю трудности, с которыми сталкивается в этом вопросе Рузвельт, понимаю, что президент не горит желанием помочь Советскому Союзу, но он человек умный и не захочет прийти без козырей к концу войны с Гитлером.

Литвинов слушает молча, глядя Сталину в глаза.

– Товарищ Сталин, я прошу проинформировать меня о делах, о положении на фронтах. В Америке придется много выступать, и я должен быть в курсе дела, – спокойно говорит он.

– Хорошо, – ответил Сталин и молча посмотрел на Молотова. После небольшой паузы продолжал:

– Товарищ Литвинов, надо уделить большое внимание военным поставкам. Эти поставки важны, особенно пока идет перестройка всей промышленности.

Когда поговорили о главном, Литвинов спросил:

– Товарищ Сталин, что будет с Уманским, который теперь остается без дела?

Сталин снова взглянул на Молотова, сказал:

– Дадим ему какую-нибудь работу.

Молотов моментально согласился.

– Уманский без дела не останется, – сказал Сталин.

Литвинов, понимая, что именно сейчас, в эту минуту, решается судьба человека, которого он считал способным дипломатом, тут же спросил Сталина:

– Значит, Уманский остается здесь, в Наркоминделе, членом коллегии?

– Да, членом коллегии, – ответил Сталин; Молотов промолчал.

– Кого я могу взять с собой в Соединенные Штаты?

– Берите кого хотите, – ответил Сталин. Попрощался с Литвиновым, пожелал ему счастливого пути.

В тот же вечер Литвинов вылетел в Куйбышев. Погода была нелетная, и в Пензе пришлось сделать вынужденную посадку. На маленьком, плохо оборудованном аэродроме негде было переночевать. Узнав, что прилетел Литвинов, начальник аэродрома предложил ему свою комнату. Максим Максимович сначала отнекивался, потом согласился: надо было набраться сил. Но спать не хотелось. Литвинов вышел на улицу. Небо было закрыто тучами, мела пурга. Начальнику аэродрома, видимо, тоже не спалось. Он ходил за Литвиновым по пятам, что-то хотел спросить, но так и не решился. Литвинов прервал это хождение самым прозаическим образом:

– Скажите, где на аэродроме можно найти туалетную комнату? – обратился он к своему спутнику.

– Туалетную комнату? – переспросил удивленный начальник аэродрома. – А у нас такого здесь не бывает. у нас как всюду. А вы, Максим Максимович, с крылечка.

Литвинов тихо засмеялся. Впервые за последние три года.

Тридцать тысяч километров от Куйбышева до Вашингтона, если лететь через Азию, по гигантской дуге, звеньями которой были Астрахань, Баку, Тегеран, Багдад, Басра, Калькутта, Бангкок, Сингапур, Филиппины, Гавайские острова. Путь на Запад через Атлантический океан был закрыт. Шла война.

12 ноября 1941 года Литвинов с женой и секретарем Петровой на «Дугласе», вооруженном пулеметом на случай встречи с немецкими самолетами, вылетели из Куйбышева.

Однако все обошлось, и они благополучно прибыли сначала в Астрахань, а затем в Баку. Оттуда начинался маршрут на Тегеран, где их должен был ждать английский военный самолет.

В Тегеране Литвинов задержался. Английский самолет отправлялся только раз в три дня. На следующий день точно в назначенное время Литвинов прибыл на аэродром, но выяснилось, что самолет вылетел пять минут назад. Причину

преждевременного отлета так и не удалось установить. Пришлось ждать следующего самолета. Поскольку Литвинов в Багдад не прибыл, распространился слух, что он пропал без вести. Несмотря на военное время, в английском парламенте был сделан специальный запрос. Но вскоре выяснилось, что Литвинов вылетел на другом самолете и следует по установленному для него маршруту.

В Ираке самолет приземлился на английской военной базе у озера Хаббания. Сверху местность казалась безлюдной. Однако на земле стало ясно, что англичане устроили себе в пустыне комфортабельный оазис – с садиками и даже четырьмя миниатюрными церквами. Начальник аэродрома жил в роскошном особняке, в котором была горячая вода, кафельные ванные комнаты с раздвижными перегородками. Слуги в белых арабских одеяниях бесшумно передвигались по комнатам, почтительно интересовались у спутниц Литвинова, не нужно ли выгладить вечерние платья к обеду или приему. А у них не только что вечерних, но и обычных платьев для приемов не было, халат и тот один на двоих – подарок У майского.

Литвинову отвели лучшую комнату с ванной и всеми Удобствами. Он пошутил, вспомнив пензенский аэродром:

– Здесь крылечко не понадобится.

Гарнизон Хаббании недавно выдержал осаду местных повстанцев. Но все уже было забыто. Званые вечера и обеды, сплетни и разговоры о цветоводстве, теннисные состязания, офицеры-разведчики в романтических бурнусах, кружащие дамам головы своим сходством с легендарным Лоуренсом,[45] – такова была жизнь на военной базе. Все это резко контрастировало с тем, что творилось в Европе.

Из Хаббании вылетели на летающей лодке в Индию.

Путешествие по странам Востока впервые дало Литвинову возможность увидеть этот мир, со сказочной роскошью на одном полюсе и безграничной нищетой – на другом.

После кратковременной остановки в Калькутте Литвинов вылетел в Бангкок. Как и в Индии, здесь были традиционные венки, много теплых слов по адресу СССР и советского дипломата. Представитель таиландского правительства произнес речь на русском языке. Он когда-то учился в русской военной школе. Но на этом сюрпризы не кончились. Пока произносились речи и шла официальная церемония, Литвинов обратил внимание на группку буддийских монахов в оранжевых одеяниях. Они стояли молчаливые, как изваяния. Поздоровавшись с дипломатами и общественными деятелями, Литвинов направился к монахам, желая их поприветствовать. Неожиданно монахи

подняли вверх сжатые в кулаки руки и на чистейшем русском языке крикнули: «Да здравствует великий Советский Союз! Да здравствует героическая Красная Армия!»

Монахи оказались латышами. До революции жили в Петербурге, приняли буддийскую веру и поселились в кельях, которые были при петербургском буддийском храме. После революции на всякий случай эмигрировали, ибо не знали, как Советская власть отнесется к буддистам. После странствий осели в Бангкоке. Монахи очень интересовались успехами Советского Союза, открыто выражали восторги по адресу Красной Армии. Это не нравилось колониальным властям. Через некоторое время один монах был зверски убит.

Рангун встретил Литвинова невыносимым тропическим зноем. Английский генерал-губернатор устроил роскошный прием, Литвинов и его спутники, казалось, попали во дворец, созданный добрым джинном для Алладина. Губернаторша всячески старалась показать блеск своего двора, поднимала «авторитет» супруга.

Война уже подбиралась и к этому району земного шара. Япония продолжала увеличивать численный состав своих войск в Индокитае. Поражала беспечность местных гражданских и военных властей. В Сингапуре командующий английским гарнизоном хвастался, что крепость неприступна. Об этом много писала английская пресса. Человек сугубо гражданский, Литвинов не выдержал, спросил у командующего, почему нет учебных затемнений, не видно и признаков подготовки к отпору возможной агрессии. Командующий заверил, что крепость в полной боевой готовности. Когда напали японцы, сингапурская крепость капитулировала. Там не оказалось даже достаточных запасов воды.

Эта беспечность проявлялась на Филиппинах и даже на американских военных базах – островах Уэйк, Мидуэй. Всюду поражало море электрических огней. В американских и английских гарнизонах шли непрерывные праздники, по вечерам в воздухе рвались разноцветные огни фейерверков, устраивались увеселительные поездки на яхтах и катерах.

На Мидуэйе, гуляя по пляжу, слушая мягкие, приглушенные звуки джаза, доносившиеся из парка, Литвинов думал о темной, холодной, осажденной врагом Москве, о ее героических защитниках. И сердце начинает тихо покалывать…

Остров Гуам был последней остановкой перед Гавайями, откуда предстоял беспосадочный перелет до Сан-Франциско. Здесь были заметны военные приготовления. Офицеры эвакуировали жен и детей в Соединенные Штаты, но делали это

нехотя, не веря, что война может прийти и сюда, в этот тихий райский уголок.

Литвинов не стал задерживаться на Гуаме, сразу же вылетел на Гавайи. Сказочные острова встретили бирюзовым небом, поражающей воображение тропической растительностью, безмятежным покоем, в котором пребывал весь американский гарнизон.

Генерал, начальник гарнизона, был очень любезен, расспрашивал о Европе, равнодушно отмахнулся от вопросов Литвинова, которые стали уже традиционными для всех тихоокеанских остановок: почему нет затемнения, почему беспечно относятся к возможному нападению противника? Все это мало волновало генерала. А ведь было уже 4 декабря. У ног расстилалась Жемчужная гавань – Пёрл-Харбор, которая через считанное количество часов стала могилой крупнейших военных кораблей Соединенных Штатов Америки…

5 декабря Литвинов вылетел с Гавайев на последнем гражданском самолете. Совершив традиционный круг над Гонолулу, он лег курсом на Сан-Франциско. Начался двадцатичасовой перелет через Великий океан. О своих впечатлениях Максим Максимович напишет сыну и дочери. «Мои дорогие Мишук и Танюша… впечатлений набралось столько, что мы не могли „переварить“ их. Ведь мы впервые видели пальмовые рощи, кокосовые пальмы, каучуковые и тростниковые плантации… Все же мы очень уставали от полетов, особенно над Тихим океаном, где мы ничего не видели под собой, кроме облаков и океана. Тошноты все время не было, но на большой высоте, 17 000 футов, мое сердце напоминало о себе. В последний вечер я чувствовал себя совершенно обессилевшим и приходилось сосать кислород».

6 декабря Литвинов прибыл в Сан-Франциско. Позади было двадцать два дня и двадцать две ночи, двадцать шесть тысяч километров. Впереди Вашингтон. На аэродроме Литвинова встречал советник советского посольства, прилетевший из Вашингтона. «Известия» поместили об этом подробное сообщение рядом с важнейшими событиями с фронтов Великой Отечественной войны: «6 декабря Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в США тов. Литвинов по пути в Вашингтон прибыл в Сан-Франциско. Он был встречен представителями государственного департамента США, американской армии и флота и местных властей Сан-Франциско, а также представителями советского посольства и генерального консульства в Сан-Франциско.

Приезд тов. Литвинова вызвал в США огромный интерес. Его

осаждают многочисленные корреспонденты, фотографы, кинооператоры.

Через радиостанцию компании «Нэшнл бродкастинг» тов. Литвинов выступил с краткой речью, в которой приветствовал американский народ и подчеркнул решимость Советского Союза продолжать борьбу до полной победы».

В советском консульстве устроили завтрак. У всех было приподнятое настроение. Первый советник выступил с краткой речью. Тепло приветствовал Литвинова, сказал о его дипломатических заслугах перед страной, оценил работу предыдущего посла:

– Наше руководство посольством было незрелым. Теперь мы получаем выдающегося руководителя.

Литвинов ответил кратко:

– Перед отлетом из Москвы я был у товарища Сталина. Иосиф Виссарионович сказал мне, что линия, которую осуществлял мой предшественник Уманский, была правильной.

В комнате наступила тишина. Литвинов заторопился, сказал, что пора двигаться дальше. Через два часа на специальном самолете вылетел в Вашингтон.

Самолет, вспарывая небо Америки, шел на восток. Внизу угадывались гигантские плато Колорадо и Небраски, прерии Дакоты. Об этом этапе перелета Литвинов напишет кратко: «Это был самый удобный из всех самолетов, и я отлично выспался».

На вашингтонском аэродроме Литвинова встречала огромная толпа. Сюда прибыли представители государственного департамента, журналисты и кинооператоры, бывший посол в Москве Дэвис, писатели, артисты, бизнесмены, клерки из учреждений и частных контор. Многие с цветами. У Литвинова тут же просят интервью. Он отстраняется от журналистов, подходит к микрофону, чтобы сказать американскому народу, ради чего он прибыл в эту страну: «Первое мое посещение этой столицы состоялось в весьма важный момент. В настоящее время я прибыл в еще более важный период, когда решаются судьбы всех народов – всего человечества. Я знаю, с каким огромным интересом и сочувствием следит американский народ за событиями на Восточном фронте, и я заверяю американский народ, что Красная Армия и все Вооруженные Силы Советского Союза будут и в дальнейшем продолжать борьбу с гитлеровской Германией с теми же упорством и мужеством, которые вызвали одобрение и восхищение всего мира».

Литвинов готов к тому, что изоляционисты встретят в штыки его высказывания, начнут кампанию против него. Но через несколько часов после прибытия Литвинова в американскую

столицу произошло то, что, в сущности, нетрудно было предугадать, – все радиостанции Соединенных Штатов Америки начали передавать экстренное сообщение: японцы напали на Пёрл-Харбор, топят американский флот, бомбят Гонолулу.

Он напишет об этом в Москву: «Неожиданные задержки в Тегеране и Багдаде (по вине англичан), из-за которых я должен был отказаться от более короткого пути на Америку и повернуть на Восток, раздражали меня и даже огорчали, но зато нам повезло в Гонолулу. Мы прибыли в Гонолулу в пятницу и должны были там пересесть на американский „клипер“, который по расписанию отлетает раз в неделю по средам. К нашему счастью, последний до нашего приезда „клипер“ прибыл туда из Сан-Франциско с опозданием и вылетел вместо среды в воскресенье, забрав нас. Если бы оставались там до среды, то сейчас подвергались бы бомбежке японцев или должны были бы повернуть обратно на Ирак. Через полтора дня после нашего отъезда из Гонолулу состоялась воздушная и морская атака японцев на этот город».

В декабре 1941 года официальные круги Соединенных Штатов Америки и весь американский народ переживали тревожные дни. Еще 7 декабря пресса опубликовала заявление представителя информационного совета Японии Хори, сделанное на пресс-конференции в Токио, что Япония и США ведут переговоры «в духе искренности, с тем чтобы найти общую формулу, на основе которой можно было бы успешно добиться создания мирного положения на Тихом океане».

Казалось, ничто не предвещало бури. Средний американец занимался своим бизнесом. И вдруг все перевернулось. Война!

События развивались стремительно. Морской министр Нокс сообщил предварительные данные о потерях в Пёрл-Харборе: получили серьезные повреждения девятнадцать кораблей, из восьми линкоров ни один не уцелел, погибло около трех тысяч человек. Американское военное командование отдало приказ затемнить все побережье от Калифорнии до мексиканской границы, началось минирование подступов к Нью-Йоркскому порту.

Америка прильнула к приемникам, слушая последние новости. Рузвельт выступил в конгрессе с речью, и каждая его фраза была подобна удару молота: «Я с сожалением сообщаю вам, что погибло очень много американцев. Кроме того, получены сообщения о торпедировании американских пароходов в открытом море между Сан-Франциско и Гонолулу. Вчера ночью японское правительство предприняло также нападение на Малайю. Вчера ночью японские вооруженные силы напали на

Гуам. Вчера ночью японские вооруженные силы напали на Филиппинские острова. Вчера ночью японцы напали на остров Уэйк, а сегодня утром японцы напали на Мидуэй… Я прошу конгресс объявить, что с 7 декабря 1941 года состояние войны существует между Соединенными Штатами и Японской империей».

Американцам предстояло понять, что Тихий и Атлантический океаны больше не дадут им отсидеться в стороне от войны.

Америка встретила Литвинова горой приветственных писем и телеграмм. Писали рабочие, кинозвезды, миллионеры, священнослужители, журналисты, писатели, фермеры, рыбаки. Литвинов взволнованно читал эти послания, радовался популярности Советского Союза. Как изменились времена. Восемь лет назад, когда он впервые приехал в Соединенные Штаты, многие американцы имели самые искаженные представления о Советском Союзе. Индустриализация только начиналась. Могучая капиталистическая Америка злорадно посмеивалась: не выйдет, не вытянете, провалятся большевики со своими фантастическими планами. Рузвельт оказался дальновиднее, практичнее.

Теперь Страна Советов спасает не только себя. Весь мир. Американцы на улицах останавливают Литвинова, хлопают по плечу:

– Вы мистер Литвинов? Можно ли с вами сфотографироваться?

Восторгаются героизмом Красной Армии. Но это только начало, Литвинов знает, какая борьба еще предстоит, как трудно будет расшевелить американское общество, заставить отступить недругов Советского Союза.

8 декабря Литвинова пригласили в Белый дом. Он отправился туда, надеясь, что ему удастся установить с Рузвельтом тот контакт, который не регулируется никакими протоколами, но который достигается, когда партнеры стараются не переубедить, а понять друг друга, руководствуясь принципом взаимной выгоды и блага своих народов. Литвинову хотелось бы думать, что именно такой контакт между ним и Рузвельтом был достигнут восемь лет назад.

Рузвельт встретил Литвинова дружески. Выступления в конгрессе и по радио утомили его. Он старался быть бодрым, оптимистичным, но не мог скрыть тревогу и озабоченность.

Время президента было расписано буквально по минутам, и официальную церемонию вручения верительных грамот начали сразу же. Корреспонденты осаждают Белый дом, кинооператоры зажгли «юпитеры», радиостанции готовы передать сообщение о

первом официальном визите советского дипломата.

Литвинов еще не успел отдохнуть после перелета, глаза у него воспалены, сердце покалывает. Но он, как всегда, собран, сосредоточен и думает только о том, чтобы как можно яснее довести до сознания американцев, что война подошла также к их берегам и вести ее придется сообща. Эту мысль он делает центральной, говорит о «страшной опасности, которую для всех наций представляет осуществление нацистской Германией заранее разработанной Гитлером преступной программы уничтожения политической и экономической независимости всех стран и порабощения всех народов».

Да, именно всех народов. Пусть никто не думает, что удастся остаться в стороне. Литвинов подчеркивает, что самые тяжкие удары и самые тяжкие жертвы в этой войне выпали на долю Советского Союза, дает оценку силам, напавшим на Америку, говорит, что они порождены той же идеологией фашизма.

Литвинов закончил свою речь. Рузвельт улыбается. Да, он доволен. Теперь очередь президента. Он сразу скажет, что думает о советском дипломате. С этого и начнет свою речь: «Мне представляется исключительно удачным, что в эти трагические дни, когда сохранение взаимопонимания и доверия между нашими двумя странами имеет столь жизненное значение не только для них самих, но также и для будущего всего человечества, Советское правительство сочло уместным послать в качестве своего представителя в Соединенные Штаты государственного деятеля, который уже занимал такой выдающийся пост в своей стране».

Рузвельт подчеркивает, что Литвинов приступает к исполнению своих обязанностей в день, который будет иметь великое историческое значение, заявляет, что Америка будет воевать с Германией.

После официальной церемонии вручения верительных грамот Рузвельт долго беседовал с советским дипломатом. Президента прежде всего интересовало, ожидает ли Советский Союз объявления войны Японией. Литвинов ответил, что Японии вряд ли выгодно ввязываться в войну с СССР. На вопрос президента, много ли дивизий снято с Восточного фронта, советский дипломат ответа не дал. Зато сам поинтересовался, отразится ли новое развитие событий на обещанном Советскому Союзу снабжении. Рузвельт ответил отрицательно.

Корреспондентам сказали, что сообщения о беседе не будет.

Когда Литвинов собрался уходить, Рузвельт сказал:

– Макс, приходите с женой вечером играть в бридж. Госпожа Рузвельт и я будем рады видеть вас у себя.

Через девять дней после вручения верительных грамот Литвинов напишет сыну и дочери в Москву: «Работы у меня много. Приходится делать много визитов и принимать множество народу. Гулять и отдыхать не приходится. К вечеру страшно устаю и не успеваю выспаться. У посла в Вашингтоне в два раза больше работы, чем в любой другой столице, да и момент теперь такой ответственный. Иногда думается, что я взял на себя задачу не по силам или не по возрасту… Пробовал было раз сходить в концерт по приглашению Эгона Петри, но после первого номера меня вызвали к президенту. Я у него уже был четыре раза».

Но ни возраст, ни здоровье, подорванное десятилетиями постоянного напряжения, ни временный отрыв от дипломатической и партийной деятельности, которой он отдал всю жизнь, ничто не помешало и не могло помешать Литвинову не просто выполнять обязанности посла в Вашингтоне, а снова стать государственным деятелем, оказывавшим серьезное влияние на мобилизацию сил для борьбы против фашизма именно в той стране, определенные круги которой и сами были повинны в том, что Гитлер заливал кровью Европу. И именно он, Литвинов, был призван подтолкнуть эту огромную страну – с ее мощными ресурсами, с ее сложными перипетиями политической жизни – к тому, чтобы бросить на чашу весов свободолюбивых народов и свою мощь.

И если бы Литвинову сказали, что он совершает что-то особенное, он просто не понял бы этого. Он делал свое дело, и делал его, не думая о своем личном благополучии или неблагополучии. И для него в этом не было ничего необычного. Он так работал всю жизнь.

В начале декабря организация «Уор Раша релиф», занимающаяся сбором средств в пользу Советской страны и Красной Армии, устроила митинг в Медисон-Сквер-гарден. Литвинов вылетел в Нью-Йорк. В огромном зале заняты все места, люди стоят в проходах. Вокруг сцены – почетная охрана из девушек-военнослужащих. Высокие, статные, они одеты в великолепно сшитую униформу Женского вспомогательного корпуса.

Литвинов поднялся на сцену, встреченный громом оваций. Максим Максимович понимает, что это приветствуют героических солдат генерала Жукова, стремительным контрнаступлением отбросивших немцев от стен Москвы. Он с ними. В наступающей цепи бойцов. Он снова в строю.

Литвинов подошел к микрофону. Он давно не выступал перед аудиторией. Когда это было последний раз, кажется в Женеве? С

тех пор прошло несколько лет. Начал говорить. По-английски. Без записок. Слова лились свободно, складывались в четкие фразы:

– Моя родина – Советский Союз ведет смертельную схватку с фашистскими ордами.

Говорил о страданиях Смоленщины и Украины, о горящих белорусских селах, о голодных замученных детях, обесчещенных девушках, о солдатах, бросающихся под немецкие танки.

В огромном зале было очень тихо. Потом кто-то не выдержал, разрыдался. Женщина из первого ряда подбежала к сцене, сорвала с шеи бриллиантовое колье, бросила Литвинову под ноги. За ней другая, третья срывали с себя кольца, браслеты. Сцену обступили люди. В президиум полетели чеки, один, другой, сотни. Задыхающийся человек крикнул, размахивая бумажкой: «Мой вклад!» Передал чек на пятнадцать тысяч долларов. Гора чеков росла. Девушки из почетной охраны передавали их в президиум. Гигантский Медисон-Сквер-гарден грохотал, плакал, кричал, неистовствовал.

Литвинов спокойно смотрел в зал, потом сказал:

– Господа, нужен второй фронт!

Литвинов приехал в Соединенные Штаты в необычайно трудное для Советского Союза время. Шел пятый месяц Великой Отечественной войны. Страна выдержала первый удар врага ценой тяжелых потерь в живой силе и технике.

На Западе многие были убеждены, что с СССР будет покончено в очень короткий срок. На следующий день после вторжения вермахта в Советский Союз военный министр Соединенных Штатов Стимсон представил Рузвельту доклад, в котором писал: «За последние тридцать часов я почти все время размышлял о германо-русской войне и о ее влиянии на нашу политику в ближайшее время. Чтобы прояснить свои собственные взгляды, я провел сегодняшний день в совещании с начальником штаба и с сотрудниками отдела военного планирования объединенного штаба. Я рад сообщить, что нашел значительное единодушие относительно основ политики, которую, по их мнению, нам следует проводить…

1. Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России…»

Биограф Рузвельта Роберт Шервуд, приведший в своей книге докладную записку Стимсона, пишет, что изоляционисты ликовали. Они «получили возможность вовсю пропагандировать первоначальную установку нацистской партии, что Гитлер – единственный оплот против большевизма».

Через две недели Джозеф Дэвис, бывший посол США в Москве, констатировал, что «сопротивление русской армии более

эффективно, чем все ожидали». Но эту точку зрения разделяли немногие. Оценка ситуации не очень-то изменилась и к концу 1941 года. В американских промышленных кругах многие были убеждены, что сопротивление Советского Союза будет сломлено, а поэтому нет никакого смысла посылать русским оружие. Оно все равно попадет к Гитлеру. Эта тема обсуждалась не только в среде военных специалистов, но и в политических салонах Вашингтона и Нью-Йорка, в правительственных сферах – в государственном департаменте и Белом доме, хотя лично Рузвельт и высказался за оказание помощи Советскому Союзу, но предпочитал придерживаться политики «поспешать медленно».

Ведущие американские газеты рассуждали: создалось парадоксальное положение, которое можно наблюдать только в романах Федора Достоевского. Германия воюет с Советской Россией. Япония напала на Соединенные Штаты. Но мы, вместо того чтобы склонить Советскую Россию объявить войну Японии, которая воюет против нас, объявляем войну Германии, которая против нас не воюет.

Отсюда следовал вывод: Советская Россия должна начать войну против Японии, в противном случае Соединенные Штаты не должны ударить палец о палец для оказания помощи России. Пропаганда недругов Советского Союза, несомненно, влияла на обывателя, который не хотел, а подчас и не был способен заглянуть в суть проблемы, прозреть будущее, которое требовало совместных действий против гитлеровской Германии. И все же общественное мнение Соединенных Штатов было настроено дружески, многие организации выступали за оказание немедленной помощи СССР.

Разгром немецких армий под Москвой поколебал миф о непобедимости Германии и показал, что война из молниеносной превращается в затяжную, а это ведет к неминуемому поражению Германии. Япония не решилась вступить в войну против СССР, в оккупированных странах усилилось национально-освободительное движение. Победа под Москвой оказала огромное влияние на последующий ход второй мировой войны, в том числе и на политику западных держав.

1 января 1942 года в Вашингтоне Рузвельт, Черчилль, Литвинов и двадцать три посла других стран подписали Декларацию, которая содержала обязательство сотрудничать в военной и экономической областях и не заключать сепаратного мира или перемирия с врагами. Государства, подписавшие эту Декларацию, стали называться Объединенными Нациями.

Появление важного политического документа воодушевило демократические круги во всем мире. Но до открытия второго

фронта было еще очень далеко.

Наблюдая весь пестрый калейдоскоп американской жизни, Литвинов убеждался, что и после нападения на Пёрл-Харбор американцы не почувствовали тягот войны. Были введены ограничения на бензин и мясные продукты. Теперь рядовой американец ездил на работу не всегда в своем автомобиле. Соседи сговаривались и по очереди развозили друг друга на работу. Так была решена транспортная проблема. Сокращение мясного рациона тоже не причинило больших неприятностей. Кроме того, без ограничения можно было купить рыбу и птицу. На другие продукты питания и товары вообще не было введено рационирования. Работали рестораны, кафе, многочисленные маленькие закусочные.

Литвинова раздражало то слишком пристальное внимание, которое он привлекал к себе, особенно в первое время. Неистовые и назойливые репортеры следили за каждым шагом советского дипломата. Газеты подробно рассказывали о его привычках, вкусах, чертах характера. Литвинов не хотел расставаться с толстовкой и сшил у портного два комплекта. В прессе сразу же появилось сообщение, что советский посол заказал две русские туники, были опубликованы снимки новых толстовок. Без внимания не осталась даже покупка подтяжек: читателям доложили, какие подтяжки и в каком магазине купил Литвинов. Такая реклама всячески поощрялась соответствующими торговыми фирмами.

Вот что писал Максим Максимович в письме дочери Татьяне в Москву: «Несмотря на войну, пресса все еще продолжает интересоваться каждым нашим шагом. Мама стала как-то прихрамывать из-за волдыря, и по телефону начали звонить, давать советы… Вследствие навязанной нам прививки оспы у мамы появилась здесь какая-то сыпь, а газеты раздули это в серьезную болезнь (сыпь уже исчезла). Странная страна и странные люди».

Но были и другие публикации. Американский журналист Мильтон С. Майер в статье, озаглавленной «Папаша российский», писал в одной из крупнейших газет Соединенных Штатов: «Если бы вы увидели Максима Литвинова на улице, то никогда не подумали, что он посол Советского Союза в Соединенных Штатах Америки. Что это и есть человек, испытавший невероятные превратности судьбы, и один из тех немногих людей, которые направляют гигантские усилия объединенных наций. Внешне это определить трудно. Скорее Литвинова можно принять за какого-нибудь коммерсанта, который погружен в свои заботы.

Задача Папаши состоит в том, чтобы быть представителем

Сталина и вместе с Рузвельтом и Черчиллем разработать грандиозную стратегию объединенных наций, а также вместе с военным министерством и администрацией ленд-лиза разрешить самую трудную проблему – предоставления Советскому Союзу вооружения. Литвинов, несомненно, один из самых деловых людей в нашей фантастически деловой столице. Почти круглые сутки горит свет в окнах советского посольства. Последними гаснут окна литвиновского кабинета».

Один из самых распространенных американских еженедельников, «Дзис уик», отметил в номере от 19 апреля 1942 года, что «Литвинов стал самым уважаемым человеком в вашингтонских официальных и общественных кругах». Разумеется, речь шла о Литвинове – представителе великой страны, сражавшейся не на жизнь, а на смерть с гитлеровской Германией.

Популярность советского посла стала проявляться еще одним, самым неожиданным, образом. Из разных городов в посольство приходили письма от американцев, заявлявших, что они являются его родственниками. Больше других старался торговец из Балтимора по фамилии Литвин, человек весьма предприимчивый. После прилета Литвинова в Вашингтон в газетах появилась фотография Литвинова на аэродроме. Он был в пальто и белом кашне. Балтиморский торговец сфотографировался в такой же одежде и опубликовал эту фотографию в газете «Балтимор сан». Рядом были помещены фотография Литвинова и интервью с балтиморским торговцем, который писал, что он выходец из России, родом из Винницы. Там он назывался Литвиновым, а в Америке стал Литвин.

Коммерсант не считался с тем, что Литвинов – партийная кличка российского революционера, ставшая его второй фамилией. Он хотел сделать себе рекламу и добился этого.

Паломничество «родственников» приняло такие размеры, что посольство вынуждено было разослать письма частным лицам и редакциям газет, в которых сообщалось, что советский посол Литвинов родственников в Соединенных Штатах Америки не имеет.

Однако от любителей сенсационного материала не так-то просто было отделаться. Крупнейший американский журнал «Лайф» решил посвятить целый номер одной теме: «День посла Литвинова». Переговоры велись с пресс-атташе советского посольства. Редакция хотела зафиксировать весь рабочий день: завтрак, разбор почты, ленч, беседы, приемы, телефонные разговоры и т. д. Представители журнала заверяли пресс-атташе, что корреспонденты не будут мешать работе посла и немедленно

удалятся, если возникнет необходимость. Таким образом, читателям будет дана интересная информация и при этом соблюдена необходимая секретность. Когда Литвинову сообщили об этом предложении, он неодобрительно заметил:

– Нет, они будут ходить за мной по пятам и мешать работать.

– Но ведь это все очень заманчиво, – заметил атташе.

Литвинов посмотрел на молодого дипломата поверх очков, его глаза заискрились смехом, и он сказал, растягивая слова:

– Уж-ж-жасно заманчиво.

Предложение «Лайфа» было отклонено. Однако это вовсе не означает, что Литвинов не придавал значения средствам массовой информации. Напротив, он понимал, какую громадную роль они играют в Соединенных Штатах и насколько сильно их влияние на формирование общественного мнения. Литвинов выступал на митингах и собраниях, встречался с журналистами. Часто выступал в Вашингтоне, но предпочитал для этой цели Нью-Йорк и другие промышленные города, где можно было поговорить с трудящимся людом. Обычно на таких митингах он появляется не в черном дипломатическом костюме, который все-таки сшил, а в толстовке.

Рядовые американцы проникались все большим уважением к Советскому Союзу, его армии. В среде выходцев из России возникли землячества и ассоциации, выступавшие за скорейшее открытие второго фронта. Тысячи бывших российских граждан обращались в посольство с просьбой разрешить им выехать в Советский Союз и сражаться там против немецких захватчиков. В пробуждении подлинного патриотизма большую роль играли газета «Русский голос» и журнал «Совьет Раша тудей», который издавала старая знакомая Литвинова общественная деятельница Джессика Смит.

Советское посольство периодически устраивало приемы. На приемах публика собиралась самая разнообразная. Чаще других приезжали миллионер Корлис Ламонт, бывший посол Соединенных Штатов в Москве Дэвис, известный полярный исследователь Стефансон, эмигрантский деятель Белосельский-Белозерский, возглавлявший местные организации «Уор Раша релиф». В большом зале висела карта Советского Союза, на которой военный атташе отмечал положение на фронтах. У карты всегда было оживленно, атташе отвечал на вопросы многочисленных гостей.

Неизменными участниками приемов в советском посольстве были иностранные дипломаты, представляющие страны – участницы антигитлеровской коалиции. Приходил и английский посол в США лорд Галифакс, давний знакомый Литвинова.

Предупреждение Советского Союза, заявлявшего, что локальная агрессия фашизма в Испании ведет к мировой войне, полностью подтвердилось. Теперь Англия пожинала плоды своей политики. Галифакс неизменно выражал чувства признательности Советскому Союзу и его Красной Армии.

Представители оккупированных гитлеровской Германией стран с надеждой расспрашивали Литвинова о новостях с полей сражений, понимая, что там, на Восточном фронте, решается и судьба их государств.

В своих беседах с иностранными дипломатами, на пресс-конференциях Литвинов часто упоминал о таких, казалось бы, малозначительных фактах, которые, однако, давали понять, что в Москве уверены в победе.

– Вы знаете, сегодня в Большом театре дают «Травиату», а в театре имени Станиславского идет «Штраусиана», – говорил он окружившим его дипломатам и журналистам. Немцы в это время подходили к Можайску.

Через три месяца после прилета Литвинова в Соединенные Штаты он получил письмо от Ярославского. Тот просил прислать ему семена рододендрона. Литвинов немедленно рассказал об этом журналистам, а выводы они пусть делают сами.

Перед Литвиновым стояла важная дипломатическая и политическая задача: склонить Америку к скорейшему открытию второго фронта. 20 января 1942 года он пишет в НКИД: «Судя по ходу военных действий, нам хотя и удается оттеснять немцев по всему фронту, они все-таки оказывают упорное сопротивление. По имеющимся сведениям, они собирают свои последние резервы в оккупированных странах, чтобы бросить их на наш фронт… Ввиду этого не следует ли нам поставить прямо вопрос об оказании прямой военной помощи созданием второго фронта на европейском континенте».

4 февраля был получен ответ Молотова: «Мы приветствовали бы создание второго фронта в Европе нашими союзниками. Но Вы знаете, что мы уже трижды получили отказ на наше предложение о создании второго фронта, и мы не хотим нарываться на четвертый отказ. Поэтому Вы не должны ставить вопросы о втором фронте перед Рузвельтом. Подождем момента, когда, может быть, сами союзники поставят этот вопрос перед нами».

Литвинову было ясно, что Америка решила не торопить этот момент. 13 февраля во время завтрака с глазу на глаз Рузвельт поинтересовался мнением советского дипломата о сложившейся обстановке. Литвинов ответил: – Господин президент, я не имею никаких инструкций от своего правительства и никаких

предложений не делаю, но могу высказать лишь свое личное суждение. Я считаю, что сам ход событий скоро не оставит никакого выбора и будет подсказывать единственно возможное решение. После потери Сингапура и Голландской Индии никаких баз на Тихом океане для нападения на Японию не будет. Этот фронт останется пассивным, а для активных действий останется один европейский фронт. Америка и Англия смогут добраться до Японии, лишь уничтожив предварительно Гитлера.

– Я согласен с вами, – ответил Рузвельт, устало глядя на Литвинова. – Однако высадка на Западе Европы – дело слишком трудное. Особенно нелегко доставлять подкрепления, да и боевые качества англичан неособенно высоки…

Выполняя поручение Советского правительства, Литвинов настойчиво добивается расширения военной помощи.

В одной из первых бесед с Рузвельтом и другими американскими государственными и военными деятелями Литвинов изложил точку зрения Советского Союза на военно-политические проблемы, а через некоторое время в Филадельфии на заседании Американской академии политических и социальных наук разъяснил ее широким кругам американской общественности.

Журнал «Тайм» следующим образом изложил позицию Советского Союза, высказанную его представителем: «Открытие Дальневосточного фронта против Японии исключается. Главный удар должен быть сосредоточен против Гитлера. Германские войска слишком далеко проникли в Россию, и это приведет их к неминуемой гибели. Русские будут сражаться до конца, до полного разгрома и уничтожения Гитлера. Именно Гитлер является главным международным гангстером. Падение Гитлера будет означать и падение остальных международных гангстеров – Японии, Италии и других сателлитов. Отсюда вывод: союзники должны сосредоточить свои усилия на разгроме Гитлера».

Бизнесмены, однако, не спешили, прикидывали так и этак, ждали, как повернутся события. Если Советский Союз падет, Америка отсидится за барьером Атлантического океана. Стоит ли в этих условиях раздражать Гитлера? Этой точки зрения придерживались определенные круги не только промышленников, но и политиков, и военных. Рузвельту было очень трудно расшевелить громадный и сложный мир бизнеса. Но он делал это.

В Вашингтоне создалось парадоксальное положение. Рузвельт был окружен множеством дипломатов, представлявших буржуазные страны. Литвинов был единственным послом социалистической страны. Но именно с Литвиновым у Рузвельта

сложились теплые отношения, хотя он знал, что ни отставка Литвинова, ни другие события не могли изменить его взглядов, политических идеалов, его последовательного большевизма. Буржуазные историки, шокированные подобными отношениями между президентом самой могущественной капиталистической страны и советским дипломатом, коммунистом, не могли понять их истоков. Они много писали о загадке, о феномене, и только. А загадки, в сущности, никакой не было. Был человек, достойно представлявший мир хотя и чуждый Рузвельту, но заставивший себя уважать. И тот контакт, который установился между ними поздней осенью 1933 года, теперь перерос в прочную деловую связь, сцементированную взаимным уважением. Рузвельт в то сложное время находил в Литвинове поддержку, черпая в его уверенности в победе над фашизмом силу для борьбы, которую ему приходилось вести со своими противниками-соотечественниками. Тем более что деятельность советского посольства и его руководителя помогала формировать в стране то общественное мнение, которое было необходимо Рузвельту для проведения своей политики.

Изоляционисты не сложили оружия, всячески противились активизации военных усилий Америки. Им помогали антисоветские силы, подпевала черносотенная газета «Россия». В ней печатались погромные статейки, призывавшие прекратить всякие сношения с Советским Союзом.

В этих условиях необходимо было внедрить в сознание широких кругов американского общества, что, несмотря на поражение под Москвой, немцы далеко еще не выдохлись, что предстоит трудная и длительная борьба.

Литвинов активизировал деятельность посольства. 26 февраля 1942 года он выехал в Нью-Йорк, где выступил перед американскими и иностранными журналистами. В пресс-клубе собралось множество народу. Пришли не только журналисты, но и представители деловых кругов, общественных организаций. Литвинов обрисовал ближайшие задачи, стоящие перед странами антигитлеровской коалиции, подчеркнул решающее значение советско-германского фронта. Сообщил, что, по сведениям, полученным из Москвы, Гитлер концентрирует огромные силы, чтобы начать весной новое наступление и попытаться взять реванш за поражение под Москвой. «Мы хотели бы, – заявил Литвинов, – чтобы все силы союзников были к этому времени введены в действие и чтобы не было ни одной бездействующей армии, бездействующих военно-морских флотов и военно-воздушных сил. Это относится также и к военным материалам, которые должны отправляться туда, где они больше всего нужны».

К весне 1942 года Литвинов разослал всех сотрудников посольства, владеющих английским языком, по городам Америки для ведения разъяснительной работы. Советские дипломаты выступали в Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии, Лос-Анджелесе и в других крупных промышленных и культурных центрах страны. Эти выступления не только помогали держать американцев в курсе событий, происходящих на советско-германском фронте, но и собирали значительные денежные средства. Литвинов писал из Вашингтона в Москву дочери Татьяне: «Такие выступления здесь являются одной из посольских обязанностей. Здесь часто устраиваются в разных городах собрания дружественной „Американской организации помощи России в войне“, на которых собираются большие деньги. На одно собрание мама поехала вместо меня и имела большой успех. Там было собрано 25 000 долларов».

На митингах и собраниях возникали самые неожиданные ситуации. Секретарь Литвинова Петрова как-то выступала в «Уэлесли колледж», известном аристократическом женском учебном заведении, где учились не только американки, но и отпрыски богатых и высокопоставленных семей из других стран. Петрову пригласили сделать доклад на тему «Роль женщины в войне». Но когда она поднялась на трибуну, председательствующая объявила, что намеченная тема отменяется и слушательницы ждут доклада на тему «Вера в жизни человека». Дамы в норковых манто с нескрываемым любопытством смотрели на худенькую, скромно одетую женщину, ждали, как она будет выходить из положения. Анастасия Владимировна не растерялась, сказала, что темой ее выступления будет «Вера советских женщин в победу над фашизмом». Говорила об усилиях советских женщин, о том, что вера в победу дает им силы с безграничным мужеством переносить невероятные тяготы войны. О девушках и женщинах, сражающихся в рядах Красной Армии, действующих в тылу врага. О девчонках, стоящих у станков, полуголодных и невысыпающихся. Дамы прикладывали платочки к глазам, шумно аплодировали…

В апреле 1943 года Литвинов, назначенный по совместительству советским посланником на Кубе, вместе с атташе посольства А. Н. Федотовым прибыл в Гавану. Он увидел, что кубинцы с большим сочувствием относятся к Советскому Союзу и его справедливой войне против фашизма. Батиста, ненавидевший нашу страну, освободительная миссия которой несла угрозу и его диктатуре, учитывая ситуацию, вынужден был оказывать советскому дипломату всяческое внимание. Литвинова приняли с большим почетом, показали военную школу, где в его

честь состоялся парад, который он должен был принимать, устраивали приемы.

Литвинов познакомился с председателем Народно-социалистической партии Кубы Хуаном Маринельо. Он дал Литвинову автомобиль, на котором тот ездил по стране: посетил заводы в пригородах Гаваны, беседовал с рабочими.

В начале апреля 1942 года Рузвельт направил Сталину личное послание, в котором сообщал, что имеет весьма важные военные предложения, связанные с использованием наших вооруженных сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на Вашем Западном фронте.

Рузвельт предложил Сталину направить в Вашингтон советских представителей для переговоров по этому вопросу. В Москве было решено, что в Вашингтон вылетит Молотов и вместе с Литвиновым будет вести переговоры с президентом. Литвинову тем временем поручили уточнить, какие конкретные вопросы хотел бы обсудить Рузвельт с советскими представителями.

Рузвельт принял Литвинова, как обычно, сразу же, был очень дружески настроен, сказал, что считает целесообразным открыть второй фронт именно в Европе, а не в каком-либо другом районе, где идет война. Он и его советники пришли к решению осуществить высадку в Северной Франции, но при этом сказал, что «план этот еще не одобрен Англией», он хочет, чтобы Советское правительство помогло ему, как он выразился, «укрепить этот план».

О беседе с Рузвельтом Литвинов сообщил в Москву, а 20 апреля пришел ответ, в котором говорилось, что Советское правительство согласно направить в Вашингтон своих представителей для обмена мнениями по вопросу об организации второго фронта в Европе в ближайшее время.

Литвинов передал это послание Рузвельту. Настроение президента на этот раз было несколько менее оптимистичным, чем во время встречи в первые дни апреля. Причины сразу же стали ясны.

– Англичане стремятся отложить открытие второго фронта на 1943 год, – сказал он Литвинову. – В этой связи я послал в Лондон Маршалла и Гопкинса и буду настаивать, чтобы второй фронт был создан в этом году, причем безотлагательно.

– Господин президент, что, с вашей точки зрения, необходимо сделать, чтобы овладеть английской крепостью? – спросил Литвинов. – Я верю, что генерал Маршалл и господин Гопкинс высадятся в Англии, но как сделать так, чтобы Англия наконец начала военные действия против противника.

– Вы же, господин Литвинов, знаете англичан очень хорошо. Десять лет жили в Англии, – ответил Рузвельт. – Давайте действовать вместе. Пусть советские представители после переговоров в Вашингтоне отправятся в Лондон и нажимают на Черчилля от моего имени и от имени Советского Союза.

У Рузвельта были все основания опасаться противодействия Черчилля. Еще 9 марта он послал Черчиллю телеграмму, в которой писал: «Я все больше интересуюсь созданием нового фронта этим летом». Черчилль ушел от ответа. И вот теперь предстояли новые переговоры.

Молотов вылетел из Москвы в начале последней декады мая. После предварительных переговоров в Лондоне с Черчиллем и Иденом он прибыл в Вашингтон 29 мая 1942 года.

Литвинов без энтузиазма ожидал прибытия Молотова. Когда-то он его знал другим. В 1920 году Молотов приехал из Нижнего Новгорода на сессию ВЦИК. Был он тогда председателем губисполкома. Привез с собой связку тоненьких книжечек – свои стихи, изданные в Нижнем. Молотов попросил сотрудницу Секретариата ВЦИК раздать делегатам книжечки. И все ходил во время перерыва по залу и коридорам, застенчиво улыбался и смотрел, читают ли.

С тех пор прошло много лет. И много событий…

Американцы выполнили требование о секретности переговоров – в газетах не появилось ни строчки. Лишь когда Молотов уехал, в газетах была опубликована фотография: у трапа самолета стоит Молотов, рядом с ним Литвинов, а с другой стороны американские государственные деятели – начальник штаба армии генерал Маршалл, государственный секретарь Хэлл и главнокомандующий американским военно-морским флотом адмирал Кинг.

Переговоры начались в день приезда в Овальном кабинете Белого дома. С американской стороны в переговорах были задействованы военные, в том числе и Эйзенхауэр. Он был тогда мало известен, и Литвинов в своем первом отчете в Москву сообщил, что среди прочих американских генералов в переговорах принимает участие некий генерал Эйзенгоф. Особую активность проявлял адмирал Леги, сухопарый, выше среднего роста человек, в неизменной морской форме. Вокруг Леги группировались силы, стремившиеся сорвать переговоры.

Биограф Рузвельта Р. Шервуд следующим образом описывает начало переговоров: «Молотов прибыл в Белый дом в пятницу 29 мая, около 4 часов дня. В тот же день он имел встречу с президентом, на которой присутствовали Хэлл, Гопкинс, посол Литвинов и два переводчика – Павлов и Семюэл Кросс, профессор

славянских языков и литературы Гарвардского университета. Запись этой первой встречи, составленная Кроссом, гласит:

«После обычной церемонии представлений и приветствий Молотов передал добрые пожелания от Сталина, на которые президент ответил сердечной взаимностью. На вопрос президента о здоровье Сталина Молотов ответил, что, хотя его шеф отличается исключительно крепким здоровьем, события последней зимы и весны потребовали от него огромного напряжения сил.

Молотов выразил намерение всесторонне обсудить военное положение. Он подробно говорил о нем с Черчиллем, который не смог дать сколько-нибудь определенного ответа на поднятые Молотовым вопросы, но предложил, чтобы Молотов после своих переговоров с президентом вернулся через Лондон, и тогда в свете вашингтонских переговоров можно будет дать более конкретный ответ…

Президент заметил, что он должен поставить пару вопросов, поднятых государственным департаментом, и что их можно будет обсудить с Молотовым или их обсудят между собой Литвинов и государственный секретарь Хэлл, как будет сочтено более целесообразным.

Президент рассказал о своих планах продолжения переговоров и о намерении принять лиц, сопровождавших Молотова, и летчиков, доставивших его в Америку. Молотов решил провести ночь с пятницы на субботу в Белом доме и удалился под тем предлогом, что хочет отдохнуть, хотя перед обедом он совершил прогулку с Литвиновым, которого, к явному неудовольствию посла, решено было не привлекать к участию в переговорах на следующий день».

Один из ближайших сотрудников президента Рузвельта, Гарри Гопкинс, также сделал запись о беседах Молотова с Рузвельтом. Он завершил ее следующими словами: «Совещание, видимо, не могло дать быстрых результатов, и я высказал предположение, что, возможно, Молотову хочется отдохнуть.

Литвинов в течение всего совещания сидел со скучающим видом, с выражением скепсиса на лице. Он приложил все усилия к тому, чтобы Молотов остановился в «Блейр-Хаузе», но Молотов, очевидно, хотел провести хоть одну ночь в Белом доме…»

30 мая переговоры были продолжены. В беседе с Рузвельтом Молотов поставил вопрос прямо: смогут ли США и Великобритания оттянуть с восточного фронта сорок германских дивизий? Если они смогут это сделать, то Гитлер будет разбит в 1942 году или, по крайней мере, его крах будет предрешен в 1943 году. В противном случае СССР будет продолжать борьбу против

Гитлера, по существу, один на один. Советское правительство хотело бы знать, могут ли США сделать что-либо для облегчения борьбы Советского Союза, учитывая, что в 1943 году трудностей для открытия второго фронта будет больше, чем теперь.

Американская сторона, всячески подчеркивая свое желание открыть– второй фронт в 1942 году, ссылалась на различного рода трудности. Прямого ответа Молотов так и не получил.

Во время переговоров с иностранными дипломатами Молотов никогда не преступал сугубо официальных рамок. Эта форма общения сохранилась и в переговорах с Рузвельтом. Шервуд пишет: «Рузвельту никогда не приходилось встречаться с кем-либо, похожим на Молотова. С 1933 по 1939 год Рузвельт поддерживал отношения с Кремлем через Литвинова, который, хотя и является старым большевиком, обладает западным складом ума и понимает знакомый Рузвельту мир».

Впервые встретившись с Молотовым, Рузвельт сразу же заметил разницу между сухим, официальным Молотовым и Литвиновым, с его умением устанавливать контакт с западными дипломатами. Не укрылось от него и отношение Молотова к Литвинову.

Дальнейшие переговоры с Рузвельтом, как свидетельствует В. Н. Павлов, проходили довольно напряженно. «Доклады были сухие, лаконичные. Рузвельт был очень приветлив. Видно было, что он находится под нажимом реакционных сил, которые ему мешали. Особенно противодействовал адмирал Леги. Во время последующих встреч Леги больше не появлялся. Это говорило о том, что возобладало влияние Гопкинса. Под конец переговоров Рузвельт уполномочил Молотова уведомить Сталина, что он надеется на создание второго фронта в этом году».

Несмотря на стремление Молотова вести переговоры без Литвинова, этот план пришлось изменить. Литвинов участвовал в переговорах. Переводчик президента Кросс отметил: «Молотов был гораздо более суров и настойчив, чем на предыдущих беседах, может быть, потому, что хотел показать важность своей особы в присутствии Литвинова». Сразу по приезде Молотов взял по отношению к Литвинову резкий и неприязненный тон. В обсуждении некоторых вопросов Литвинов счел необходимым участие дипломатических сотрудников посольства. В присутствии Молотова он сказал атташе посольства Антону Николаевичу Федотову:

– Пригласите сотрудников для беседы.

Молотов резко оборвал Литвинова:

– Не пригласите, а вызовите.

Литвинов промолчал.

Переговоры шли к концу. На завтраке в советском посольстве Молотов и Литвинов передали Рузвельту и Гопкинсу записку, в которой настаивали на организации американского конвоя непосредственно в Архангельск под охраной американских военных кораблей, ежемесячной поставке 50 бомбардировщиков «Б-25», 150 бомбардировщиков «Бостон-3» и ежемесячной доставке в порты Персидского залива 3 тысяч грузовых машин для Советского Союза.

Молотов вылетел в Лондон, где переговоры были продолжены. В результате между СССР, США и Англией была достигнута договоренность «в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году».

Рузвельт и Гопкинс, как свидетельствует Шервуд, дали положительную оценку переговорам. Это было признание заслуг Советской страны, героической Красной Армии, дань уважения сражающейся России.

Первое для Литвинова вашингтонское лето было нелегким. В столице неимоверная духота. Публика побогаче давно уже выехала в пригородные места, где можно было спастись от изнуряющей, томительной жары. Клерки победнее оставались в городе. Литвинова не отпустили дела. Он пишет сыну, лейтенанту Красной Армии: «На дачу мы так и не выехали, хотя и были подходящие. В наказание изнываем здесь от жары и влажности. Белье прилипает к мокрому телу, на котором сухого места не остается. Провели в спальне эйр кондишн, но это понижает температуру лишь на 3–4 градуса. Градусник показывает в среднем в комнате 27–30 градусов по Цельсию, а на улице 33–39 градусов. По нескольку раз в день в ванну лезешь, а то нагишом ходишь по комнате. Неприятнее всего влажность».

Напряженная работа идет с утра до вечера. Литвинов беседует с дипломатами, дает поручения сотрудникам, выступает на митингах и собраниях. Из Москвы то и дело поступают шифрованные телеграммы, требуют данных, отчетов, дают важнейшие поручения. Литвинов отвечает лаконично, скупо: сегодня был у президента. Сказал ему то-то, ответил то-то; беседовал с государственным секретарем. Положение такое-то. И ни одного лишнего слова, ни одной необоснованной надежды он не высказывает. В сообщениях трезво оценивает ситуацию, дает рекомендации, вносит предложения, требует только одного: «Чаще и полезнее информируйте меня о положении на фронтах. Мне и моим сотрудникам надо выступать перед американцами». В Москве недовольны скупыми, лаконичными письмами Литвинова. Он знает, что не понравилось и его первое письмо. Но он не

собирается ничего менять. Никаких необоснованных надежд, никаких радужных перспектив он рисовать не намерен. Только правду…

Днем, когда солнце накаляет Вашингтон, как сковороду, дает себя знать сердце. Литвинов иногда вынужден подниматься к себе в квартиру на второй этаж посольского здания, чтобы прилечь на несколько минут. Вечерами, когда выдается свободная минута, он слушает музыку. Потрясенный новым произведением Дмитрия Шостаковича, он пишет сыну: «Только что прослушал по радио первое исполнение в США 7-й симфонии Шостаковича под дирижерством Тос-канини. Приглашали в Нью-Йорк в радиоцентр, но не хотелось ездить. Обыкновенно трудно бывает с первого раза охватить и оценить симфонию, но в данном случае необычайное величие произведения ощущалось сразу. Впечатление осталось чудесное. Избранная аудитория (это не был публичный концерт) аплодировала без конца. Собираюсь съездить на первое публичное исполнение этой симфонии Кусевицким 14 августа».

Зафиксированная договоренность об открытии второго фронта в 1942 году еще не означала решения этой важнейшей проблемы. Советское правительство и Литвинов, как его представитель в Вашингтоне, трезво оценивали возможности Рузвельта, учитывали противодействие, которое продолжали ему оказывать в политических, деловых и военных кругах, и подход самого Рузвельта к проблеме второго фронта, исходящий прежде всего из интересов США, из интересов своего класса. Литвинов понимал, что второй фронт будет открыт, но лишь после того, как Америка и Англия окончательно убедятся, что Советский Союз способен один сразить гитлеровскую Германию и ее союзников. Вот тогда, опасаясь прогадать, не желая прийти к финишу без политических козырей, боясь умаления своего авторитета в международном общественном мнении, которое страстно желало скорейшей победы над фашизмом, Вашингтон и Лондон окончательно решатся открыть второй фронт.

События подтвердили это со всей очевидностью. В августе 1942 года в Москву прибыл Черчилль для переговоров со Сталиным о дальнейшей координации военных усилий. В опубликованном коммюнике указывалось, что «был принят ряд решений, охватывающих область войны против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе. Эту справедливую освободительную войну оба правительства исполнены решимости вести со всей силой и энергией до полного уничтожения гитлеризма и всякой подобной тирании.

Беседы, происходившие в атмосфере сердечности и полной

откровенности, дали возможность еще раз констатировать наличие тесного содружества и взаимопонимания между Советским Союзом, Великобританией и США в полном соответствии с существующими между ними союзными отношениями».

В действительности отношения были не столь уж безоблачными, а коммюнике составлено после сложных и трудных переговоров. Черчилль приехал в Москву с меморандумом, в котором указывалось, что нет пока никакой возможности открыть второй фронт. Сталин был очень раздражен и разочарован такой позицией Черчилля.

После переговоров был устроен прием в честь англичан. Все сидели сумрачные, царила гнетущая атмосфера. Было ясно, что переговоры закончились безрезультатно. Сталин произнес большую речь, которая никем не ожидалась, а потому не была застенографирована. Ее содержание сохранили в памяти лишь те, кто присутствовал на этом приеме:[46]

– Не надо бояться немцев, не так страшен черт, как его малюют. Случается, что и плохая разведка приводит к проигрышу сражений. Я напомню вам эпизод, относящийся к периоду первой мировой войны. На Дарданелльском фронте, где англичане стояли лицом к лицу с турками, намечалось довольно крупное сражение. Однако в последний момент турецкой разведке стало известно, что англичане намереваются отвести войска. Этот же маневр собиралось осуществить и турецкое командование, но, узнав о намерениях англичан, отказалось от своего плана. Английское командование, ничего не зная о турецких планах, отвело свои войска. Поле боя осталось за турками.

Сталин изложил этот исторический эпизод, не уточнив одного факта, а именно того, что военно-морским министром Англии в тот период был не кто иной, как Черчилль.

Черчилль сидел багровый, не смотрел в сторону Сталина. После речи Сталина из-за стола поднялся английский посол Криппс, который, как полагается по протоколу, намеревался произнести речь. Черчилль вышел из себя, дернул Крип-пса за пиджак, зло проворчал:

– Никаких речей.

Обед окончательно расстроился. Когда все поднялись, Сталин подошел к Черчиллю, дружелюбно сказал ему:

– Хотя мы с вами и не договорились, прошу зайти ко мне в гости. Там побеседуем.

Черчилль несколько мгновений угрюмо молчал, потом согласился. Сталин, Черчилль и переводчик Павлов спустились вниз, в квартиру Сталина. Там началась беседа, длившаяся около

шести часов.

В результате этой беседы и было подписано упомянутое выше коммюнике.

«Тесное содружество и взаимопонимание» – формула коммюнике, принятая Черчиллем, была, конечно, очень важной, но отнюдь не означала, что второй фронт будет открыт в 1942 году. По-прежнему Красная Армия несла на своих плечах все бремя войны. После разгрома немцев под Москвой Рузвельт в общих чертах изложил Литвинову планы войны против Германии. Президент говорил о форсировании военных усилий в промышленности и накоплении войск. Военные советники Рузвельта выдвинули тогда же проект ограниченной высадки во Франции в 1942 году с последующим открытием второго фронта в 1943 году. Но осуществить эту задачу можно было только при помощи фронтального наступления через Францию. Такова была суть «трансламаншской стратегии» Соединенных Штатов. Позже американские историки утверждали, будто бы США вели по этому вопросу бескомпромиссную борьбу за реализацию планов скорейшего вторжения в Западную Европу. Однако на очередном совещании представителей США и Англии в июле 1942 года в Лондоне было принято решение: вместо высадки в Северной Франции осуществить в 1942 году десантную операцию в Северной Африке, так называемый план «Торч».

Литвинов, который имел возможность заглянуть за кулисы американской политики, полагал, что в основе такой переориентировки США лежало стремление не обострять отношений с Англией и, в частности, с Черчиллем, который носился с идеей нанесения удара по Германии через Балканы – «мягкое подбрюшье Европы». Разгром немцев в Африке сулил успех этим планам, позволял Англии в будущем осуществлять свою традиционную политику закрепления на Балканах и Ближнем Востоке. Но Рузвельт согласился с планом «Торч», веря, что его успех приблизит открытие второго фронта в Европе.

В этих условиях Литвинов видел свою задачу в том, чтобы, склоняя президента к открытию второго фронта в Европе, в максимальной степени форсировать отправку в Советский Союз вооружения, продовольствия и медикаментов. И в то же время напрячь все усилия для мобилизации общественного мнения в пользу скорейшего открытия второго фронта.

События лета 1942 года требовали самых энергичных действий. Замысел гитлеровского командования стал предельно ясен. Вермахт рвался к Сталинграду. Под угрозой оказался Кавказ с его нефтяными ресурсами, кубанская и ставропольская житницы

Советского Союза. Подписанная Гитлером директива № 45 от 23 июля 1942 года сформулировала задачу, выполнение которой было возложено на группы армий «А» и «Б», в которые входили отборные дивизии вермахта. Группа армий «А» должна была наступать на западный Кавказ и вдоль Черноморского побережья, а также захватить Майкоп и Грозный, перекрыть дороги через горные перевалы Центрального Кавказа и прорваться к Баку.

Задача группы армий «Б» состояла в том, чтобы нанести удар по Сталинграду, разгромить там советские армии, захватить город и перерезать междуречье Дона и Волги в его наиболее узком месте, прервать движение судов по Волге. Вслед за тем армии гитлеровского вермахта должны были вдоль Волги выйти к Астрахани и там перекрыть главное русло– Волги. Наступила одна из самых критических фаз войны.

В те дни, до краев наполненные острой тревогой, Литвинов и сотрудники посольства не знали отдыха. Они разъезжали по стране, выступали на митингах, устанавливали контакты с новыми группами населения и политическими деятелями.

Для выступлений советских дипломатов организация «Уор раша релиф» обычно снимала в городах помещение какого-нибудь отеля на два-три часа. Много выступал в ту пору и сам Литвинов. Входная плата на его выступления устанавливалась в три доллара. Нередко они проходили в Мэдисон-Сквер-гарден и в других больших залах. Средства, поступающие в распоряжение посольства после таких митингов, не только возмещали затраты, но и позволяли дополнительно закупать продовольствие и медикаменты для Советского Союза.

И без того частые контакты Литвинова с Рузвельтом стали еще более тесными, приобрели конкретную направленность – поставки вооружения и военного снаряжения, продовольствия, медикаментов, значение которых возрастало в связи с летним наступлением немцев на советско-германском фронте.

И здесь снова большую роль сыграли дипломатический опыт Литвинова, его авторитет. В любой момент советский посол мог позвонить в Белый дом, и президент сразу же принимал его.

Часто Рузвельт приглашал советского дипломата зайти к нему вечером. Литвинов приходил. И они беседовали в кабинете Рузвельта. Вдвоем. Без посторонних. Без советника. Без переводчика. У ног президента лежала его любимая собака Фалла. Мерно текла беседа миллионера-аристократа и бывшего агента ленинской «Искры», «водворителя оружия». Теперь оружие было необходимо для защиты его Родины. И он настойчиво подводил президента к мысли, что это оружие надо дать Советскому Союзу.

Через полгода после приезда Литвинова в Вашингтон продуманная политика Советского правительства, переговоры в Москве и Вашингтоне привели к важным результатам. США с конца 1941 года распространили на Советский Союз поставки товаров и помощь по ленд-лизу, которая затем осуществлялась на основе советско-американского соглашения 1942 года.

Свидетельствует А. И. Микоян: «Очень большую роль сыграл Литвинов во время Отечественной войны, когда он был послом в Соединенных Штатах Америки. В то время я вел переговоры о ленд-лизе с Америкой. С американской стороны в переговорах участвовал Аверелл Гарриман, а с английской – лорд Бивербрук. Надо сказать, что с англичанами в этом вопросе было легче договариваться. Переговоры затянулись. Как-то Бивербрук спросил меня, почему я такой хмурый. Я ответил, что радости мало оттого, что переговоры не увенчиваются успехом. Партнеры хитрили, выставляли все новые условия. Я же не имел поручения Советского правительства менять первоначально выработанные наметки. В этих условиях Литвинов сумел найти подход к Америке. Он успешно провел там переговоры, добился поставок вооружения и других товаров. Успеху переговоров способствовала личность Литвинова. Он сыграл очень большую роль. С ним считались в Соединенных Штатах Америки. Он мог воздействовать на американцев, на государственных деятелей Соединенных Штатов».

11 июня 1942 года Литвинов и Хэлл подписали соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. Правительство США подтвердило, что оно и впредь будет оказывать Советскому Союзу в борьбе против общего врага оборонную помощь вооружением и другими военными материалами.

Предстояло решить вопрос и о торговом соглашении, которое Советский Союз и Соединенные Штаты подписали еще в 1937 году и в последующий период ежегодно возобновляли. Теперь надо было обеспечить подписание более долгосрочного торгового соглашения. 31 июля Литвинов и Хэлл обменялись нотами о продлении торгового соглашения до 6 августа 1943 года. Американская сторона приняла предложение Советского Союза: если это соглашение не будет заменено более обширным договором, то оно останется в силе и после этого срока.

Когда немецкие армии прорвались к Сталинграду, возникла срочная необходимость добиться протокола о военных поставках в соответствии с имевшимся уже официальным соглашением. Такой документ конкретизировал условия поставок. Литвинов вел по этому вопросу переговоры с заместителем государственного

секретаря Уэллесом и английским посланником Кэмпбеллом. 6 октября был подписан «протокол относительно поставки Соединенными Штатами и Англией Советскому Союзу военного снаряжения, боеприпасов и сырья».

Все чаще из Америки в Советский Союз стали уходить караваны судов с самолетами, танками, орудиями, военным снаряжением и стратегическим сырьем.

Все поставки, которые Красная Армия получила по ленд-лизу, составили около 4 процентов советского промышленного производства в годы войны, однако они сыграли определенную положительную роль в борьбе СССР с фашистскими агрессорами.

К сожалению, случались срывы или искусственные сокращения поставок. Например, в сентябре 1942 года Черчилль своей властью снял с американского каравана, направлявшегося в Мурманск, 154 самолета «Эйркобра».

Враги Советской страны брюзжали, что Литвинов «открыл в Белом доме филиал советского посольства». Участились выпады против Литвинова лично. В газетах стали появляться пасквили, карикатуры на Литвинова. Вспоминали его революционное прошлое, экспроприацию, проведенную Камо на Кавказе в 1907 году, пытаясь представить советского дипломата сторонником крайних действий. Все делалось для того, чтобы дискредитировать Литвинова в глазах американского обывателя.

Не останавливались и перед прямыми провокациями. Как-то вечером на одной из вашингтонских улиц на Литвинова набросилась неизвестная женщина, начала браниться, кричать: вот большевик, который погубит Америку. Собралась толпа. Скандал казался неизбежным. Литвинов спокойно заметил:

– Эта дама говорит с ясно выраженным немецким акцентом.

Немка скрылась.

Наступление гитлеровских войск противники Советского Союза пытались использовать для усиления кампании против помощи СССР. В газетах появилось много скептических статей, в которых на все лады высказывалось мнение, что Советский Союз находится на грани поражения и вообще оно неизбежно. В частности, изоляционисты утверждали, что всякая помощь России напрасна, она, дескать, бьет по карману американского налогоплательщика. Разгром России не является несчастьем для Америки. Находясь за Атлантическим океаном, можно договориться с Гитлером.

Пожалуй, никогда Литвинов не ездил по городам Соединенных Штатов Америки так часто, как осенью 1942 года, не считался ни со здоровьем, ни с возрастом. 11 сентября он писал жене, выехавшей из Вашингтона в Нью-Йорк, где она

выступала на очередном митинге: «Только что получил приглашение на обед к миссис и мистеру Хэлл. Я ответил, что, по-видимому, ты не вернешься к этому времени, и отказался от приглашения… Простуда моя идет на убыль, и я себя чувствую здоровым. Накопилось много писем и телеграмм за время моего отсутствия… Последние две ночи мало спал – не было времени».

Выступления неизменно собирали громадные аудитории, задавали много вопросов о положении на фронтах, желали Удачи, передавали сувениры для советских солдат.

Литвинов написал в Москву, просил прислать в Америку кого-либо из женщин-героинь, отличившихся на фронте. Считал, что поездка такой советской представительницы принесет большую пользу. В октябре 1942 года в Соединенные Штаты приехала Людмила Павличенко. В газетах появилось множество статей о знаменитом советском снайпера Писали, что 26-летняя Людмила Павличенко, лейтенант Красной Армии, мстит за погибших советских людей, мстит за свою страну. Газеты запестрели портретами советской героини. Первое время Павличенко появлялась только в военной форме. Это производило огромное впечатление на публику. Но когда на концерте симфонической музыки, устроенном по программе «Помощи России», Людмила появилась в элегантном туалете в сопровождении Леопольда Стоковского и Айви Литвиновой, зал устроил ей овацию.

Литвинов попросил Людмилу посетить Калифорнию, где особенно были сильны симпатии к Советской стране. В Лос-Анджелесе был устроен митинг, на который собралось множество людей. Выступали американцы, потом говорила Павличенко. Она поблагодарила за помощь, которую Соединенные Штаты оказывают Советскому Союзу, но сказала, что этого недостаточно: необходимо открытие второго фронта.

После возвращения из Калифорнии Людмилу Павличенко ждал в советском посольстве в Вашингтоне необычный прием. Литвинов встретил ее на парадной лестнице в полной форме, вместе с ним были сотрудники посольства. В руках Литвинов держал серебряный поднос, на котором лежал какой-то конверт. Павличенко, несколько сконфуженная и удивленная неожиданной церемонией, поднималась по лестнице. Литвинов сделал ей навстречу несколько шагов и вручил конверт. В нем оказалось письмо калифорнийского миллионера, в котором он делал советской героине предложение – просил ее руки и сердца. Литвинов сказал, что он, как посол, обязан сообщить ей об этом официально.

Шутливая церемония, устроенная Литвиновым, вызвала

много веселья и шуток. Вскоре Людмила Павличенко вернулась на Родину. Калифорнийский миллионер так и не получил ответа на свое предложение.

Осенью 1942 года гитлеровцы подошли к стенам Сталинграда. Весь мир понимал, что там, в сущности, решается исход войны. Американские газеты печатали как советские, так и германские военные сводки. Разнобой в сообщениях был очень большой, и дезинформированный американский обыватель плохо ориентировался в обстановке. Советское посольство приняло все возможные меры, чтобы в ведущих органах американской печати появились подробные, обстоятельные статьи, в которых разъяснялось положение на советско-германском фронте.

Серьезность положения заставила Литвинова высказать свое мнение о том, как сложится обстановка, если падет Сталинград. Во время сугубо конфиденциальной беседы с Рузвельтом Литвинов в более категоричном тоне сказал президенту то, что он раньше избегал говорить: падение Сталинграда, если таковое произойдет, приведет к затяжке войны. Советский Союз никогда не капитулирует и будет драться до победы. Но следует иметь в виду и ту позицию, которую займут некоторые союзники Германии в случае падения Сталинграда. Несомненно, очень усложнится положение Соединенных Штатов. Необходимо оттянуть гитлеровские дивизии с Восточного фронта и форсировать поставки вооружений.

Неожиданным образом содержание этой беседы попало на страницы американской печати, правда в несколько искаженном виде. Литвинов поручил сотруднику посольства В. В. Пастоеву выяснить, кто повинен в разглашении его беседы с Рузвельтом. Ответить на этот вопрос оказалось не очень трудно: агентство Юнайтед Пресс разослало во все органы печати статьи о положении на Сталинградском фронте. Узнав, что Литвинов должен быть в тот день у Рузвельта, агентство решило, что темой беседы может быть только битва на Волге и ее возможные последствия. И выводы по собственной инициативе приписало Литвинову…

Празднование 25-й годовщины Октябрьской революции дало возможность Литвинову еще раз приковать внимание американской общественности к советско-германскому фронту. При содействии Рузвельта и мэра Нью-Йорка Ла-Гардиа 8 ноября 1942 года Америка отметила как День Сталинграда. В нью-йоркском Мэдисон-Сквер-гарден состоялся конгресс американо-советской дружбы. На него прибыли представители рабочих организаций, писатели, ученые, промышленники, деятельницы

женского движения. Рузвельт не смог явиться на конгресс, но прислал в его адрес приветствие. Выступили вице-президент Генри Уоллес и другие ораторы. Все говорили о великом подвиге Красной Армии и советского народа. Литвинов вышел на трибуну под гром оваций. Говорил о необходимости крепить антигитлеровскую коалицию, о том, что слова поддержки и восхищения «дойдут до сердец воинов Красной Армии, сражающихся среди руин Сталинграда и на других фронтах. Они найдут также глубокий отклик у всех советских людей, работающих в условиях неописуемых трудностей во имя свободы человечества».

Симпатии к Советскому Союзу росли не только в Соединенных Штатах, но и в других странах Западного полушария. Еще в июне 1942 года дипломатические отношения с Советским Союзом установила Канада. В разгар немецкого наступления на Сталинград решение восстановить дипломатические отношения с СССР приняла Мексика. Литвинов вел по этому вопросу переговоры с мексиканским послом в Соединенных Штатах. В 1943 году были восстановлены дипломатические отношения с Уругваем. Все это говорило о росте авторитета Советской страны, о признании всеми народами ее громадных заслуг перед человечеством.

Ноябрь и декабрь 1942 года принесли решающий перелом в битве на Волге. Красная Армия взяла немецкие войска в железные клещи и начала уничтожение армии Паулюса. В эти месяцы в советском посольстве не умолкали телефоны, каждый день почта приносила сотни писем и телеграмм от американцев. Они интересовались новостями, желали скорейшей победы. Исход событий был уже ясен. В ночь на 1 февраля американские радиостанции передали сообщение Советского информбюро о полном и окончательном разгроме немцев под Сталинградом.

В газетах публиковались статьи и комментарии, печатались снимки советских военачальников, руин Сталинграда, плененных немецких генералов. Вашингтонская «Стар» писала, что «битва за Сталинград является одной из величайших в истории. Она закончилась полной победой русских и тяжелой катастрофой для держав оси. В сталинградском сражении русские показали, какие огромные препятствия можно преодолеть напряжением человеческой воли. Сталинград стал для немцев мясорубкой, еще более страшной, чем Верден в прошлую мировую войну».

Митинги и собрания солидарности с Советским Союзом состоялись во многих городах США. Выступали Альберт Эйнштейн, Эрнест Хемингуэй, известный полярный исследователь адмирал Бэрд и многие другие. Теодор Драйзер

прислал приветствие Советскому Союзу, обошедшее крупнейшие американские газеты. «Считаю честью, – писал Драйзер, – выразить свою благодарность русскому народу за его гигантские труды на благо всего человечества, за его поразительные социальные достижения, за его героическую оборону родины от нападения сумасшедшего Гитлера. С 1917 года я следил за социальным строительством в России и всегда был убежден в том, что… надежды цивилизации в настоящее время покоятся на достойных знаменах мужественной Красной Армии, а также на разуме, природной гуманности и социальном благородстве русского народа».

Президент Соединенных Штатов тоже считал необходимым дать оценку подвигу советских армий. Рузвельт писал: «Сто шестьдесят два дня эпической борьбы за город… будут одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, объединившихся против нацизма и его подражателей».

Разгром гитлеровских армий под Сталинградом вызвал и еще один весьма любопытный отклик. Его автором был… А. Ф. Керенский. Бывший глава Временного правительства последние четверть века провел в эмиграции в США. Его пророчества о неизбежной гибели большевиков и Советской власти давно уже быльем поросли. И теперь этот враг Советского государства, бежавший из революционного Петрограда, люто ненавидевший социалистический строй, всю жизнь боровшийся против него, изумленный мужеством советских солдат, просил приема у Литвинова.

Максим Максимович прочитал письмо, повертел его в руках. Бросил на стол. Затем губы его брезгливо сжались. Он молча ходил по кабинету, думал. Может быть, вспомнил то далекое лондонское лето 1918 года и собрание, на котором выступал Керенский, обливая потоками грязной клеветы Ленина и большевиков. Он прибыл тогда в Лондон, чтобы заручиться военной поддержкой Антанты и с ее помощью задушить Советскую власть.

В разгар выступления Керенского в зал вошел Литвинов. Присутствующие устроили ему овацию, в которой совершенно потонул одинокий голос оратора…

Максим Максимович решительно повернулся к вошедшему сотруднику и сказал:

– Некоему Керенскому на его письмо не отвечать…

Литвинов внимательно следил за нарастанием симпатий к своей стране. Теперь, выступая на крупнейших собраниях и митингах, он стал подчеркивать необходимость установления прочного и длительного мира после войны, все чаще говорил

Рузвельту, что на Советском Союзе и Соединенных Штатах будет лежать особая ответственность за поддержание этого мира.

В начале апреля 1943 года Литвинова вызвали в Москву.

Сообщения о предстоящем отъезде советского посла появились на страницах газет. Корреспонденты осаждали Литвинова расспросами. Он коротко отвечал, что едет по вызову правительства, а его жена остается в Вашингтоне.

Литвинов решил не откладывать отъезд. Подготовил необходимые инструкции для работы посольства. Позвонил Рузвельту, сказал, что уезжает в ближайшие дни. Президент, разумеется, уже знал об этом.

В канун отъезда Литвинов пришел к Рузвельту прощаться. Рузвельт долго молчал, потом спросил:

– Вы не вернетесь?

Литвинов пожал плечами. Заговорил о военных поставках, о втором фронте.

Так была прервана высокополезная для Советской страны деятельность Литвинова в Соединенных Штатах Америки, деятельность, в которой проявились огромная энергия и ум многоопытного дипломата…

После разгрома армии Роммеля можно было лететь на Родину через «черный континент». Всем, кто летит в Африку, полагалось делать прививки против чумы, холеры и других опасных болезней. Литвинов отправился в военное министерство, где находился специальный медицинский пункт.

Мрачное пятиугольное здание произвело на Литвинова тягостное впечатление. В военно-медицинском пункте врач долго и придирчиво осматривал и выслушивал Литвинова, а затем сказал, что полет не разрешает. Максиму Максимовичу было шестьдесят семь лет, авиация тогда была далеко не совершенной, и длительное воздушное путешествие через океан и пустыни могло тяжело сказаться на его здоровье, если не окончиться трагически. Литвинов настоял, чтобы ему сделали прививку.

Неожиданно возникло и другое препятствие. Решено было, что с Литвиновым в Москву полетит Петрова. Но военное ведомство воспротивилось: военные летчики ни за что не хотели брать в самолет женщину. Это считалось дурным предзнаменованием. После долгих препирательств договорились, что в документах Литвинова будет написано: «Следует советский посол с секретарем». Секретарь мог быть и мужчиной.

Сборы в дорогу, как обычно, были недолгими. Из Вашингтона летели на гражданском самолете до Майами. Оттуда – уже на военно-транспортном самолете до Тегерана.

Во время перелета, который вместе с остановками длился

двенадцать суток, Литвинов познакомился с жизнью американских и английских гарнизонов, разбросанных на огромном пространстве от Майами до Багдада. Впечатления складывались в гигантскую мозаику, очень пеструю и поучительную.

Союзники устроились с большим комфортом. Казармы были хорошо защищены от москитов, разделены на комнаты, рассчитанные на двух человек. В солдатских и офицерских столовых кормили, как в первоклассных ресторанах. А в это время на фронте в три тысячи километров от Мурманска до Кавказа Красная Армия вела тяжелые бои с фашистскими ордами.

Во время остановок в гарнизонах Литвинов выступал с докладами. Рассказывал о положении на советско-германском фронте, о тяготах, которые переживают советские люди, о героизме солдат и офицеров Красной Армии. Говорил о неизбежности победы СССР над гитлеровской Германией. И всегда заканчивал свою речь призывом к скорейшему открытию второго фронта. Слушали внимательно, с интересом, задавали много вопросов.

В Тегеране Литвинов, не задерживаясь, пересел на советский самолет и вылетел в Баку. Здесь фронт был уже близко, затемненный город ощетинился зенитными орудиями. Литвинов хотел сразу же вылететь в Москву, но пришлось ждать ночи, чтобы избежать нападения фашистских самолетов.

В Москву Литвинов прилетел утром. На аэродроме его встречала дочь Татьяна.

Литвинов не знал, что ждет его впереди. Конечно, он понимал, что формально уже давно подошел к тому возрасту, который называют пенсионным, но он никогда не представлял себя вне работы, а те два года вынужденной отставки рассматривал как досаднейший эпизод в своей жизни. Он работал, как работали все люди его склада и образа мышления, не думая ни о возрасте, ни о здоровье.

Он просто не понимал, как может большевик уйти на покой, когда вокруг идет борьба и, быть может, опыт, который он накопил за десятилетия, будет полезен и даже необходим.

С этой твердой верой он вернулся на Родину, которая вот уже почти два года вела смертельную схватку с фашизмом. В невероятных муках и лишениях была достигнута вершина, с которой уже угадывались далекие зарницы победы. Но Литвинов понимал, сколько еще сил, энергии и разума придется приложить его стране, чтобы выиграть войну, а затем добиться прочного и длительного мира. Этой цели он и хотел посвятить остаток своей

жизни.

Эпилог
Последние годы

Летом 1943 года гитлеровское командование предприняло попытку взять реванш за поражение под Сталинградом. Однако это была безнадежная затея. В битве на Курской дуге Красная Армия нанесла еще одно сокрушительное поражение вермахту.

Вынуждены были активизировать свои действия и союзники. Еще в январе 1943 года на встрече Рузвельта и Черчилля в Касабланке было решено после захвата Северной Африки предпринять высадку в Сицилии. Вопрос о вторжении в Европу через Ла-Манш, которое могло бы приблизить разгром Германии, так и остался открытым. Таким образом, открытие второго фронта в Европе вновь откладывалось. 10 июля 1943 года американские войска высадились в Сицилии, а затем в Южной Италии. Режим Муссолини пал. После решающих успехов Красной Армии на Восточном фронте и активизации действий союзников в Южной Европе можно было ожидать скорого выхода из войны и других стран. В Москве, Вашингтоне и Лондоне начали готовиться к большой встрече на высшем уровне – к Тегеранской конференции. Дипломаты снова выдвигались на авансцену политической жизни.

Полгода Литвинов продолжал числиться послом в Америке. Молотов его почти игнорировал. Лишь иногда, когда возникал какой-нибудь сложный дипломатический вопрос, обращался к Литвинову за помощью, был любезен, называл по имени и отчеству, расспрашивал, советовался. Потом все шло по-старому: грубость, пренебрежение.

А. Я. Вышинский, занимавший тогда пост первого заместителя Молотова, действовал точно так же. Любое предложение Литвинова встречал в штыки или игнорировал. Старался во всем потрафить Молотову. Главным для него было желание угодить руководству. Как-то на заседании обсуждался важный внешнеполитический вопрос. Вышинский изложил свое мнение, с жаром защищал его. Молотов поморщился. Вышинский тут же переориентировался и выдвинул предложение, исключающее предыдущее. Литвинов не вытерпел, резко заметил:

– Слушайте, Вышинский, вы ведь только что предлагали прямо противоположную идею.

Молотов замял спор.

Еще до того, как это было окончательно решено, Литвинов понял, что в Соединенные Штаты больше не поедет. 23 мая 1943

года он писал сыну Михаилу: «Мой дорогой Мишук! По вызову начальства прибыл сюда 21 апреля… Маму оставил в Вашингтоне, но она, вероятно, уже сбежала в Нью-Йорк, который она всегда предпочитает столице… Она опубликовала несколько статей в журналах, снабдив их собственными иллюстрациями, затем выпустила новое издание „Хис мастерс“ под новым названием „Москоу мистери“, с большим предисловием. Книга имеет больший успех, чем в Англии…

Ехал сюда в предположении, что обратно в США не поеду. Не могу еще сказать, насколько это предположение оправдается. Если нет, то все же думаю повидаться с тобой. Какой-то твой товарищ сказал Тане, что ты будешь здесь 4 июня. Раньше этого числа, во всяком случае, не уеду. Если понадобится, то буду хлопотать перед твоим начальством о разрешении тебе слетать сюда на несколько дней…

В ожидании скорой встречи кончаю.

Крепко целую. *Твой папа».*

В конце лета 1943 года послом в США был назначен А. А. Громыко. Литвинов оставлен в Москве на посту заместителя наркома иностранных дел. В последние военные годы он участвует в обсуждении важнейших внешнеполитических вопросов, возглавляет комиссию по подготовке мирных договоров, принимает экзамены в Высшей дипломатической школе, составляет ноты, выступает с предложениями по вопросу о послевоенном устройстве мира. Его имя упоминают в сообщениях о дипломатических приемах, за пределами официальных кругов полагают, что он входит в круг дипломатов, решающих государственные проблемы. Незадолго до конца войны на прием в английское посольство прибыл Сталин. На этом приеме присутствовали многие советские дипломаты, в том числе и Литвинов. Неожиданно Сталин подошел к Литвинову, приветливо поздоровался и предложил выпить на брудершафт. Все вокруг замерли. Литвинов ответил:

– Товарищ Сталин, я не пью, врачи запретили.

– Ну ничего, – сказал Сталин, – считайте, что мы выпили на брудершафт.

На следующий день Литвинова переместили в другой, более просторный кабинет, рядом с Вышинским.

Летом 1944 года открылся второй фронт. Начался завершающий этап второй мировой войны. Советские войска освободили Польшу, Болгарию, Венгрию, Австрию, Северную Норвегию, подошли к границам Германии. Огромные усилия советского народа, его армии, усилия союзников наконец-то привели к тем результатам, ради которых сражались и умирали

десятки миллионов людей.

В ночь с 8 на 9 мая 1945 года был подписан Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Мир ликовал. Москва салютовала победителям, в небе рассыпались сверкающие гирлянды фейерверков. Старый дипломат думал о будущем. В тот день он написал на экземпляре газеты «Известия» над опубликованным Актом о капитуляции: «Мише, Павлу и моему дальнейшему потомству на память о сегодняшнем историческом дне разгрома материальных сил фашизма».

Какая точность политической формулировки! В ликующий, солнечный первый мирный день он смотрел в будущее. Ради счастья грядущих поколений призывал к бдительности, напоминал, что разгромлены материальные силы фашизма, но тлетворный дух его, гнусная идеология не искоренены.

После победоносного завершения Великой Отечественной войны Литвинов еще около года работает в Наркоминделе. Чем занимается Литвинов, что тревожит его, о чем он думает?

После страшных испытаний, принесенных войной, народ возрождает страну к мирной жизни. Восстанавливаются заводы, фабрики, строятся дома. Целые города поднимаются из руин. Литвинов счастлив видеть это, слышать о новых успехах. В Донбассе инженеры и рабочие совершают чудо – восстанавливают взорванную домну, которая наклонилась при взрыве, но не упала. Через Днепр наводят новый мост, появляются сообщения о строительстве жилых кварталов в Киеве, Смоленске, Великих Луках, Минске. Литвинов делится с друзьями этими сообщениями, радуется. Его мысли целиком заняты будущим Родины, укреплением ее международного положения на основе того громадного авторитета, который был накоплен Советским Союзом за годы войны против фашизма.

Литвинов пишет докладные записки в правительство, Сталину, предлагает планы, проекты. Подготовил большое письмо, в котором подробно изложил план заключения государственного договора с Австрией, одной из первых жертв гитлеровского фашизма. Урегулирование австрийского вопроса Литвинов считал важной внешнеполитической задачей Советского Союза.

На февраль 1946 года были назначены первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР. Литвинова выдвинули кандидатом в депутаты. Но уже не в Ленинграде, где он баллотировался два десятилетия, а в городе Кондопоге Карело-Финской республики. В биографии М. М. Литвинова, представленной избирателям 283 избирательного округа Карело-

Финской ССР, было сказано много теплых слов о революционной, государственной и дипломатической деятельности Максима Максимовича: «Враги Советского Союза, враги мира и прогресса не раз испытали на себе силу литвиновской логики, литвиновского сарказма и остроумия. Тов. Литвинов является выдающимся деятелем, одним из старых большевиков. Он пользуется огромным авторитетом во всем мире… Старейший большевик, выдающийся деятель советского государства и советской дипломатии, Максим Максимович Литвинов является достойным кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Он много и плодотворно работает над укреплением дружеских отношений со всеми странами мира, усилением влияния Советского Союза по разрешению вопросов послевоенного устройства».

Литвинов из-за болезни не мог встретиться с избирателями, прислал письмо, которое опубликовала республиканская газета «Ленинское знамя». Горячо поблагодарил за оказанную честь, сказал об огромных задачах, которые стоят перед страной после одержанной победы, и закончил свое письмо следующими словами: «Я обещаю вам предназначенный мне остаток жизни по-прежнему отдавать беззаветному служению интересам нашей дорогой Родины, добросовестному выполнению в меру моих сил и умения той работы, которая мне будет поручаться партией и правительством».

10 февраля Литвинова избрали депутатом Верховного Совета СССР. На I Всесоюзном съезде Советов в декабре 1922 года Литвинов был избран в состав ЦИК. Последнее избрание в 1946 году завершило его пребывание в высшем органе Советского государства.

17 июля 1946 года Максиму Максимовичу Литвинову исполнилось семьдесят лет. В отличие от 60-летия, которое он встретил в Эвиане, теперь все было по-другому. Никаких официальных телеграмм и приветствий.

Впрочем, о нем вспомнили. На следующий день Литвинову позвонил Деканозов, также занимавший пост заместителя наркома, сказал:

– Приходите, жду вас.

Их кабинеты находились в разных крыльях здания. Литвинов поднялся на три этажа, потом прошел в кабинет Деканозова. Тот был немногословен. Без обиняков перешел к делу:

– Мне поручили сообщить, что вы освобождены от работы.

Так закончилась дипломатическая деятельность Максима Максимовича Литвинова.

Все же брудершафт, предложенный Сталиным в английском

посольстве, продолжал оказывать свое магическое действие. Литвинову предложили «стать» академиком. Он отказался:

– Какое отношение я имею к Академии наук? Не считаю возможным даже говорить на эту тему.

Теперь уже окончательно можно подвести итоги прожитой жизни. И право, ему есть что вспомнить, есть, чем гордиться. Раньше у него никогда не оставалось времени для себя, да и потребности особой не было, его жизнью была работа. Теперь все свое время Литвинов отдает книгам, перечитывает всего Пушкина, углубляется в историю французской революции. Много читает английских авторов – романы Диккенса и Теккерея, увлекается романистом 70-х годов XIX века Антони Троллопом, перечитывает биографические романы французского писателя Андре Моруа, особенно ему нравятся «Карьера Дизраэли» и «Премьер-министр». Эти произведения помогают ему переосмыслить английскую политику за последние десятилетия, ее непоследовательность, приведшую к многим провалам и поражениям. Внимание привлекает фраза из романа Троллона «Премьер-министр»: «Для того чтобы выйти на первое место в государстве, надо быть человеком посредственным и лишенным щепетильности». Литвинов отмечает на полях книги: «Узнаю английских премьер-министров».

Его часто можно видеть в Ленинской библиотеке. Как и всюду, он ходит туда пешком. Автомобиль у него отобрали сразу же после отставки. Возле дома на улице Серафимовича, где живет Литвинов, стоянка такси. И каждый день происходит одно и то же: как только Литвинов появляется на тротуаре, к нему устремляются машины, открываются дверцы, и шоферы предлагают:

– Садитесь, Максим Максимович, подвезем в любое место, об остальном не беспокоитесь.

Литвинов благодарит и всегда отказывается.

О заботе, проявляемой таксистами, стало известно. А. А. Жданов отругал Деканозова, приказал дать Литвинову автомобиль.

Иногда по большим праздникам Литвинова приглашают на приемы. Последний раз это произошло в начале 1947 года. Известный английский журналист и публицист Александр Верт, автор книги «Россия в войне 1941–1945», пишет: «Возможно, самым упорным сторонником „мягкой“ политики был Литвинов, который даже в 1947 году продолжал оставаться на своих позициях. Я беседовал с ним на приеме, который дал Молотов по случаю Дня Красной Армии в феврале 1947 года…

В этот момент мимо нас прошел Вышинский и бросил на нас

обоих исключительно недобрый взгляд. Литвинов никогда больше не появлялся ни на каких дипломатических приемах. Неосторожные замечания, сделанные на том же приеме Айви Литвиновой, притом так громко, что их мог слышать каждый, очень не понравились к тому же и Молотову».

Теперь уже совсем редко его приглашают только на собрания, посвященные революционным юбилеям. Иногда он выступает в Центральном музее Революции СССР и Центральном музее В. И. Ленина. Делится воспоминаниями о побеге из Лукьяновской тюрьмы, о годах «Искры». Потом перестали приглашать и на эти вечера.

Но люди Литвинова не забыли. Ему шлют письма, телеграммы, обращаются за советами, выражают добрые пожелания. Вот одно из таких писем:

«Здравствуйте, Максим Максимович!

Поздравляю Вас с наступающим Новым, 1948 годом! От всей души желаю Вам долгих лет жизни.

Извините за письмо, ибо оно написано Вам человеком, которого Вы совершенно не знаете, но который знает Вас. С каждым годом из ленинской гвардии остается все меньше и меньше славных представителей, как Вы. Но память о Вас никогда не померкнет. Ваше оружие, которое Вы привозили через Финляндию, с которым был свергнут царизм, с которым были отбиты волны интервенций, Ваши пламенные речи с трибуны Лиги наций в Женеве помогали победить в Великой Отечественной войне, помогут победить и в грядущих боях за всемирный коммунизм.

Желаю Вам, дорогой Максим Максимович, еще и еще раз счастливого Нового года.

Слава! Почет! Признательность старой ленинской гвардии большевиков от ее воспитанников!

Слава Вам – седому подпольщику – пламенному революционеру!»

На склоне лет Литвинов начинает составлять словарь синонимов, на это уходит два года. Когда словарь был готов, он послал в издательство предложение познакомиться с материалом. Ему долго не отвечают. Потом приходит отказ. Нет, с ним не заключат договор. Может быть, он возьмет себе в соавторы человека, известного в области филологии, тогда и будет разговор.

Потом прислали письмо, предложили написать рецензию на шведско-русский словарь. Как к любому делу, Максим Максимович отнесся к этому предложению вполне серьезно. Считая свои познания в шведском языке недостаточными,

отказался. 16 июня 1948 года он пишет Коллонтай:

«Дорогая Александра Михайловна!

Мое письмецо Вы, надеюсь, получили. Сейчас пишу деловое.

Мне предложило издательство написать рецензию на шведско-русский словарь. Должен был, к стыду своему, признаться в своем невежестве. Но вот осенила меня мысль: не возьметесь ли Вы за сие дело? Речь идет об оценке словаря (не для печати, а для самого издательства: стоит ли печатать). Составлен словарь моей бывшей сотрудницей Милановой. Думается мне, что издательство было бы обрадовано, если Вы затем согласитесь редактировать словарь».

Переписка с Коллонтай становится все оживленнее. В общении друг с другом они находят радость. И переписку прекращает лишь кончина Литвинова.

Александра Михайловна тогда усиленно работала над своими записками. Обычно она сама передавала Литвинову свои литературные труды или делала это через свою сотрудницу Ларису Ивановну Степанову. Литвинов был первым критиком записок, давал советы, вносил предложения, иногда не соглашался с тем или иным положением. 23 июня 1949 года он писал ей:

«Дорогая Александра Михайловна!

Спасибо за письмецо. Выражаю сочувствие по случаю бесцеремонной погоды, которая мало приятна и нам, горожанам.

Вернул Ларисе Ивановне все Ваши тетради. Воздерживаясь, согласно Вашей просьбе, от похвал, должен, однако, сказать, что читаю Ваши записки с неослабевающим интересом. Запоздало сочувствовал Вам в ваших заботах о селедке, треске и тюленях, которым Вы должны были уделить внимание наряду с лирическими отступлениями и поэтическими описаниями красот природы. Вы, конечно, влюблены в Норвегию. Я всегда жалел, а теперь еще больше жалею, что она осталась в стороне от моих многочисленных экскурсий по Европе. Собирался туда каждое лето, но так и не собрался. Что же, человеку всегда суждено умереть, чего-то не совершив и не доделав.

А сколько позабытых эпизодов и лиц Ваши записки воскресили в моей памяти! Большущее Вам спасибо. Нечего и говорить, что буду бесконечно благодарен Вам за дальнейшую литературу этого рода. Крепко жму руку и желаю здоровья и хорошей июльской погоды.

Ваш Литвинов».

Летом 1949 года Литвинов уезжает в Кемери, надеясь подлечить на этом прибалтийском курорте застарелый

ревматизм, полученный еще в тюремные годы.

Здесь ему все знакомо. Через Прибалтику он отправлял оружие в Россию из Германии и других стран. В Риге были явки, перевалочные базы. Туда слали ему письма Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

В Кемери Литвинов встретился с Майским и бывшим помощником Чичерина Короткиным. Вместе они часто гуляли вдоль берега моря. Как-то вечером, в предзакатный час, они втроем сидели на берегу. Разговорились о прошлом. Литвинов скупо отвечал на вопросы. Потом мягкая улыбка осветила его лицо, и он сказал своим спутникам:

– А с Георгием Васильевичем я впервые встретился в 1904 году. После катастрофы с «Зорой» Чичерин потребовал в ЦК РСДРП, чтобы создали комиссию для расследования причин гибели «Зоры», а меня привлекли к ответственности. Комиссию создали, и Георгий Васильевич даже специально приехал из Парижа в Брюссель, где заседала комиссия ЦК… Мои действия признали правильными… Георгий Васильевич уехал в Париж, и мы с ним встретились уже в Лондоне… Громадный был человек. Своеобразный.

Улыбка долго не сходила с лица Максима Максимовича. Он думал о давно ушедших годах…

В Риге и Кемери Литвинова узнавали, останавливали на улицах. Он писал Коллонтай 2 августа 1949 года: «Пишу Вам в пространство, не зная, где Вы сейчас находитесь, – в Москве или в Чкаловской. Хочу надеяться, что, несмотря на гнилое лето, Вы чувствуете себя окрепшей и извлекли все ценное из своего пребывания на лоне природы.

Как в Москве, так и здесь приходится бороться за грязь, в которой мне отказывали было. В общем, битва за грязь выиграна, но толку мало, даже никакого. Никакого улучшения пока не чувствую. Утешают меня, что эффект может сказаться спустя некоторое время уже в Москве. Что ж, вооружимся оптимизмом и утешимся. Ничего более не остается…

Отвлекаясь от безрезультатного лечения, должен сказать, что во всех других отношениях здесь было хорошо. Внимание и уход не оставляют желать лучшего. Чувствую себя все время свадебным генералом. Воздух отличный, есть общество, кино и другие развлечения. Много ли человеку нужно…»

Медленно тянутся дни и недели. Литвинов уже никуда не обращается с предложениями по вопросам внешней политики. В лучшем случае они будут рассматриваться как писания чудака. И он навсегда умолкает как дипломат. Лишь изредка в кругу близких друзей, в беседах с Коллонтай высказывает свои мысли,

говорит о том, как бы он поступил в том или ином случае. Александра Михайловна молча выслушивает его, пораженная ясностью мысли, дальновидностью, умением видеть суть проблемы и предугадать развитие событий.

Скупые записи, сделанные секретарем и личным другом Александры Михайловны Эмми Генриховной Лоренсон, позволяют понять, что в те годы волновало и тревожило двух старейших советских дипломатов. Вот запись от 8 июля 1950 года: «Был сегодня у нас Максим Максимович. Пришел на чашку чая по приглашению Александры Михайловны. Он сильно обеспокоен положением в Германии. Меньше его мысли заняты Израилем и Югославией». Но его мысли и предположения не уйдут дальше квартиры Коллонтай на Большой Калужской улице. Оборвалась последняя нитка, связывающая Литвинова с дипломатическим ведомством: его сняли с партийного учета в Министерстве иностранных дел, перевели в парторганизацию домоуправления по месту жительства. Уже больше полувека, как он в партии. Дату эту никто не отметил. Забыли. Но он не забыл о своих обязанностях, аккуратно посещает партийные собрания, никогда не опаздывает. Он просто не умеет опаздывать. В парторганизации домоуправления обсуждают вопрос о ремонте канализации, водопровода. Прения развертываются по поводу неработающего лифта в двенадцатом или третьем подъезде. Литвинов слушает. Иногда выступает.

Время не изменило литвиновского характера. В те годы началась кампания против космополитов. Это отразилось на облике квартиры Александры Михайловны. В ее кабинете висели портреты с дарственными надписями от шведского короля Густава-Адольфа, хранились различные подарки и сувениры. Когда в печати стали появляться статьи против «преклонения перед иностранщиной», Александра Михайловна сняла портреты и убрала все зарубежные подарки. Литвинов не мог этого не заметить и, конечно, высказал ей свое недоумение.

Этот инцидент, безусловно, не мог поколебать многолетнюю дружбу двух старых революционеров. Они по-прежнему часто видятся, продолжают переписываться. В письме из санатория в Барвихе Литвинов сообщает Коллонтай:

«Дорогая Александра Михайловна!

После нашего последнего телефонного разговора я получил Ваше письмо. Рад был узнать из него, что продолжаете работу над Вашим архивом.

Мои выступления имеются в двух изданиях: в сокращенном и дополненном, насколько помнится, под названием «В защиту мира». Когда вернусь в город – сообщу Вам точнее. У меня,

кажется, сохранился экземпляр. Найдется, конечно, и в библиотеке МИД, если Вам срочно нужно.

Чувствую себя хорошо. Не столько от общества людей, сколько от растительности и воздуха. Гуляю много, но меньше, чем в предыдущие годы. Ремонтирую ноги. Очень жаль, что Вас здесь нет.

Повезло мне в отношении комнаты. Главное: в ней имеется телефон и радиоприемник, благодаря которому могу следить за несуразностями, что творятся на белом свете».

В ту осень в Барвиху приехал еще кое-кто из старых друзей. Как-то во время обеда в столовой произошел инцидент, о котором долго вспоминали. За столом рядом с Литвиновым оказался молодой человек, достигший высокого служебного поста и потому попавший в правительственный санаторий. Ему все не нравилось. Он по нескольку раз гонял официантку на кухню: то тарелка ему не нравится, то еда не так приготовлена, то еще что-нибудь не по его нраву. Литвинов не выдержал, стукнул кулаком по столу с такой силой, что ложки и вилки полетели на пол, и, глядя в упор на новоявленного барина, сказал:

– Иные молодые люди стали слишком требовательными. Но я хотел бы знать, что они дали Советской власти!..

Коллонтай часто упрекала Литвинова за то, что он не пишет мемуаров. Считала, что история революционной и дипломатической деятельности Литвинова будет очень важна для будущих поколений, для их воспитания на традициях ленинской партии. С просьбой засесть за мемуары к Литвинову обращались и многие другие товарищи. Максим Максимович либо отмалчивался, либо отвечал односложно: не привык писать.

Летом 1950 года из Лондона в Москву приехал давний знакомый Литвинова Эндрю Ротштейн. Только что в Англии пришло к власти второе после войны лейбористское правительство, получившее на выборах крохотный перевес. Литвинов подробно расспрашивал своего гостя о положении в Англии, интересовался настроениями английской интеллигенции.

– Почему не пишете мемуары? – спросил Ротштейн. И снова Литвинов ответил кратко:

– Не время писать воспоминания.

16 ноября 1950 года пришло письмо от Александра Трифоновича Твардовского, тогда исполнявшего обязанности секретаря Союза писателей. Он просил прибыть на торжественный вечер, посвященный 50-летию выхода первого номера ленинской «Искры». «Ваши воспоминания, – писал Твардовский, – связанные со столь знаменательной датой, нам,

советским писателям, очень дороги».

К Твардовскому Литвинов поехал…

Это еще более воодушевило Коллонтай. В последние дни декабря 1950 года она снова прислала письмо, просила «все же взяться за мемуары». 18 января 1951 года Литвинов ответил ей: «Дорогая Александра Михайловна!.. Писать я, увы, разучился (физически), ибо за все время после революции я ничего от руки не писал и привык диктовать стенографистке. Теперь же диктовать некому. Так что следовать Вашему совету уже по этой причине не могу, не говоря о более серьезных причинах…» А одному очень близкому другу Литвинов ответил:

– Утром пишу, вечером рву.

Так он и не написал мемуаров.

Задумывался ли Литвинов над тем, как его долгую революционную и дипломатическую деятельность оценят потомки? Да, безусловно. Незадолго до кончины он написал несколько писем своей внучке, где в аллегорической форме поучает ее, как надо жить на свете, говорит о смысле жизни, о справедливости и честности. В одном их этих последних писем есть такие строки: «Пусть… продажные историки сколько угодно игнорируют меня, вычеркивают мое имя из всех своих трудов и энциклопедий…» Но в конце письма он высказывает надежду, что настанет время, когда вспомнят и о нем…

Литвинов постоянно обращался к трудам Владимира Ильича Ленина, а в последние годы это стало органической потребностью. Максим Максимович читает все, что написано о Ленине, и с горечью убеждается, что книг об Ильиче мало. А интерес к его личности огромный. В начале лета 1951 года Коллонтай прислала Литвинову книгу воспоминаний Надежды Константиновны Крупской о Ленине, которую он не смог достать в библиотеке. 2 июля Литвинов пишет Коллонтай:

«Дорогая Александра Михайловна,

с большой благодарностью возвращаю воспоминания Крупской. Читал или скорее перечитал запоем. Как много картин из собственного прошлого вставало в памяти. Как много сочувствия вызывают переживания, сильные переживания Ильича, и до чего же он был humane.[47]

Трудно, однако, отделаться от чувства досады, что Крупская ограничилась такими отрывочными, случайными и неполными воспоминаниями. Учитывая ее близость к Ильичу и ее функции его бессменного секретаря, можно было бы ожидать более полного и разностороннего описания эпохи. Кому бы написать историю партии, если не Крупской?

Что ж, спасибо и за эту книжку, являющуюся ценнейшим

вкладом в историю партии и родины. Жаль, что она недоступна нашей молодежи, так мало знающей Ильича как человека, и что нет продолжения…»

В июле 1951 года Литвинову исполнилось семьдесят пять лет. Об этом вспомнили только самые близкие друзья. Поздравили, пожелали здоровья. Литвинов держался бодро, проявлял интерес ко всем сторонам жизни. Доктор исторических наук Анатолий Филиппович Миллер свидетельствует: «В те дни я встретил Максима Максимовича на даче академика И. М. Майского в Мозженке возле Звенигорода. Я как раз собирался съездить в Бородино, чтобы посмотреть поле и музей. Литвинов сказал, что тоже хотел бы туда съездить. Мы все вместе на моей машине отправились в Бородино. Когда выходили из автомобиля, Литвинову подали руку, чтобы помочь ему. Он обиделся, сказал: „Я еще не развалина. Вот ишиас меня только мучит, а так я не жалуюсь“. Он сам подал руку даме, помог выйти из автомобиля.

Когда мы шли по Бородинскому полю, моя жена спросила у Литвинова: «Вы, Максим Максимович, конечно, мемуары пишете?»

Литвинов саркастически улыбнулся, ответил: «Яне сумасшедший, чтобы писать мемуары».

Во второй половине 1951 года Максим Максимович часто болеет. Он уже не выходит из дому. Доктор Краузе, еще в начале 30-х годов предрекавший ему близкую кончину, основательно ошибся. Могучий организм Литвинова борется с недугом и на восьмом десятке. Все же постепенно сердце сдает. Теперь его переписка с Коллонтай чем-то напоминает записки врача – в ней рецепты, советы. И вдруг вопрос: что будет с Кореей? И далее его мысли, выводы, прогнозы. Когда Литвинову становится легче, он читает любимых поэтов, снова и снова перечитывает историю французской революции и последние работы Ленина. Именно у Ленина он ищет ответы на многие мучающие его вопросы.

В декабре 1951 года Литвинов окончательно слег: третий инфаркт. Врачи требовали полного покоя, а он все пытался встать, просил, чтобы ему дали книги. Если книг не давали, молча лежал, думал или слушал радио. Приемник стоял возле кровати. Вырезал из какого-то старого журнала фотографию Сталина, прикрепил ее к стенке приемника. Смотрел на фотографию, потом переводил взгляд на бюст Рузвельта, который стоял на письменном столе.

Что жгуче тревожило его в те последние годы жизни? Уже поднялся атомный гриб над Хиросимой – первый шаг к всемирной катастрофе. Опытный дипломат, он ясно видел омраченное будущее и мысленно строил контуры политики,

которая может остановить сползание к пропасти. Он, прокладывавший путь к сближению с американским народом, понимал, как важно укрепить взаимное доверие между великими государствами. И, вероятно, не раз мысленно возвращался к последней встрече с президентом Франклином Делано Рузвельтом апрельским вечером 1943 года.

Литвинов ни с кем не делился своими мыслями. Все, что он думал в эти долгие часы, ушло вместе с ним. Еще два года назад он написал письмо Сталину. Нет, он пишет не о себе, у него нет обид. Он думает о будущем Родины, излагает свои мысли о внешней политике Советского Союза, вносит предложения.

В конце письма две строчки о семье: «Прошу не оставить в беде жену и детей».

В последние дни декабря наступило резкое ухудшение. 31 декабря медицинская сестра не отходила от его постели. Он умирал. Его последние слова были: «Скорей бы. Скорей…»

Хоронили Литвинова 4 января 1952 года. Накануне в «Правде» появился краткий некролог. Сообщили, что гроб с телом покойного установлен в конференц-зале Министерства иностранных дел. Был лютый мороз. Люди шли с цветами. Но кто-то сказал, что цветов не надо. На гроб положили венок от Министерства иностранных дел. Старые оольшевики, соратники Литвинова, собрали деньги на венок. Но появился человек в штатском, с военной выправкой. Сказал: «Есть мнение, что венка от старых большевиков не надо». Деньги вернули.

У Новодевичьего кладбища собралось множество людей, но ворота оказались закрытыми. Кто-то спросил: «Кого хоронят?» Ему ответили: «Папашу».

Прошло шестнадцать лет после кончины Литвинова. Советская страна, пройдя через многие испытания, одержав исторические победы, праздновала свое 50-летие. В тот год на могиле Литвинова была установлена гранитная стела с барельефом. Скульптор точно передал его облик: мягкие черты лица и острый взгляд, устремленный в будущее.

notes

Примечания

1

\ Все даты до 1 февраля 1918 года даются по старому стилю. (Здесь и далее примечания автора.)

2

Псевдоним Л. Г. Калмансона (1901–1945)

3

Австрийское название Львова.

РУП – Революционная украинская партия.

5

Имеется в виду Л. Б. Красин.

Имеется в виду В. Л. Копп.

7

Имеется в виду Д. С. Постоловский.

8

В результате нападения на тюрьму были освобождены Янис Лацис, член Рижского комитета РСДРП, в столярной мастерской которого при обыске нашли бомбы, и Юлиус Шлессер, рабочий завода «Феникс».

Марк – Р. М. Семенчиков-Захаров, член Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Сын крестьянина, родился 27 сентября 1877 года в деревне Каликино Владимирской губернии, служил в 21-м Мурманском пехотном полку, тайно приехал в Ригу, был кооптирован в состав Рижского комитета РСДРП, работал вместе с Литвиновым. В мае 1905 года Семенчикова арестовали на улице, осудили на 20 лет каторги, отправили в Зерентуйскую каторжную тюрьму, где он погиб.

9

Видимо, речь идет о Б. С. Стомонякове.

10

Имеется в виду А. М. Горький.

11

Есть основания считать, что речь идет о Л. К. Мартенсе.

12

Речь идет о документах Поронинского совещания и других материалах ЦК РСДРП.

13

Загорский Владимир Михайлович (1883–1919) – известный большевик, до первой мировой войны жил в Лейпциге. После Октября – секретарь МК партии.

14

Организационный комитет меньшевиков.

15

На заседании МСБ в декабре 1913 года Р. Люксембург внесла предложение, предусматривавшее объединение большевиков с меньшевиками, за что подверглась резкой критике со стороны В. И. Ленина.

16

Вводить в заблуждение *(нем.)*.

17

Меньшевики – члены IV Государственной думы.

18

Резиденция лейбористской партии *(англ.)*.

19

Большевики – члены IV Государственной думы.

20

Видимо, речь идет о С. И. Гермере, большевике, который находился в Лондоне.

21

Исполнительный комитет МСБ.

22

Ирвинг – один из лидеров Британской социалистической партии (BSP).

23

Квелч – один из руководителей английских социалистов.

При другой возможности *(нем.)*.

Поскольку Плеханов на заседание МСБ не явился и его позиция не была ясна, было решено при голосовании поделить его голос между большевиками и меньшевиками.

Лейбористская партия *(англ.)*.

27

Польская социалистическая партия.

28

Оценка резолюции дана в статье В. И. Ленина «Хорошая резолюция и плохая речь». – *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 24, с. 211–213.

29

Саймон Джон Олсбрук (1873–1954) – министр иностранных дел Великобритании в 1931–1935 годах.

30

Члены Исполкома лейбористской партии.

31

Имеется в виду А. Г. Шляпников.

32

Речь идет о брошюре В. И. Ленина «Социализм и война».

Здесь следует уточнить, что организатором этих комитетов был Эндрю Ротштейи, сын Ф. А. Ротштейна (1871–1953) – советского историка и дипломата, члена КПСС с 1901 года, с 1890 по 1920 год жившего в эмиграции в Великобритании и ставшего одним из организаторов Коммунистической партии Великобритании.

Вот уже многие годы Эндрю Ротштейн является президентом Общества британо-советской дружбы. В 1983 году за заслуги в борьбе за мир и социальный прогресс и в связи с 85-летием со дня рождения он был награжден орденом Октябрьской Революции.

Выслушай и другую сторону *(лат.)*

35

Проект договора с Буллитом от 12 марта 1919 года не вошел в четвертое и пятое издания Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

36

Из беседы автора с бывшим рейхсканцлером Виртом в 1954 году.

37

Япония представляла интересы марионеточного правительства Маньчжоу-Го.

38

Сквирский Борис Евсеевич (1887–1941) – в 1922–1933 годах неофициальный представитель НКИД РСФСР в США, в 1933–1936 годах советник полпредства СССР в США.

39

Имеется в виду государственный департамент США.

40

Из беседы А. И. Микояна с автором.

41

Запись этой беседы была сделана секретарем Литвинова А. В. Петровой под его диктовку.

42

См.: Правда, 1939. 1 ноября.

43

Из беседы автора с Е. А. Гнединым в 1966 году.

Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., 1952, с. 53.

45

Лоуренс Томас Эдуард (1888–1935) – английский разведчик, действовавший в арабских странах. Вел подрывную деятельность против СССР, в 30-е годы сблизился с английскими фашистами.

Содержание беседы предоставлено автору переводчиком И. В. Сталина В. Н. Павловым.

Человечный *(лат.)*.